А. И. Маркушевич

ЖИЗНЬ СРЕДИ КНИГ

«КНИГА»

А. И. Маркушевич ЖИЗНЬ СРЕДИ КНИГ

EXIC
THEMATIC
HOC EST
mnium ad vniuerſam pla
quo modo, directè, vel in
ſpectantium,
ECTIO, ET EXPL
rminorum; præſertim exoticorum
ationem, atque Etymologiam, Pri
la, Axiomata, &c. ac breuem,
rina traditionem; adiectis, vbi
chematibus, ad pleniorem Tyr
intelligentiam.

APOLLO
NII PERGEI PHI
LOSOPHI, MATHEMA-
TICIQVE EXCELLENTISSIMI:
Opera Per Doctiſſimū Philoſophum
Ioannem Baptiſtam Memum Pa
tritium Venetum, Mathemati-
charumq; Artium in Vrbe
Veneta Lectorem Public
cum. De Græco in La
tinum Traducta.
& Nouiter Im
preſſa.

Cum Summi Pontificis Senatusq; Veneti Privilegio.

ARISTIDES · DEMOSTH · PLATO · ARISTO · EVRIPID · ARISTOPH

PLVTARCH · LVCANVS

CICERO · QVINTIL

PLINIVS · A · GELLIVS

ВЕЛИКОЛѢП
РУССКАЯ АЗБУК
ПОДАРО
ДЛЯ ДОБРЫХЪ ДѢТЕЙ.

№ 1.

У издателя, Надворнаго Совѣтника ст. тур.

С. Петербургъ.

GEOMETRIE.

LA GEOMETRIE conſiderée comme une partie
matique pure, eſt la ſcience de la Grandeur par ra
même, ſans y comprendre aucun mélange de ſujet
re ſenſible.

La GRANDEUR eſt une quantité qui a de l'étendue, & do
ſont jointes enſemble, & alors on la nomme *Quantité continue*
diviſe en *Permanente*, & en *Succeſſive*.

La *Quantité continue permanente* eſt celle dont les parties ſe
ſemble par des liens communs, par rapport à l'eſpace, ou au li
cupe: comme les *Lignes*, les *Plans*, & les *Solides*.

La *Quantité continue ſucceſſive* eſt celle dont les parties ſont
ble par rapport au *tems* dans lequel elles ſubſiſtent.

Le TEMS eſt la durée d'un écoulement continu de pluſieurs
la durée d'un mouvement uniforme & ſans interruption.

Le MOMENT, ſelon le commun, eſt une partie tres-petite du
ſelon les Mathematiciens, c'eſt une partie indiviſible du tem
que le moment eſt à l'égard du tems, ce que le point Mathem
l'égard de la ligne.

La Geometrie ſe diviſe en *Speculative*, & en *Pratique*.

GEOMETRIE SPECULATIVE.

LA *Geometrie Speculative* conſidere ſimplement les propriete
tité continue. Elle a ſes Elemens, qu'on apelle *Elemens d'*
quels ſont un amas de pluſieurs Propoſitions Problematiques &
riques, tirées les unes des autres, & démontrées par les premie
dont nous avons parlé au commencement de ce Livre. Outre
il y a les Livres de la Sphere & du Cylindre, de la dimenſion
de la Quadrature de la Parabole par *Archimede*. Les Coniques
& les Cylindriques de *Serenus*, les Spheriques de *Theodoſe*,
autres, qui ſe demontrent par les Elemens d'Euclide.

Le *Point Mathematique*, ou *Indiviſible*, eſt ce qui n'a
c'eſt-à-dire ... ni aucune largeur, ni

...чи площа-
...сниковъ под-
...ой-же ревъ
...ки, вонъ и
...смолкаемый
... надъ Пари-
...была душная
...онъ дома къ
... черезъ не-
...нулисѣ ра-
...гонька.
...ета Сергѣ-
...ъ и я, спу-
...ъ Монмарт-
...лисѣ на пло-
...анѣ, глядя на
...щи въ при-

рочномъ свѣтѣ ...
ары.

Подтанцовы...
также фонарики ...
чечевомъ помостѣ ...
лыхались высоко ...
головой нитки цвѣт...
огней, и мансарды, ...
ши, и каминные ...
какъ-будто тоже ...
чивались.

Происходило ...
оттого, что Елиза...
Сергѣевна, Максъ ...
возвращаясь съ ...
мартра, заходили в...
бары по пути и въ ...

...вали себѣ рюмочку виноградной водки съ настойко...
...одинѣ — cassis-aux-marc.

...ета Сергѣевна была одѣта въ мужской

Максъ, одѣтый какъ обыч-
но, велъ за собой велосипедъ.

Я, вѣроятно, былъ таковъ
14-го июля:

Молча и сосредоточенно
глядѣли мы на танцующихъ. Въ
это время изъ за спины толстой
консьержки, сидящей на склад-

...ΟΥΔΕΙΣ ΑΓΕΩΜΕΤΡΗΤΟΣ ...

M. PLATONI ...

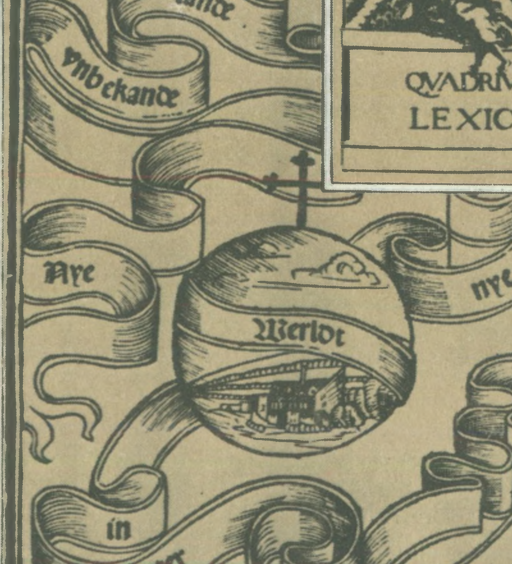
ACADEMIA

H...
QVADRIVIV...
LEXICO...

Six le...

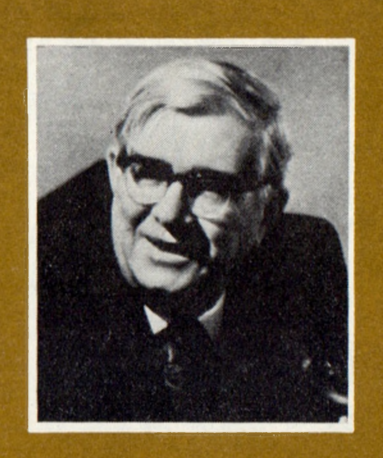
Journal de ...
St. Petersbourg ...

En, 17...

Всесоюзное добровольное общество
любителей книги

А.И.Маркушевич

ЖИЗНЬ СРЕДИ КНИГ

МОСКВА
"КНИГА"
1989

ББК 76.11
М 26

Составитель
Л.А. МАРКУШЕВИЧ

Предисловие
Е.Л.НЕМИРОВСКОГО,
доктора исторических наук

Художник
А.ДЕНИСОВА

М $\frac{4502030000-035}{002(01)-89}$ Изд. ВОК
ISBN 5-212-00232-X

СОДЕРЖАНИЕ

IV. КНИГА И НАУКА

ОДНА, НО ПЛАМЕННАЯ СТРАСТЬ

Алексей Иванович Маркушевич жил на площади Гагарина, напротив известного каждому приезжему магазина "Тысяча мелочей", в небольшой квартирке. Быть может, она и не была столь крохотной, как это на первый взгляд казалось, ибо всю ее, с пола до потолка, занимали книги. Полки с книгами стояли и висели везде — в маленьком коридорчике, в столовой, даже — в спальне. А уж то небольшое пространство, что именовалось библиотекой, было заставлено стеллажами, между которыми крупный Алексей Иванович пробирался с великим трудом.

Однажды меня попросил познакомить с Маркушевичем приехавший в Москву профессор Бруно Кайзер, президент библиофильского Пиркгаймеровского общества, директор библиотеки Института марксизма-ленинизма при ЦК СЕПГ. Просьба повергла меня в сомнения. Я бывал в Берличе в двухэтажном, обвитом ползучими розами особняке Кайзера, видел его великолепную просторную библиотеку. Удобно ли везти иностранца в стандартную московскую квартиру, явно не соответствовавшую высоким чинам и званиям человека, которому она принадлежала, — вице-президента Академии педагогических наук СССР, в недавнем прошлом — заместителя министра?

Мы все-таки поехали, ибо Алексей Иванович, которому я позвонил, сказал, что с большим удовольствием покажет свое собрание библиофилу, о котором так много слышал. В этот вечер из уст Кайзера чаще всего вырывалось понятное и без перевода немецкое слово "kolossal". А затем он спросил у Маркушевича, не боится ли тот жить рядом с такими немыслимыми ценностями? Мы не стали объяснять гостю, что московские грабители еще не доросли до понимания ценности инкунабулов и палеотипов.

Книги, особенно же иностранные, в ту пору еще не воровали.

Библиотека А.И.Маркушевича – явление уникальное. Она была хорошо известна книголюбам и специалистам-книговедам как в нашей стране, так и за ее пределами.

Частные библиотеки лежат в основе многих крупнейших государственных книгохранилищ. У истоков многомиллионного ныне собрания Государственной библиотеки СССР имени В.И.Ленина – коллекция Н.П.Румянцева, насчитывавшая 28 500 томов. Впоследствии в состав Румянцевского музеума поступили собрания А.С.Норова, С.Д.Полторацкого, М.Ю.Виельгорского, В.Ф.Одоевского, М.А.Веневитинова – всего более 50 частных библиотек за первые 50 лет существования Музеума. В колоссальных хранилищах Ленинской библиотеки растворились ныне и сокровища, которые всю жизнь собирал и лелеял Алексей Иванович Маркушевич.

Надо сказать, что меня охватило чувство глубокой печали, когда я увидел эти книги на пронумерованных металлических стеллажах. В доме владельца библиотека была живой, на каждом томе как бы лежал отпечаток неповторимой индивидуальности собирателя. На стандартных стеллажах эта индивидуальность была утеряна.

Мы еще не пришли к пониманию того, что личная библиотека – памятник эпохи, ее породившей. Научная значимость книжного собрания во много раз возрастает, когда человек, владевший им, сыграл значительную роль в истории человеческого общества. Собирая ныне по крупицам сведения о библиотеках К.Маркса и Ф.Энгельса (это сделал профессор Б.Кайзер), о книжных собраниях М.В.Ломоносова, А.С.Пушкина, А.А.Блока, как жалеем мы, что эти библиотеки не были сохранены в нетронутом виде – как они бытовали и функционировали при жизни их владельцев.

Кроме библиотеки В.И.Ленина в Кремле, в Москве, в нетронутом, так сказать, виде, можно обозревать лишь одно частное собрание – библиотеку русской поэзии, составленную профессором И.Н.Розановым и сейчас забот-

ливо сохраняемую Государственным музеем А.С.Пушкина. А вот мемориальный кабинет Н.П.Смирнова-Сокольского, недавно еще существовавший в Ленинской библиотеке, разорен!

Настало время кратко рассказать о жизненном пути Алексея Ивановича Маркушевича, сборник библиофильских и книговедческих трудов которого ныне предлагается вниманию читателей[1]*. Он родился 2 апреля 1908 г. в семье младшего архитектора губернского правления — на берегу Онежского озера, в славном и старинном городе Петрозаводске. Впрочем, детские воспоминания об этом городе в памяти стерлись — в 1916 г. семья переехала в Семипалатинск.*

"У моих родителей не было сколько-нибудь значительной библиотеки, — вспоминал Алексей Иванович, — полка архитектурных книг отца и этажерка русских и зарубежных классиков, да полка наших детских книг. Но я помню, что мне нравилось еще ребенком считать себя библиотекарем и доставать книгу с придуманным высоким номером с какой-нибудь также воображаемой мной 97 полки"[2]*.*

В Семипалатинске будущий книголюб в 1924 г. закончил общеобразовательные курсы по подготовке в высшее учебное заведение, а в 1925 г. — вечернюю школу. Нужно было учиться дальше — ближайшим университетским городом был Ташкент. С городом этим связано многое.

---

[1] О А.И.Маркушевиче см.: Александров П.С., Лаврентьев М.А., Меньшов Д.Е., Шабат Б.В. Алексей Иванович Маркушевич. (К семидесятилетию со дня рождения) // Успехи мат. наук. 1978. Т. 33, вып. 4. С. 229—235; Смирнов К. Алексей Маркушевич — президент общества "СССР — Финляндия" // Культура и жизнь. 1971. № 5. С. 32—33; К семидесятилетию профессора Алексея Ивановича Маркушевича // Книга: Исслед. и материалы. 1978. Сб. 36. С. 126—134; Немировский Е.Л. А.И.Маркушевич и его коллекция инкунабулов // Инвентарь инкунабулов. М., 1979. Вып. 3. С. 5—16; Алексей Иванович Маркушевич // Учит. газ. 1979. 7 июня.

[2] Памятники культуры: Новые открытия: Ежегодник. 1975. М., 1976. С. 117.

Алексей Маркушевич стал студентом Среднеазиатского государственного университета и здесь в 1928–1929 гг. опубликовал свои первые работы. Двадцатилетнего студента волновали математические проблемы – символ Якоби и алгорифм Эйзенштейна. В 1930 г. Маркушевич окончил университет и уже год спустя стал заведующим кафедрой теоретической механики.

Впрочем, в Ташкенте он оставался недолго. Вскоре мы встречаем молодого ученого в стенах Московского государственного университета, где он в 1934 г. успешно защитил кандидатскую диссертацию с "трудным" для непосвященных названием – "Конформное отображение областей с переменными границами, с приложениями к аппроксимации аналитических функций полиномами". Прошло 10 лет, и Маркушевич получил диплом доктора физико-математических наук. С 1938 г. он – доцент, а с 1944 г. – профессор старейшего университета страны.

Мы ни в коей мере не компетентны оценивать успехи и достижения Алексея Ивановича в области математических наук. Отсылаем читателей, которые заинтересуются этим предметом, к специальной литературе[3]*. Скажем лишь, что многие работы Маркушевича относятся к теории функций комплексного переменного. Его основной труд – "Теория аналитических функций" (М., 1967–1968) – ныне считается классическим. Задуманный как учебник, "Краткий курс теории аналитических функций", впервые выпущенный в 1957 г., выдержал ряд изданий. Математические труды А.И.Маркушевича переведены на венгерский и румынский, немецкий и польский, английский и французский, испанский и китайский, да и на многие другие языки.*

Занимаясь специальными теоретическими вопросами, Алексей Иванович с первых же лет своей блестящей карьеры уделял немалое внимание популяризации научных достижений. Истинный ученый всегда стремится к тому,

---

[3]См.: Бородин А.И., Бугай А.С. Биографический словарь деятелей в области математики. Киев, 1979. С. 336–337.

чтобы сделать возлюбленную его сердцем область науки доступной для наиболее широкого круга читателей. Многократно издавались и переиздавались научно-популярные книги А.И.Маркушевича – "Замечательные кривые", "Замечательные синусы", "Возвратные последовательности", "Площади и логарифмы".

Интерес к вопросам популяризации с неизбежностью привел Алексея Ивановича к педагогике. Преподавательской деятельностью Маркушевич занимался на протяжении всей своей жизни, занимался любовно и тщательно. "Ученый, воспитай ученика!" – этот известный призыв никогда не был в его устах общим местом. В учениках продолжается жизнь исследователя, а талантливые люди всегда, хотя и неосознанно, стремятся к бессмертию.

Немалый педагогический опыт требовал обобщения. Один за другим начинают появляться педагогические труды А.И.Маркушевича. Эта область знания стала второй страстью столь молодого – с нашей сегодняшней точки зрения – математика. В 1945 г. 37-летнего ученого избрали членом-корреспондентом, а в 1950 г. – действительным членом Академии педагогических наук.

Педагогическую и научную работу А.И.Маркушевич успешно сочетал с немалой административной: в 1958–1964 гг. он занимал пост заместителя министра просвещения.

Человек, занимающийся наукой и думающий о ее перспективах, с неизбежностью начинает интересоваться историей вопроса. Со временем приходит убеждение, что только здесь он может отыскать решение волнующих его проблем. История через настоящее смыкается с будущим. Тенденции, сформировавшиеся в давние дни, подчас действуют и сегодня. Лишь историческое знание способно приблизить нас к более или менее точному предвидению завтрашнего дня.

История науки становится третьей – после математики и педагогики – страстью Алексея Ивановича. В 1952 г. вы-

ходит в свет его труд "Очерки по истории теории аналитических функций".

Отсюда совсем недалеко до истории научной литературы, а затем – истории книги. Все эти области знания стимулируют книгособирательство. Бывает, впрочем, и наоборот – библиофил приходит к историко-книговедческим штудиям. Так получилось с Н.П.Смирновым-Сокольским; известный эстрадный артист сегодня памятен нам прежде всего своими книговедческими и библиографическими трудами.

Неясные и расплывчатые прежде книжные увлечения А.И.Маркушевича с определенностью формируются в послевоенные годы. Он начинает регулярно посещать антресоли книжного магазина Академии наук СССР на улице Горького – там, где ныне помещается кафе "Москва". На антресолях помещался антикварный отдел. Здесь у начинающего библиофила разбегались глаза от книжных редкостей, цены на которые в ту пору были низкими. "Торговлю там вела, – вспоминал Алексей Иванович, – и каталоги составляла покойная Екатерина Ивановна Эриванцева. Как вспомню сейчас, совестно становится, каким невеждой по части книжного дела был я тогда... а особенно в области западной библиографии. Помню, как с некоторым недоверием и даже скукой я взирал на толстые тома руководства Брюне (речь идет о "Руководстве для книготорговца и любителя книги" Жака Шарля Брюне, которое неоднократно переиздавалось в XIX в. – Е.Н.), – на что, мол, они мне нужны, и как я, по рекомендации Е.И.Эриванцевой, купил потом и Брюне и другие библиографические пособия, без которых, можно сказать, шагу нельзя ступить в собирании европейской книги. На этих антресолях прошел я, принимая во внимание мой зрелый возраст, своего рода книжный рабфак... Ну, а "книжные университеты" пошли потом, и заключались они в самом процессе собирания книг и в беседах со знающими людьми"[4].

---

[4] Памятники культуры: Новые открытия: Ежегодник, 1975. С. 118.

Таких людей А.И.Маркушевич встретил в Секции книги московского Дома ученых, созданной весной 1953 г. по инициативе библиографа Павла Христофоровича Кананова (1883–1966) и историка Виктора Ивановича Шункова (1900–1967). Шунков стал первым председателем Секции. Среди книголюбов и книговедов, которые в ту пору посещали Дом ученых, были такие известные знатоки прошлого и настоящего книги и книжного дела, как Б.С.Боднарский, М.К.Дерунова, А.С.Зернова, В.А.Истрин, Н.П.Киселев, Г.Г.Кричевский, И.Н.Кобленц, К.Р.Симон, А.А.Сидоров. Общение с ними было прекрасной школой для А.И.Маркушевича, отправлявшегося в путь по неизведанному морю книголюбия.

В марте 1955 г. Алексей Иванович сделал первый доклад на Секции книги. Речь шла о макете "Детской энциклопедии" – издательского детища Академии педагогических наук, которым Маркушевич в ту пору много занимался.

Весной 1957 г. А.И.Маркушевич стал председателем Секции книги московского Дома ученых и оставался на этом посту 22 года, до самой своей кончины. "Под руководством столь просвещенного, пламенного библиофила, как А.И.Маркушевич, – писал член-корреспондент Академии наук СССР П.Н.Берков, – работа Секции книги имеет особую направленность – преимущественно в области истории и искусства книги"[5]. В сфере этого круга интересов находились и доклады, прочитанные Алексеем Ивановичем на секции: "Развитие искусства печатной книги XVI–XVIII вв." (доклад состоялся 8 января 1958 г.), "Развитие искусства печатной книги в XVIII–XIX вв." (15 января 1959 г.), "О математических энциклопедиях XVII в." (23 марта 1963 г.), "Об одном новооткрытом произведении польско-литовской военно-технической литературы" (11 мая 1967 г.), "Из истории научной книги на Западе" (22 марта 1968 г.)... Все доклады, сделанные на Секции книги ее председателем, мы здесь

---

[5] Берков П.Н. История советского библиофильства. М.,1983. С.227.

перечислить не сможем. Каждый из них иллюстрировался мини-выставкой — книгами из библиотеки Алексея Ивановича.

Настало время рассказать о библиотеке А.И.Маркушевича, а точнее — о круге его собирательских интересов. Это он сделал и сам — на страницах сборника "Памятники культуры. Новые открытия" — в статье, которую мы уже цитировали. Называлась статья "Библиотека А.И.Маркушевича и А.В.Маркушевич-Ивановской". Алексей Иванович всегда подчеркивал, что он собирал коллекцию вместе с супругой Анастасией Васильевной. Обычно жены относятся критически к библиофильским пристрастиям мужей. Анастасия Васильевна была исключением. Она от души радовалась каждой новой книжной находке Алексея Ивановича и не ворчала на него за то, что подчас, к концу месяца, они не сводили концы с концами: значительная часть немалых заработков А.И.Маркушевича тратилась на книги. Книги он обычно привозил и из своих многочисленных зарубежных поездок.

В статье, о которой шла речь, Алексей Иванович выделил следующие основные разделы своей библиотеки, которая, как он подчеркивал, "имеет энциклопедический характер": рукописи; инкунабулы; первопечатные славянские книги; классические научные и философские произведения; история, география, путешествия (преимущественно в связи с историей России до начала XIX в.); литература и искусство.

Никогда и ни в чем А.И.Маркушевич не стремился к полноте отдельных разделов библиотеки, да при широте его собирательских интересов это было бы немыслимо. Поэтому и не считал себя коллекционером, ибо, утверждал он, "коллекционирование всегда предполагает установление более или менее определенных границ, относящихся к тематике, содержанию, характеру собираемых книг, за пределы которых собиратель не выходит и внутри которых пытается достичь максимально возможной полноты"[6].

---

[6] Памятники культуры: Новые открытия: Ежегодник, 1975. С. 117.

Свое библиофильское кредо Алексей Иванович сформулировал в следующих словах: "Для меня и для жены наша библиотека – это наше продолжение в книгах, реализация возможности расширить, углубить наш духовный мир, многократно увеличить объем памяти, возможность встреч и бесед с интереснейшими людьми всех веков и народов. Каждая вновь приобретенная книга может послужить поводом для расширения тематики нашей библиотеки"[7].

В середине 70-х годов корреспондент газеты "Книжное обозрение" К.И.Ляско организовал и записал наш с А.И.Маркушевичем диалог на тему "Редкость на полке книголюба". Диалог был уже подготовлен к печати, когда на долю Алексея Ивановича выпали неприятности, по причине которых он вынужден был распрощаться со своими престижными постами. Осторожная редакция решила отказаться от публикации диалога; он увидел свет лишь в 1981 г., уже после смерти Маркушевича. Так вот, в этом диалоге Алексей Иванович рассказал об одном характерном случае, показательном для принципов формирования его библиотеки: "Получил я несколько лет назад... предложение участвовать в сборнике "500 лет после Гутенберга". Выбрал тему: ранняя научная книга в Западной Европе. Но обнаружил, что на полках моей библиотеки мало оригинальных изданий, относящихся к западноевропейской научной книге XVII и XVIII вв. Во всяком случае, много замечательных вещей, которые мне бы просто хотелось держать в руках, чтобы писать по первоисточникам, я не обнаружил у себя. И я потратил около полутора лет на приобретение недостающих книг. В результате мое собрание научной книги, бывшее довольно скромным, возросло в несколько раз..."[8].

Рукописей у А.И.Маркушевича было сравнительно немного. Древнейшие из них – латинские молитвенники

---

[7]Там же. С. 118.
[8]Маркушевич А., Немировский Е. Редкость на полке книголюба // Альманах библиофила. 1981. Вып. 10. С. 288.

XIV–XV вв. французского и немецкого происхождения. Гордился собиратель и русским Евангелием середины XVI в. с превосходными миниатюрами. Об "Артиллерии" и других рукописях польско-литовского инженера Наронович-Наронского, созданных в 60-х годах XVII в., Алексей Иванович написал интересную статью, с которой может познакомиться читатель нашего сборника. Ввел в научный оборот Маркушевич и рукописный дневник путешествия графа Г.И.Чернышева из Петербурга в Вену в 1792 г., написанный на французском языке.

Жемчужиной собрания были, конечно, инкунабулы – книги, напечатанные в Европе с начала книгопечатания и до 1 января 1501 г. Коллекционирование инкунабулов, старейших произведений типографского станка! Кое-кому это казалось чудачеством. При редкости их на нашем книжном рынке, при колоссальной стоимости, требующей от собирателя значительных материальных затрат! Собрать в этих условиях 136 книг XV в. и их фрагментов – подвиг, едва ли не героический. Для сравнения укажем, что, например, в Научной библиотеке Ленинградского университета 84 инкунабула, в Центральной библиотеке Академии наук Литовской ССР – 63, в Государственной республиканской библиотеке Литовской ССР – 46. А все это – большие собрания, пользующиеся международной известностью.

Коллекция инкунабулов А.И.Маркушевича представляла продукцию 95 типографий восьми стран – Англии, Бельгии, Германии, Испании, Италии, Нидерландов, Швейцарии и Франции. Был в коллекции один примечательный фрагмент – памятник раннего нидерландского книгопечатания "Зерцало человеческого спасения". Это пример совокупного использования наборной и ксилографической форм с печатанием путем ручного притирания – без помощи типографского станка. Ранее это издание приписывали Лауренсу Янсзону Костеру, сопернику Иоганна Гутенберга в состязании за честь считаться изобретателем книгопечатания. Сейчас, правда, историки склоняются в пользу более позднего происхождения "Зерцала".

Самым ранним изданием, представленным в коллекции, была "Никомахова этика. Политика. Экономика" Аристотеля, выпущенная первым типографом Страсбурга Иоганном Ментелином до 10 апреля 1469 г. Среди инкунабулов, собранных Алексеем Ивановичем, было немало замечательных памятников типографского искусства. Назовем, например, знаменитую "Гипнеротомахию Полифила", выпущенную прославленным венецианским типографом Альдом Пием Мануцием в 1499 г. В этой книге 158 гравюр, которые искусствоведы приписывают Джиованни Беллини. Экземпляр примечателен и тем, что на нем есть владельческая запись немецкого поэта-романтика Людвига Тика.

Несомненный интерес представляет миниатюрное издание нидерландского молитвенника, выпущенного в Цволле Петером ван Ос около 1491 г. Издание это очень редкое. Кроме принадлежавшего Маркушевичу зарегистрирован всего один экземпляр, находящийся в Королевской библиотеке в Гааге.

В 1976 г. Алексей Иванович безвозмездно подарил свою коллекцию инкунабулов Государственной библиотеке СССР имени В.И.Ленина. Об этом щедром даре в свое время много писали[9]*. Из 136 изданий XV в. в крупнейшей библиотеке страны ранее имелись лишь 16. Библиотека выпустила печатный каталог коллекции, к которому автор этих строк написал вступительную статью*[10]*. Каталог находился в печати очень долго, и Алексей Иванович с нетерпением ждал его выхода в свет. Верстку книги я подарил Маркушевичу 29 ноября 1978 г., когда в Московском доме ученых отмечалось его 70-летие и я делал доклад, посвященный его книговедческой и библиофильской деятельности. Но появления из печати каталога Алексей Иванович так и не дождался...*

---

[9] См.: Вестники далеких времен // Известия. 1976. 30 авг.; Дар библиотеке // Веч. Москва. 1976. 29 июня; Тарощина С. Напечатано до 31 декабря 1500 года... // Лит. газ. 1977. 26 янв.

[10] См.: Черкашина Н.П., Биленькая К.Л. Инвентарь инкунабулов. М., 1979. Вып. 3. Коллекция А.И.Маркушевича. 88 с.

Ныне, когда коллекция инкунабулов А.И.Маркушевича стала государственной собственностью, мы в полной мере можем оценить ее научное значение. Мы видим, что Алексей Иванович подходил к своему собирательству во всеоружии превосходного знания источников и справочных пособий. Об этом свидетельствуют и его квалифицированные рецензии на каталоги старопечатных изданий, с которыми читатель может познакомиться на страницах нашего сборника. Любопытно, что в одну из них А.И.Маркушевич внес непривычный для книговедческой литературы математический аппарат, позволивший ему критически рассмотреть полноту сообщаемых в каталоге сведений.

Одним из людей, которые на первых порах руководили Маркушевичем в его плавании по безбрежному океану старопечатной книжности, был Николай Петрович Киселев (1884–1965), крупнейший у нас знаток западноевропейской книги. В 1974 г., когда я готовил "Федоровские чтения", посвященные 50-летию преобразования Румянцевского музея в Государственную библиотеку СССР имени В.И.Ленина, я решил поставить на этой конференции доклады о крупнейших ученых библиотеки. Доклад о Н.П.Киселеве я попросил сделать А.И.Маркушевича, и он сразу же согласился. Мы опубликовали этот доклад в очередном сборнике "Федоровские чтения". Завершая выступление, Алексей Иванович перечислил "скромные звания" Киселева – "Библиолог, Библиограф, Библиофил – с самой большой буквы, какая только найдется в типографской кассе!"[11]. Отметил он "живость ума и чувств" Киселева, образность и экспрессивность его языка. Все это в полной мере можно отнести к самому Маркушевичу. Читатель издаваемого ныне сборника может убедиться, что взволнованно написанные, образные, стилистически образцовые статьи А.И.Маркушевича – плод длительного и напряженного труда. Над каждой из них он

---

[11] См.: Маркушевич А.И. Николай Петрович Киселев // Федоровские чтения, 1974. М., 1976. С. 110–122.

долго работал, добиваясь максимальной законченности мысли и ювелирной отточенности стиля.

Собирал Алексей Иванович и славянские первопечатные книги. В его коллекции было, например, "Четвероевангелие" румынского первопечатника Макария, напечатанное в 1512 г. Во всем мире зарегистрировано лишь 15 экземпляров этого издания. Раздобыл Маркушевич и весьма редкое среднешрифтное "Четвероевангелие" – одну из первых книг, напечатанных в Москве. Были у него и издания Ивана Федорова – "Учительное Евангелие" 1569 г., "Новый завет с Псалтырью" 1580 г., "Книжка собрание вещей нужнейших" 1580 г., "Острожская Библия". Последнее издание в коллекции было в очень редком варианте – с двумя выходными листами, в одном из которых проставлен 1580-й, а в другом – 1581 г.

В 1974 г. А.И.Маркушевич был инициатором юбилейных торжеств, посвященных 400-летию первого русского учебника – "Азбуки", изданной Иваном Федоровым во Львове. На торжественном заседании в Колонном зале Дома союзов он произнес "Слово об Азбуке", которое затем было опубликовано в превосходном юбилейном альбоме, выпущенном издательством "Просвещение"[12]*. Публикуется "Слово" и в нашем сборнике.*

Богат и по-своему уникален был раздел коллекции, в котором собраны прижизненные и первые издания классиков естествознания – Г.Галилея, Р.Декарта, Я.Бернулли, А.Левенгука, И.Кеплера, Т.Браге, Г.Агриколы, Н.Тартальи. Предметом особой гордости А.И.Маркушевича были "Математические начала натуральной философии" Исаака Ньютона в первом лондонском издании 1687 г. Показывая книгу гостям, Алексей Иванович обычно демонстрировал каталог одного из зарубежных аукционов, в котором была указана цена книги – 6720 долларов. Маркушевичу "Математические начала" достались неизмеримо дешевле.

---

[12] См.: От Азбуки Ивана Федорова до современного Букваря. М., 1974. С. 7–14.

Своим посетителям Алексей Иванович демонстрировал и первые прижизненные, и особо редкие издания произведений классиков мировой художественной литературы – Данте, Эразма Роттердамского, Ронсара, Ариосто, Рабле, Лопе де Вега, Боккаччо, Вольтера, Руссо, Сервантеса, Бомарше... Собрал он и внушительную коллекцию прижизненных изданий А.С.Пушкина.

"Обаяние первых изданий" – в такой формуле А.И.Маркушевич представил свое увлечение. Так названа одна из его статей, в которой он говорил о текстологической значимости первых изданий, об их сопоставлении с подлинниками, с рукописными оригиналами[13]*. Но кончил это эссе, с которым может познакомиться и читатель нашего сборника, так, как это приличествует библиофилу – с восхитительной экспрессией: "Не будем обособлять разум, воображение и чувства, когда речь идет о первых изданиях великих книг! Хорошая книга – всегда благо. Но первое издание творения замечательного мыслителя, художника слова, ученого – это настоящий праздничный пир для души!"*

Думающий собиратель не может пройти мимо теоретических проблем библиофильства. В чем его смысл и значение в условиях социалистического общества? Можно ли говорить о принципиальных отличиях советского библиофильства от зарубежного, буржуазного? Показательно, что этими же вопросами задавались руководители библиофильского движения братской социалистической страны – Германской Демократической Республики профессора Бруно Кайзер и Хорст Кунце, работы которых так и озаглавлены – "Библиофилия при социализме"[14]*. А.И.Маркушевич поставил эти вопросы в докладе "О книголюбах и книгособирательстве", который он прочитал*

---

[13]См.: Маркушевич А.И. Обаяние первых изданий // В мире книг. 1968. № 4. С. 39–41.

[14]См.: Kaiser B. Bibliophilie im Sozialismus // Neues Deutschland. 1959. Juli. Beilage Kunst und Literatur; Kunze N. Bibliophilie im Sozialismus. Berlin, 1969.

16 января 1963 г. на выездном заседании Секции книги московского Дома ученых в библиотеке Дворца культуры московского автозавода имени И.А.Лихачева[15]. *(Скажем в скобках, что А.И.Маркушевич впервые стал практиковать выездные заседания библиофильских организаций на заводы и предприятия столицы. Он считал эти заседания важным инструментом для пропаганды книги и библиофильства.)*

Одиннадцать лет спустя, в 1974 г., состоялась Вторая всесоюзная научная конференция по проблемам книговедения. На пленарном заседании А.И.Маркушевич прочитал доклад "Библиофильство в социалистическом обществе". Впервые в истории подобных конференций работала секция теоретических проблем библиофильства, ее руководителем был Алексей Иванович. Секция собрала прекрасный состав докладчиков, среди которых были доктора наук В.Д.Королюк и А.С.Мыльников, кандидаты наук И.Я.Каганов, Л.И.Киселева, О.Г.Ласунский, Е.Д.Петряев, Я.Н.Щапов, руководитель клуба книголюбов при ЦДРИ СССР А.Ф.Иваненко, известный художник-график Г.А.Кравцов[16]. *Доклад лег в основу проблемной статьи "Советское библиофильство", опубликованной во втором томе "Альманаха библиофила".*

Скажем попутно, что А.И.Маркушевич с первого же тома "Альманаха библиофила" был членом редакционной коллегии этого популярного ныне издания. Редколлегия, не в пример нынешней, была немногочисленной: А.И.Маркушевич, Е.И.Осетров, В.Г.Утков, Л.М.Наппельбаум.

Статья "Советское библиофильство" постулировала тот факт, что "библиофильство есть явление общественное, способное к развитию и изменению". В общей сокровищнице культурных богатств, созданных человечеством, – писал А.И.Маркушевич, – мы, строители первого

---

[15] См.: Толстяков А.П. Секция книги московского Дома ученых АН СССР. XXX лет. М., 1983. С. 34.

[16] См.: Книговедение и его задачи в свете актуальных проблем советского книжного дела. Секция теорет. пробл. библиофильства: Тез. докл. М., 1974.

в истории социалистического общества, унаследовали библиофильство как пылкую и бескорыстную любовь к книге, любовь, очищенную от всего постороннего и наносного, что порой примешивалось к ней в прошлом"[17]. *В статье затрагивались и вопросы истории. Немалое внимание было уделено зарождению массового книголюбия в Советском Союзе в 50–60-х годах текущего столетия.*

Этот вопрос А.И.Маркушевич затронул еще в 1973 г. – в рецензии на "библиофильскую трилогию" П.Н.Беркова, опубликованной в сборнике "Книга. Исследования и материалы". У истоков подъема библиофильства в 50–60-е годы, по его мнению, лежала научно-техническая революция – "коллосальные успехи человеческого разума во всех областях науки, ознаменованные советскими спутниками, расширение человеческих интересов до размеров поистине космических, триумфальное шествие электронно-вычислительных машин, успехи теории строения вещества и теоретической биологии, по-новому осветившей вековую загадку наследственности, развитие социологических и экономических методов, замечательные лингвистические и археологические открытия последних десятилетий"[18]. *Именно это, по словам А.И.Маркушевича, и вызвало интерес к книге, как "к основному источнику знаний и культуры".*

В статье 1973 г. А.И.Маркушевич, по сути дела, ставил знак равенства между книголюбием, которое в нашей стране, "избравшей научно-технический прогресс в качестве главного инструмента строительства нового общества", стало поистине массовым и традиционным библиофильством. В статье 1975 г. (на страницах "Альманаха библиофила") он пытается разграничить эти понятия. Вводятся два критерия, позволяющие "различать библиофильство в книголюбии". Первый из них – обязательный интерес к

---

[17] Маркушевич А.И. Советское библиофильство //Альманах библиофила. 1975. Вып. 2. С. 26.

[18] Маркушевич А.И. Библиофильская трилогия П.Н.Беркова // Книга: Исслед. и материалы. 1973. Сб. 26. С. 221–222.

книге как предмету материальной культуры, как к вещи, "сделанной многими умными и заботливыми руками по законам технологии и искусства книжного производства". Конкретизируя слова Маркушевича, мы бы уподобили библиофила книговеду. Книговед, в отличие от историка литературы, в первую очередь интересуется "изданием", а затем уже – "произведением". Точно так же поступает и библиофил в отличие от книголюба, хотя, конечно, как для первого, так и для второго определяющую значимость сохраняет содержание книги.

Второй критерий, характеризующий библиофила, по мнению А.И.Маркушевича, состоит в том, что "библиофил стремится окружить себя книгами и в быту, у себя дома, и при этом оберегает их от преждевременного увядания, как оберегают нежные и хрупкие цветы". Нам этот критерий не кажется столь значимым, ибо точно так же поступает и все еще распространенный тип "книголюба", который вносит книги в интерьер своего жилища, ни в малой степени не интересуясь их содержимым.

Библиофил издавна стремился к общению с редкими книгами. На вопрос, что такое редкая книга, пытались ответить многие – Г.Н.Геннади, Л.В.Ульянинский, А.И.Малеин[19]*. С непосредственностью представителя точных наук А.И.Маркушевич привнес в упомянутую дискуссию сугубо математические критерии. В эссе "О книжных редкостях" он предложил разместить все произведения печати по классам редкости, положив в основу количество сохранившихся экземпляров*[20]*. Основанием системы служило число* 2^n*, где* n *меняется от единицы до бесконечности. Каждый класс отличался от предшествующего тем, что к* n *прибавляли единицу. Таким образом, в первый класс редкости попадали книги, число сохранившихся*

---

[19] Обзор истории вопроса см.: Малеин А.И., Флеер М.Г. О редкой книге. М.; Пг., 1923.

[20] См.: Маркушевич А.И. О книжных редкостях // Альманах библиофила. 1973. [Вып. 1]. С. 15–19; То же // В мире книг. 1973. № 3. С. 84–85.

экземпляров которых не превышало $2^1=2$, во второй – $2^2=4$, в третий – $2^3=8$ и т.д.

К чести А.И.Маркушевича нужно отметить, что он всячески подчеркивал формальный характер своей системы. Пользуясь ею, мы, например, должны были отнести современные авторефераты диссертаций, издающиеся тиражом 125–150 экземпляров, к более высокому классу редкости, чем, например, Острожскую библию первопечатника Ивана Федорова, известную примерно в 300 экземплярах.

В дальнейшем, в диалоге с автором этих строк, Алексей Иванович посчитал необходимым разграничить понятия "редкость" и "ценность" и категорически подчеркнул: "Собирать надо книги, ценные с точки зрения истории культуры, истории искусства, социально-политической жизни общества, развития науки и техники... Подобные издания, даже если они количественно и не столь малочисленны, приобретают в наших глазах высокий авторитет"[21].

Впрочем, он никогда не отрицал своей страстной увлеченности в погоне за редкими изданиями или же за теми экземплярами вполне обычных изданий, редкость в которые привнесена издателями. Речь идет о нумерованных и подписанных автором или художником экземплярах, об экземплярах, напечатанных на особой бумаге, и т.п. Одну из таких редкостей он описывал так: "Аристид Майоль. Овидий. Искусство любви. Париж, для братьев Гонен из Лозанны, 18.VI. 1938, 4° (экз. № 30 из 50, отпечатанных для лондонского издателя Циммера; в общей сложности было отпечатано 275 экз. книги, из которых 150 не для продажи; книга напечатана на специальной бумаге, изготовленной ручным способом из конопляных волокон...; иллюстрации состоят из гравюр на дереве в тексте и литографий на отдельных листах; с автографом

---

[21] Маркушевич А., Немировский Е. Редкость на полке книголюба. С 276.

А.Майоля; в художественном переплете и футляре, покрытом тем же материалом, что и переплет)"[22].

Погоню за такими искусственно создаваемыми редкостями Алексей Иванович отнес к "суетности" библиофилов, впрочем, полностью оправдав ее следующим образом: "Наверно, все богатство и многообразие природы не сможет хорошо служить нам и нашим детям и внукам, если среди нас не будут всегда находиться люди, способные предаваться изучению, освоению и сохранению той или иной на первый взгляд небольшой части общей гигантской сокровищницы. И посмеиваясь над их чрезмерной увлеченностью, граничащей иногда с чудачеством, мы не должны отказывать им в наших добрых чувствах"[23].

В августе 1971 г. на XIII Международном конгрессе по истории науки в Москве А.И.Маркушевич сделал доклад "Пограничные вопросы истории науки и истории книги"[24]. *Доклад интересен в свете тех споров о предмете и объеме истории книги как науки, которые давно идут в нашем книговедении. Для историка науки, по мнению Маркушевича, важно, "какие научные идеи, взгляды, методы, исследования, открытия и наблюдения, прозрения и заблуждения зафиксированы в книге". Для историка книги, напротив, "вопрос о содержании книги, как правило, стоит... на втором месте". Книговед, конечно, не может сбрасывать этот вопрос со счета. Историк науки, в свою очередь, должен интересоваться техническими средствами, используемыми для изготовления книги, ее физическим и*

---

[22] Маркушевич А.И. Библиотека А.И.Маркушевича и А.В.Маркушевич-Ивановской // Памятники культуры: Новые открытия. Ежегодник. 1975. М., 1976. С. 128.

[23] Маркушевич А.И. О суетности библиофилов // Книга: Исслед. и материалы. 1977. Сб. 34. С. 172.

[24] См.: Маркушевич А.И. Пограничные вопросы истории науки и истории книги // Труды XIII Международного конгресса по истории науки. Секция 1. Общие пробл. науки и техники. М., 1971. С. 222–225.

эстетическим обликом, условиями, в которых пишутся, издаются и распространяются книги. На стыке истории науки и истории книги, по мнению А.И.Маркушевича, рождается новая научная дисциплина, которую он именует историей научной книги. Мы готовы согласиться с этим, если вместо истории научной книги говорить об истории научной литературы.

А.И.Маркушевич был, конечно, прежде всего математиком. Но мы вправе называть его и историком книги. В этой области он работал вполне профессионально и опубликовал не менее 50 статей. С некоторыми из них может познакомиться читатель данного сборника.

Скажем о некоторых из этих работ. Подробно и обстоятельно А.И.Маркушевич изучил источники известного издания "Символы и емблемата", напечатанного по приказанию Петра I в амстердамской типографии Генриха Ветстейна. Впервые в русской литературе Алексей Иванович описал "Математический лексикон" Дж.Витали в парижском издании 1668 г. и римском 1690 г., "Математический словарь" Ж.Ознама в издании 1691 г., а также энциклопедический труд Дж.Моксона "Математика, сделанная легкой, или Математический словарь", выпущенный двумя изданиями в Лондоне в 1679 и 1692 гг. Большой интерес в Польской Народной Республике вызвала статья А.И.Маркушевича о попавшей в его коллекцию неизвестной рукописи "Артиллерия" инженера и картографа XVII в. Йозефа Нароновича-Наронского.

Для сборника "Пятьсот лет после Гутенберга", выпущенного к 500-летию со дня кончины изобретателя книгопечатания, Алексей Иванович написал большую обзорную работу, посвященную становлению и развитию научной литературы в Западной Европе. Статья эта публикуется на страницах и нашего сборника.

Мы говорили о популяризаторской деятельности А.И.Маркушевича в области математических наук. Талантливым писателем-популяризатором Алексей Иванович проявил себя и в области истории книги. В третьем выпуске "Альманаха библиофила" (1976) он опубликовал

завлекательные "Рассказы о книгах"; легко и доступно поведал о книгах, которым посвящены его специальные статьи, – о тех же "Символах и емблематах", например, или же об "Артиллерии" Й.Нароновича-Наронского.

Надо сказать и о беллетристических талантах Алексея Ивановича. На одном из заседаний Секции книги Московского дома ученых он прочитал весьма необычные по содержанию и по форме сказки. Одна из них называлась "Женщина-книга". Сказки эти Маркушевич включил в подготовленный им в последние годы жизни сборник книговедческих и библиофильских работ; сборник этот в свет не вышел. Будет жалко, если рукописи сказок потерялись.

Недавно друг Алексея Ивановича профессор-латинист Юрий Францевич Шульц опубликовал сонеты, которыми он и Маркушевич как-то обменялись[25]*. Публикация свидетельствует, что и поэтический талант не был чужд Маркушевичу.*

Своеобразной чертой Алексея Ивановича была пунктуальность, которую он, подчас, гиперболизировал. Он свято помнил о всех встречах, которые назначал, и обещаниях, которые давал. На совещания являлся минута в минуту. Сам не опаздывал и к опоздавшим бывал очень строг.

Комиссия комплексного изучения книги при Научном совете по истории мировой культуры АН СССР в 60-е годы заседала обычно на квартире у ее председателя, члена-корреспондента АН СССР Алексея Алексеевича Сидорова. Придя как-то на одно из заседаний, я встретил у подъезда академического дома на Ленинском проспекте Алексея Ивановича Маркушевича, который прогуливался взад и вперед. "Не ждите меня, Евгений Львович, – сказал он. – Я хочу походить, подумать". В лифте я посмотрел на часы и все понял. Я пришел минут на 10 раньше, чем это было

---

[25] См.: Шульц Ю.Ф. Нечто о книгообмене: Памяти А.И.Маркушевича // Книга: Исслед. и материалы. 1987. Сб. 55. С. 210–211.

назначено. Алексей Иванович же хотел быть как всегда пунктуальным.

Всю свою жизнь А.И.Маркушевич занимался активной общественно-политической деятельностью. В 1951 г. он стал членом Коммунистической партии Советского Союза. Дважды избирался депутатом Верховного Совета РСФСР. В течение долгих лет был президентом общества "СССР–Финляндия", написал книгу о советско-финляндских отношениях. Большой общественный резонанс имела его работа на посту вице-президента Академии педагогических наук.

Из песни слова не выкинешь. В 1975 г. Алексею Ивановичу пришлось покинуть многие из своих постов. Этому предшествовала публикация в центральной газете жесткого и грубого фельетона. Маркушевича упрекали в том, что в его собрании оказалось несколько книг и рукописей, когда-то находившихся в государственных хранилищах.

Библиофилы нередко сохраняют в тайне источник, из которого в их собрание поступил тот или иной уникум. Судьбы же книг неисповедимы и подчас поражают непредсказуемостью. Одной из жемчужин знаменитой библиотеки Н.П.Смирнова-Сокольского был экземпляр "Ревизора" Н.В.Гоголя, подаренный автором Николаю Осиповичу Дюру – первому исполнителю роли Хлестакова. Смирнов-Сокольский неоднократно писал об этой книге, которую "уступил" ему еще в 30-х годах ленинградский антиквар И.С.Наумов. Каково же было мое удивление, когда, просматривая отчеты Петербургской Публичной библиотеки середины прошлого века, я наткнулся на запись о поступлении в государственное хранилище именно этого экземпляра. Какими судьбами подарок Гоголя попал из Публичной библиотеки к И.С.Наумову – об этом мы, наверное, никогда не узнаем.

Алексей Иванович Маркушевич, вне всякого сомнения, был честным и глубоко порядочным человеком. Но не у всех людей, с которыми он сталкивался на почве библиофильских интересов, были эти качества.

Алексей Иванович продолжал активно заниматься научной и преподавательской деятельностью. Но стал болеть. 4 июня 1979 г. он скончался.

Главное же – его труды, его доброе имя остались. Математические работы А.И.Маркушевича считаются нашей научной классикой. Ныне читатель получает возможность познакомиться с книговедческими и библиофильскими трудами Алексея Ивановича, которые, надо думать, не оставят никого равнодушными.

Е.Л.Немировский,
профессор,
доктор исторических наук

ETTE édition a été réalisée à Paris, avec la collaboration amicale de M. Gustave Edouard Gentil. Le texte a été établi et traduit par Henri Bornecque, pour la collection des Universités de France, et prêté obligeamment par l'association Guillaume Budé que nous remercions ici de sa courtoisie. L'illustration du sculpteur Aristide Maill
ce livre, comporte des bois c

MANUEL

DU LIBRAIR

ET

DE L'AMATEUR DE LIVRES

CONTENANT

1° UN NOUVEAU DICTIONNAIRE BIBLIOGRAPHIQUE

Dans lequel sont décrits les Livres rares, précieux, singuliers, et aussi les ouvrages les plus estimés qui ont paru tant dans les langues anciennes que dans les principales langues modernes, depuis l'imprimerie jusqu'à nos jours; avec l'histoire des différentes éditions qui en ont été faites; des re nécessaires pour reconnaître les contrefaçons, et collationner les anciens livres. On y a joint une des prix auxquels une partie de ces objets ont été portés dans les ventes publiques faites en France, et ailleurs, depuis près d'un siècle, ainsi que l'appréciation approximative des livres anciens qui se fréquemment dans le commerce;

2° UNE TABLE EN FORME DE CATALOGUE RAISONNÉ

Où sont classés, selon l'ordre des matières, tous les ouvrages portés dans le Dictionnaire, et un gr d'autres ouvrages utiles, mais d'un prix ordinaire, qui n'ont pas dû être placés au rang des liv ou précieux;

PAR JACQUES-CHARLES BRUNET

Chevalier de la Légion d'honneur

CINQUIÈME ÉDITION ORIGINALE ENTIÈREMENT REFONDUE ET AUGMENTÉE D'UN TOM
PAR L'AUTEUR

TOME PREMIER

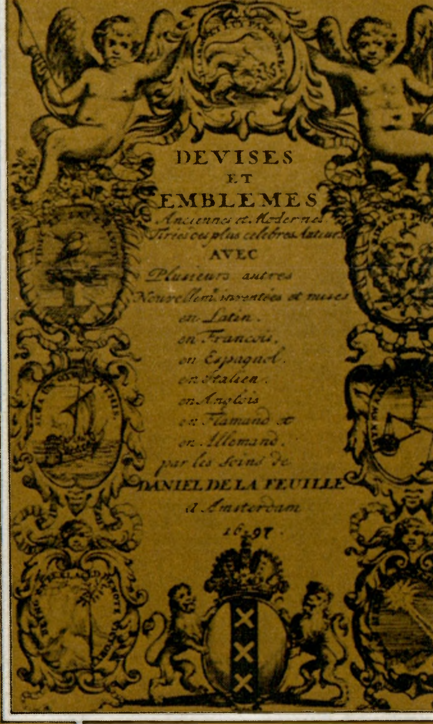

PARIS

LIBRAIRIE DE FIRMIN DIDOT FRÈRES, FILS ET C

IMPRIMEURS DE L'INSTITUT, RUE JACOB, 56

1860

DEVISES
ET
EMBLEMES
Anciennes et Modernes
Tirées des plus celebres Auteurs
AVEC
Plusieurs autres
Nouvellement inventées et mises
en Latin,
en François,
en Espagnol,
en Italien,
en Anglois,
en Flamand et
en Allemand,
par les Soins de
DANIEL DE LA FEUILLE
a Amsterdam
1697

I. СЧАСТЬЕ С КНИГАМИ

БИБЛОС – ЗНАЧИТ КНИГА,
ФИЛЕО – ЗНАЧИТ ЛЮБИТЬ

Греческому слову "библиофил" соответствует русское слово "книголюб". Речь идет о тех, кто любит книгу.

Но разве есть у книги недруги? Есть, их знает и литература, и жизнь. Вспомним хотя бы Фамусова, который мечтал "собрать все книги бы да сжечь". Но это литература, а вот страничка истории. Колониальный губернатор Виргинии Томас Беркелей доносил в Лондон в 1671 г.:

"Благодаря богу, у нас здесь нет ни свободных школ, ни типографий, и надеюсь, что так останется еще надолго. Учение породило на свет только неповиновение, еретичество и сектантство, а книгопечатание было слугой всех этих ужасов. Да хранит нас бог от того и другого".

Впрочем, не надо углубляться в XVII век. Достаточно вспомнить, что каких-нибудь четверть века назад в фашистской Германии воздвигались костры, на которых гибли бессмертные произведения человеческого гения.

Во все времена недруги и враги книги – это недруги и враги всего свободного, светлого, правдивого, зовущего вперед; поэтому они и враги человечества. Но ряды друзей книги растут, а ряды недругов редеют. Особенно много книголюбов в нашей стране – стране строителей коммунизма.

Чтобы стать книголюбом, вовсе не обязательно быть собирателем книг. Многие книголюбы удовлетворяют свою любовь к книге, пользуясь общественными читальнями и библиотеками. Но слово "книголюб", помимо широкого смысла, о котором мы уже говорили, нередко употребляется и в более узком смысле – книгособиратель. Поэтому стоит поговорить вообще о собирательстве, или коллекционировании, предметов искусства, старины,

---

Неделя, 1963. № 3.

культуры и быта. Будучи страстным библиофилом, я не рискую, однако, сравнивать книголюбов с другими собирателями. Может быть, кто-нибудь почувствует себя задетым. Скажу одно: книга отличается от других предметов собирательства, она не только предмет, но почти живое существо, и иногда в ней больше жизни, чем в иных людях, которые лишь небо коптят.

Мы уже видели, что книгу можно не только любить – ее можно ненавидеть или бояться. Нередко, когда речь идет о книгах, о них говорят так, как если бы они и на самом деле были живыми. Вот, например, как писал о книгах (рукописных) английский книголюб конца XIII – начала XIV в. Ричард де Бери:

"С какой безопасностью мы без стыда обнажаем перед книгами бедность человеческого невежества. Они (книги) – учителя, наставляющие нас без розог и линейки, без криков и желчи, без одеяний и денег. Если ты обращаешься к ним, они не спят; если, допытываясь, спрашиваешь, они не прячутся; не ворчат, если ты заблуждаешься; не умеют насмехаться, если ты не знаешь".

Здесь книги уподобляются людям – учителям. Но иногда и о человеке говорят, как о книге. Знаменитый американский общественный деятель и ученый XVIII в. Вениамин Франклин так увлекался типографским делом, что еще юношей сочинил надгробную надпись, где сравнивал себя со старой книгой:

"Тело Вениамина Франклина, типографщика, подобно переплету старой книги, лишенной страниц, своего заглавного листа и своей позолоты, покоится здесь – пища для червей. Но само сочинение не пропадет: оно появится вновь, как верит Франклин, в новом, более прекрасном издании, просмотренное и исправленное его автором".

Собирательство книг уходит корнями в глубокую древность. Среди страстных библиофилов такие имена, как Аристотель, Платон, Цицерон. Древность знает и лжесобирателей, гонявшихся за книгами только ради их внешнего вида, ценивших книги только как знак богатства и роскоши.

2 Зак. 1700

Невозможно, конечно, излагать здесь историю книгособирательства. Скажу только, что этой благородной страсти не был чужд и Пушкин. За экземпляр радищевского "Путешествия из Петербурга в Москву" он уплатил 200 рублей – немалые деньги по тому времени. Когда он умер, обнаружилась большая задолженность книжным магазинам. Я не назову здесь других имен. Думаю, что имен Аристотеля, Платона и Пушкина уже достаточно, чтобы каждый современный книгособиратель почувствовал, что он попал в неплохую компанию.

Каково значение книгособирательства? Библиотека братьев Залусских, например, собранная в XVIII в., послужила в свое время ядром одной из крупнейших библиотек нашей страны – ныне Библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Находя и с любовью сохраняя редчайшие памятники письменности, описывая свои находки, публикуя каталоги, собиратели оказывают неоценимые услуги делу культуры.

Но было бы величайшей ошибкой и несправедливостью, говоря о книгособирательстве, вспоминать только об огромных и дорогих книжных коллекциях, собирание которых – удел немногих. Для культуры всего народа в целом, для его настоящего и будущего несравненно ценнее и драгоценнее то массовое увлечение книгособирательством, которое с волнением и радостью мы наблюдаем в нашей Советской стране.

Колхозники, маляры, плотники, рабочие заводов и фабрик, техники и инженеры, учителя, врачи, служащие выделяют из своего скромного бюджета средства на пополнение своих домашних библиотек. Произведения любимых авторов, научно-популярные брошюры и книги из всех областей науки и техники, путешествия, описания всех стран света, словари и другая справочная литература выстраиваются на полках, и тесные стены комнаты раздвигаются до размеров Вселенной, в них звучит высокая и мудрая речь лучших людей всех времен и народов, раскрываются тайны атома и далеких галактик. Такое собирательство облагораживает ум и сердце собирателей,

и вот такому книжному собирательству мне хотелось бы пожелать от души самого большого процветания!

ПОХВАЛА КНИГЕ

Трудно сказать что-либо новое в этом древнем жанре.

Более тысячи лет назад арабский поэт Али ибн-аль-Джахм говорил:

"Книга – ночной собеседник; когда ты подсядешь к нему, он заставляет твое сердце позабыть про гнетущую боль страданий.

Он приносит тебе знание и увеличивает твою мудрость; он не завистлив и не бывает упорным в злобе.

Он хранит, что ты ему поручишь, без небрежности и не изменяет договору дружбы, каким бы древним он ни был.

Во всякое время он ведет тебя, как весной, в цветник, который никогда не завянет и не будет измят"[1].

Прошло пять веков и влюбленный в книгу англичанин Ричард де Бери пишет:

"...Знание слова погибает вместе со звуком; истина, таящаяся в мысли, есть скрытая мудрость и утаенное сокровище; истина же, сияющая в книгах, желает обнаруживаться для всякого воспринимающего учение чувства: для взора, когда ее читают, для слуха, когда ее слушают; мало того, она вверяет себя в известной степени и осязанию, когда подвергается переписыванию, переплетению, исправлению и сохранению..."[2]

Нет нужды перечислять всех, кто в порыве искреннего чувства воспевал книгу. За столетия, протекшие со времен де Бери (1287–1345), родилось, окрепло и быстро

Объединенная редакция двух эссе: "Похвала книге" (Дет. лит. 1968. № 1. С. 69–72) и "Мудрый собеседник" (Известия. 1970. № 299).

[1] Цит. по: Шляпкин И.А. Похвала книге. Пг., 1917. С. 77.

[2] Бери Р. де. Филобиблон / Пер. под ред. А.Малеина //Альманах библиофила. Л., 1929. С. 298–299.

распространилось по свету книгопечатание, так что книги, перестав быть достоянием избранных, простерли благодетельные руки над всем человечеством. Но, конечно, похвалы одних не исключили хулу и гонения со стороны других. На страницах "Индекса запрещенных книг", снискавшего позорную репутацию своему издателю – апостолическому Риму, мы обнаруживаем названия произведений Боккаччо,Эразма Роттердамского, Коперника, Джордано Бруно, Бэкона Веруламского, Декарта, Паскаля, Спинозы, Лейбница, Лафонтена, Свифта, Монтескье, Вольтера, Дидро, Руссо... Не правда ли – блестящее созвездие славных имен?

Но за честь находиться в "Индексе" Галилей заплатил свободой, а Джордано Бруно – жизнью! Нет, этого нельзя забыть, когда мы воздаем хвалу книге!

Уже трудно удивить нас новыми открытиями и изобретениями. Еще недавно весь мир пристально следил за передвижением первого лунохода по Морю Дождей. Но хотя луноход не менее поразителен, чем ковер-самолет или скатерть-самобранка, от космических полетов ближайших лет мы ожидаем чего-то еще более необычного. Быть может, мы так быстро свыклись с луноходом потому, что при всей своей новизне он все же катится на колесах, по способу, освоенному человечеством уже несколько тысячелетий назад. Их не очень много, таких изобретений минувших веков, которые и сегодня остаются живыми. К их числу относится, конечно, и книга.

Печатная книга гораздо моложе колеса, но все же ей больше пяти столетий. Она неизменно и преданно сопровождает человека во всех его делах, радостях и горестях. Есть ли еще какое-либо другое создание человека, которое бы так глубоко и прочно вошло в его духовный мир, как книга? Всякое учение начинается с грамоты: "Аз да буки, а там и науки". "Это азбучная истина", – говорим мы об общеизвестном. И, действительно, умение читать стоит в самом начале систематического обучения. Но почему же тогда видный литературовед прошлого называл Пушкина не только первым нашим писателем, но и первым

читателем, а Гете, будучи глубоким стариком, говорил, что только теперь он научился читать, да и то не в полной мере? Не следует ли отсюда, что и другим людям книги могут давать гораздо больше, чем обычно из них извлекают, и что общение с книгой совсем не такое простое дело, как это обычно считают? И вообще, знаем ли мы книгу?

В поисках эффективных средств передачи знаний в недавнее время были разработаны принципы программированного обучения. В основном они сводятся к следующему: материал, предназначенный для усвоения, анализируется учителем и разлагается на составные элементы; он предъявляется ученику шаг за шагом в продуманной последовательности; на каждом шагу ученик воспринимает столько информации, сколько нужно, чтобы обеспечить его активную реакцию; прежде чем двинуться дальше, ученик получает немедленное подтверждение правильности ответа, работает в своем темпе и сам контролирует успешность своего продвижения. Сомнение вызывает здесь лишь требование немедленного подтверждения правильности воспринятого. Опыт программированного обучения математике, проведенный в двух группах учащихся, для одной из которых во всех случаях давалось немедленное подтверждение правильности, а для другой – нет, не обнаружил существенных различий в знаниях обеих групп. Стало быть, это требование не так уж обязательно.

Что касается остальных требований программированного обучения, почти все они реализуются в хорошей книге. Нужно лишь всюду, где говорилось "учитель", подставить "автор", а "ученика" заменить "читателем". Наиболее ярко соответствующие свойства книги раскрываются в тех великих произведениях человеческой мысли, авторы которых не жалели творческих усилий для того, чтобы довести свои идеи до читателя в наиболее выпуклом и убедительном виде. Длинный ряд таких произведений идет от "Диалогов" Платона и "Начал" Евклида до наших дней. Он пополняется сотнями и тысячами книг, часто не

столь уж значительных, быть может, но достигающих подлинных высот в мастерстве построения и изложения. Таким образом, старая и столь хорошо знакомая книга предстает перед нами в неожиданной роли современной обучающей машины.

Иногда возможности книги сравнивают с возможностями телевидения. Нет сомнения в том, что у телевидения большие заслуги в настоящем и блестящие перспективы в будущем. Но сумело ли оно уже сегодня обогнать старушку книгу? Вряд ли.

Среди многочисленных технических изобретений, накопленных человечеством на сегодня, книга продолжает оставаться наилучшим источником знаний, собеседником и советчиком. На каждый наш вопрос, как бы соревнуясь друг с другом, спешат с ответом десятки и сотни различных книг. Среди них тонкие и толстые, обращенные к воображению и чувствам или к уму, склонному к логическому анализу, блестящие веселостью и остроумием, просвещающие нас в веселой и занимательной форме, или глубокие и основательные, неторопливо вводящие в самую суть вопроса, хорошо аргументирующие ответ и оснащающие его самыми тонкими подробностями.

Книги рассчитаны на все возрасты: ребенка, которого книга хочет увлечь и приохотить к наблюдению и размышлению; юноши, желающего добраться до самого главного; многоопытного старца, которому в его неутомимой жажде знаний никакие детали не кажутся излишними.

Облюбовав книгу, можно иные ее страницы лишь бегло просматривать, зато другие читать медленно и вдумчиво, быть может, возвращаясь к одним и тем же местам по нескольку раз, пока ход мыслей автора не будет воспринят полностью. Иногда, чтобы лучше ориентироваться в книге, полезно взглянуть в ее середину, потом в конец, обратиться к началу и тогда уже прочесть ее полностью. Важно, что и темпы чтения различных страниц книги и даже самый порядок их прочтения – в наших руках, и мы сами устанавливаем их в своих интересах. Бывают случаи, когда даже хорошая книга одна не в силах дать полной

картины рассматриваемого предмета. Кажется, что она смотрит на него лишь одним глазом. Ну что же, располагая рядом с нею произведения других авторов на ту же тему, можно достичь всех преимуществ стереоскопического зрения!

Если подобная работа один раз сделана, то сколько бы времени ни прошло, всегда можно взять с полки нужные книги, чтобы быстро восстановить в памяти забытое и притом, быть может, переосмыслить его.

Таковы преимущества читателя перед телезрителем. Последний не может пока заказывать телепередачу по своему выбору подобно читателю, заказывающему нужную ему книгу в библиотеке. А если передача отвечает его интересам, то он не может ни влиять на ее темп – ускорять, замедлять, останавливать на время, ни возвращаться вспять, к тому месту, которое он хотел бы повторно посмотреть и послушать. Впрочем, у телепередач есть, конечно, свои неоспоримые преимущества перед книгами. Поэтому разумнее всего не противопоставлять книгу телепередаче и телепередачу – книге.

Говорят, и вполне основательно, что сравнение не есть доказательство. Но подобно тому, как хорошо поставленный спектакль – это сплав творческих усилий автора пьесы, режиссера, актеров, декоратора, композитора, работников сцены, так и хорошо изданная книга – это результат творчества целого коллектива людей.

Страницы книги – с точки зрения неискушенного глаза – это просто белые поля, на которых правильными рядами располагаются черные значки. Достаточно вспомнить начало старинной народной загадки: "Белое поле, черное семя..." Но какие огромные возможности для истинного художника открывает эта игра черных значков на светлом фоне! Варьируя рисунки шрифтов и их размеры, меняя длины строк, расстояния между ними, пропорции книжной страницы в целом и ширину полей, наконец, оттенки цвета, плотность и фактуру бумажного листа, можно добиться поразительных художественных результатов!

Для Пушкина, например, было далеко не безразлично, как будут выглядеть страницы сборника его стихотворений, и в письме к друзьям он требовал, чтобы каждое стихотворение, "хоть бы из четырех стихов", печаталось "на особенном листочке, исправно, чисто, как последнее издание Жуковского, и притом без всяких типографских украшений, состоящих из простых и волнистых линеек, звездочек и т.п.". "Вся эта пестрота безобразна", – писал он. Впрочем, Пушкин отнюдь не отвергал роли художника в печатной книге. В том же письме он пишет: "Виньетку бы не худо; даже можно, даже нужно – даже ради Христа, сделайте; именно, Психея, которая задумалась над цветком", – и тут же называет имя художника, который мог бы выполнить этот замысел, – Федора Толстого. Заметим, что задуманное издание вышло в свет без виньетки: слишком дорогой оказалась эта затея. Мимо иллюстраций, как и мимо красивого переплета, не проходит, пожалуй, никто из тех, кто берет в руки книгу. Другое дело, что мы не всегда отдаем себе отчет в том, составляют ли иллюстрации, заставки, концовки и другое убранство книги единое и гармоническое целое с текстом и, более того – с самим содержанием книги. Но для нас важнее было подчеркнуть, что книга может быть совершенной по красоте и без всяких украшений.

Бурно текущий поток технического прогресса подхватил и книгу. Но книга остается книгой, любимой и нужной. Немало авторов, задолго до нас, пытались угадать будущие судьбы книги[3]. Одних смущало лавинообразное возрастание количества печатных книг, других тревожила непрочность бумаги, обилие врагов книги, среди которых не последнее место занимали мыши и книжные жучки.

Известный писатель времен французской буржуазной революции Луи Себастьян Мерсье (1740–1814), обильно переводившийся на русский язык в XVIII в., а в советское время представленный у нас яркими "Картинами

---

[3] См. очерк "Будущее книги и библиофильства" в увлекательной книге П.Н.Беркова "О людях и книгах" (М., 1965. С. 125–134).

Парижа" (издательство "Academia", 1935–1936. В 2 т.), в социальном романе "Год две тысячи четыреста сороковой. Сон, если он когда-нибудь был" заставляет своего героя внезапно перенестись в Национальную библиотеку этого отдаленного будущего. К своему изумлению и ужасу, герой не обнаруживает в ней ни обширных зал, заключающих необозримые ряды книг, ни великолепных галерей, блистающих многоцветными марокеновыми переплетами. Он видит, что Национальная библиотека – это всего лишь одна скромная комната с витринами, содержащими немногие тысячи томов. Неужели все стало жертвой стихии, вопрошает он библиотекаря. И слышит спокойное разъяснение, что, мол, библиотеки прошлого заключали в себе соединение грандиозных экстравагантностей, несбыточных мечтаний и бесконечных повторений одних и тех же истин. Происходило же это потому, что авторы сначала писали, а потом уже начинали думать. Вот почему потомки из тысяч фолиантов извлекали самую суть и перелагали ее в небольшие книжки форматом в двенадцатую долю листа, а все остальное – послания епископов, предостережения парламентов, обвинительные речи и надгробные слова, газеты, полмиллиона томов комментариев, сто тысяч томов юриспруденции и неправосудной критики, пять тысяч словарей, сто тысяч поэм, шестнадцать тысяч путешествий и миллиард романов – сожгли. Конечно же, этот грандиозный костер, достойный воображения Рабле, не стоит сближать с кострами инквизиции. Напротив, здесь отчетливо сказываются антифеодальные, предреволюционные настроения Мерсье, и он, устами библиотекаря, спешит заявить, что на костре были сожжены лишь вздор и нелепости как старых, так и новых авторов и что таким образом была принесена очистительная жертва истине, здравому смыслу и хорошему вкусу. Ведь "Индекс запрещенных книг", в конце концов, это тоже книга!

Пессимистически смотрит на судьбы книги своего времени "химик и ботаник", он же автор сказок дедушки Иринея и большой книголюб В.Ф.Одоевский. В своем

незавершенном произведении "4338-й год" он пишет[4]: "Не только чрез 2500 лет, но едва ли чрез 1000 останется что-либо от наших нынешних книг". По его мнению, они будут либо изъедены насекомыми, либо истребятся от хлора. Уцелеют, быть может, только полуистлевшие строчки из письма некоего помощника столоначальника к своему приятелю, толкование которых станет предметом ученых диссертаций. Что же придет на смену нашим книгам? "Настанет время, когда книги будут писаться слогом телеграфических депешей... переписка заменится электрическим разговором; проживут еще романы, и то недолго – их заменит театр, учебные книги заменятся публичными лекциями"[5].

Было бы смешно критиковать нашего замечательного писателя и мыслителя за то, что он и через 2500 лет не предоставляет человечеству иных средств сообщения и связи, кроме "электропроходов" (электропоездов?), "гальваностатов" (аэростатов, движимых электричеством) и "электрических разговоров" (телефон и радио?). И все же "театр и публичные лекции", соединенные с "электрическими разговорами" наших дней, не вытеснили книгу, как этого опасался Одоевский. Мы не знаем, что еще даст человечеству технический прогресс. Но как никакие пилюли, содержащие в себе все, что нужно для жизнедеятельности человека, не смогут заменить ему удовольствия, скажем, от благоухающего кавказского шашлыка, запиваемого бокалом "мукузани", так, смею думать, никакие технические изобретения не заставят человека будущего отказаться от счастья взять иногда в руки книгу, развернуть ее на нужном месте и отдаться пленительному полету мысли, направляемому черными значками, построенными умными рядами на желтоватом фоне бумаги.

---

[4] Цит. по: Одоевский В.Ф. Романтические повести. Предисл., вступ. ст. и ред. Ореста Цехновицер. Л., 1929. С. 348.
[5] Там же. С. 389.

НАША БИБЛИОТЕКА

Как я начал собирать книги

У моих родителей не было сколько-нибудь значительной библиотеки: полка архитектурных книг отца и этажерка русских и зарубежных классиков, да полка наших детских книг. Но я помню, что мне нравилось еще ребенком считать себя библиотекарем и доставать книгу с придуманным высоким номером с какой-нибудь также воображаемой мной 97 полки. В младших классах школы я увлекался затеей составления и издания энциклопедии наук и искусства и, кажется, составил два первых иллюстрированных ее выпуска. Подростком я увлекался археологией, проводя целые дни на песчаных дюнах под Семипалатинском, где обнаруживались черепки горшков, наконечники стрел и каменные топоры. Мое первое сильное библиофильское впечатление – это находка на толкучке книги екатерининского времени с гравюрами "Военный мореплаватель, или Собрание разных на войне употребляемых судов..." (Спб., 1788). Помню, как я бежал домой, чтобы вымолить у матери деньги на книгу, и как я был счастлив, когда покупка состоялась. Однако много позднее я был вынужден продать несколько мешков книг, ненужных для научных занятий. Среди них был и "Военный мореплаватель". Вот вам и начало книжного собрания!

В сущности, я никогда не был коллекционером книг в точном значении этого слова. Коллекционирование всегда предполагает установление более или менее определенных границ, относящихся к тематике, содержанию, характеру собираемых книг, за пределы которых собиратель не выходит и внутри которых пытается достичь максимально возможной полноты. Особенное значение приобретают те

Статья под названием "Библиотека А.И.Маркушевича и А.В.Маркушевич-Ивановской" напечатана в Ежегоднике "Памятники культуры: Новые открытия: Ежегодник, 1975" (М., 1976).

коллекции, границы которых устанавливаются из принципиальных соображений, продиктованных научными или культурными целями. Из русских дореволюционных собраний можно назвать в виде примеров собрание книг Черткова, служивших познанию России во всех отношениях и подробностях, собрание по библиографии русских книг Д.В.Ульяновского, в советское время – собрание изданий русских поэтов, начиная с XVIII в. и до наших дней, И.Н.Розанова, собрание русских поэтов XX в. А.К.Тарасенкова. Такого рода собрания почти всегда приводят к появлению новых библиографий, служащих важными пособиями для научной и литературной работы, а также и для последующих собирателей. Меньшее значение имеют те коллекции, в которых самый выбор предмета диктуется своеобразными соображениями, когда речь идет о достижении успеха без чрезмерных затрат умственных, душевных и материальных средств. Полнота собрания здесь имеет, главным образом, спортивное значение; открытия трудно ожидать: все известно и много раз описано. С этой точки зрения, например, понятен довольно устойчивый интерес собирателей прошлого века к изданиям Эльзевиров. Общее число известных изданий этой прославленной фирмы оценивается библиофилами примерно в 2100. Если же ограничиться излюбленными для собирателей этих книг форматами не выше 12-й доли листа, то их будет и еще меньше. Помимо портативности такой библиотеки она не требует и чрезмерных затрат, так как за отдельными исключениями книги сохранились в немалом числе экземпляров и относительно недороги.

Другой пример – собирание французских книг с гравюрами XVIII в. Составленный в пору расцвета этого собирательства, справочник Коэна насчитывает, включая позднейшие добавления, свыше 5000 таких изданий. Но если, следуя немецкому библиографу М.Зандеру, исключить все книги, содержащие менее двух одностраничных гравюр или менее трех виньеток и концовок, то число их сведется к 2000 с небольшим. Нужды нет, что текст этих изданий по большей части довольно посредствен, как

отмечают сами авторы библиографических описаний. Их привлекательность – в иллюстрациях, книжных украшениях и переплетах. Кроме того, книги эти не исчезают с книжного рынка: поступая в продажу из одних собраний, они вливаются в другие.

Коллекционер, завладев очередной книгой, не обязательно спешит к общению с ней. Он может ограничиться тем, что заведет на нее карточку, да еще поставит галочку против ее описания в библиографическом справочнике, выбранном им в качестве основного.

Для обширной категории собирателей книг, к которой принадлежу и я, главная цель приобретения книги – это возможность обращения к ней всякий раз, когда возникнет потребность. Речь не идет здесь о чтении всей книги с начала до конца. Положите в среднем 5 дней на книгу: в год получится примерно 70 книг, а за 50 лет такого чтения без отдыху и сроку – около 3500 книг. Вот предел возможностям трудолюбивого читателя. Но эти возможности возрастают в несколько раз, если для многих книг ограничиться просмотром, чтением отдельных характерных или приковывающих внимание мест, сопоставлением этих книг с другими изданиями, просмотром или чтением материалов, относящихся к данной книге. К этому или примерно к этому сводится для меня общение с книгой в большинстве случаев, а потребность в таком общении является поводом и, можно сказать, началом моего собирательства. Собирательство такого рода не предполагает определенной программы. Для меня и для жены наша библиотека – это наше продолжение в книгах, реализация возможности расширить, углубить наш духовный мир, многократно увеличить объем памяти, возможность встреч и бесед с интереснейшими людьми всех веков и народов. Каждая вновь приобретенная книга может послужить поводом для расширения тематики нашей библиотеки. Ведь она может оказаться лишь одним звеном из целой цепи книг, определенным образом продолжающих или дополняющих друг друга, наконец, позволяющих смотреть на один и тот же предмет разными глазами.

А.В.Маркушевич-Ивановская

Поэтому новая книга нередко может служить началом новой, неожиданной для владельца, части собрания.

Серьезное собирание для меня началось уже после войны, когда мой возраст приближался к 40 годам. В книжном магазине Академии наук СССР на улице Горького на антресолях помещался отдел антикварных книг, покровительствуемый тогдашним президентом Академии наук С.И.Вавиловым. Отдел этот предназначался для обслуживания академиков, для сведения которых выпускались и соответствующие ежемесячные печатные каталоги. Цены на книги назначались, как правило, высокие. Академиком я не был, но доступ туда получил и скоро сделался завсегдатаем этого отдела, где народу бывало довольно мало. Торговлю там вела и каталоги составляла покойная Екатерина Ивановна Эриванцева. Как вспомню сейчас, совестно становится, каким невеждой по части книжного дела был я тогда, четверть века назад, а особенно в области западной библиографии. Помню, как с некоторым недоверием и даже скукой я взирал на толстые тома руководства Брюне, – на что, мол, они мне нужны, и как я, по рекомендации Е.И.Эриванцевой, купил потом и Брюне и другие библиографические пособия, без которых, можно сказать, шагу нельзя ступить в собирании европейской книги. На этих антресолях прошел я, принимая во внимание мой зрелый возраст, своего рода книжный рабфак, единственной терпеливой и снисходительной учительницей которого была для меня Екатерина Ивановна. Ну, а "книжные университеты" пошли потом, и заключались они в самом процессе собирания книг и в беседах со знающими людьми.

Постепенно я стал реже прибегать к услугам общественных библиотек, заводя в нашей библиотеке отделы по вопросам, начинающим привлекать мое внимание. При этом, повторяю, я не стремился к полноте, а скорее к представительности нового отдела: лучшие, авторитетнейшие, а также наиболее замечательные в каком-либо отношении издания должны быть в нем представлены.

Общая характеристика библиотеки

У меня с женой – Анастасией Васильевной Маркушевич-Ивановской (ныне покойной) – еще перед войной была небольшая, собранная нами библиотека (около 2000 книг). Интересы жены (она получила литературное образование, работала в свое время экскурсоводом Третьяковской галереи) относились к литературе и искусству и в этой области совпадали с моими. В нашу библиотеку входили книги по литературе и изобразительному искусству (почти исключительно на русском языке) и математике. Эта библиотека, уцелевшая за годы войны, послужила ядром послевоенного весьма интенсивного собирательства. При этом расширилась тематика, стали широко приобретаться книги прошлых веков, книги на иностранных языках по всем разделам, а потом и рукописи.

В настоящее время в библиотеке более 20 000 единиц (точного подсчета нет). Это преимущественно печатные книги (среди них свыше 70 инкунабулов и 100 старопечатных славянских книг), около сотни рукописей XIV–XIX вв., полные комплекты журналов "Мир искусства", "Русский библиофил", "Старые годы", "Аполлон", "Среди коллекционеров", комплекты первых лет издания старейших научных журналов Европы: "Журнал ученых" (Париж, 1669–1677, в переиздании 1717–1724); "Любопытная смесь" (Лейпциг, 1670; Иена 1671; Нюрнберг, 1698, 1699); "Ученые деяния" (Лейпциг, 1682, 1683, 1692); "Комментарии Петербургской Академии наук" (Пб., 1728–1751); "История (и мемуары) Берлинской Академии наук и литературы" (Берлин, 1746–1751).

Библиотека имеет энциклопедический характер: художественная литература (в изданиях XV–XX вв.), как правило, на языке оригинала и по возможности в прижизненных или первых изданиях: среди них произведения Петрарки, Боккаччо, Бранта, Мурнера, Эразма Роттердамского, Маро, Ронсара, Рабле, Маргариты Наваррской, Аретино, Ариосто, Боярдо, Тассо, Лопе де Вега, Сервантеса, Лафонтена, Свифта, Лесажа, Монтескье, Дидро,

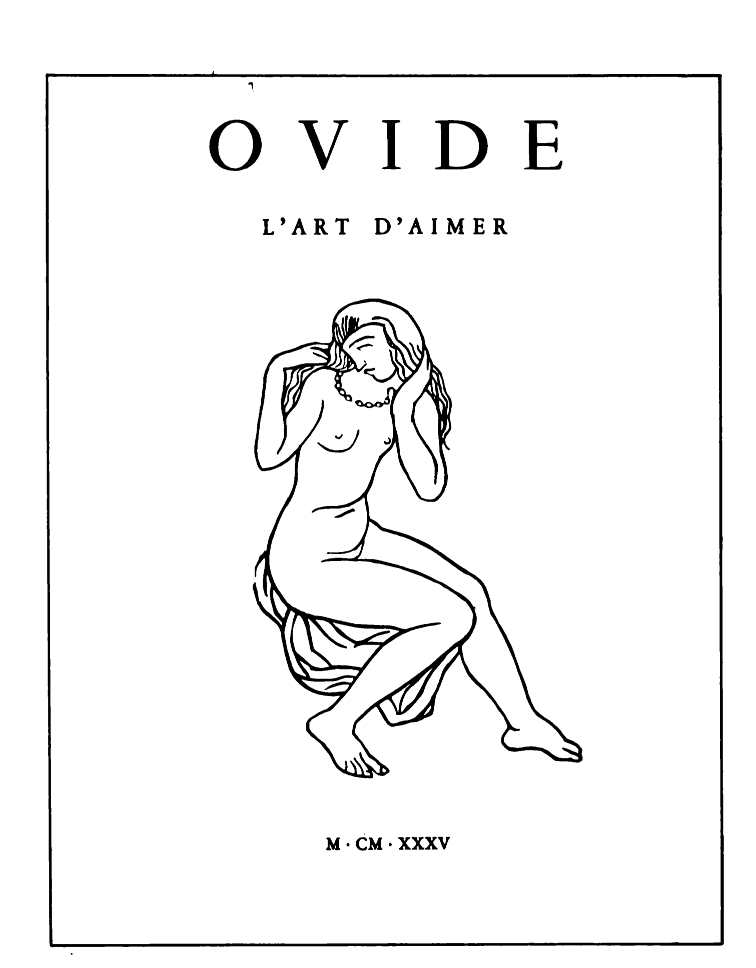
Вольтера, Руссо, Бомарше, Ломоносова, Державина, Гете, Шиллера, Жуковского, Крылова, Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Бальзака, Гюго, Диккенса; фольклор; русский лубок (конечно, включая "Русские народные картинки" Д.А.Ровинского); изобразительное искусство, в особенности графика (один из разделов – обширное собрание книг с символами и эмблемами, начиная с изданий XVI в.[1]); история литературы и литературоведение; мемуары; всеобщая и русская история; путешествия прошлых веков, особо россика (в том числе редчайшие издания), математика и естествознание, история науки, особо классики науки (на языке оригинала и по возможности в прижизненных или первых изданиях, среди них произведения Дюрера, Штеффлера, Оронса Финя, Аппиануса, Фракасторо, Фукса, Агриколы, Тартальи, Тихо Браге, Кеплера, Галилея, Декарта, Паскаля, Спинозы, Бойля, Ньютона, Валлиса, Левенгука, И.Бернулли, Эйлера, Ломоносова, Бошковича, Ламберта, Даламбера, Лагранжа, Гальвани...); история человеческих заблуждений: религия, магия, розенкрейцерство и масонство; история книги и искусство книги; справочная литература (энциклопедии общие и отраслевые, словари и справочники, библиография).

В библиотеке широко представлены произведения знаменитых печатников (Иенсон, Кобергер, Кервер, Альд Мануций, Этьенн, Трексель, Граф, Плантен, Фейерабенд, Эльзевиры, Мериан, Баскервиль, Барбу, Ибарра, Бодони, Дидо, Иван Федоров и Петр Мстиславец, Андроник Невежа, Радишевский, Фофанов, Василий Бурцов и др.).

Одно из наших пристрастий – книги с гравюрами XV–XX вв., особо – произведения мировой литературы с иллюстрациями художников различных стран и эпох (Библия, "Метаморфозы" Овидия, Вергилий, "Басни" Эзопа, "Дафнис и Хлоя" Лонга, "Рейнеке-Лис", "Декамерон" Боккаччо, "Гаргантюа и Пантагрюэль" Рабле, "Неистовый Роланд" Ариосто, "Освобожденный Иерусалим" Тассо, "Дон Кихот" Сервантеса, "Сказки и новеллы"

---

[1] См. с. 188–200 настоящего издания.

Титульный лист "Искусства любви" Овидия. Оформление книги и иллюстрация А.Майоля

Лафонтена, "Орлеанская девственница" Вольтера и т.д.).

Наша библиотека разноязычна. После книг на русском языке и сравнительно немногих книг на славянских языках: украинском, белорусском, польском, чешском, болгарском, сербском – идут книги на французском, немецком, английском, итальянском, испанском, голландском, шведском, латинском, греческом и др.

Библиотека складывалась постепенно. Мы старались иметь под рукой книги по всем интересующим нас вопросам.

Большинство моих книг и статей по различным вопросам науки, культуры, просвещения написаны по материалам личной библиотеки. Часто работа над очередной темой начиналась с усиленных поисков и приобретения книг, материалов и источников для работы.

Выборка из цимелий

Ниже автор приводит выборку из редких и ценных книг каждого раздела своей библиотеки[2].

Рукописи.

Иллюминованные латинские рукописи на пергаменте XIV–XV вв. французского и немецкого происхождения (молитвенники с многоцветными инициалами, орнаментами на полях и миниатюрами).

Русское рукописное Евангелие середины XVI в. с четырьмя миниатюрами евангелистов.

Рукописи на персидском и арабском языках XVI–XIX вв. Среди них: Навои. "Фархад и Ширин"; Фирдоуси. "Шах-Намэ"; Бедиль. "Четыре элемента"; Диван (XVI в.?) и др.

"Артиллерия" и др. произведения на польском языке, собственноручно писанные и иллюстрированные польско-

---

[2] Точка зрения собирателя на редкие книги изложена на с. 110–113 этой книги.

литовским инженером и ученым Нароновичем-Наронским, 60-е годы XVII в.[3]

Конволют из собрания Ф.Каржавина, содержащий наряду с другими рукописями XVIII в. собственноручные записи владельца.

Лицевые рукописи, выполненные русскими мастерами: Псалтырь (копия Годуновской Псалтыри 1594 г. с воспроизведением на полях миниатюр, сделанная в середине XIX в.), "Апокалипсис" и "Страсти Христовы" (апокрифические сказания) – начало XVIII в.; "Страсти" – первая четверть XIX в.

"Шесть писем, или Дневник моего путешествия из Петербурга в Вену в 1792 г." (рукопись гр. Гр. Ив.Чернышева на фр. языке)[4].

Инкунабулы[5].

Аристотель. "Этика по Никомаху"; там же: "Политика". "Экономика" (Страсбург: Иоганн Ментелин, до 10.04. 1469); лат. В том же переплете латинская рукопись XV в.: Генрих де Монтенатре. "Риторика".

Цицерон. "Письма к близким" (Венеция: Ник. Иенсон, 1471); лист из первого издания "Зеркала человеческого спасения" с двумя гравюрами на металле, не позднее 1471 г.; лат.

Боккаччо. "О знаменитых женщинах" (Страсбург: Георг Хуснер, 1474–1475), 4°; лат.

Вольфрам фон Эшенбах (Альбрехт фон Шарфенберг). Титурель (Страсбург: Иоганн Ментелин, 1477); "Бревиарий" (Венеция: Франц Реннер, 1480) – экз. весьма редкого издания: сводный каталог инкунабулов насчитывает лишь два неполных экземпляра – в Чикаго и Нью-Йорке; экз., выставлявшийся в 1914 г. в Петрограде на выставке "Русская и иностранная книга XV–XIX вв.".

---

[3] См. ниже С. 200–221.

[4] См. ниже С. 120–151.

[5] Коллекция инкунабулов была передана мною целиком в 1976 г. в дар Ленинской библиотеке. См.: Инвентарь инкунабулов / Гос. б-ка СССР им. В.И.Ленина. М., 1979. Вып. 3. Коллекция А.И.Маркушевича.

Гартманн Шедель. "Книга хроник" (Нюрнберг: Антон Кобергер, 1493) (два издания: лат., экз. с раскрашенными гравюрами; нем., экз. с нераскрашенными гравюрами).

Альберт Саксонский, Томас Брадвардин, Никола Орем. "Трактаты о пропорциональности" (Париж: Де Марнеф, не ранее 1481). Кроме этого экземпляра в литературе был известен лишь один, хранящийся в Парижской национальной библиотеке.

Арнольд де Вилла Нова. "Зеркало медицины"; Мундинус. "Анатомия" (Лейпциг: Мартин Ландсберг, ок. 1495) — конволют, содержащий два медицинских инкунабула; лат.

Молитвенник (Париж: Тильман Кервер, 1497); лат.

Франциск Колумна. "Гипнеротомахия Полифила" (Венеция: Альд Мануций, 1499); итал., экз. с автографом Людвига Тика.

Первопечатные славянские книги.

Четвероевангелие. "Тырговиште" (Макарий, 1512).

Четвероевангелие (т.н. среднешрифтное) (Москва: анонимная типография, ок. 1555) (?).

Издания Ивана Федорова: Евангелие учительное (Заблудово, 1569); Новый завет (Острог, 1580) — два экз.; "Собрание вещей нужнейших" — указатель к предыдущему изд. (Острог, 1580); Библия (Острог, экз. с двумя выходами: 1580 и 1581).

Четвероевангелие (Вильно: Петр Мстиславец, 1575).

Часовник (Москва: Андроник Тимофеев, сын Невежин, 1601) — был известен только один экз. этого издания, находящийся в ГПБ.

Классические научные[6] и философские произведения.

"Переписка философов и ученых" (Венеция: Альд Мануций, 1499); греч.

Аполлоний. "Конические сечения" (Венеция: Биндони, 1537); Гаффуро. "Сочинения о гармонии музыкальных инструментов" (Милан: Понтано, 1518); лат., конволют.

---

[6] См. статьи, помещенные на с. 310–364 и 364–392.

И.Фракасторо. "Гомоцентрика" (Венеция, 1538), 4°; лат.[7]

Н.Тарталья."Различные вопросы и изобретения" (Венеция: изд. автора, 1546, 4°; 1554, 4°); итал., два издания; "Новая наука" (Венеция: К.Трояно деи Наво, 1562), 4°; итал.

Витрувий. "Десять книг об архитектуре" (Нюрнберг: И.Петри, 1548), 2°; нем., первый немецкий Витрувий, с многочисленными гравюрами на дереве; в тисненом переплете эпохи из белой кожи; то же (Париж: Куаньяр, 1684), 2°; фр.

Л.Фукс. "Новая книга о растениях" (Базель, 1543), 2°; нем.

Г.Агрикола. "Книга о горном деле" (Франкфурт-на-Майне, 1580), 2°; нем.

Тихо Браге. "Механика обновленной астрономии" (Нюрнберг, 1602), 2°; Лефебюр Д'Этапль. "Астрономическое введение в теорию небесных тел" (Париж: А.Этьен, 1517), 2°; лат., конволют.

И.Кеплер. "Дополнения к Вителлию (оптическая часть астрономии)" (Франкфурт, 1604), 4°; лат.

Г.Галилей. "Диалог о системах мира" (Лейден: Эльзевиры, 1635), 4°; лат.

Г.Галилей. "Беседы и математические доказательства" (Лейден: Эльзевиры, 1638), 4°; итал.

Ф.Кампанелла. "Побежденный атеизм" (Париж: Дюбре, 1636), 4°; лат.

Ф.Кампанелла. "О смысле вещей и магия" (Париж: Беше, 1637), 4°; лат.

Р.Декарт. "Страсти души" (Амстердам: Л.Эльзевир, 1650), 12°; лат.

Б.Паскаль. "Провинциалы, или Письма, написанные Луи де Монтальтом к одному провинциалу из его друзей" (Кельн: П. де ла Валле, 1657), 12°; фр.

Б.Спиноза. "Теолого-политический трактат" (1670,

---

[7] 4° – это 1/4 доля листа, 2° соответствует формат в 1/2 листа, а 8° – в 1/8.

4°; 1672, 4°); лат. Оба изд. прижизненные, без имени автора, с ложным указанием места издания – Гамбург (?) и издателя – Кюнрат (?).

И.Ньютон. "Математические начала натуральной философии" (Лондон: Дж. Стритер, 1687), 4°; лат., первое изд.; то же (Амстердам, 1714); лат., т.н. "первое континентальное издание".

А.Левенгук. "Вскрытия и открытия" (Лейден: Корнелиус Бутестейн, 1696); голл.; А.Левенгук. "Продолжение писем..." (Лейден, 1704); голл.; А.Левенгук. "Отправленные письма" (Дельфт, 1718); голл.

Я.Бернулли. "Искусство предположений" (Базель, 1713); лат.

И.Бошкович. "Теория натуральной философии" (Вена, 1751); лат., первое издание.

Ламетри. "Философские произведения" (Лондон, 1751) (на самом деле – Берлин, 1750); фр.

История, география, путешествия (преимущественно в связи с историей России до начала XIX в.).

"Неизвестная страна, или Новый свет..." (Нюрнберг, 1508), 2°; нижненем. Сборник известий о морских путешествиях, включающий описание путешествий Христофора Колумба; до этого экземпляра в России в XIX в. был еще один, перешедший от Березина-Ширяева к Соболевскому, а после смерти последнего проданный с аукциона в США[8].

Сборник на латинском языке, изданный в Базеле у Иоганна Фробена в 1515 г., 8°, содержащий известие папского легата Пизона "О конфликте поляков и литовцев с московитами" и письмо короля Сигизмунда к папе Леону X о победе над "московскими схизматиками", – одна из наиболее ранних печатных западных книг, где речь идет о Москве и московских делах.

И.Фабри. "О религии московитов" (Базель, 1526), 4°; лат., экз. в двойном марокеновом переплете работы Мариуса Мишеля.

---

[8] См. ниже с. 113–120.

"Области нового мира"... Первое издание сборника (составитель С.Гринеус), содержащего путешествия Колумба, Америго Веспуччи, описания России Мехова и Павла Иовия, Базель, Герватус (1532), 2°; лат. С картой мира французского ученого Оронса Финя.

Клавдий Птоломей. "География" (Базель: Генрих Петри, 1540), 2°; лат., в переводе Пиркхеймера, с новыми картами и с добавлениями Себастьяна Мюнстера; на одной из карт (XV новая карта) – города Московии, Белоруссии, Украины; в тексте в добавлениях Мюнстера даются сведения о Московии и о Москве, которая "вдвое больше, чем Богемская Прага".

Сигизмунд Герберштейн. "Записки о московитских делах" (Базель: Иоанн Опорин, 1556), 2°; лат., два экз.; один облачен в позднейший орнаментированный переплет белой кожи; к другому экз. приплетены два редчайших издания, восхваляющие деяния барона Сигизмунда Герберштейна (Вена, 1560 и 1563); первое из них содержит раскрашенные от руки гравюры на дереве, изображающие Герберштейна в парадных одеждах посла, две относятся к пребыванию в Москве в 1517 г., одна – в 1526 г.

Сигизмунд Герберштейн. "Удивительные московские истории" (Базель: Бриллингер и Русслингер, 1567), 2°; нем.; то же (Венеция: Педрецано, 1550), 4°; итал., два экз.

Тильман Бреденбах. "История ливонской войны, которую великий князь Московский ведет против Ливонии" (1564), 8°; лат., в марокеновом переплете.

Олаус Магнус. "История северных народов" (Базель: Генрих Петри, 1567), 2°; лат.

"О московской и татарской религии" (Шпейнер, 1582), 4°; лат., сборник из произведений Иоанна Фабри, Александра Гваньини, Одерборна и др., составленный Иоанном Лазицким, бывшим в 1570 г. в Москве и защищавшим перед Иваном IV свои религиозные убеждения; он принадлежал к Евангелической общине.

Павел Одерборн. "Жизнь великого князя московского Иоанна Васильевича" (Витемберг, 1585), 8°; лат., два

экз. с гравированным на дереве портретом Ивана IV на титульном листе.

Антоний Поссевин. ”Московия” (Вильнюс, 1586), 8°, редчайшее первое изд.; Антоний Поссевин. ”Московия и другие сочинения...” (Кельн, 1587), 2°; лат.

Рейнольд Гейденштейн. ”О московской войне” (Базель, 1588); лат.

Яков Ульфельдт. ”Современная Россия” (Франкфурт, 1608); лат., редкое первое изд., посмертное, вышедшее в свет без имени автора.

Петрей де Ерлезунда. ”Описание Московского государства” (Стокгольм, 1615); швед., экз. первого изд., большую редкость которого отмечал Д.В.Ульянинский; Петрей де Ерлезунда. ”История и отчет о великом княжестве Московском...” (Лейпциг, 1620); немецкий перевод и второе изд. указанного сочинения.

Антоний Гутерис. ”Дневник посольства...” (Гаага, 1619); лат. Аделунг – автор ”Критико-литературного обозрения путешественников по России...” – имел в руках только дефектный экземпляр с 16 гравюрами и считал, что их должно быть 19; в моем их 21.

Флетчер. ”История России, или Правление императора Московии” (Лондон, 1643); англ., второе изд., столь же редкое, как и первое, 1591; то же (рус.) – предназначалось для ”Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских при Московском университете” (М., 1848. Кн. 1). К большим редкостям относится этот текст первого русского издания, не вышедший в свет вследствие цензурного запрета; экз. этого перевода имеется у нас в виде вырезки из журнала.

Адам Олеарий. ”Вожделенное описание восточного путешествия” (Шлезвиг, 1647); нем., это первое редчайшее издание знаменитого путешествия; в этом же переплете Ганс Яков Бройнинг фон Буохенбах. ”Восточное путешествие” (Страсбург, 1612); Адам Олеарий. ”Дополненное описание путешествия в Московию и Персию” (Шлезвиг, 1656); нем., второе изд.; Адам Олеарий. ”Реляция о путешествии в Московию, Татарию и Персию...” (Париж,

1656); фр., первое изд.; то же (Лейден, 1719); фр., двухтомное голландское изд., со вновь награвированными изображениями.

Капитан Маржерет. "Состояние русской империи" (Париж, 1669); фр., второе издание; первое вышло в Париже в 1607 г. Д.В.Ульянинский в описании своей библиотеки пишет: "Оба старинных издания Маржерета везде, а тем более в России, принадлежат к величайшим библиографическим редкостям".

И.Г.Корб. "Дневник путешествия в Московию" (Вена, 1700); лат., об этой книге издатель русского перевода А.И.Малеин отзывается как об "одной из величайших библиографических редкостей, так как продажа ее по требованию русского правительства была запрещена, а нераспроданные экземпляры уничтожены".

Литература и искусство.

Данте. "Божественная комедия" (Венеция: Альд Мануций, авг. 1502), 8°; итал., экз. в черном марокеновом переплете с серебряными украшениями; был подарен князем Лобановым-Ростовским сенатору Половцеву в 1875 г., с экслибрисами обоих собирателей; то же (Венеция: Джованни Джолитто да Трино, 1536), 4°; с гравюрами на дереве, экслибрисы "Фр.Ру и друзей" и Альберта Флонселя, 1731.

Томас Мурнер. "Заклятье дураков" (Страсбург: Гупфуфф, 1512), 4°; нем., с гравюрами на дереве, частично заимствованными из иллюстраций А.Дюрера к "Кораблю дураков" С.Бранта (с тех же досок), и обрамлением страниц, включающим озорные шутовские сценки.

Эразм Роттердамский. "Похвала глупости" (Венеция: издание Альдов, 1515), 8°; лат.

Мельхиор Пфинциг. "Тейерданк" (Аугсбург: Ганс Шенспенгер, 1519), 2°; нем., экз. с раскрашенными гравюрами. Доски, с которых делались отпечатки гравюр, служили еще около полутора столетий. У меня есть позднейшие издания поэмы с иллюстрациями с тех же досок (Франкфурт-на-Майне: Эгенольф, 1563; Аугсбург: Матфей Шультес, 1679).

А.Дюрер. "Четыре книги о пропорциях человеческого тела" (Нюрнберг, 1528), 2°; нем. с иллюстрациями автора; то же – французский перевод (Арнем: Жак Жансо, 1613), с теми же рисунками, экз. в переплете Бозериана младшего, экспонировался на "Выставке русской и иностранной книги" в Петербурге в 1914 г., № 97.

Гольбейн Младший. "Иллюстрации к Ветхому завету" (Лион: братья Трексель, 1538), 4°; лат., первое редчайшее издание знаменитой серии гравюр на дереве в красном марокеновом переплете с золоченой головкой и золотым обрезом.

"Гробница Маргариты Валуа королевы Наварры" (Париж: М.Фазендер и Р.Гранжон, 1551), 8°; фр., сборник поэтических произведений, посвященных памяти королевы, с ее гравированным на дереве портретом; среди авторов стихов – Пьер Ронсар.

Пьер де Ронсар. "Четыре первые книги Франсиады" (Париж: Габриель Бюон, 1572), 4°; фр., с гравированными на дереве портретами Ронсара и короля Карла IX. В оригинальном, тисненном золотом французском переплете эпохи, с девизом на крышках: "Цель моей надежды".

"Рейнеке-Лис" (Росток; Л.Дитц, 1549), 4°; нижненем., с гравюрами на дереве, экз. в тисненом переплете из белой кожи, датированном 1551 г.; библиотека содержит также коллекцию различных более поздних изданий "Рейнеке-Лиса", вышедших в XVI–XVIII вв.

Иост Амман. "Иллюстрации к римской истории Тита Ливия" (Франкфурт-на-Майне: Георг Корвин, 1573), 8°; нем., альбом гравюр на дереве, включающий портрет знаменитого франкфуртского издателя того времени Сигизмунда Фейерабенда.

"Книга любви" (Франкфурт-на-Майне: С.Фейерабенд, 1587), 2°; нем., с гравюрами на дереве. Сборник немецких народных произведений – таких, как "Повесть о прекрасной Магелоне", о "Господине Тристане и прекрасной Изольде", о "Тиагене и Хариклии", о "Благородной Мелузине", о "Рыцаре из Турна", о "Герцоге Герпине" и др. Не-

которые из них стали известны в России в качестве лубочных изданий.

Ариосто. "Неистовый Роланд" (Венеция: Андрей Вальвасори, 1567), 4°; итал., с гравюрами на дереве; то же (Париж: П.Плассан, 1795), 8°, в четырех томах; итал., с гравюрами по рисункам Кошена младшего, в кожаных переплетах эпохи; то же (Париж: Л.Ашетт и К°, 1879), 2°; фр., с гравюрами на дереве по рисункам Г.Доре.

Боярдо. "Влюбленный Роланд" (Венеция: И.Скотто, 1553), 4°; итал., с гравюрами на дереве.

Рабле. "Гаргантюа и Пантагрюэль" (Лион: Пьер Эстьяр, 1596), 16°; фр., две части в одном переплете; то же (Амстердам: Эльзевиры, 1666), 12°, 2 тома; то же (Париж: Бастьен, VI год республики), 2°, 2 тома, экз. с огромными полями, с серией гравюр на меди; то же (Париж: Бри, 1854), 4°, первая серия гравюр Г.Доре, два экз.; то же (Париж: Гарнье, 1873), 2°; 2 тома, вторая серия гравюр Г.Доре; то же (Париж: Жибер младший, 1957), 4°; 2 тома, экз. № 1440, цветные иллюстрации Дюбу.

Лопе де Вега. "Завоевание Иерусалима: Трагическая эпопея" (Мадрид: Хуан де ла Коста, 1609), 4°; исп., с гравированными на дереве портретами автора и короля Альфонса VIII, заставками, концовками и инициалами. Переплет, тисненный золотом с суперэкслибрисом: Biblioteca de Salva.

Ж.Десмаре. "Кловис, или Христианская Франция" (Париж: Ф.Ламбер, 1661), 4°; фр., гравюры на меди на отдельных листах и украшения и инициалы, гравированные на дереве, – все работы Абраама Босса.

Бенсерад. "Метаморфозы Овидия в рондо" (Париж: Королевская тип., 1676), 4°; фр., с гравюрами на меди Себастьяна Леклерка; то же (Амстердам: Пьер Мортье, 1697), 8°; фр., две части в одном переплете.

Д.К.Лоэнштейн. "Арминий и Туснельда" (Лейпциг: Христоф Флейтер, 1689–1690), 4°, 2 тома; фр., с гравюрами на меди Я.Сандрарта.

Симеон Полоцкий. "Псалтырь царя и пророка Давида,

художеством рифмотворным равномерно слоги, и согласноконечно, по различным стихов родам предложенная" (Москва: Верхняя типография, 1680), 2°; первое русское печатное издание стихотворного произведения; с гравюрой на меди Симона Ушакова и гравированными на дереве заставками, концовками и инициалами; в тисненом кожаном переплете эпохи.

Лонг. "Дафнис и Хлоя" (Париж: Кийо, 1718), 8°; фр., экз. с фронтисписом Куапеля, сюитой иллюстраций регента Франции Филиппа Орлеанского и гравюрой Кайлюса "Маленькие ножки", состояние – до подписи; в конце приложена полная сюита иллюстраций из издания: Париж, Кустелье, 1731; экз. в красном марокеновом переплете эпохи; то же (Париж, фактически Амстердам); "Для любопытных" (1754), 4°; греч., лат., экз. на "большой бумаге", с гравюрами предыдущего издания в рамках на отдельных листах, заставками и инициалами; красный марокеновый переплет эпохи; то же (Париж: Пьер Дидо, 1802), 4°; греч., иллюстрации Прюдона и Жерара.

Вергилий. "Сочинения" (Бирмингам: Дж.Баскервиль, 1757), 4°; лат., экз. знаменитого издания, в красном сафьяновом переплете эпохи, украшенный владельцем парижской сюитой гравюр Кошена младшего на паспарту, в цветных с золотом рамках; то же (Париж, Кийо-отец, 1743), 8°, 4 тома; фр., экз., для которого была изготовлена упомянутая серия гравюр, с портретами Константина Мавро-Кордата (ему посвящено издание), переводчика аббата Десфонтена и полной сюитой гравюр Кошена, в красных марокеновых переплетах эпохи; то же (Париж: Барбу, 1767), 12°, 2 тома; лат., вторая сюита иллюстраций Кошена младшего, в красных марокеновых переплетах эпохи; то же (Лондон: Кнаптон и Сэндби, 1750), 8°, 2 тома; лат., с гравюрами, изображающими античные медали и барельефы; то же (Париж: Пьер Дидо, 1798), 2°; лат., с гравюрами по рисункам Жерара и Жираде, экз. № 155 (из 250), подписанный издателем; переплет из красного марокена, работы Бозериана[9].

---

[9]Подробнее об этих экземплярах изданий Вергилия см. с. 173–177.

Овидий. "Метаморфозы" (Париж: Про, 1767–1771), 4°, 4 тома; лат., фр., знаменитое иллюстрированное издание, с гравюрами по рисункам крупнейших французских рисовальщиков XVIII в.; Буше, Эйзена, Гравело, Лепренса, Монне, Моро и др. В переплетах телячьей кожи, с украшенными золотым орнаментом корешками; то же (Амстердам: Вейнштейн и Смит, 1732), 2°, 2 тома; лат., голл., с иллюстрациями по рисункам Б.Пикара, Лебрэна, Леклерка и др.; оба тома (листы не обрезаны!) в одном переплете.

Боккаччо. "Декамерон" (Венеция: Пьеро де Николини да Сабио, 1537), 8°; итал., гравюры на дереве; то же (Кельн: Ж.Гайар, 1712), 12°, 2 тома; фр., гравюры Ромейна де Хоге, экз. с суперэкслибрисом знаменитого немецкого библиофила XVIII в. графа Бюнау; то же (Лондон, фактически Париж, 1757), 8°, 5 томов; итал., с гравированными на меди иллюстрациями, 81 концовкой Гравело, Буше, Кюшена и Эйзена.

Маргарита Наваррская. "Гептамерон" (Амстердам: Ж.Галле, 1698), 12°, 2 тома; фр., гравюры Ромейна де Хого; то же (Берн: Новая типографическая кампания, 1792), 8°, 3 тома; фр., гравюры Фрейденберга и Дюнкера.

Вольтер. "Орлеанская девственница" (Женева, 1762), 8°; фр., с гравюрами по рисункам Гравело, экз. в переплете телячьей кожи работы Петит Симье; то же (Кельн: тип. Лит.-типографической кампании, 1785), полное собрание сочинений Вольтера, т. XI; фр., гравюры по рисункам Моро младшего; то же (Париж: П.Дидо, 1795), 4°, 2 тома; фр., с гравюрами по рисункам Лебарбье, Марийе, Монне и Монсио; собрание гравюр к предыдущему изданию, слегка подцвеченных от руки.

Л.Стерн. "Сентиментальное путешествие" (Париж и Амстердам: тип. Дидо, 1799), 4°, 2 тома; англ., фр., с гравюрами по рисункам Монсио, в черных марокеновых переплетах эпохи, с золотым орнаментом на крышках, а ля грек.

Ж.-Ж.Руссо. "Сочинения" (Лондон, фактически Брюссель, 1774–1783), 4°, 12 томов; фр., гравюры по рисункам Моро младшего и Ле Барбье, портрет Руссо по оригиналу де Ла Тура.

Тассо. "Аминта" (Парма: Бодони, 1789), 4°; итал., экз. в черном марокеновом переплете эпохи.

Саллюстий. "Заговор Катилины и Югуртинская война" (Мадрид: Иоаким Ибарра, 1772), 2°; исп., лат., экз. в красном сафьяновом переплете эпохи, с золотым тиснением.

Сервантес. "Дон Кихот" (Мадрид: Иоаким Ибарра, 1780), 4°, 4 тома; исп., с гравюрами по рисункам Баллестера, Бриева, Карницеро, Ла Кесто и Цимено. В оригинальных зеленых со светлыми брызгами кожаных переплетах эпохи, украшенных золотым тиснением; то же (Мадрид: Габриель де Санча, 1797–1798), 8°, 5 томов; исп., с гравюрами по рисункам Кармарона, Мередо, Монне, Порре и др. Экземпляр на "большой бумаге", не обрезанный, с экслибрисом знаменитого французского библиофила и издателя А.Ренуара, с присоединенными сериями гравюр к Дон Кихоту французских, немецких и испанских художников XVIII и начала XIX в., некоторые серии даны в разных состояниях: "до подписи" и "с подписью"; то же (Париж: Дюбоше и К°, 1836–1837), 8°, 2 тома; фр., с гравюрами на дереве по рисункам Тонни Жоанно, в полукожаных переплетах эпохи, с орнаментированными золотом корешками; то же (Париж, Л.Ашетт и К°, 1863), 2°, 2 тома; фр., с гравюрами на дереве по рисункам Г.Доре, первое издание знаменитых рисунков Доре; серия гравюр по оригиналам Куапеля (Париж: Жан Фр.Шеро, 1724), 2°, первое изд. знаменитой серии иллюстраций к Дон Кихоту, гравированных на меди Сюрюгом; Дон Кихот. "Назидательные новеллы" (Амстердам и Лейпциг: Арксте и Меркус, 1768), 12°, 8 томов; фр., с гравюрами на меди Фолькена и Фокке по рисункам Куапеля, экз. в красных полукожаных переплетах эпохи; ил. к Дон Кихоту, серия гравюр с пояснительным текстом по рисункам Франческо Новелли (Венеция: Альвизополи, 1819), 8°; итал., экземпляр в переплете, обтянутом пергаментом, с золоченым орнаментом на корешке, один из двух, отпечатанных на подцвеченной французской бумаге.

Бомарше. "Безумный день, или Женитьба Фигаро"

(без места издания, 1785), 8°; фр., вверху титульного листа старинным почерком написано по-русски: "Первое издание. (Сообщено И.Бецким)"; то же (Кельн: в тип. Лит.-типографической компании, 1785), 8°; фр., с гравюрами Альбу, Льенара и Линже по рисункам Сен-Квентина; то же (Пале-Рояль: Рус, 1785), 8°; фр., с гравюрами Малапо по рисункам Сен-Квентина, оба эти иллюстрированные издания оспаривают у французских знатоков книги честь быть первым; "Фигарова женидьба...", переведенная на российский язык А<лександром> Л<абзиным>. Представлена в первый раз на вольном Петровском театре в Москве, января 15 дня 1787 (М.: Университет. тип., у Н.Новикова, 1787), первое русское издание.

М.Херасков. "Россияда, ироическая поема, печатана при Императорском Московском университете" (1779), 4°; в красном сафьяновом переплете эпохи, с золоченым орнаментом на корешке и гербом на крышках переплета.

Н.Струйский. "Сочинения, часть первая" (Пг.: Шнор, 1790), 4°, стихи графомана, изданные в превосходном типографском исполнении, с гравированными на меди заставками и концовками. Экземпляр в черном марокеновом переплете эпохи, с золоченым орнаментом на корешке.

Екатерина II. "Начальное управление Олега" (Пг.: тип. Имп. горного училища, 1791), 2°, с гравированными на меди титульным листом и заставками в тексте, экз. в листах, не обрезанный; Екатерина II. "Историческое представление о жизни Рюрика. С примечаниями генерал-майора Болтина" (Пг.: тип. Имп. горного училища, 1792), 8°; рус., нем., с гравированным заглавным листом, полукожаный переплет работы Ро.

Вольтер. "Собрание сочинений г.Вольтера. Переведено с французского и издано И<ваном> Р<ахманиновым>, ч. 1–3" (Спб.: тип. Вильновского и Галченкова, 1785–1789), 8°, в одном переплете; "Полное собрание всех доныне переведенных на российский язык, и в печать изданных сочинений г.Вольтера... Собрано и издано И<ваном> Р<ахманиновым>, ч. 1–3" (Козлов; Казинко;

тип. И.Г.Рахманинова, 1791), 8°, в трех кожаных переплетах эпохи, экз. издания, конфискованного в январе 1794 г. и в основном погибшего в 1797 г. при пожаре.

В.Капнист. "Сочинения. Во граде св. Петра" (Спб.: тип. Гос. мед. коллегии, 1796), 8°, с гравированными на меди титульным листом и заставками в тексте; В.Капнист. "Ябеда: Комедия в 6-ти действиях" (Спб.: Имп. тип., 1798), с гравированным аллегорическим фронтисписом; В.Капнист. "Лирические сочинения" (Спб.: тип. Ф.Дрехслера, 1806), с гравированными на меди фронтисписом, заставками и концовками.

И.Хемницер. "Басни и сказки, в 3-х частях" (Спб.: Имп. тип., 1799), 8°, с гравированными фронтисписом, заставками и концовками, отпечатанными А.Н.Олениным в технике лависа темно-желтом и черном цветами.

Г.Державин. "Анакреонтические песни" (Пб.: тип. Шнора, 1804), 8°, с гравированными на меди фронтисписом, титульным листом и концовкой.

Гонзаго. "Сообщение моему шефу или Надлежащее разъяснение театрального декоратора Пьетро ди Готтардо Гонзаго об исполнении его должности" (Пг.: А.Плюшар, 1807), 8°; фр., экз. на ватманской бумаге, в красном марокеновом переплете, с золотым тиснением на корешке и крышках переплета; Гонзаго. "Музыка глаз и театральная оптика, сочиненьица, извлеченные из большого английского труда о здравом смысле (Пг.: А.Плюшар, тип. Департамента иностранных дел, 1807), 8°; фр., экз. на ватманской бумаге, в красном марокеновом переплете эпохи, с орнаментированными золотом корешком и крышками переплета, орнаментация более тонкая и богатая, чем у предыдущей книги.

В.Жуковский. "Стихотворения, ч. I" (Спб.: Мед. тип., 1815), 4°, с титульным листом, гравированным по рис. И.Иванова; то же, ч. II (1816), 4°, с титульным листом, гравированным по рис. И.Уткина, обе части в одном переплете; В.Жуковский. "Ундина" (Спб.: в тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1837), с гравюрами на меди по рисункам Майделя; В.Жуковский. "Наль и Дамаянти"

3 Зак. 1700

(Спб.: тип. Фишера, 1844), 8°, с гравюрами на дереве по рисункам Майделя.

И.Крылов. "Басни. В трех частях" (Спб.: в тип. Правит. Сената, 1815), 8°, с гравированными на дереве фронтисписом, титульным листом, иллюстрациями на отдельных листах, заставками и концовками, экз. в тисненом русском марокеновом переплете первой половины XIX в., с гравированным экслибрисом графа П.А.Клейнмихеля, в изящном футляре; то же, в шести частях (Спб.: в тип. Имп. театра, 1819), 8°; то же, в семи книгах (Спб.: тип. Департамента нар. просвещения, 1825), 8°, с гравированными титульным листом, портретом Крылова по рисункам И.Оленина, семь иллюстраций на отдельных листах; "Басни русские, извлеченные из собрания И.А.Крылова, с подражанием на французском и итальянском языках разными авторами..., 2 части" (Париж: Босанж, 1825), 8°; (рус., фр., итал., с портретом Крылова, 5 иллюстрациями в тексте и типографскими украшениями, в двух полукожаных переплетах; "Басни г. И.Крылова, переведенные с русского по полному изданию 1825 г. Ипполитом Маскель" (Москва: в тип. Огюста Семена, 1828), 8°; фр., в кожаном, орнаментированном золотом переплете эпохи, с гравированным экслибрисом: "Из библиотеки села Петровского. Рода Михалковых"; "Басни Крылова, 2 части" (Спб.: в тип. А.Смирдина, 1834), 4°, с иллюстрациями на отдельных листах, гравированных по рисункам А.Сапожникова; "Басни Ивана Крылова в восьми книгах. Тридцатая тысяча" (Спб.: в тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг (изд. А.Смирдина, 1835), 32°, с портретом Крылова в качестве гравированного фронтисписа); "Басни И.А.Крылова в девяти книгах" (Спб.: тип. воен. учеб. завед., 1843), 8°, один из "траурных" экземпляров, с присоединением соответствующей обложки в черной рамке и приглашением участвовать в церемонии погребения И.А.Крылова; "Басни И.А.Крылова в IX книгах, с биографией, написанной И.А.Плетневым" (Спб.: в тип. Гогенфельдена, 1864), 2°, с гравированным на дереве фронтисписом по рис. М.Микешина и иллюст-

рациями на отдельных листах и в тексте по рисункам К.А.Трутовского.

К.Батюшков. "Опыты в стихах и прозе, 2 части" (Спб.: в тип. Н.Греча, 1817), 8°, титульные листы к обеим частям гравированы И.Ческим по рисункам И.Иванова; монограмма А.О. – А.Оленин – означает, очевидно, что последнему принадлежит замысел виньеток; в двух полукожаных переплетах эпохи; "Сочинения Константина Батюшкова, 2 части" (Спб.: в тип. И.Глазунова, 1834), гравированные на меди Галактионовым портрет Батюшкова, по рис. Кипренского, и два титульных листа, к каждой части отдельно, по рисункам Брюллова, обе части в одном кожаном переплете эпохи с тисненым орнаментом.

А.Пушкин. "Руслан и Людмила" (Спб.: в тип. Н.Греча, 1820), 8°, первое изд., экз. дефектный: первая тетрадка, с. 1–16, была утрачена, по-видимому, вскоре после выхода и тогда же заменена рукописным текстом; то же (Спб.: в тип. Департ. нар. просвещения, 1828), 8°, второе изд., с портретом Пушкина, гравированным Уткиным по оригиналу Кипренского; А.Пушкин. "Бахчисарайский фонтан" (М.: в тип. Августа Семена, 1824), 8°, первое изд., экз. дефектный: выписка из Путешествия по Тавриде И.М.Муравьева-Апостола отсутствует, с. 36–48; А.Пушкин. "Кавказский пленник" (Спб.: в тип. Департамента нар. просвещения, 1828), 8°, второе исправленное изд., экз. необрезанный, в обложке; А.Пушкин. "Евгений Онегин" (Спб.: в тип. Департамента нар. просвещения, 1825), 12°, первая глава, первое изд.; то же. Главы 1 и 2 во втором изд. – соответственно 1829 и 1830 гг.; остальные в первом – 3-я глава – 1827; 4-я и 5-я главы – 1828; 6-я глава – 1828; 7-я глава – 1830; 8-я глава – 1832, в одном полупергаменном переплете; А.Пушкин. "Евгений Онегин. Роман в стихах" (Спб.: в тип. А.С.Смирдина, 1833), 8°; Иллюстрации А.Нотбека к "Евгению Онегину" в "Невском альманахе" на 1829 г. (Спб.: в тип. Департамента нар. просвещения, 1828); "Стихотворения Александра Пушкина. Первая часть" (Спб.: в тип. Департамента нар. просвещения, 1829), 8°, второе изд., эта

книга переплетена вместе с "Полтавой" (Спб.: в тип. Департамента нар. просвещения, 1829), 8°, первое изд.; "Полтава" в первом издании имеется у меня также и отдельно; "Стихотворения Александра Пушкина, вторая часть" (Спб.: в тип. Департамента нар. просвещения, 1829), 8°; А.Пушкин. "Цыганы" (М.: в тип. Августа Семена, 1827), 8°, первое издание; А.Пушкин. "Братья разбойники" (М.: в тип. Августа Семена, 1827), 8°, второе изд., экз. необрезанный, в листах; то же (в переплете); А.Пушкин. "Граф Нулин" // "Северные цветы" на 1828 (Спб.: в тип. Департамента нар. просвещения, 1827), первая публикация с гравированными портретом Пушкина и титульным листом; А.Пушкин. "Борис Годунов" (Спб.: в тип. Департамента нар. просвещения, 1831), 8°, первое изд.; А.Пушкин. "Домик в Коломне" // Новоселье (Спб.: в тип. вдовы Плюшар с сыном, 1833), 8°, первая публикация в первом томе смирдинского сборника, с гравированным титульным листом, на котором за праздничным столом среди других писателей изображен Пушкин; с гравюрами на меди на отдельных листах, одна из них – гравюра Ческого по рисунку Брюллова – является иллюстрацией к "Домику в Коломне", и гравированными на дереве концовками; экз. в зеленом кожаном переплете эпохи, с орнаментацией; А.Пушкин. "Анджело" //Новоселье, кн. 2 (Спб.; 1834), 8°, первая публикация во втором томе того же сборника, экз. с сохранившимися обложками, на передней изображен внешний вид магазина А.Смирдина, и гравированным титульным листом, изображающим внутренность магазина, с фигурой Пушкина у прилавка.

Конволют, заключающий шесть брошюр на французском языке, изданных в Москве и Петербурге в 1827–1855 гг. и объединенных прежним владельцем по признаку жанра – "маленькие поэмы": "Бахчисарайский фонтан" в переводе Репей (L.Repey) (М.: тип. Августа Семена, 1830), 12°; то же в переводе кн. Н.Б.Голицына (М.: тип. Августа Семена, 1838), 12°; "Чернец" (поэма И.Козлова) в переводе кн. Н.Б.Голицына (М.: тип. Августа

Семена, 1839), 12°; "Ермак" (поэма Дмитриева); "Сон Галилея" (по Энгелю); "Пловец" (баллада Шиллера) – в переводе и переложении А.Энглеза (A.Hainglaise) (Спб.: тип. вдовы Плюшар, 1829), 12°; "Восточный вопрос, воспетый князем А.Мещерским. Продается в пользу пострадавших от пожаров в Брагештадте и Улеаборге" (Спб.: тип. имп. Акад. наук, 1855), 12°; "Три оды" Ст.Тома (St.Thomas) (М.: тип. Августа Семена, 1827), 12°, первая – "Наводнение" – посвящается Бенкендорфу по поводу наводнения 10.XI.1824, вторая – "Кремль" – княгине З.Волконской, третья – "Уныние" – графине де Ричи; в начале конволюта вклеена вырезка из французской газеты "Debats" от 27.VI.1887, посвященная обстоятельствам пушкинской дуэли и судьбе Дантеса.

Оригинальные и подлинные произведения Вильяма Хогарта (Лондон), публикация Бойдель и К° (конец XVIII в.). Огромный том, размером в большой развернутый лист, содержащий превосходные отпечатки 107 гравюр Хогарта, сделанные с подлинных медных досок, фронтиспис – автопортрет Хогарта, гравированный Б.Смисзом. К коллекции я присоединил гравюру Хогарта "Судейская скамья" (The Bench) в первом состоянии, подаренную мне в 1952 г. А.А.Сидоровым.

Гойя. "Каприччо"; "Бедствия войны"; "Пословицы". Три альбома офортов, отпечатанных в прошлом веке в Мадриде с подлинных досок.

Тулуз Лотрек. "Иветта Жильбер", текст Г.Жеффруа, иллюстрации Тулуз Лотрека (Париж, июнь 1894), 2°, экз. № 89 из 100, с автографом Иветты Жильбер, альбом литографий художника с текстом Жеффруа. Литографированная обложка сохранена.

В.Масютин. "Семь смертных грехов". Двадцать три офорта (М.: изд. и печать автора, 1918), 2°; экз. № 8 из 10, надписанный автором 31.XII.1918 "товарищу по инструменту" И.П.Павлову; в художественной папке, покрытой плотной узорчатой материей с наклейкой из красного марокена, на которой золотом в орнаментированной рамке вытиснены имя и название серии.

Морис Дени. "Записки путешествий по Италии 1921–1922". Текст и иллюстрации Мориса Дени. Жак Бельтран (1925), цветные гравюры на дереве по рисункам М.Дени, отпечатанные на ручном граверном станке, экз. № 156 из 175, в художественном переплете из цветной кожи на картонаже работы Мад.Грас, обложки сохранены.

Аристид Майоль. "Овидий. Искусство любви" (Париж: для братьев Гонен из Лозанны,18.VI.1938), 4°; фр., экз. № 30 из 50, отпечатанных для лондонского издателя Цвиммера; в общей сложности было отпечатано 275 экз. книги, из которых 150 не для продажи; книга напечатана на специальной бумаге, изготовленной ручным способом из конопляных волокон по рецептам Аристида и Гаспара Майоль; иллюстрации состоят из гравюр на дереве в тексте и литографий на отдельных листах; с автографом А.Майоля; в художественном переплете и футляре, покрытом тем же материалом, что и переплет.

Собрание автографов русских писателей и художников эпохи первой мировой войны: "Париж накануне войны в монотипиях Е.С.Кругликовой" (Пг., 1916). С монотипиями на отдельных листах и рисунках в тексте (силуэты) Е.С.Кругликовой. Экземпляр № А – именной – (Александра Андреевича Карзинкина). С автографами всех участников издания: К.Д.Бальмонта, А.И.Бенуа, М.А.Волошина, В.И.Иванова, В.Я.Курбатова, А.М.Ремизова, Н.К.Рериха, Ф.К.Сологуба, А.Н.Толстого, А.Н.Чеботаревской, Г.И.Чулкова и, конечно, самой Е.С.Кругликовой. В переплете, покрытом муаром с золотым тиснением, и картонном футляре[10].

Сделанный выше выбор книг во многом произволен. Его можно было бы значительно расширить, ввести другие разделы нашей библиотеки, исключить одни книги и заменить их другими, не менее интересными в библиофильском, научном и художественном отношении. Мы полагаем, однако, что и в этом несовершенном виде он дает конкретное представление о разнообразии и,

[10]См. с. 102, 103, 105.

смею думать, научном и эстетическом значении нашего собрания.

ОБАЯНИЕ ПЕРВЫХ ИЗДАНИЙ

Любитель чтения, спрашивая книгу в магазине или библиотеке, зачастую заботливо осведомляется: "А это, действительно, новое, самое последнее издание?" И он может отложить чтение или покупку, если узнает, что новое издание ожидается на днях. Такого человека легко понять: разве не должна книга улучшаться от издания к изданию? Ведь недаром пишут на титульном листе: издание такое-то, переработанное или исправленное и дополненное и т.п.

Но почему же тогда находятся "чудаки", которые настойчиво ищут первые издания знаменитых произведений и готовы даже платить за них бешеные деньги?

В былые года охота за первыми изданиями ограничивалась художественными произведениями да еще творениями античных философов. За последние годы, по мере того как естественно-математические науки получают постоянное местожительство в духовном мире каждого культурного человека, меняется и отношение собирателей к классикам естествознания.

Знаменитый французский книголюб XVI в. Жан Гролье прославился в равной мере красотой переплетов, облекавших книги его собрания, и словами, на них вытисненными: "Гролье и друзей". Он был весьма далек от точных наук. Так вот, весьма характерно, что влиятельнейший Нью-Йоркский клуб библиофилов, насящий имя Гролье (существует с 1884 г.), отметил четырехсотлетие со дня смерти своего патрона выпуском великолепно изданного тома "Сотня книг, прославленных в науке" (Нью-Йорк, 1964).

Среди этой сотни (фактически в каталоге описаны

В мире книг. 1968. № 4.

130 книг) – первые издания Лобачевского, Менделеева, Павлова. Ну, а что до их цен, то каталоги лондонской фирмы Сотби оповещают о том, что, например, в июле 1965 г. экземпляр первого издания "Разговоров и математических доказательств" Галилея (Лейден, 1638) был продан с аукциона за 2520 долларов, а два экземпляра первого издания "Математических начал натуральной философии" Ньютона (Лондон, 1687) соответственно за 6720 и 6160 долларов.

Однако разговор о ценности первых изданий не может быть сведен, конечно, к звону золотых монет!

В прекрасном очерке "Любовь к книгам", написанном А.Франсом по поводу выхода библиографии первых изданий важнейших произведений французских писателей с XV по XVIII в., знаменитый писатель стремится передать читателям обаяние первых изданий: "Шесть томиков... заглавие которых, разделенное надвое гербом в стиле Людовика XV, гласит: "Письма двух влюбленных, живших в городке у подножия Альп, собранные и напечатанные Ж.-Ж.Руссо, в Амстердаме, у книготорговца Марка-Мишеля Рэ, 1761", – и есть "Новая Элоиза", в том самом виде, в каком она заставляла плакать наших прабабушек. Вот что видели глаза современников Жан-Жака, вот что они держали в руках! Такие книги – это реликвии".

Правда, эти строки вызваны лишь созерцанием титульных листов, отчетливо воспроизведенных на страницах "Библиографии" Жюль Ле Пти. Но в начале очерка А.Франс справедливо говорит, что для настоящего любителя мало видеть – ему нужно осязать и ласкать книгу. Тот не ведал истинной страсти к книге, пишет он, "кто, возложив руку на какой-нибудь старый томик – будь он очень ценным и редким, просто приятным или хотя бы достойным внимания, – не сожмет его при этом нежно и крепко пальцами и не примется со сладострастием и умилением поглаживать ласковой ладонью его корешок, бока и обрез...".

Но здесь одна лишь чувственность, перебьет нас читатель, а где же разум? Имейте терпение, дойдем и до разума.

Прежде всего нужно вспомнить о первых изданиях классиков (преимущественно латинских и греческих), осуществлявшихся в былые времена с древнейших рукописей, иные из которых не дошли до нас. Когда вместо "первого издания" произносят равносильное латинское наименование "editio princeps", подразумевают, как правило, именно эти драгоценные издания (частично издания второй половины XV в. – инкунабулы), приобретающие значение подлинника.

По отношению к памятникам русской литературы примером такого "editio princeps" является "Ироическая песнь о походе на половцев удельного князя Новгорода-Северского Игоря Святославовича", изданная в Москве в Сенатской типографии в 1800 г. Известно, что рукопись, с которой она печаталась, погибла, да и от самого этого первого печатного издания "Слова о полку Игореве" осталось лишь немного экземпляров (около 60), остальные сгорели во время пожара Москвы 1812 г.

Мы говорили о произведениях древности. Однако и первые издания авторов нового времени обладают многими, им присущими замечательными достоинствами и особенностями. Так, лишь к первому изданию "Рассуждения о методе" Рене Декарта (Лейден, 1637) была приложена "Геометрия", в которой ее гениальный автор выступает в качестве создателя аналитической геометрии. Во втором издании, выпущенном после смерти ученого, "Геометрия" была издателем исключена. Этот исторический пример показывает, что сокращениям при переизданиях не всегда подвергается второстепенный или неудачно изложенный материал...

Пример иного рода, уже из области истории литературы, представляет повесть Гоголя "Портрет", впервые напечатанная в сборнике "Арабески" (Спб., 1835), а затем вышедшая в другой редакции, где была изменена идейная концепция и в связи с этим переработан и весь сюжет (журнал "Современник" за 1842 г. и в том же году в третьем томе "Сочинений Николая Гоголя"). Направляя вторую редакцию своей повести в журнал, Гоголь

Портрет А.С.Пушкина, гравированный Н.И.Уткиным по оригиналу О.А.Кипренского, и титульный лист "Руслана и Людмилы". Второе издание

РУСЛАНЪ И ЛЮДМИЛА.

ПОЭМА

АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА.

Изданіе второе, исправленное и умноженное.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

въ типографіи департам. народнаго просвѣщенія.

1828.

писал П.А.Плетневу: "Посылаю Вам повесть мою "Портрет". Она была напечатана в "Арабесках", но Вы этого не пугайтесь – прочитайте ее: Вы увидите, что осталась одна только канва прежней повести, что все вышито по ней вновь".

Конечно, отдавая дань первым изданиям, нельзя закрывать глаза на интерес, который могут представлять последующие прижизненные издания. Вот и в случае с "Портретом" вторая его редакция своими художественными достоинствами превосходит первую. Недаром ей обычно предоставляют место в основном тексте изданий сочинений Гоголя, а первую помещают в приложениях.

Но и в том случае, когда автор не вносит существенных изменений в первоначально опубликованный текст, он может сопроводить новое издание любопытнейшим предисловием, рисующим отношение автора к суду современников над его трудом. Второе издание "Руслана и Людмилы", отдаленное восемью годами от первого (первое было выпущено в 1820 г.), открывается предисловием Пушкина, в котором поэт дает слово критикам своей поэмы-сказки, не вступая с ними в какой-либо спор. Это предисловие заканчивается стихотворным приговором одного из "увенчанных первоклассных отечественных писателей": "Мать дочери велит на эту сказку плюнуть".

Немало первых изданий было искалечено, прежде чем они попали в руки читателей.

Вот экземпляр первого издания "Цветов зла" Бодлера (Париж, 1857) в скромной обложке. В содержании перечислены все стихотворения, предназначенные автором к печати. Но по приговору суда Второй империи 6 стихотворений исключены из книги, и на их месте образовались пустоты. Так после с. 90, где заканчивается XXXVIII стихотворение цикла "Сплин и идеал", идет пустая страница, а на ее обороте значится с. 94, где начинается XL стихотворение. Это означает, что два листка, где находилось стихотворение XXXIX – "Той, что была слишком весела", были вырваны из книги и последний листок напечатан

с сохранением прежней нумерации. Перед нами книга-ветеран с незаживающими ранами...

Бенедикту Спинозе, чтобы опубликовать хотя бы одно из произведений, пришлось скрыть не только свое имя, но и наименование типографии и даже города, где оно печаталось. Вот и вышел его "Богословско-политический трактат" в 1670 г. без имени автора и с указанием на то, что он печатался якобы в Гамбурге (на самом деле в Амстердаме), в несуществующей типографии Генриха Кюнрата. Впрочем, все эти предосторожности не спасли трактат от запрещения сначала голландским правительством, а затем и Ватиканом (1679).

Ну, а если даже первое или просто одно из прижизненных изданий творения великого автора не имеет каких-либо характерных отличий, разве не должно оно вызывать в нас сложной гаммы дум и чувств именно потому, что оно первое? Посылая свою рукопись в типографию, автор не знает, как примут его произведение современники, дойдет ли оно до потомков, да и, вообще, появится ли в свет в том виде, в каком было задумано? Поймут ли его, оценят ли? Или оно вызовет гнев и преследования зоилов? А быть может, его встретят равнодушием, и книга будет пылиться и гнить.

Первое издание – это свет и тепло далекой звезды, воспринимаемой нами в тот момент, когда в воздухе, кажется, дрожат еще гордые слова: "Да будет свет!"

Благодаря первым изданиям мы испытываем ни с чем не сравнимые ощущения путешествия во времени и, раскрывая книгу, отрешаемся от знания ее последующих судеб. Здесь мы становимся равными современникам выхода книги, и среди них – самому автору.

Вот в наших руках объемистый том в четверку листа, напечатанный по латыни. На титульном листе в четырех строках располагаются строгие слова: "Математические начала натуральной философии". Мы читаем, что автор ее – профессор колледжа Святой троицы в Кембридже Исаак Ньютон. Мы могли бы узнать, наведя справки, что в момент выхода книги ему было 45 лет и что до этого

PHILOSOPHIÆ
NATURALIS
PRINCIPIA
MATHEMATICA.

Autore *J S.* NEWTON, *Trin. Coll. Cantab. Soc.* Matheſeos Profeſſore *Lucaſiano*, & Societatis Regalis Sodali.

IMPRIMATUR:
S. PEPYS, *Reg. Soc:* PRÆSES.
Julii 5. 1686.

LONDINI,
Juſſu *Societatis Regiæ* ac Typis *Joſephi Streater*. Proſtant Venales apud *Sam. Smith* ad inſignia Principis *Walliæ* in Cœmiterio D. *Pauli*, alioſq; nonnullos Bibliopolas. *Anno* MDCLXXXVII.

Первое издание "Математических начал натуральной философии" И.Ньютона. Титульный лист

имя его встречалось уже один раз на книжном титуле, правда не в качестве автора, а лишь редактора посмертного издания "Всеобщей географии" Варения (1672). Что можно ждать от этого скромного ученого! Но здесь нам дано знание будущего, и вот мы уже отчетливо сознаем, что в наших руках одно из тех эпохальных произведений, которому суждено было определить развитие точных наук на последующие столетия. Впрочем, сам Ньютон, получив еще при жизни заслуженное признание, скажет потом о себе, что он не более как мальчик, собирающий красивые раковины на берегу безбрежного океана истины...

Не будем обособлять разум, воображение и чувства, когда речь идет о первых изданиях великих книг! Хорошая книга – всегда благо. Но первое издание творения замечательного мыслителя, художника слова, ученого – это настоящий праздничный пир для души!

СЧАСТЬЕ С КНИГАМИ

Потребность поделиться с другими своими взглядами на счастье с книгами возникла, когда один из моих корреспондентов, также библиофил, живущий далеко от Москвы, сознался, что он завидует своим московским собратьям. Им, дескать, во много раз легче, чем провинциалам, становиться счастливыми обладателями тех вожделенных для всех книг, о выходе которых время от времени возвещает "Книжное обозрение". Я ответил ему, что книжные реки Москвы никак нельзя уподобить сказочным, с кисельными берегами, где течет не вода, а молоко, и что вообще-то счастье совсем не в этом. Но, конечно, в моем письме еще не было раскрытия темы, а лишь заявка на нее.

Беда, однако, в том, что вскоре я припомнил, что сходная попытка уже делалась до меня в литературе.

Альманах библиофила. М.: Книга, 1978. Вып. 5.

"Glück mit Büchern" – так и называлась книга, выпущенная полтора десятка лет назад в небольшом и не очень старом западнонемецком городе Гютерсло (Gütersloh).

Это – изящно оформленный сборник эссе, в котором участвуют современные немецкие прозаики и поэты, а также книжные деятели. Даже наиболее крупные из них не слишком-то у нас известны. Речь может идти о двух поэтах и эссеистах старшего поколения: Бернхарде фон Брентано, из славной семьи, давшей немецкой литературе Клеменса и Беттину, и еще о Мартине Бехайм-Шварцбах.

Сборник этот многоплановый: здесь рассказывается в прозе и стихах о счастье писать книгу, отбирать рукописи для издания и публиковать их, иллюстрировать книгу, продавать, читать, обладать ею, собирать книги и, наконец, критиковать их.

Авторы часто говорят на чужом для нас языке и вовсе не потому, что это язык немецкий, а не русский. Достаточно одного примера. Кульминационным пунктом очерка Брентано, озаглавленного "О счастье обладать книгой", является воспоминание автора о том, как он осенью 1945 г. в маленькой лавчонке на вокзале в Винтертуре (Швейцария) за гроши купил первое издание "Истории Фридриха Великого" Франца Куглера (Берлин, 1840), высоко ценимое не из-за текста, а ради превосходных украшающих его гравюр на дереве по рисункам Адольфа Менцеля. "...Я заплатил мои 4 добрых франка, – вспоминает он, – и покинул лавочку – счастливый обладатель дара большой радости, которого я долго дожидался".

Не могу здесь не сделать шаг в сторону и не напомнить, что те же гравюры, отпечатанные с подлинных досок, украшают и русское издание книги, появившееся в Петербурге в 1844 г. в издании М.К.Липса. Но текст в нем приписан Федору Кони, который на самом деле был только переводчиком.

Вернемся к нашему сборнику. Несмотря на широту охвата темы, далеко не все грани книжного счастья в нем затронуты. Например, здесь не говорится о счастье приобщать к любимой книге других людей, о счастье библиоте-

каря, счастье одевать книгу в подобающий ее достоинству переплет, возвращать искалеченную книгу к новой жизни, счастье создавать и собирать экслибрисы...

Я называю эти пробелы вовсе не для того, чтобы потом их восполнить. Для этого понадобился бы целый том, да, пожалуй, это и не под силу одному человеку. Моя цель иная. Мне хочется не расширять, а предельно сузить тему, ограничившись размышлениями вполне субъективного характера о счастье библиофила, т.е. того чудака, над которым нередко снисходительно посмеиваются, а иногда, к моему глубокому огорчению, смотрят с некоторым недоверием и даже опасением: не в себе, мол, человек, кто знает, что он может выкинуть? Говоря по правде, библиофил, как и всякий горячо влюбленный человек, – великолепная мишень для насмешек. Ведь насмешек не может избежать даже влюбленный в прекрасную женщину и пользующийся ее взаимностью человек. Впрочем, для истинно влюбленного его возлюбленная всегда прекрасна, как Дульцинея для Дон Кихота.

Может быть, потому, что сам я библиофил и даже отчасти библиоман, я считал себя вправе выступить 2 года назад в московском Доме ученых с импровизацией на тему "О суетности библиофилов". Теперь она появилась в свет в форме эссе в только что напечатанном 34-м выпуске сборника "Книга". Но сегодня я хочу говорить не о слабых, а о сильных сторонах библиофила, точнее, о счастье, которым его одаривает бескорыстная и пламенная любовь к книге!

Не жди счастья тот, кто тратит силы и время на погоню за книгой, за которой охотятся все! Удивительное дело, но чаще всего (сужу по собственному опыту) в дураках остается именно библиофил. Либо он вообще не может достать модную новинку, либо, заполучив ее каким-нибудь путем, прямым или обходным, испытывает вслед за тем неожиданное разочарование. У М.А.Осоргина в его в общем-то превосходной похвале книге[1] есть образ

[1] Альманах библиофила. М., 1973. С. 245.

книги, раскрывающей свои объятия всякому по первому его зову. И эту книгу он нежно называет возлюбленной! Я понимаю, конечно, что он хочет выразить с помощью этого образа "публичной книги", и все же такое представление о "возлюбленной" вызывает у меня внутренний протест. В самом деле, для меня, как, наверное, и для большинства библиофилов, книга не является абстрактным, собирательным понятием. С моей точки зрения, отдельные экземпляры одного и того же издания отнюдь не тождественны, как, например, не тождественны в глазах орнитолога птицы одного и того же вида. Чтобы выделить одну из них, орнитолог надевает ей на лапку колечко. Мы, библиофилы, пользуемся для сходной цели своей подписью, экслибрисом или облекаем книгу в подобающий переплет. Будем считать все это разновидностями обручального кольца. И вот теперь уже эту книгу я ни с какой другой не смешаю! Свои объятия она откроет только мне, и никому другому, ибо хорошая книга целомудренна. Поймите меня правильно: речь идет здесь об очень тонком и интимном ощущении библиофила, а отнюдь не о попытке возвеличения себялюбия и скупости, которые мне отвратительны. Любимая мною книга может и должна быть другом (но только другом!) моих друзей и, вообще, всегда быть готовой спешить ко всякому, кто нуждается в ее утешении или помощи. Словом, истинный библиофил – счастливый любовник книги, но отнюдь не ее тюремщик! Однако любое сравнение должно знать меру и останавливаться где-то на полпути, чтобы не повредить истине!

Теперь позвольте мне сравнить настоящего библиофила со странствующим рыцарем. Сердце вновь и вновь зовет его в путь без конца и предела за приключениями, в которых он может встретить нового друга или достойного врага, волшебника, уродливого карлика и, конечно же, прекрасную даму, черты которой лишь смутно и неопределенно рисуются его вечно деятельному воображению.

Он не знает, наступит ли встреча через час, день, месяц или год. Главное – это ринуться в гущу нового приключения и распознать сразу, при одном первом взгляде, длящемся мгновение, то, что должно принадлежать ему по праву рыцарской доблести.

Десятки и сотни глаз могут безучастно скользить по книге, выставленной под стеклом в витрине букинистической лавки, расположившейся на ее полках или чуть виднеющейся в пыльной груде на полу.

Но сердце уже усиленно забилось у нашего искателя необыкновенных приключений. "Пожалуйста, покажите вот эту", – произносит он сдавленным от волнения голосом, тщетно стараясь казаться равнодушным. – "Какую? Вы можете ее назвать?" – переспрашивает продавщица, явно недовольная тем, что ее праздные, но, наверное, приятные, а может быть, и меланхолические размышления были вдруг прерваны. А он часто не знает полного наименования своей находки, но каким-то еще неведомым психологам чувством сознает, что она ждала его, и только его.

Наконец, все проясняется, и в вагоне метро или троллейбуса он может развернуть нетерпеливыми пальцами ломкую бумагу, в которую завернута его покупка, и обнаружить, что таинственное чувство как будто не подвело.

Но праздник первого обладания наступает только дома, в стенах его библиотеки. Впрочем, пусть он не ищет в каждой завоеванной книге новую возлюбленную. Так ведь никакого сердца не хватит, даже самого любвеобильного! Новая книга может стать верным другом, послушным слугой (Маркс, по словам Лафарга, требовал от своих книг рабского служения: "Они мои рабы, – говорил он, – и должны служить мне, как я хочу"), она может играть роль шута, хотя прошли века, как шуты вышли из моды, наконец, своего рода боксерской грушей, служащей для тренировки в сильных и метких ударах. Но во всех этих разнообразных случаях она прежде всего должна быть познана!

Подлинный библиофил хранит в памяти, иногда помимо своей воли, десятки таких сведений о книгах, которые сторонний человек мог бы по большей их части счесть бесполезными. Кроме того, ему услужливо помогают сотни каталогов и других справочных изданий, самого разнообразного характера. Все, вместе взятое, должно обеспечить первое знакомство. Но сколько вопросов нужно при этом выяснить!

Что это – первое издание? Перевод или оригинал? А если имя автора встретилось впервые, то что это – подлинное имя или псевдоним? Кем он был и какое место эта книга занимает в его творчестве? Вот на титуле приведен явно вымышленный город (например, какой-нибудь Библио́поль или Космо́поль) и, быть может, отсутствует дата выхода. Где, когда и кем была издана книга на самом деле и зачем понадобилось скрывать издателя? Оставила ли она след в истории литературы, науки, общественной мысли? Упоминают ли о ней прославленные справочные издания, вроде Брюне или Грессе, претендующие на то, чтобы охватить все редчайшие, ценнейшие или курьезнейшие книги с начала книгопечатания? Нет, оказывается, что нет. Но что отсюда следует? Книга продолжает пленять нашего библиофила. Быть может, знаменитые библиографы просто никогда не встречались с ней (вот было бы здорово!) или видели, да не сумели оценить!

Все ли в ней гравюры, чертежи, карты? Кто создавал их? Чьей работы этот красивый переплет? Кому она принадлежала? Что скрывается за этими трудночитаемыми строчками на титуле или на полях?

Поиски ответов на все эти вопросы представляют в миниатюре некое научное исследование. В этом, обычно скромном, поиске неоспоримо творческое начало, здесь неиссякаемый источник библиофильского счастья и вместе с тем источник постоянного приращения его духовных сил и его познаний. Впрочем, это еще не все грани радостей первого сближения с книгой. Мы указывали выше только духовные его стороны, но с ними тесно связаны и чувственные. Это о них так проникновенно писал А.Франс

в своей "любви к книгам". Вы помните, конечно, тех двух старенъких священников, которые "с вожделением смотрели на свиную кожу, сладострастно касались желтой телячьей кожи на переплетах"? Правда, суровый ленинградский книговед М.Н.Куфаев обвинил знаменитого писателя за эти прочувствованные слова в тяжком грехе библиомании. Но скажите по правде: если даже оставить в стороне прикосновения, то разве в восторженном созерцании прекрасной книги, в любовании ею нет признаков чувственности? Перефразируя знаменитое изречение, я осмеливаюсь утверждать, что всякий, кто смотрит на книгу с вожделением, уже прелюбодействовал с ней в сердце своем!

После первого сближения начинается вживание в книгу. Библиофил с чувством перелистывает ее, задерживаясь на отдельных местах. Он прочитывает их и вновь ощущает обаяние и живой трепет той мысли, которая впервые в истории человеческого духа была выражена именно здесь, на этих пожелтевших страницах. Отсюда она начала свое триумфальное шествие, обошла весь свет и ныне застыла в юбилейных изданиях, в учебниках и хрестоматиях. Но ведь может быть и так, что это произведение и даже его автор совсем не были знакомы нашему рыцарю книги, и тогда до него впервые доносятся слова, произнесенные много, много лет назад. Это как свет далекой звезды. Но сколько здесь неумирающих чувств, оттенков смысла, сколько идей и фактов, позволяющих мгновенно ощутить дуновение далекой эпохи и соприкоснуться с творческой личностью, доверившей вот этой самой книге свое посмертное существование!

То, что библиофилу удалось узнать о книге, он записывает для памяти на листочке и вкладывает в нее. Может быть, состоявшееся знакомство приведет к находкам и даже открытиям, которыми захочется поделиться с себе подобными. Ну, а если нет, то все равно это первое знакомство обогатило ум и взволновало душу.

Он с трудом отыскивает на переполненных полках

место для книги, ставшей теперь частью его самого, и снова пускается в путь в поисках новых волнующих ощущений. Но та книга, с которой он только что сблизился, все же не будет им покинута. Если чутье его не обмануло, то он еще не раз к ней вернется один или вместе с другими друзьями книги, вспоминая то, что в ней было найдено, и с удивлением и радостью обнаруживая, что она хранит еще что-то, ранее не замеченное или не оцененное.

Одним из самых волнующих свойств, которым обладает книга, является то, что она упорно и настойчиво влечет библиофила за собой к другим книгам, с которыми она готова объединиться, как объединяются звенья одной цепи или цветы в венке или гирлянде. Природа подобной связи, способы зацепления одного звена цепи за другое, бесконечно многообразна. Проще всего обстоит дело, когда недостающие звенья подсказываются самой литературой вопроса, библиографическими источниками. Здесь обычно нас привлекает то, что позволяет дополнить, углубить или оспорить прочитанное в книге, сыгравшей роль исходного звена. Но, конечно, существует и множество других принципов объединения книг в цепь или гирлянду. Ее могут составить, например, различные издания одного и того же произведения на языке оригинала или, – если не бояться чрезмерно громоздких объединений, – с включением важнейших переводов на другие языки. Для русского библиофила близкий пример звеньев такой цепи, растянувшейся на полтора века, – это различные издания басен Крылова. Цепь может составляться из всех произведений одного и того же автора вместе с критическими откликами на них и воспоминаниями или исследованиями о его жизни и творчестве (Пушкиниана, Лениниана). Еще ходовой пример – совокупность всех изданий одного и того же издателя или только части их, выделенной по какому-либо признаку. Классический пример – малоформатные издания эльзевиров. Впрочем, внутреннее сходство, по моему убеждению, должно стоять на первом месте, и мне трудно разделять

восторги любителей миниатюрных изданий, чувства которых так сильно зависят от показаний масштабной линейки. Зато моему уму и сердцу много говорят гирлянды, сплетенные из различных изданий одного и того же великого произведения мировой литературы (например, "Дон Кихот" или "Гаргантюа и Пантагрюэль"), по-разному иллюстрированных художниками разных времен и народов. Примеров, подобных только что указанным, можно приводить сколько угодно. Но особенно много радостей доставляют мне совсем короткие цепочки, где звенья соединяются по причудливым и даже парадоксальным законам, неожиданным для самого библиофила. Ограничусь одним примером, не имеющим самостоятельного значения, но вполне пригодным для иллюстрации высказанных соображений.

Я отправляюсь от лажечниковского "Ледяного дома", изданного впервые в Москве в 1835 г. в четырех частях с гравюрами. С ним, конечно, совершенно естественно связывается ученая книжица Георга Крафта "Подлинное и обстоятельное описание построенного в Санкт-Петербурге в генваре 1740 года Ледяного дома...", ставшая редкостью уже во времена Лажечникова. Лажечников обильно цитирует Крафта, но для меня сейчас книжка последнего скорее боковое ответвление, или подвесок, к замысловатой цепочке, которая наполовину в шутку, наполовину всерьез должна привести к поэме Мятлева "Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границей, дан Л'Этранже". Вот как это можно сделать: Лажечников рассказывает в седьмой главе третьей части, озаглавленной "Родины козы", о любимом шуте Анны Иоановны – Педрилло, неаполитанце родом, который, объявив всем, что женился на козе, собирает обильные приношения от императрицы и всех придворных под предлогом, что супруга его разрешилась от бремени хорошеньким козленочком. От этого Педрилло прямой путь ведет к Словарю русских гравированных портретов Д.А.Ровинского. Оказывается, Педрилло удостоился в нем биографической заметки именно благодаря козе.

Дело в том, что за 4 года до ее родин немецкий шут Трёмер, приехавший, как пишет Ровинский, искать место первого придворного дурака при дворе Анны Иоановны, захотел высмеять своего соперника Педрилло и написал ему в стихах ругательное новогоднее поздравление, к которому приложил гравированную картинку. На ней был изображен в виде рогоносца сам Педрилло, от которого якобы еще в Италии ушла красавица жена, далее сама неверная жена со своим "вице-мужем" и, наконец, утешающая беднягу коза. (Вот где впервые появилась коза!) Мы видели, как Педрилло сумел обратить пасквиль Трёмера в свою пользу. Что касается упомянутой гравюры, то она неоднократно воспроизводилась в сборнике стихотворных сочинений Трёмера. Она-то и послужила пропуском для Педрилло в словарь Ровинского. Можно сказать, что шут этот въехал в Словарь русских гравированных портретов на козе!

Но теперь, вслед за словарем Ровинского, к нашей цепочке присоединяется еще одно звено – книга Трёмера, имевшая большой успех в XVIII в. В моем собрании находится экземпляр издания 1745 г., напечатанного в Нюрнберге; он снабжен двумя различными экслибрисами графа С.Д.Шереметьева и, естественно, также и моим. Фронтисписом книги служит гравированный на меди портрет автора, на котором шут ничем не уступает по одежде и горделивому виду владетельному князю. Остается добавить, что ловкий автор (правда, своего соперника Педрилло он не смог победить и вынужден был оставить Петербург не солоно хлебавши), желая высмеять чрезмерное увлечение всем французским при немецких дворах, именует себя немецким французом и соответственно описывает свои похождения в забавных стихах, где немецкий язык столь же густо пересыпан французским, как и русский в поэме Мятлева, появившейся веком позже. Вот мы и подключили к нашей цепочке еще одно звено!

Не могу сказать, ощущал ли себя Мятлев продолжателем шутовского замысла Трёмера, или он не знал обопыте

своего предшественника, но в рукописном посвящении княгине Н.И.Голицыной на имеющемся у меня экземпляре первого издания его книги он пишет в явно шутовском стиле. Начинает словами: "За одобренье, за поощренье, за терпенье, за снисхожденье...", а заканчивает так: "От референдария и партикулярного секретаря г-жи Акулины Пафнутьевны Курдюковой Ивана Мятлева".

Все сказанное не более чем наглядная иллюстрация к понятию книжной цепочки. Важно подчеркнуть, что объединенные в цепь, или гирлянду, книги могут нам сообщить то, на что не способна ни одна из них, взятая в отдельности. Можно, конечно, оспаривать интерес и значение той или иной цепочки и даже ее право на существование. Однако поверьте мне, что в библиофильском счастье возможность сплетать гирлянды из книг и любоваться ими занимает далеко не последнее место. Но, может быть, не все библиофилы к этому прибегают? Не знаю, в литературе я ничего этого не встречал.

Ленинградский художник В.Г.Шапиль по моему эскизу сделал для меня экслибрис, где в образной форме представлена эта сторона библиофильского счастья. Вот стихи, которые могут служить подписью к такому экслибрису:

Сплетать из книг венок
Немалое искусство.
Здесь нужно взять урок
У разума и чувства.

Потом взнуздать мечту
Взлететь повыше к небу,
Влюбиться в высоту
И поклониться Фебу.

Теперь вернуться вспять
К соперникам по книгам
И испытать опять,
Что значит быть под игом
Завистливых новаторов
И строгих консерваторов.

Не знаю также, всем ли библиофилам понятно счастье расставанья с книгой навсегда, когда ты испытываешь какой-то поднимающий тебя порыв и радостно передаешь ее в другие руки. Это могут быть руки любимого или дорогого тебе человека, друга, учреждения, в котором она может принести неизмеримо больше пользы, чем оставаясь у тебя, наконец, в руки совсем мало знакомого человека, в котором ты сумел, однако, распознать чувство глубокого и искреннего влечения к этой книге, представляющейся ему несбыточной мечтой. Я много раз испытывал это волнующее чувство и каждый раз обнаруживал, не без горделивого сознания, что сожаления о той, с которой расстался в обстоятельствах подобного душевного порыва, потом не возникало.

Примерно год тому назад я еще раз убедился в этом, когда передавал в дар Библиотеке им. Ленина собрание инкунабулов, на составление которого было затрачено почти 30 лет жизни. Этот дар был задуман мною еще с покойной женой, но осуществить наше намерение удалось только весной прошлого года. Как примирить это свободное и счастливое ощущение с той искренней любовью к книге, о которой так много говорилось выше? Наверное, здесь нет никакого противоречия. Настоящая любовь не может быть эгоистичной, и убеждение в том, что драгоценное собрание нашло себе место в прекраснейшей библиотеке нашей Родины, дает глубокое удовлетворение и сердцу и уму.

Расставанье с книгой для многих библиофилов связано с обменом книгами. Я сознаю умом, что обмен может доставлять радость. Уходит нелюбимая, приходит возлюбленная. Но сам я решительно не способен на обмен. У меня часто возникал спор на эту тему с одним из моих друзей. Мы решили (это было несколько лет назад) выразить наши убеждения в стихотворной форме, и так как в этом поединке я был слабейшей стороной, то мой друг великодушно разрешил мне выбрать род оружия. Я предложил сонет, отлично понимая, что гекзаметром он сразу

уложил бы меня на обе лопатки. Вот что у нас получилось (имя моего друга я, по его просьбе, скрываю за буквами NN)[2].

Послание NN А.И.Маркушевичу:

Библиофил, не отвергай обмена!
Взгляни на небо: полная луна, –
Но, лик сменив, уж месяцем она
Плывет, лучи струя по всей вселенной.

Мудрец изрек, что ждет того геенна,
Кто, тщася необъятное объять,
Дерзает своевольно презирать
Мольбы друзей – любителей смиренных.

Листву меняет лес, а кожу – змей.
Обмен веществ вершится в органоне, –
Так Авиценна говорит в "Каноне", –
Пременой соков с переменой дней.

Дни, времена и лета канут в Лету,
Как вспышки миг падучею звездой...
Внемли же зову скорбного сонета,
Живя, меняйся, книголюбец мой.

Ответное послание А.И.Маркушевича:

О бес! Сменив гекзаметр на сонет,
Ты алчешь новой жертвы аду,
Ты душу ждешь себе в награду?
Так нет же, нет! Ты, слышишь: нет!

Меняет кожу гад и цвет волос брюнет...
Ты думал: уподоблюсь гаду,
Забуду, разлюблю, цветы подставлю граду,
Нарушу навсегда раз принятый обет?
Нет для меня двух равных книг на свете:
Вот в этих – переплет, милы полями эти...

---

[2] NN – Юрий Францевич Шульц. – *Сост.*

Какую же из них отдать тебе в гарем,
Обречь ее навеки в заточенье,
В оковы, кандалы, под тягостный ярем?!
Нет, книгу не предам на смертное мученье!

О СУЕТНОСТИ БИБЛИОФИЛОВ

Суета сует и всяческая суета!
Екклезиаст

Влюбленность в книгу – неисчерпаемый источник многих достоинств и заслуг библиофилов перед обществом. Но она же способна порождать их слабости и прямые недостатки. И среди них – суетность. Словарь русского языка следующим образом определяет смысл термина "суета" в интересующем нас значении: то, что ничтожно, маловажно, не представляет истинной ценности. Именно раскрытию суетности библиофила в ее крайнем проявлении посвящен сатирический рассказ Шарля Нодье "Библиоман", рассказ злой, но достоверный: ведь Нодье черпал материал и путем самонаблюдения.

Смысл рассказа раскрывают уже насмешливые стихи французского поэта Р. Пон де Вердена (1749–1844), избранные Нодье в качестве эпиграфа: "О! Я ее держу, как счастлив я! Ведь это же хорошее издание, ибо вот на страницах 15 и 16 две типографские опечатки, которых нет в плохом". Герой рассказа – Теодор умирает, не в силах перенести весть о том, что на последнем книжном аукционе был продан экземпляр Вергилия в издании Эльзевиров 1676 г., превосходящий по высоте страницы экземпляр из собрания Теодора на 1/3 французской линии (т.е. на 0,75 мм). "Треть линии! – шептал умирающий, – праведный и милосердный боже! Вернешь ли ты мне эту треть линии, и до какой степени твое всемогущество может исправить непоправимый промах переплетчика?"[1]

Книга: Исслед. и материалы. М., 1977. Сб. 34.
[1] Альманах библиофила. Л., 1929. С. 332.

Теодор, конечно, был маньяком. Но можно поручиться, что у коллекционеров эльзевиров, а в прошлом веке их было немало среди библиофилов, настроение серьезно портилось, когда они узнавали, что их эльзевир чуть уступает в размерах эльзевиру из коллекции соперника. Тогда в моде были эльзевиры малого формата (в двенадцатую и даже в двадцать четвертую долю листа). При этом выше всего ценились эльзевиры необрезанные или, по крайней мере, минимально пострадавшие от ножа переплетчика, этого поистине божьего бича библиофилов всех времен и народов.

Конечно, чтобы испытывать описанные Нодье суетные страдания, его Теодор должен был обладать массой столь же суетных знаний. В частности, он должен был хранить в своей бездонной памяти сведения о размерах различных экземпляров Вергилия, появлявшихся на аукционах последних десятилетий, и о ценах на эти экземпляры. Откуда он мог черпать такие сведения? Из аукционных каталогов или из знаменитого "Руководства книготорговца и любителя книг" Брюне, появившегося первым изданием еще в 1810 г. Вот, например, что мы читаем в последней книге (цитирую по пятому изданию 1860–1865 гг.): "Из экземпляров на большой бумаге, имеющих от 170 до 175 мм в высоту, были проданы в марокеновых переплетах за 68 фр. Гуттар; 74 фр. Ла Вальер; 5 ф. 15 ш. Пинелли. Существуют также экземпляры на весьма большой и плотной бумаге, высота которых должна быть от 180 до 184 мм и ширина от 100 до 103 мм. Продавались в голубом марокене за 170 фр. Кремона; за 320 фр. в красном марокене де Котт; 366 фр. в красном марокене (около 103 мм) Ф.Дидо (был перепродан в Лондоне в 1835 г. за 31 ф. 10 ш.)..."

Суетность библиофилов может проявляться также и в погоне за подобными сведениями, в чувстве гордости от обладания ими и в презрении к тем из собратьев, которые уступают им в осведомленности. Последним не сдобровать от настоящих знатоков!

Особенно отличался в своеобразной охоте за промахами

коллег известный знаток древних рукописей и старопечатных книг аббат Жак Жозеф Рив (1730–1791), долгое время служивший библиотекарем у герцога де Лавальера. Одно из его произведений так прямо и называется: "Охота за библиографами и антикварами, плохо осведомленными". На титульном листе значится, что книга издана в Лондоне, у Афоба (т.е. – бесстрашного, греч.), в 1788 г., фактически же ее издал автор на собственные средства в провансальском городе Э, где он жил в те годы. На форзаце моего экземпляра этой редкой книги (она была напечатана в трехстах экземплярах) былой ее владелец – француз Август Августович Ла Драг, служивший в селе Поречье в середине прошлого века библиотекарем у графа А.С.Уварова, записал, что он получил книгу в подарок от С.А.Соболевского. Последний же, во время своего путешествия по югу Франции, нашел в книжной лавке города Э нераспроданный остаток тиража "Охоты" в количестве 5–6 экземпляров, купил их все и велел единообразно переплести. Академик М.П.Алексеев весьма сочувственно отзывается о специальных работах Рива и, кроме того, отмечает революционный энтузиазм этого неистового человека. Но в "Охоте" мы видим прежде всего бесконечные мелочные придирки ученого аббата к другим знатокам старинных рукописей и книг, причем придирки грубые и злобные, подогреваемые ущемленным самолюбием и жалобами на недополученные от наследников Лавальера средства. Словом, эта его книга – суета в точном значении этого слова!

Не знаю, как расценивал С.А.Соболевский это сочинение желчного аббата, но сам он гордился своими специально-библиофильскими познаниями и своим участием в качестве своеобразного корреспондента в новом издании (1860–1865) труда Ж.Брюне. Не чужда ему была и охота за плохо подкованными библиофилами. Правда, в его охотничьем вооружении, в отличие от Рива, было гораздо больше юмора и озорства, чем гнева. Одним из его охотничьих трофеев был известный петербургский библиофил второй половины прошлого века – богатый купец Яков Федулович Березин-Ширяев.

С юных лет тот пристрастился к собиранию книг и, получив от отца порядочное состояние, забил постепенно книгами свой обширный дом. С 1868 г. он начал издавать их описание отдельными выпусками под общим названием: "Материалы для библиографии, или Обозрение русских и иностранных книг, находящихся в библиотеке любителя исторических наук и словесности NN, – составлено Яковом Березиным-Ширяевым". Беда была в том, что в этих "Материалах", так же как и во всей его библиотеке, не было ни порядка, ни разумной системы, а сами описания, в особенности описания старинных книг на иностранных языках, пестрели ошибками, иногда весьма курьезными. Так, например, редчайший сборник путешествий[2], включая Колумбово, изданный в Нюрнберге в 1508 г. на нижненемецком языке, собиратель принял за книгу о масонстве (!) на голландском языке (известно, что масонство возникло в Англии только в первой четверти XVIII в.). Что сбило с толку Березина-Ширяева? В статье В.В.Кунина "История библиотеки Соболевского"[3] приводится запись Березина-Ширяева, в которой он вспоминает, что нашел книгу среди товаров торговца старой бумагой Алексеева, который высказал это смелое предположение, приняв рисунок треугольника на одной из страниц книги за масонский символ.

Как бы то ни было, С.А.Соболевский настиг "Материалы" зорким взором охотника и подверг суровому разбору в рецензии "Новые явления в русской библиографии"[4]. Здесь он окрестил "Материалы" библиографическими ежами за невозможность пользоваться ими, поскольку в них нет какой-либо системы, отсутствуют номера описываемых книг и указатели, а собрание Березина-Ширяева назвал "книжным сборищем" и, кроме того, отметил "тьму ошибок и неряшеств" в самих описаниях. Добрейшего Якова Федуловича сильно обидело одно только слово

---

[2] См. также с. 113 и далее.
[3] Альманах библиофила. М., 1973. С. 91.
[4] Рус. архив. 1869. Кн. 5. С. 921–935.

"неряшества", и он письменно упрашивал Соболевского отказаться от столь тяжкого упрека. Соболевский снизошел к этой просьбе чисто по-библиофильски. Он заказал в типографии оттиск своей рецензии специально для Я.Ф.Березина-Ширяева в одном экземпляре на розовой бумаге, проставив точки вместо слова "неряшества". Оттиск этот он послал вместе с письмом, озаглавленным: "Предисловие к сему единственному экземпляру". Приводим отдельные строки из этого, местами весьма озорного, послания: "...печатание на цветной бумаге – шалость, не сообразная с здравым вкусом, который всегда основывается на красоте или пользе; тут цветная бумага особенной красоты не представляет, а затрудняет чтение и вредит глазам. Настоящий экземпляр, единственный на цветной бумаге, отпечатан нарочито для Я.Ф.Березина-Ширяева, дабы он мог в своих материалах употребить еще разик: *принадлежит к библиографической редкости*, что не имеет и грамматического смысла.

В серьезном сочинении – известное *сборище* книг не могло называться библиотекой, ибо слово библиотека предполагает в собирателе некоторую разумную цель, что никак не замечается из материалов... Настоящий экземпляр, сверх редкости и удобства, должен быть иллюстрированный. Готовится фотографический портрет автора; автор изображен в следующем виде: он рвет пополам книжки материалов, и сделанные таким образом квадратики укладывает в пачки; обвертки валяются на полу за жесткостью бумаги; автор говорит: Авось ли употреблю их с пользой! А все будет не личная польза!

Дозволяется перепечатать в Материалах при описании этого редкого, единственного и прекрасного экземпляра. 10 июня 1869. Соболевский"[5].

Что, казалось бы, могло быть обиднее такого послания? И все же оно вполне успокоило нашего библиофила, и в восьмой книжке "Материалов..." (Спб., 1870) он

---

[5] Цит. по: Библиотека Д.В.Ульянинского: Библиогр. описание. М., 1913. Т. 2. С. 489–491.

поместил на с. 85 описание нового сокровища. Мы приводим его здесь как ценное свидетельство суетности: "Новые явления в русской библиографии. Соч. С.Соболевского. М., в тип. Мамонтова, 1869, стр. 16 в 8л. Экземпляр на веленевой розовой бумаге и составляет величайшую библиографическую редкость, потому что отпечатан в одном экземпляре, для владельца библиотеки NN. На обороте заглавного листа этого экземпляра напечатано: "В книжное сборище (следует имя, отчество и фамилия NN). Единственный экземпляр без неряшеств". Загадочный смысл последней фразы объясняется тем, что в означенном экземпляре, на 15-й странице, слово "неряшеств" заменено точками. Эта брошюра, отпечатанная в единственном экземпляре, подарена владельцу библиотеки С.А.Соболевским, июня 8 дня 1869 г., и сохраняется у NN как редчайшая".

"Новые явления в русской библиографии" не были единственным проявлением охотничьих инстинктов Соболевского. Он посвятил "Материалам" Березина-Ширяева также забавные стишки, для которых избрал форму модной в те годы арии: "Когда б я был аркадским принцем". Например:

Когда б я был аркадским принцем,
То спроста ел бы свой бифштекс
И не касался бы мизинцем
До описи библиотек-с.
Я от стыда давно бы умер!
Как, издавая каталог,
Не знать, что лишь текущий нумер
Его полезным сделать мог!

Или в виде "сантиментальной песни" якобы Карамзина:

Когда б я был аркадским принцем,
В Лугдуне я б шале завел,
Уютный домик с мезонинцем,
Овечки, телки, улья пчел.
Топить и дом и мезонинец

Березы я б не покупал,
На топку получа в гостинец
Березинский "материал"...[6]

Здесь Лугдун (лат. Lugdunum) взят из "Материалов" Березина-Ширяева, который не подозревал, что под этим старинным обозначением скрывается второй по величине город Франции – Лион.

К чести Я.Ф.Березина-Ширяева следует отнести, что он сумел стать выше постоянных насмешек над ним и после смерти Соболевского опубликовал прочувственные воспоминания о нем, включив в них и всю критику по своему адресу.

Нужно добавить, что Березин-Ширяев не был единственной жертвой охотничьего темперамента Соболевского. Последнему приходилось, например, стрелять крупной дробью и по целой стае западных библиофилов, которую украшал собой такой общепризнанный знаток старой книги, как Жак Брюне. Поводом послужили беспорядок и путаница (снова "неряшества!") в описаниях обширнейшего собрания путешествий в Индию и Америку ("Западную Индию") Теодора де Бри, известного как в более полном (Большие путешествия – 25 фолиантов), так и в менее полном виде (Малые путешествия). Оно издавалось во Франкфурте-на-Майне в 1590–1634 гг. Мерианом. Вот как Соболевский характеризовал сложившееся положение и объяснял его причины в письмах к Брюне, которые тот щедро цитировал в новом издании своего "Руководства": "Позднее коллекционеры и любители, формируя экземпляры для их библиотек, усугубили путаницу в библиографии Больших и Малых путешествий, так как они смешали в одну кучу все то, что на первый взгляд пополняло или обогащало их экземпляры. Все эти причины, соединяясь вместе, сбивали с толку составителей каталогов; они насчитывали больше изданий, чем их

---

[6] Соболевский С.А. Эпиграммы и экспромты / Под ред. В.В.Каллаша. М., 1912. С. 84.

существовало на самом деле, и принимали за варианты изданий допущенные при печатании недосмотры, типографские оплошности или библиотечные недостатки. Вскоре набивающая себе цену амбиция собирателей, вместо того чтобы отделять вторые издания от первых и выполненную Мерианом перепечатку от двух оригинальных изданий, перемешала все, чтобы иметь возможность заявить, что такая-то часть их коллекции содержит столько-то листов с вариантами!!!"[7]

Вот еще отрывок из письма Соболевского к Брюне об ошибках самого Брюне, допущенных также и в новом издании "Руководства" в описании немецкого перевода собрания де Бри; Брюне привел это письмо целиком в конце тома: "Экземпляр императорской Библиотеки (т.е. Парижской национальной библиотеки. – *А.М.*) единственный, я полагаю, который вы в Париже имеете, весьма неисправен. Неудивительно поэтому, что я, пользуясь моим собственным, совершенно полным, нашел многочисленные поправки, которые нужно произвести в вашей заметке..."[8]

Итак, мы видели достаточно примеров библиофильской суетности, гротескный характер которых особенно явно обнаруживается, если пользоваться лупой, услужливо подставляемой самими же библиофилами – охотниками за слабостями своих коллег! Но издатели, доходы которых нередко зависели от прихотей библиофилов, не нуждались в особых инструментах, чтобы разглядеть эти прихоти. Они не просто старались предложить клиентам товар, отвечающий запросам, а вызывали новые, изобретая для этой цели новые средства для возбуждения аппетита коллекционеров. Любопытный, но далеко не самый ранний пример – предисловие французского издателя и книготорговца Фердинанда Бастьена, который на VI году Республики (1797–1798) выпустил новое издание

---

[7] Brunet J. Manuel du libraire et de l'amateur de livres...; F.Didot Frères, Fils et C-ie, 1860. T.1. Col. 1314.
[8] Ibid. Col. 1899.

сочинений Рабле с оригинальными гравюрами на меди гротескного характера и со следующим извещением издателя: "Чтобы удовлетворить любителей, мы напечатали его (издание Рабле. – *А.М.*) на восьми различных бумагах; и чтобы сделать эти издания более редкими, выпущено только 250 экземпляров в трех форматах in 8°, in 4° и in 2° на веленевой и ангулемской бумаге; и также in 8° на обыкновенной бумаге экземпляры менее дорогие и выпущенные в большем числе..."

На какие только ухищрения не пускались издатели, чтобы привлечь покупателя необычной внешностью предлагаемого ему товара. Вот, например, в 1757 г. в Париже у Дюшеня выходит в свет небольшая книжка (in 8°) с таким титулом: "Книга четырех цветов. Из четырех элементов. В типографии четырех сезонов. 4444". Содержание ее составляет не лишенная остроумия болтовня автора – маркиза Караччели (1721–1803) о современных парижских модах. Но главное ее своеобразие – в полном пренебрежении к классической черной типографской краске. И титульный лист ее и все страницы, действительно, отпечатаны четырьмя красками: желтой, зеленой, темно-коричневой и красной. Оригинально, хотя и неудобочитаемо!

Наиболее распространенный прием, уже отмеченный нами на примере издания Рабле, состоял все же в искусственном ограничении тиража, о чем покупатель оповещался специальным текстом, помещенным на обороте авантитула, титульного листа или же в конце книги. С целью удостоверить покупателя, что здесь нет обмана, все экземпляры подобного издания снабжались обычно номерами ("Нумерованное издание"), а иногда еще и подписями от руки самого издателя, автора или художника, иллюстрировавшего книгу.

В альбоме литографий Тулуз-Лотрека, изображавших кафешантанную певицу Иветт Жильбер, которая, как известно, далеко не была польщена своим изображением в передаче этого художника, каждый экземпляр подписывался, однако, только ею (всего было отпечатано 100 экз. типографии Фремон, Арсиз-сюр-Об, 1894).

Но иметь один экземпляр из 300 или из 100, выпущенных в свет, иному библиофилу казалось мало: ему не хотелось быть всего-навсего одним из целой сотни. Для таких коллекционеров выделяли, по более дорогой цене, лишь немногие десятки особых экземпляров, иногда же только 3, 2 или даже 1 экземпляр, со свойственными только этим книгам признаками. Конечно, ничто не мешало создавать такие нарочитые уникумы и в тех случаях, когда общий тираж книги не подвергался значительным количественным ограничениям. У меня, например, имеется экземпляр "Комедий" Теренция на латинском языке (Париж, 1753) из коллекции классиков, выпускавшихся с большим старанием издателем Барбу. Он целиком, вместе с изящными гравюрами Гравело, отпечатан, в отличие от всех других экземпляров того же издания (по-видимому, речь может идти здесь о типичном для XVIII в. тираже в 1200 экз.), не на бумаге, а на превосходном пергамене. Конечно, находящийся также в моем собрании экземпляр "Французской конституции" (Париж, 1793) был изготовлен на пергамене, вероятно, как дань высокому значению этого исторического памятника; общий тираж ее был весьма значительным для того времени (порядка десятков тысяч экземпляров).

Особые экземпляры, отпечатанные на бумаге, могли отличаться от всего остального тиража, например, ее цветом. Так, в издании иллюстраций к "Дон Кихоту", гравированных на меди итальянским художником Франческо Новелли по его собственным рисункам (Венеция: Альвизополи, 1819), выпущенном в свет в 102 экземплярах, два экземпляра были отпечатаны на слабо окрашенной розовой французской бумаге. И хотя на имеющейся у меня книжке значится, что это "один из *двух* (курсив мой. – *А.М.*) только экземпляров, отпечатанных на цветной французской бумаге", былой ее владелец – брат известного итальянского литератора Гамба, снабдившего пояснениями рисунки Новелли, – упрямо заявляет рядом со своим экслибрисом, что это "единственный экземпляр в таком состоянии".

что съ тысячи площадей и перекрестковъ поднимался тотъ-же ревъ трубъ, и крики, звонъ и свистъ, и несмолкаемый гулъ стоялъ надъ Парижемъ. Ночь была душная и звѣздная. Отъ дома къ дому, высоко черезъ переулки протянулись разноцвѣтные огоньки.

Елизавета Сергѣевна, Максъ и я, спустившись съ Монмартра, остановились на площади въ толпѣ, глядя на подпрыгивающихъ въ призрачномъ свѣтѣ темныя пары.

Подтанцовывали также фонарики на кумачевомъ помостѣ, колыхались высоко надъ головой нитки цвѣтныхъ огней, и мансарды, и крыши, и каминныя трубы, какъ-будто тоже покачивались.

Происходило это оттого, что Елизавета Сергѣевна, Максъ и я, возвращаясь съ Монмартра, заходили во всѣ бары по пути и въ каждомъ спрашивали себѣ рюмочку виноградной водки съ настойкой изъ черной смородины — cassis-aux-marc.

Елизавета Сергѣевна была одѣта въ мужской костюмъ.

Максъ, одѣтый какъ обычно, велъ за собой велосипедъ.

Я, вѣроятно, былъ таковъ 14-го іюля:

Молча и сосредоточенно глядѣли мы на танцующихъ. Въ это время изъ-за спины толстой консьержки, сидящей на складномъ стулѣ, вывернулся уличный мальчикъ, заложилъ руки въ карманы, сталъ передъ нами, перекосилъ ротъ и сказалъ:

— O, regardez moi ça!

Я, вѣроятно, былъ таковъ 14-го іюля

Силуэты Е.С.Кругликовой на развороте книги "Париж накануне войны"

Une espèçe de Chinois!

— Идемъ, — сказалъ Максъ. Но было уже поздно: насъ обступили.

Ко мнѣ подошла молодая дѣвушка, положила руки на плечи и увлекла въ кругъ танцующихъ. На ней было черное платье, все на булавкахъ, о которыя я сейчасъ же и напоролся. Глаза полузакрыты, на шеѣ бархотка. Она вся была точно окутана запахомъ улицы, духовъ и чесноку.

Ко мнѣ подошла молодая дѣвушка

Покачиваясь въ тактъ головокружительному какому то галопу я вдругъ увидѣлъ Макса. Онъ былъ сосредоточенъ и, обхвативъ круглую, растрепанную даму, лѣзъ спиной на танцующихъ, наступая на ноги; стекла его пенснэ поблескивали

Затѣмъ мимо галопомъ съ какой-то очень худой дѣвицей промчалась Елизавета Сергѣевна.

— Вы — китаецъ? — спросила моя дама.

— Я васъ люблю, — отвѣтилъ я.

Она прошептала:

— У меня есть другъ, онъ васъ зарѣжетъ во что-бы то ни стало.

Я, вдругъ, увидѣлъ Макса

Мы уносились по кругу и музыканты дули намъ, то надъ ухомъ, то вдалекѣ. А надъ головой, въ черномъ небѣ кружились звѣзды и фонарики...

Вдругъ музыка оборвалась.

— Пить, — сказала моя дама.

— Въ баръ, въ баръ, — кричала Елизавета Сергѣевна, увлекая на уголъ площади худую свою

Промчалась Елизавета Сергѣевна

Конечно, розовый цвет бумаги – это весьма сомнительное достоинство книги, как справедливо отмечал Соболевский. Поэтому особым экземплярам издатели старались придавать и более весомые в глазах знатоков отличия.

Например, прилагали к нему отпечатки гравюр "до подписи", столь же ценимые иногда, как и первые издания книг, или печатали гравюры в так называемом "открытом состоянии", означающем, как правило, вольность эротического характера, которая потом уничтожалась художником на граверной доске и, следовательно, отсутствовала в основном тираже. Высоко ценимым отличием особого экземпляра могли быть также приложенные к нему оригиналы художника, по которым изготовлялись гравюры книги.

Другим примером отличий может служить имеющийся у меня экземпляр известного у нас среди собирателей литературно-художественного сборника "Париж накануне войны", изданного в Петрограде в 1914 г. с целью собрать средства русским художникам и писателям, отрезанным войной от Родины. Он украшен цветными "монотипиями" Е.С.Кругликовой и ее многочисленными силуэтными портретами и рисунками в тексте.

Издание это было отпечатано не столь уж малым для того времени тиражом – 500 экз., но в каждом из "особых" экземпляров (именных) авторы рассказов, стихов и очерков, помещенных в сборнике, оставили собственноручную подпись (А.Бенуа, Н.Рерих, К.Бальмонт, А.Толстой, Вяч.Иванов, Ф.Сологуб и др. – всего 12 авторов).

Итак, суетность библиофилов... Она может проявляться, как мы видели, в особом внимании к некоторым маловажным, не представляющим ценности в общем мнении, особенностям экземпляра книги. Библиофилы гоняются за этими особенностями, которые иногда возникают независимо от воли тех, кто книги создает или приобретает (например, курьезные опечатки, от которых свободны

другие издания того же произведения, поля, которых не коснулся нож переплетчика, запись, полная особого значения, или автограф выдающейся личности, незначительность общего числа сохранившихся экземпляров, потому ли, что остальные погибли из-за дурного обращения, например буквари, или при стихийных бедствиях, войнах, от рук палача или фанатика и т.п.), но могут также создаваться заранее, самими издателями, с целью удовлетворения запросов библиофила.

Библиофилы нередко соперничают друг с другом, готовы на жертвы ради вожделенного экземпляра, как губка всасывают в себя, в сущности, маловажные сведения об отличительных свойствах своего и других "особых экземпляров" и со страстностью, чаще комической, чем угрожающей кому-либо, нападают на собратьев, которые не владеют подобными сведениями в полном объеме.

Хорошо это или плохо?

Поставим вопрос по-другому: можно ли представить себе библиофилов, которые были бы вполне свободны от подобных недостатков? Не лучше ли признаться, что слабостям – у каждого в своем роде – подвержены многие по-настоящему увлеченные люди, без которых жизнь была бы скучнее и бесцветнее: любители музыки и собиратели картин, рыбаки и охотники, садовники, выращивающие новые сорта тюльпанов, альпинисты, яхтсмены, шахматисты, болельщики футбола или хоккея и другие, имя которым легион.

И здесь мы снова возвращаемся к определению, с которого начали наш очерк.

Далеко не всегда и не во всех случаях действительно ничтожно, маловажно и не представляет истинной ценности то, что нам представляется таковым, что нас оставляет безразличными, а другого безгранично захватывает и увлекает.

Наверное, все богатство и многообразие созданного человеком за многие века, все богатство и многообразие природы не сможет хорошо служить нам и нашим детям и внукам, если среди нас не будут всегда нахо-

Напоминая всѣмъ, что врагъ
Не побѣжденъ и не отходитъ.
Да свѣты небо стерегутъ,
Да вѣтръ доноситъ запахъ пашни
И безпокойно-долгій гудъ
Идетъ отъ Эйфелевой башни.
Она чрезъ океаны шлетъ
То бѣгъ часовъ, то вѣсть возмездья,
И сквозь желѣзный переплетъ
Сверкаютъ зимнія созвѣздья.

Максимиліанъ Волошинъ.

Максимиліанъ Волошинъ Москва Апрѣль 1916 г.

Страница книги "Париж накануне войны" с автографом Максимилиана Волошина

диться люди, способные самозабвенно предаваться изучению, освоению и сохранению той или иной, пусть на первый взгляд небольшой части общей гигантской сокровищницы. И, посмеиваясь над их чрезмерной увлеченностью, граничащей иногда с чудачеством, мы не должны отказывать им в наших добрых чувствах.

PHILOSOPHIÆ
NATURALIS
PRINCIPIA
MATHEMATICA

Autore J S. NEWTON, Trin. Coll. Cantab. Soc. Matheseos
Professore

IM

S. PE

Jussu Societatis R

les apud Sam.

D. Pauli, aliosq

ARTI

to iest

O Wszelkiey

O ich przyprawach

tach do tey nauk

Przytem o wagach, wind

wszelkim porządku to do

Z rożnych Autorow y Mistrzow tych nauk

apótem.

II. СУДЬБЫ КНИГ

О книжных редкостях

Одна в СССР

Путевой дневник молодого русского вельможи конца XVIII века

Граф Северный и император Траян

Вергилий и мастера печатной книги

Книжный дебют "Женитьбы Фигаро"

Об источниках амстердамского издания "Символы и емблемата" (1705)

Новооткрытое произведение польской военно-технической литературы XVII века

О КНИЖНЫХ РЕДКОСТЯХ

Задумывались ли вы над вопросом: почему люди, даже не очень привязанные к книге, не равнодушны к книжным редкостям? Что это вопрос не праздный, видно из того, что заметки типа: "Уникальная книга", "Тиражом в один экземпляр" и т.п. охотно печатают в газетах, читают и обсуждают наряду с другой злобой дня. Мне понятен, конечно, всеобщий и неизменный интерес человечества ко всякого рода диковинкам. Достаточно вспомнить Крылова: "...Известно, что слоны в диковинку у нас – Так за слоном толпы зевак ходили". Пожалуй, путь от редкости к диковинке открывает "Толковый словарь" Даля. В нем читаем: "Диковина, диковинка, ж., диво, дивледь, дивовище; редкий случай или вещь, невидаль, невидальщина, чудо".

Итак, вот он ключ к объяснению народного интереса к редкости: редкость потому и редкость, что она отличается от всего повседневного, известного, всюду встречаемого; значит, это диковинка, невидаль и, быть может, даже чудо.

К счастью, большинство тех, кто живо откликается на вести о редких книгах, сами этих книг не читают, не перелистывают и даже не видят. Поэтому они не могут обнаружить, что весьма часто в редких книгах нет ничего поражающего ни глаз, ни воображение, а следовательно, не могут и разочаровываться в книжных редкостях. Я говорю, к счастью, потому что иначе редкая книга выпала бы из ряда, начинающегося с "диковины" и кончающегося "чудом", и газеты перестали бы печатать заметки о ней. А это было бы плохо. Ведь что ни говори, а то

Альманах библиофила. М., 1973. [Вып. 1].

обстоятельство, что в наше время интерес массового читателя привлекает известие о находке уникальной книги, а не сообщение, скажем, о рождении теленка с двумя головами и шестью ногами, – яркое свидетельство прогресса, культурной зрелости читателя.

Конечно, редкая книга – это прежде всего книга, ныне существующая в малом числе экземпляров. Но что такое "малое число экземпляров"? Иногда книгу, которую все хотят иметь, признают у нас, и не без оснований, изданной "ничтожно малым тиражом", если этот тираж ниже, скажем, 30 тысяч экземпляров. Но не о таких оценках пойдет здесь речь. Я предлагаю разделить все редкие книги на классы, подобно табелю о рангах, введенному Петром I. Можно было бы вспомнить о шкалах твердости, ветров, землетрясений и т.п., но сравнение редкости с рангами или чином представляется более уместным. Подобного рода предложение не является вполне оригинальным. Например, в XVIII в. знаменитый польский библиофил Иосиф Залусский, собрание которого послужило основой Публичной библиотеки в Петербурге, различал редкость книги числом звездочек. На довольно редких ставилась одна звездочка, редких – две, очень редких – три. Такова изданная в 1506 г. в Нюрнберге книжка латинских стихов немецкого поэта Я.Лохера с оттиснутой фамилией И.Залусского и тремя рукописными звездочками вверху титульного листа.

Есть книги его библиотеки, где число звездочек доходит до шести; такие книги он величал "книжными феноменами", утверждая, что они реже белых ворон. Слабостью его системы была ее субъективность, отсутствие точных критериев.

Говоря коротко, я ограничиваюсь восемью классами редкости (в отличие от 14 классов табеля о рангах). При этом, например, так называемая "Азбука" Ивана Федорова 1574 г., единственный экземпляр которой находится в библиотеке Гарвардского университета, попадает в высший, первый класс. Вообще книги первого класса – это книги, известные лишь в одном или двух экземплярах.

Каждый следующий класс отводится для книг, число сохранившихся экземпляров которых не более чем вдвое превышает число книг предыдущего класса. Первое издание радищевского "Путешествия из Петербурга в Москву" занимает место где-то между IV и V классами, в зависимости от того, примем ли мы оценку Смирнова-Сокольского (14 сохранившихся экземпляров) или Барскова (19 экземпляров). Наконец, Острожская библия Ивана Федорова и первое издание "Математических начал натуральной философии" Ньютона попадают в один и тот же младший – VIII класс (каждая из этих книг сохранилась в количестве около 200 экземпляров; впрочем, по моим сведениям, первое издание "Начал" Ньютона в Советском Союзе представлено всего тремя экземплярами).

Убежден, что в воображаемой книжной анкете строка, характеризующая редкость книги, не должна занимать первого места. Во всяком случае, на основании одной только этой строки нельзя производить никаких серьезных суждений о значимости книги. У меня есть одна книжка, относящаяся, по-видимому, к I классу редкостей. Это XIII выпуск антикварного книжного каталога Шибанова: "Каталог русских и славянских книг древних и новых, напечатанных вне Москвы и Петербурга, № 7. М., 1895 г.". По утверждению Ульянинского, а это наибольший авторитет в данной области, такой книжки вообще не существует на свете. Цензура остановила ее печатание в начале второго листа. Сам Ульянинский был счастливым обладателем первого листа, а у меня книжка вся целиком, 5 и 1/4 листа! В моем собрании есть замечательное недавнее издание Библиотеки им. Ленина: "Список разыскиваемых изданий, не вошедших в Сводный каталог Русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800". Сама эта книга отпечатана лишь в 200 экземплярах и поэтому представляет редкость VIII класса (как "Острожская библия"!). На ее страницах описаны свыше 800 изданий XVIII в., которых нет ни в одном экземпляре ни в одной из крупнейших библиотек Советского Союза. Ни в одной! Стало быть, это все редкости

I класса (1–2 экземпляра) или в крайнем случае II (3–4 экземпляра). По табелю о рангах I классу соответствует чин канцлера, второму – действительного тайного советника. Но вот ведь совпадение: значительная часть этих изданий (конечно, не все) столь же бесцветны и малосодержательны, сколь и сановники одноименных классов.

Не подумайте, что я пытаюсь внушить чувство пренебрежения ко всем редким книгам только потому, что они редкие. Сам я далеко не равнодушен к свойству книги "быть редкой", которое ведь нисколько не вредит другим ее свойствам и качествам. Просто хочется подчеркнуть, что когда мы со всей искренностью и убежденностью заявляем, что не можем прожить ни одного дня без книги, то не о редкостях мы при этом помышляем, по крайней мере, не о них в первую очередь. Ибо человек, который бы ограничил свою духовную диету редкими книгами, скоро умер бы от истощения, так и не познав в полной мере подлинных радостей общения с книгой. Какова же должна быть здоровая и питательная диета книголюба? Она должна быть в достаточной степени разнообразной. Суть дела, по-моему, хорошо схватил Ж.Брюне, автор многотомного руководства для библиофилов, составленного в прошлом веке. На титульном листе своего труда он сообщает, что дает перечень книг редких, драгоценных, необычных, а также наиболее ценимых произведений во всех жанрах. В этом перечне Брюне, как говорится, попадает в самое яблочко!

ОДНА В СССР

Во второй половине прошлого века в Петербурге, как мы уже писали, жил страстный собиратель книг Яков Федулович Березин-Ширяев. Его библиотека сделалась известной благодаря печатным описаниям, которые он издавал на свои средства отдельными выпусками начиная с 1868 г.

В мире книг, 1964. № 11.

Назывались выпуски так: "Материалы для библиографии, или Обозрение русских и иностранных книг, находящихся в библиотеке любителя исторических наук и словесности NN..." В них Березин-Ширяев описывал с одинаковым рвением действительно ценные книги и никому не нужную макулатуру.

Известный библиограф, библиофил и издатель П.А.Ефремов называл эту коллекцию "складом книжного хранения", а С.А.Соболевский, также большой книжник, друг Пушкина и Мериме, – "книжным сборищем". Но если Ефремов и Соболевский подшучивали над Березиным-Ширяевым, то историк литературы и библиограф Семен Афанасьевич Венгеров в своем "Биографическом словаре" подверг беспощадному критическому разбору библиофильские слабости Якова Федуловича как собирателя редкостей, не придающего значения содержанию своей коллекции.

Особенно зол был С.А.Венгеров на Березина-Ширяева за то, что тот в своих "Материалах" произвел в редкости восемь десятых своей библиотеки. Из-за этого в антикварных каталогах того времени иная книга ценилась вместо одного рубля в десять.

Критикуя "Материалы" в печати, С.А.Соболевский отмечал в них "бездну трудолюбия... но с тем вместе тьму странностей, неряшеств и излишеств". Известно, что в книгах, издававшихся в старину на латинском языке, имена авторов и названия городов приводились в их латинизированной форме, например Ренатус Картезиус вместо Рене Декарт, Лютеция вместо Парижа, Люгдунум вместо Лиона. Березин-Ширяев по простоте душевной не пытался разобраться в том, о каких подлинных именах и названиях идет речь, а воспроизводил их в русской транскрипции. Так, например, о книге, написанной медиком Фуксом и изданной в Лионе в 1551 г., он говорил как о сочинении некоего Фишио, "напечатанном в Лугдуни"; вместо Теренция христианского у него фигурировал Теренций Кристиани и т.п. В связи с этим Соболевский удостоил незадачливого библиографа язвительными

стишками, написанными в размере модной тогда опереточной арии "Когда б я был аркадским принцем":

В известном городе Лугдуне
Жил некто Фишио Леон;
Моими книгами не втуне
Народ был очень восхищен,
Один Теренций Кристиани
Про материалы мне твердил:
"Вы не в свои садитесь сани,
Библиограф-библиофил!"
И в том же городе Лугдуне
На площадях он повторял:
"Федулыч-душка! Дуни, плюни
На семитомный материал".

Напутал Яков Федулович и в описании книги, которой открывался первый выпуск "Материалов". Он правильно передал ее иностранное название, рассказал о том, как замысловато выглядит ее титульный лист, резанный на дереве. Он не ошибся и в том, что книга была издана в Нюрнберге в 1508 г. и напечатана готическими буквами. Однако бессознательно он охарактеризовал ее как книгу "мистического содержания о масонстве", тогда как ни к мистике, ни к масонству она не имела ни малейшего отношения. Между тем эта редчайшая книга заслуживала самого тщательного и подробного разбора, так как являлась одним из наиболее ранних описаний Нового Света, то есть Америки, изданным в переводе на нижненемецкий язык. Ее название в русском переводе гласит: "Новая неизвестная страна, или Новый Свет, найденный в недавнее время".

Впервые она вышла в Виченце (близ Венеции) в 1507 г. на итальянском языке. За короткое время ее перевели на ряд других языков, в том числе на немецкий (Нюрнберг, 1508). Перевод на нижненемецкий, о котором идет речь, выполнен с немецкого в том же году. Издание состоит из 6 отделов (книг), содержащих описания путешествий Кадамоста, Васко да Гама и др. Четвертая книга

рассказывает о путешествиях Христофора Колумба (его имя Колумб, означающее "голубь", переведено на нижненемецкий и звучит как "Дувер"), пятая – о путешествиях Америго Веспуччи (в книге он именуется как "Альберикус Веспуциус"). Некоторые сведения об итальянском оригинале книги и о других древнейших изданиях, рассказывающих о путешествиях в Америку, читатели могут найти в книге С.Цвейга "Америго" (М.: Географгиз, 1960).

Неудивительно, что книга, оказавшаяся в руках Якова Федуловича, сразу приковала внимание Соболевского. Ведь древнейшие описания путешествий были предметом его специального собирания, и он сразу понял, что речь идет об издании, нигде и никем до того времени не описанном. Соболевский стал добиваться того, чтобы оно попало в его руки, обещая Березину-Ширяеву взамен ценнейшие книги. Как реагировал на это предложение владелец, видно из письма, отправленного потерявшим терпение Соболевским Якову Федуловичу.

"Переписка наша завелась, – писал он, – по случаю книги, изданной в 1508 году, которою я заинтересовался. Вскоре после этого, узнав, что Вы собираетесь в Москву, я просил Вас захватить эту книгу с собой на показ мне; Вы не исполнили моей просьбы, как бы в страхе, чтобы я у Вас оной не отжилил. Впоследствии я лично просил Вас мне ее уступить... Наконец, я просил Вас позволить мне написать в Вашем каталоге исправленное сведение об этой книге в пользу науки, которою и Вы, и я – мы занимаемся. И этой просьбы Вы не уважили. Такое неуважение к трем моим просьбам, не имеющее другого основания, кроме чистого каприза, показало мне, что я ошибся на счет дружеского расположения, которое я предполагал в Вас ко мне. Вследствие этого я решился прекратить интимность, которой я было предался в отношениях к Вам; считаю ее излишнею..." и т.д.

В конце концов Березин-Ширяев капитулировал. Вот что написал ему по этому поводу Соболевский:

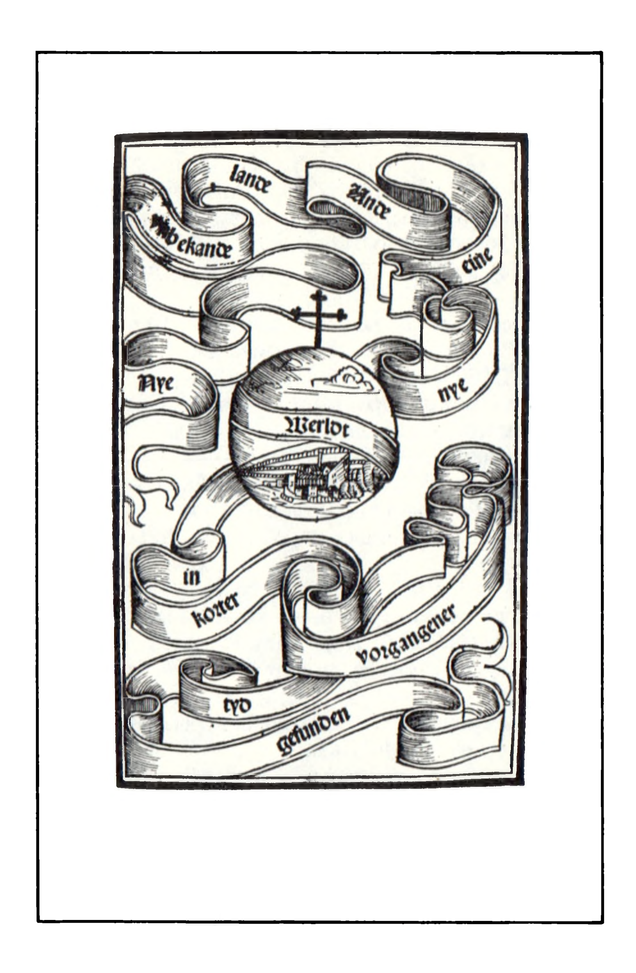
"Очень радуюсь книге, что она моя, но более того

радуюсь, что она не Ваша. Вот почему: в случае Вашей смерти или чего-либо другого она прошла бы незаметной, вроде старых газет и афишек, – и была бы не известна в библиографии. Редкость ее не в том, что она напечатана в 1508 г. ... а тем она редка, что не описана и не упомянута никем из специалистов..." И он обещал дать описание с ссылкой на источник, из которого получил книгу. Такое описание действительно появилось в "Русском архиве", но уже после смерти Соболевского, последовавшей в октябре 1870 г.

Что же сталось с редкой книгой? Березин-Ширяев в своих воспоминаниях сообщает, что при распродаже библиотеки Соболевского за границей, куда ее переправили наследники покойного, книга о Новом Свете была продана с аукциона, а впоследствии за 6000 долларов перепродана в одну из частных американских библиотек. С тех пор никто не слыхал, чтобы в библиотеках нашей страны был обнаружен еще экземпляр той же книги, хотя о ней писалось на страницах дореволюционных библиографических журналов (Русский архив, 1870; Библиограф, 1892; Антиквар, 1902; и др.) и, следовательно, книжникам ценность и редкость ее были хорошо известны.

Профессор Николай Петрович Киселев, наводивший справку по моей просьбе, обнаружил, что первое упоминание об этой книге на Западе встречается в Библиографии Генри Гарриса в 1872 г. со ссылкой на сообщение С.А.Соболевского из Москвы.

В фундаментальном описании нижненемецких книг, появившемся в Германии в 1931 г., перечисляются 6 экземпляров этой книги, имеющихся в различных библиотеках мира. Лишь одна из них находится в США (Провиденс, штат Род Айленд, библиотека Джона Картера Броуна; очевидно, что это и есть экземпляр Березина-Ширяева), четыре отмечаются в разных библиотеках Германии, одна в частной библиотеке в Москве. Последнее указание для 1931 г. – явно ошибочно. Авторы просто переписали сведения о московском экземпляре из книги Генри Гарриса 1872 г., когда оно уже перестало быть верным.

Гравюра из сборника путешествий. Нюрнберг, 1508

Все же, если бы упомянутое описание пришлось переиздать теперь, то уже без ошибки можно было бы вновь сослаться на частную библиотеку в Москве, ибо вот уже несколько лет, как экземпляр этой редкой книги, купленный в одном из букинистических магазинов столицы, находится в моем собрании.

Помню, как 15 лет назад я принес из магазина иностранной книги в Москве, помещавшегося тогда на улице Герцена, конволют первой четверти XVI в. Для меня было вполне достаточно того, что второе и третье места в нем (из пяти) занимали великолепные издания известного немецкого математика и "предсказателя нового всемирного потопа" Михаила Штофлера: "Большой римский календарь" (Оппенгейм, 1518) и его же "Трактат об астролябии" (там же, 1512). На другие сочинения, переплетенные вместе с этими, я бросил лишь беглый взгляд.

Прошло несколько месяцев. Я хотел в часы досуга позабавить мою жену рассказом, приведенным выше, о том, как С.А.Соболевский хотел выудить у Я.Ф.Березина-Ширяева случайно попавший к тому редчайший сборник путешествий, изданный в Нюрнберге в 1508 г. и включавший одно из ранних описаний открытия Америки, о том, какие комические стихи и письма Соболевский по этому поводу сочинял, как он успел в своем намерении завладеть редкостью и как после вскоре последовавшей его смерти книга была с аукциона в Лейпциге продана в США за 6000 долларов, по уверению Березина-Ширяева. Последняя цифра больше всего его огорчала. Но как только я стал цитировать дословно самое первое, наивное и путаное описание книги, сделанное самим Березиным-Ширяевым, я вдруг остановился. Где я видел эту гравюру с изображением земного шара в центре круто извивающейся ленты, на которой было помещено название книги? "Настя, – сказал я, – а ведь я могу показать тебе эту книгу", – и после этого уверенно раскрыл конволют. Действительно, четвертое место в нем занимал полулегендарный сборник путешествий, послуживший в свое

время яблоком раздора между двумя известнейшими русскими библиофилами прошлого века. Спешу добавить, что, конечно, это не был тот самый экземпляр. Экземпляр Березина-Ширяева – Соболевского так и остался в США. Но кроме него во всем мире было еще, по крайней мере, четыре, как утверждают библиографические справочники, и вот один из них, ранее находившийся за границей, попал в нашу страну, чтобы задержаться в моей библиотеке. Краткий очерк об этой книге я поместил в 1964 г. в журнале "В мире книг", озаглавив его: "Одна в СССР". Однако редакция не согласилась с таким категорическим утверждением и вставила частицу "ли". Так и получился не совсем складный, но зато осторожный заголовок: "Одна ли в СССР?"[2]

ПУТЕВОЙ ДНЕВНИК МОЛОДОГО РУССКОГО ВЕЛЬМОЖИ КОНЦА XVIII ВЕКА

В магазине иностранной книги, что помещается теперь на улице Качалова, мне иногда показывали книги, принесенные для оценки, с тем, чтобы я мог сказать, какие из них представляют интерес для меня. "А это что за книжка, вон та, маленькая, покажите, пожалуйста", – попросил я. "Та? Она вряд ли вас заинтересует. Это рукопись, она была опубликована в свое время". Но я уже рассматривал изящную книжку размерами с записную (8X12 см.) в переплете из желтой кожи с накладными рамками из красного сафьяна, украшенными золотым тиснением. На передней крышке наклейка также из красного сафьяна: "Six lettres ou Journal de mon voyage de St. Petersbourg a Vienne" (т.е. "Шесть писем, или Дневник моего путешествия из Петербурга в Вену"). На титульном листе –

---

[2] Концовка взята из "Рассказов о книгах", помещенных в третьем выпуске "Альманаха библиофила" (М., 1976. С. 108–120).

Памятники культуры: Новые открытия: Ежегодник. 1974. М., 1975. (Краткое введение взято из наших "Рассказов о книге".)

дата: 1792 г. Это рукопись на французском языке, написанная черными, слегка выцветшими чернилами. Почерк четкий, красивый. В ней 206 нумерованных страниц, окаймленных прямоугольными красными рамками, в начале краткое предисловие "Avant – propos", в конце – заключение (NB) и содержание ("Table de matières"). По всему было видно, тот, кто изготовил рукопись, хотел всеми средствами облегчить другим пользование ею.

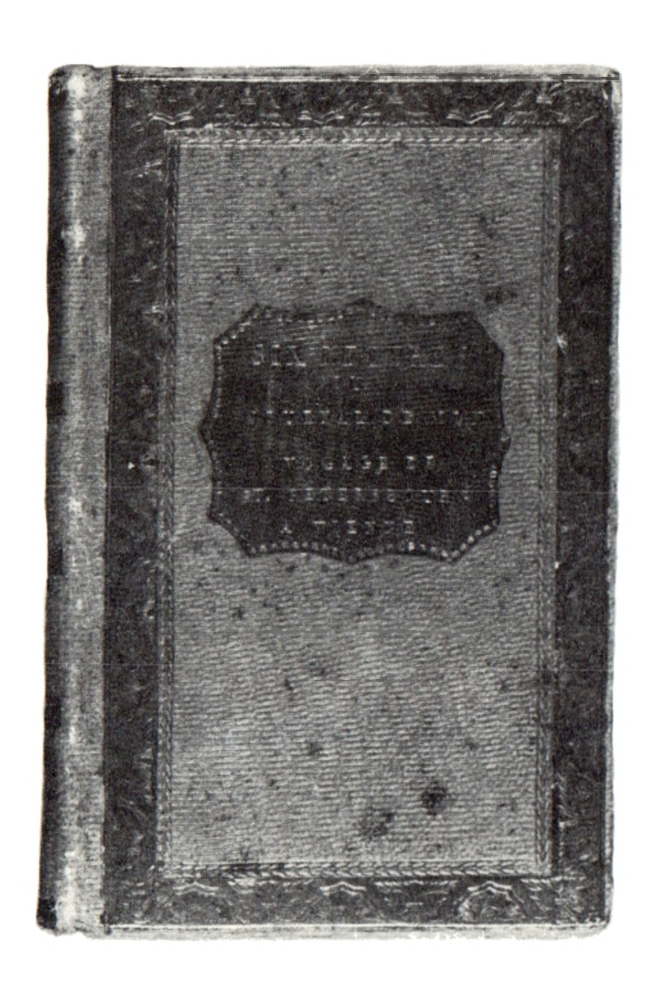
Никаких следов того, что кто-то когда-то ее опубликовал или хотя бы описал, ни я, ни сведущие люди, к которым я в разное время обращался, не смогли обнаружить. Пришлось потрудиться, прежде чем удалось подготовить публикацию о рукописи, которую я озаглавил "Путевой дневник молодого русского вельможи конца XVIII века".

Автор, граф Григорий Иванович Чернышев, предуведомляет, что его письма отнюдь не вымышленные. Он писал их во время путешествия в Вену, куда был направлен в 1792 г. Екатериной II по случаю вступления на престол императора Франца II. Адресовались эти письма "Госпоже Графине", имя которой не может быть названо из уважения к ней. Содержание писем ограничивалось только тем, что лично происходило с их автором[1].

"Предисловие. Эти письма отнюдь не вымышлены, но действительно написаны и адресованы особе, удостоившей меня своими милостями, назвать которую мне не дозволяет уважение. Она потребовала, чтобы я вел дневник моего путешествия в Вену, когда я был направлен ее величеством Екатериной к императору Францу Второму по случаю его вступления на трон. Они написаны, стало быть, без всяких претензий и единственно с целью дать отчет в том, что происходило лично со мной, Даме, которую я буду прославлять всю жизнь, оставаясь ее другом до ее смерти!" (с. 1). Первое было послано из

---

[1] Далее мы приводим, за отдельными исключениями (надписи, стихи), только русский перевод французского оригинала, французский текст, там, где он нами воспроизводится, дается в орфографии подлинника.

Переплет рукописи Г.И.Чернышева

Риги (19.X 1792), второе и третье – из Варшавы (12.XI и 4.XII), три последних – из Вены (6.I; 3.II и 15.III 1793). Все даты, насколько можно судить, проставлены по новому стилю, опережавшему в XVIII в. старый стиль на 11 дней.

Из послесловия мы узнаем, что некий друг автора (вероятно, сопровождавший его чиновник Коллегии иностранных дел Черныш; в "Придворном календаре" 1804 мы встречаем среди кавалеров ордена св. Владимира 4 класса генерал-майора Черныша – не его ли?) снимал для него копии с этих писем до их отправления. После того как Г.И. расстался со своим другом, у него самого не хватало терпения проделывать подобную работу. Вот почему он не может восстановить тексты писем, начиная с седьмого из них. А всего за время путешествия, продолжавшегося в Италии, Швейцарии и Франции, одному и тому же адресату было отправлено 69 писем. Когда Г.И. вернулся домой, графини уже не было в живых, оригиналы писем оказались для него недоступными. "NB: Хотя я продолжал регулярно писать той же особе в течение моего путешествия по Италии, Швейцарии и Франции и число моих писем выросло до 69, я могу предложить только эти шесть первых, ибо, когда я писал их, со мной был друг, снимавший копию для меня, прежде чем отправлять письма. Лишенный его общества, я не мог набраться терпения, чтобы продолжать делать это. А особа, которой я их адресовал, умерла до моего возвращения в Россию, и я не смог обнаружить своих оригиналов. Возможно, они были брошены в огонь. Тем лучше для читателя!" (с. 104–105).

Эти меланхолические строки, завершающие рукопись, подтверждают в наших глазах и без того ясный факт: автор рассматривал свой путевой дневник как своего рода литературное произведение. Через 25 с лишним лет сохранившиеся копии первых шести писем были вновь тщательно переписаны (я обязан дружеской консультации С.А.Клепикова, который, судя по бумаге, отнес время написания рукописи к началу 20-х годов XIX в.),

чтобы дать материал для занимательного чтения определенному кругу лиц. Рукопись, как уже говорилось, была снабжена при этом титульным листом, каждая страница обведена красной рамкой, написано предисловие, суть которого пересказана нами, а в конце приложено содержание с указанием страниц, с которых начинается каждое письмо. Отмечая здесь все эти обстоятельства, мы все же не имеем оснований сомневаться в истинности рассказа Г.И. о происхождении дневника из действительно писавшихся и отправлявшихся в свое время писем. Прежде всего самый факт посылки Г.И.Чернышева в Вену в 1792 г. с миссией, которую он называет, полностью подтверждается документами Коллегии иностранных дел[2], о которых еще будет идти речь. Не является вымышленным лицом и сама "госпожа Графиня": ее инкогнито раскрывает сам Чернышев в 4-м письме, где он называет ее "M^{e} la Vice - Chanceliere de toute les Russies" (с. 71), откуда видно, что адресат писем не кто иной, как жена графа Ивана Андреевича Остермана (1725–1804), бывшего вице-канцлером с 1775 по 1796 г.[3] Именно Иван Остерман подписал 28 сентября (ст. ст.) 1792 г. паспорт Г.И.Чернышева и в тот же день – вместе с графом Александром Андреевичем Безбородко (ставшим канцлером в 1797 г.) – инструкцию для него. Согласно § 1, Г.И. должен был во все время пребывания в Вене руководствоваться советами чрезвычайного и полномочного российского посла графа Разумовского в "церемониальных обрядах не меньше чем и в учреждении поведения", а по § 5 – уклоняться "от разговоров о политических делах".

Таким образом, миссия Г.И. не оставляла простора для проявления какой-либо инициативы. Быть может, именно

---

[2]ЦГАДА, ф. "Сношения России с Австрией", оп. 32/6, ед. хр. 781, 785 и 808.

[3]Русский биографический словарь. Спб., 1905. Т.Обезьянов-Очкин. С. 417–418; О графине Александре Ивановне Остерман (урож. Талызиной) (1755–1793) см.: Петербургский некрополь. Спб., 1912. Т. 3. С. 330.

это обстоятельство, а также то, что адресат мог черпать всю информацию делового характера из первых рук, и избавило Г.И. от необходимости включать в свои письма сведения о порученном ему деле. Знакомясь с его рапортами из Вены на имя Екатерины от 19.XII 1792 г. и 8.V 1793 г. мы лишний раз убеждаемся, что их содержание вряд ли могло дать интересный материал для эгоцентрических писем Чернышева.

Дневник Г.И.Чернышева содержал любопытные страницы нравов того времени. Кроме того, личность самого Г.И. не совсем для нас безразлична, хотя бы по контрасту беззаботных дней его молодости с драматическими судьбами его детей. Насколько мы можем судить, в литературе не существует сколько-нибудь обстоятельного рассказа о жизни Г.И.Чернышева, но в мемуарах эпохи имеется немало отдельных сведений о нем. Есть несколько его изображений, одно из которых – кисти Виже-Лебрен – по времени предшествует путешествию (портрет воспроизведен в журнале "Старые годы", 1911, июль–сентябрь, против с. 21). Другие его изображения появились во время описываемого путешествия. В конце 1792 г. художник Грасси в Варшаве написал портрет Г.И. во весь рост, который в начале следующего года был награвирован аквантиной Пихлером в Вене. Об обстоятельствах появления рисунка и гравюры мы узнаем из дневника. Сам Г.И., по-видимому, в Риме в 1793 г. изготовил офорт, на котором рядом с его фигурой, взятой с того же рисунка Грасси, представлена его сестра верхом на лошади. Офорт посвящается "почтительнейшим из сыновей лучшему из отцов" (воспроизведено у А.В.Морозова)[4].

Наконец, Д.А.Ровинский в своем "Подробном словаре русских гравированных портретов"[5] упоминает картину, выставлявшуюся в 1870 г., где изображалось все семейст-

---

[4]Морозов А.В. Каталог моего собрания русских гравированных и литографированных портретов. М., 1913. Т. 4. Табл. CDLVIII.
[5]Ровинский Д.А. Подробный словарь русских гравированных портретов. Спб., 1888. Т. 3. С. 21–23.

Six lettres.

ou

Journal de mon voyage de
St. Petersbourg à Vienne!

En 1792.

Титульный лист "Дневника"

во графа И.Г.Чернышева, включая и сына – Г.И. "Картина написана за границей в девяностых годах (точнее в 1793 г. – *А.М.*) и представляет графа, уже больного, окруженного женой, сыном и двумя дочерьми. Все в рост... Старший сын – граф Григорий Иванович, впоследствии обер-шенк (1830), изображен стоящим за спиной матери, положив руку на стеганую подушку кресла отца".

Именно благодаря тому обстоятельству, что сохранились гравированные портреты Г.И.Чернышева, для него и нашлось место в упомянутом словаре Ровинского рядом с его несравненно более прославленным отцом. Впрочем, Ровинский пишет об отце не без иронии: "...род. 24 ноября 1726; Президент Морской коллегии; Маршал по Флоту, прозванный речным моряком и морским Маршалом; распространитель роскоши и всяческих мод; † в феврале 1797". О сыне соответственно короче: "...сын Григорий Иванович. Обер-шенк двора Е.И.В.; † 1830". Как видно, Ровинский не приводит ни места, ни года рождения Г.И. (встречающиеся в других источниках). В дневнике сам Г.И. сообщает эти сведения в следующей игривой форме: "Ибо вы знаете, Госпожа Графиня, что в 1762 мой отец был послан, как чрезвычайный Посол на Аугсбургский Конгресс, который так и не состоялся, что он остался поэтому в Вене, и, что в конце 9 месяцев мое появление на свет обнаружило в глазах каждого, что в политических обстоятельствах того времени моему отцу было легче соорудить такого прекрасного ребенка, как я, чем желаемый мирный трактат" (письмо 4, с.57–58).

Итак, место рождения – Вена, год рождения – 1762. Нашему герою было около 30 лет, когда он получил поручение Екатерины. Вот подлинный текст, подписанный ею 15 августа (ст. ст.) 1792 г.:

"Во взаимство присылки к Нам от Его величества императора Римского Камергера Графа Стернберга с известием о избрании его Императором Римским, повелеваем направить с поздравлением Нашим к упомянутому императору Нашего Камергера Графа Григория Чернышева, снабдя его от Коллегии иностранных дел надле-

Портрет Г.И.Чернышева в маскарадном одеянии.
Работа Виже-Лебрен

жащими наставлениями; на проезд же его пожаловали Мы ему четыре тысячи рублей". Как видно, поручение не было очень серьезным. Ни до, ни после его исполнения Г.И. не проявлял себя как государственный муж.

Ведь оценку услуг, оказанных им Екатерине II и Павлу I, можно было бы видеть в орденах, которыми он был награжден. Однако в "Придворном календаре" 1804 г. ("Almanach de la Cour pour l'annee 1804 "S.Petersbourg) мы не встречаем его среди кавалеров орденов св.Андрея, св. Александра Невского, св. Георгия и св. Владимира. Гр. Чернышев называется здесь лишь в числе кавалеров ордена св. Анны (первого класса). Заметим еще, что Чернышев не значится в этом календаре и среди придворных Александра I.

Для оценки отношения к нему Екатерины к моменту его посылки за границу можно привлечь косвенные соображения. Со второй половины 80-х годов Г.И. был членом интимного кружка, сформировавшегося вокруг наследника престола в Гатчине, и играл заметную роль в организации развлечений этого кружка[6]. Можно думать, что заграничная командировка Чернышева, с разрешением проследовать из Вены в Италию для встречи с родителями, была лишь одним из средств, которые Екатерина использовала, чтобы лишить нелюбимого сына общества преданных ему людей. Мы еще вернемся к роли, которую Г.И.Чернышев выполнял при Павле I до и после своей поездки, а пока приведем некоторые сведения о его семейном и имущественном положении, о его вкусах и наклонностях.

"Русская родословная книга" кн. Лобанова-Ростовского сообщает, что Г.И.Чернышев был женат на Елизавете Петровне Квашниной-Самариной (1773–1828) и имел от нее семерых детей[7]. Старший из них – его единственный

---

[6] Казнаков С. Павловская Гатчина // Старые годы. 1914. Июль–сент. С. 152–153.

[7] Лобанов-Ростовский Б.А. Русская родословная книга. 2-е изд. Спб., 1895. Т. 2.

сын (в заметке "Чернышевы" в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона утверждается, что у Г.И. были только дочери) – Захар Григорьевич Чернышев (1796–1862) был декабристом. Одна из дочерей – Александра Григорьевна была замужем за декабристом Н.М.Муравьевым. Она последовала за своим мужем в Сибирь, где и умерла в 1833 г. Н.А.Некрасов собирался сделать ее героиней большого произведения о декабристах, по отношению к которому знаменитые поэмы о Трубецкой и Волконской должны были занять место пролога[8].

Ее подруга – кн. М.Н.Волконская так вспоминает о ней: "...к Александре Муравьевой я была привязана больше всех; у нее было горячее сердце, благородство проявлялось в каждом ее поступке; восторгаясь мужем, она его боготворила и хотела, чтобы мы к нему относились так же"[9].

Мы хотим упомянуть здесь еще одну дочь Г.И., бывшую замужем за Александром Дмитриевичем Чертковым, "известным московским богачом, страстным любителем древностей, нумизматом и собирателем Чертковской библиотеки (род. 1789, ум. 1858), так что некоторая доля из прежних богатств графов Чернышевых пошла и на это общеполезное учреждение"[10].

О богатствах в приведенном только что отрывке говорится не зря. Основа была положена графом Иваном Григорьевичем Чернышевым, который, умножив родовое имение богатым приданым, взятым за первой женой, не брезговал, например, и тем, чтобы, купив за бесценок казенные медные заводы и варварски истощив их, продавать их снова казне, но теперь уже по цене, значительно возросшей. Его родной брат Захар Григорьевич, не имевший своих детей, передал ему учрежденный им "черны-

---

[8] Некрасов Н.А. Полн. собр. стихотворений / Ред. текста и примеч. К.Чуковского. Л.: Academia, 1937. Т. 1. Кн. 2. С. 852.

[9] Записки кн. Марии Николаевны Волконской... Спб., 1904. С. 72.

[10] Карнович Е.П. Замечательные богатства частных лиц в России. Спб., 1874. С. 167.

шевский майорат". Все эти богатства графов Чернышевых в последние годы XVIII в. сосредоточились в руках автора нашего дневника. Г.И. был, по-видимому, начисто лишен накопительских способностей своего отца и дяди. Во всяком случае, по повелению императора Павла над ним была учреждена опека, определившая в 1797 г. размер его долгов примерно в 3 миллиона рублей.

В результате ряда мер, принятых Павлом по ходатайству Г.Р.Державина, ставшего опекуном Г.И.Чернышева, долги эти снизились до одного миллиона, но в 1806 г., когда опека была снята, они снова достигли прежней суммы "по привычке к роскоши и мотовству"[11].

То, что мы знаем о графе Г.И.Чернышеве из разных источников и что мы находим в дневнике, – все это свидетельствует о том, что главным его талантом, по крайней мере в молодые годы, было устройство праздников и развлечений. Этим искусством он владел в совершенстве и для него не жалел ни сил, ни времени, ни денег. Но, пожалуй, наиболее сильным и устойчивым было его увлечение театральными постановками. Именно с этой стороны достаточно выразительно, хотя и в довольно непочтительной форме характеризует его И.М.Долгорукий в своих записках 1786 г. (молодому графу не было тогда и 25 лет).

"Опера (на любительской сцене в Гатчине. – *А.М.*) кончилась балетом – все это сочинял граф Чернышев обер-балагур придворный"[12].

Правда, позднее И.М.Долгорукий писал о Чернышеве с теплотой и уважением. Но суть дела от этого не меняется. Праздничные зрелища увлекли молодого аристократа и на какое-то время определили его место при дворе. Уже после воцарения Павла он и поэт В.В.Капнист привлекаются в качестве помощников Главного директора императорских зрелищ Александра Львовича Нарышкина.

---

[11] Карнович В.П. Указ. соч. С. 164–166. Державин Г.Р. Сочинения (с объяснительными прим. Я.Грота). Спб., 1871. Т. 6. С. 709–712.

[12] Записки кн. И.М.Долгорукого // Рус. библиофил. 1913. №3. С. 82.

При этом Г.И.Чернышеву поручается управление иностранными спектаклями, а русскими труппами ведает В.В.Капнист[13].

Театральные постановки не мешают Г.И. выполнять и другие его придворные обязанности. Во время свадьбы великой княжны Елены Павловны 12.XII 1799 г. (ст. ст.) "высочайший стол" сервирует форшнейдер тайный советник и камергер граф Г.И.Чернышев[14]. Роль хозяина стола неплохо давалась ему и в менее ответственной обстановке. Вот как описывает впечатление от 43-летнего Г.И. на Липецких водах молодой Жихарев: "Завтра граф Чернышев даст un goûter dansant (буквально: танцевальный полдник. – *А.М.*) в галерее для всей липецкой публики, пьющей и не пьющей. Мне кажется, что это один из самых любезных людей в свете – умный, острый, приветливый, а как образован, какой дар слова!"[15]

Дневник обнаруживает страсть Г.И. к французской версификации. Можно думать, что ему не были чужды и библиофильские увлечения. Так, тот же И.М.Долгорукий, уделивший Г.И. место в "Капище моего сердца", пишет: "Он мне подарил множество французских книг, какие были у него вдвойне, из которых иные с его вензелями у меня доныне сохранились"[16].

Уже в пожилом возрасте, в 1821 г., воскрешая свои театральные увлечения, Г.И. собирает в одну книгу французские комедии, с пением и балетом, автором многих из которых он сам является, и, назвав ее "Théatre de L'arsenal de Gatchina" ("Театр Гатчинского арсенала"), преподносит императрице Марии Федоровне[17].

---

[13] Арапов П.И., Роппольт А. Драматический альбом с портретами русских артистов и снимки с рукописей. М., 1850.

[14] Казнаков С. Указ. соч. С. 152–153.

[15] Жихарев С.Н. Записки современника. Л., 1934. Т. 1. С. 125–126.

[16] Долгорукий И.М. Капище моего сердца. М., 1874. С. 265–266.

[17] Рус. библиофил. 1913. № 3. С. 81; примеч. и также цит. ст. С.Казнакова в "Старых годах" (с. 109).

Не тогда ли, в том же 1821 г., появилась на свет и наша рукопись? Во всяком случае, бумага с водяным знаком... не должна быть старше 1819 г. (С.А.Клепиков). С другой стороны, известно, что последствия декабрьского восстания 1825 г. для семьи Г.И.Чернышева так потрясли Г.И., что мало правдоподобно было бы допустить обращение его к легкомысленным воспоминаниям молодости после 1825 г.

Обратимся к систематическому обзору содержания дневника.

По прибытии в Ригу автор пытается найти Чоглокова, по-видимому, сына того самого Чоглокова, который был в свое время воспитателем Петра III и несносным надсмотрщиком за юной Екатериной. Г.И. вызывает к себе Чоглокова мистифицирующей запиской, в которой содержится прозрачный намек на обстоятельства переворота 1762 г. Самый характер и тон этого намека не свидетельствуют о должных верноподданнических чувствах молодого посланника императрицы. Вот эта записка: "Две молодые девушки, одна черная, другая рыжая, прибывшие из Красного Кабака и занятые теперь своим туалетом в рижской гостинице "Санкт-Петербург", просят тотчас же прибыть к ним" (с. 2).

Понятно, что подобная, по меньшей мере неосторожная, записка, в которой "молодые девушки" расшифровывались как Дашкова (черная) и Екатерина (рыжая), а "Красный Кабак" без всякой маскировки напоминал о гостинице под Петербургом, куда тогдашние подруги устремились, чтобы переждать роковые минуты дворцового переворота, должна была сильно взволновать адресата. Можно себе представить возмущение Чоглокова, которого автор записки встретил "смехом в лицо". И хотя один этот эпизод не дает еще оснований для серьезных выводов, но трудно отказаться от мысли, что здесь Г.И. проявил не только свойственную ему страсть к театральным эффектам, но и недостаток почтительности к царствующим особам, который позднее трудно было скрывать и от детей: будущего декабриста и жены декабриста.

Avant-propos.

Ces lettres ne sont nullement supposées, mais é-
crites réelement, et adressées a une personne que le
respect m'interdit de nommer Et qui m'honoroit
de ses bontés; Elle à exigée que je fisse un journal
de mon voyage à Vienne, lorsque j'y fus envoyé
par S: Im: Catherine auprès de l'Emp: François
Second à l'Occasion de son Avènement au Trone!
Elles sont donc écrites sans aucunes prétentions
Et simplement dans le but, de faire part de ce
qui marrivoit personnelement a moi, à une
Dame, dont je me glorifirai toute ma vie,
d'avoir été l'ami Jusqu'a sa mort!

Разворот рукописи

Lettre. 1. Riga, 19. Oct.

Pour le coup, Madame la Comtesse, me voilà jusqu'
aux oreilles dans le pays des, Manne Massa Cher
nen Koffe machen! C'est vous dire en deux mots
que je me trouve à Riga. J'y ais fais mon entrée hier
lundy 18. de ce mois à 10 heures du matin. Mon
premier soin fut, comme vous pouvés aisément vous
l'imaginer, de faire chercher Tchoglokoff. Je lui é=
crivis donc un petit billet par lequel je lui mandois
que „ deux jeunes demoiselles, l'une noire et l'autre
„ rousse, arrivées de Kracnoi Kabek, et faisant main-
„ tenant leurs toilettes à l'auberge de St. Pétersbourg,
„ à Riga, le prioient de passer chés elles à l'instant.„
Un moment après, il vint en effet. Et débuta par me
rire au nez, je le reconnus à ce noble courroux et
l'embrassai de bien bon coeur. Il est toujours le
même gay par caractère et par principes! Son pré-
mier mot fut de s'informer de vous, son second de

В первом письме из Риги лишь немногие места могут привлечь наше внимание. Отметим встречу Г.И. с князем Василием Долгоруким, возвращающимся из чужих краев, который забрасывает его вопросами о петербургских новостях, присутствие Г.И. на обеде у генерал-губернатора Риги Палена, вечер, проведенный в клубе, где местная знать развлекается танцами, а главным образом едой, на другой день посещение театра, который не удостаивается его одобрения уже потому, что это немецкий, а не французский театр, и, наконец, визит к направляющимся в Петербург принцессам Баденским, молодость и красота которых приводят его в восторг.

Во втором письме, посланном из Варшавы 12.XI 1792 г., Г.И. рассказывает о прогулке по улицам Риги вместе с его дорожным компаньоном г-ном Чернышом. В казарме городской гвардии (la garde bourgeoise) Риги, куда их пригласили, графу поднесли огромный бокал шампанского, емкостью в 1,5 бутылки, который он разом осушил, после чего написал за себя и за своего спутника французский экспромт в 10 строк в книгу почетных посетителей. Все это вместе взятое составило церемонию приема двух молодых русских в Гражданский корпус конной гвардии Риги. Вечер Г.И. снова провел в театре, где наблюдал, как графиня Мегден в соседней ложе вяжет нитяные чулки, чтобы не терять даром времени, одним глазом она следит за сценой. Здесь Г.И. иронически советует графине Остерман использовать этот опыт в Эрмитажном театре!

Ригу он покинул на другой день (в дневнике указано 14.X, но, очевидно, на этот раз автор привел дату по ст. ст.; нужно читать 25.X) и вечером был уже в Митаве – столице Курляндии. Назавтра Г.И. отправляется в Гродно, где находится штаб-квартира Тарговицкой конференции во главе с графом Феликсом Потоцким. Там он вручает бумаги из Петербурга генералу барону Карлу Яковлевичу Бюлеру, бывшему в то время российским посланником при Тарговицкой конференции. О нем Г.И. говорит с насмешкой, что тот "играет здесь маленькую роль маленького министра при маленькой республике",

и тут же приводит следующую эпиграмму (очевидно, собственного сочинения):

C'est un panier sans fond, des secrets qu'il vous prend,
Il veut les happer tous! Et jamais ne les rénd.
Ministre accredité, près de la Republique,
Lui seul rogue et dècide en fait de politique
C'est là son Ministére, et je l'approuve net!..
C'est la Tête a Perruque, Ches la Tête à Bonnet!..
(Это корзина без дна; из секретов, которые он из вас вытягивает,
Он хочет захватить все и никогда не возвращать.
Министр, аккредитованный при республике,
Где только он один горд и уверен в проводимой политике.
Таково его министерство, и я одобряю его без колебаний!..
Это голова в парике при голове в колпаке!..)

Автор поясняет, что в последней строке он имел в виду шапку конфедератов ("конфедератку").

Гостиницы Гродно переполнены, и Г.И. находит приют у кн. Цицианова – командира Петербургского полка, входящего в Гродненский гарнизон.

По настоянию барона Бюлера Чернышев наносит визит графу Ф.Потоцкому, окруженному блестящим двором в бывших покоях короля Польши. Это зрелище наводит Чернышева на размышления о непостоянстве человеческих судеб. Ведь только 8 месяцев тому назад голова графа Потоцкого была единодушно оценена (сеймом!). Следующее четверостишие раскрывает политические симпатии Чернышева, явно противоречащие официальной политике тогдашней России:

Par le cris général, bani de sa Patrie
Et par la Trahison retrouvant un appui!
Dans le Palais des Rois, on le voit aujourd'hui,
Aux loix qu'il veut dicter, sa Patrie assérvie!..
(По общей воле изгнанный из своей Родины
И снискавший себе опору ценой предательства!..

Сегодня мы видим, как он во дворце королей
Собирается диктовать законы, порабощающие его
Родину!..)

Следует вспомнить, что опору граф Потоцкий снискал в Екатерине II и что раздел Польши был произведен Россией совместно с Австрией и Пруссией.

Затем он сочиняет стихи о современных ему поляках, утративших добродетели своих сарматских предков. Зрелище красавиц, танцующих на балу в Гродно, приводит ему на память то, что он раньше слышал о полячках, и вдохновляет на следующие строки:

Les femmes sont — ici jolies, prevenantes,
Coquettes à l'excès, à l'excès inconstantes,
Un peu trop au dessus, du préjugés d'honneur!
Il ne leur suffit pas de regner sur un coeur;
Leur guide est le caprise, et leur loix, les desirs!
Elles braves l'amour! Mais non pas ses plaisirs!
(Здесь женщины прекрасны, обаятельны,
Кокетливы чрезмерно, чрезмерно непостоянны,
С избытком наделены сословными предрассудками!
Им недостаточно царить в чьем-либо сердце;
Их руководитель — каприз и их законы — их желания!
Они пренебрегают любовью, но не своими
наслаждениями!)

Три дня заняла поездка из Гродно до Варшавы, во время которой не произошло ничего достойного внимания, кроме встречи в Белостоке с графиней Потоцкой и ее дочерью, "достаточно красивой для наследницы ста тысяч дукатов". Дамы направлялись к главе своей семьи в Гродно.

Упоминанием об этой встрече и заканчивается второе письмо, помеченное, как сообщалось, Варшавой, но повествующее лишь о последних днях пребывания в Риге и посещении Митавы и Гродно.

Описанию Варшавских приключений, представлявших в глазах автора и его друзей, по-видимому, наибольший

интерес, ибо это были галантные приключения, не уступавшие известным похождениям кавалера Фоблаза, целиком посвящено третье письмо (от 12.XI 1792 г.). Это самое большое и обстоятельное письмо из всех шести – 39 страниц из 104. Хорошее настроение автора выражают следующие строки: "Я провожу здесь время, как рыба в воде, или как серафимы на небесах, развлекаясь, как я полагаю, лучше чем последние, ибо мои удовольствия хотя и менее интеллектуальны, в большей степени отвечают человеческой слабости" (с. 19). Он сообщает мимоходом, что нет ни одного высокопоставленного лица, которое, одно за другим, не приглашало бы его к себе. Затем он характеризует общественные места Варшавы, в которых происходили его приключения. Чередуясь, идут спектакли Национального театра и Комической итальянской оперы, сопровождаемые балетом; много аплодисментов приходится на долю спектаклей немецкой труппы. Кроме того, три-четыре раза в неделю даются костюмированные балы.

На одном из них Г.И. встречается с прелестной маской, которая его интригует. Позднее выясняется, что она должна была играть роль приманки, чтобы завлечь его в дом некоего Хоткевича, намеренного напоить и втянуть богатого графа в большую карточную игру, чтобы обобрать его. Во всем этом красавица, из чувства симпатии, признается ему сама, добавляя, что она вовсе не аристократка, за которую себя выдавала, а всего лишь жена лакея князя Понятовского, что она любит своего мужа и хочет остаться верной ему. Предупрежденный граф воздерживается от напитков в доме у Хоткевича, а приглашенный к карточному столу, за которым хозяин проигрывает ему для начала 900 дукатов, вдруг отказывается под благовидным предлогом продолжать игру и тотчас покидает разочарованного Хоткевича. Выигрыш он вручает полностью новоявленной союзнице как выражение своей признательности.

Это приключение переплетается с двумя другими, развертывающимися параллельно во времени. Одно из них

начинается с прихода в графские апартаменты еврея, заявившего, что он послан прекрасной дамой, находящейся на содержании у Тышкевича. Чтобы придать ей больше веса, посланец сообщает, что благосклонности этой дамы в течение двух месяцев тщетно добивается русский генерал Милашевич. И вот оказывается, что она назначает нашему герою свидание в одном из номеров бань, расположенных в пригороде Варшавы на берегу Вислы (Г.И. именует реку на французский лад: Vistule от латинского названия Vistula). Свидание, оправдавшее самые пылкие его ожидания, описывается им с большой живостью и обстоятельностью.

Вот еще одно приключение – комическое.

Бедный польский дворянин (по крайней мере, он так себя представляет) настойчиво предлагает ему похитить его юную и прелестную сестру, которую жестокие родители хотят выдать замуж за старика. После ряда сцен, в которых, кроме брата, участвует также длинная, сухая и тощая гувернантка девицы, обреченной на похищение, наступает развязка. Девица сама является к Чернышеву около 4 часов утра, когда он только что вернулся к себе после выигрыша у Хоткевича. Предоставим слово самому Г.И., чтобы дать читателю лучшее представление о его манере повествования: "Я увидел маленькую, достаточно свежую особу со вздернутым носиком, очень живыми глазами и весьма сомнительными манерами. Маленькая плутовка настоятельно хотела быть похищенной немедленно. Я сказал ей, что такое предприятие требует столько же энергии, сколько и силы, и что я прошу у нее позволения восстановить мои собственные добрым сном. И что завтра я ее похищу в час, который она мне укажет.

– Ну что ж, я согласна, я могу подождать до завтра. Но что мы будем делать с моим ребенком?

– О, небо, мадмуазель, у вас есть ребенок?

– Увы! Да, сударь, из-за маленькой ошибки в моем поведении.

– Маленькой? Вы слишком скромны! Но разрешите спросить, мальчик это или девочка?

– Это девчушка 8 месяцев, прекрасная, как сердце!

– Тем лучше, мадмуазель, тем лучше, ибо в таком случае мы подождем, пока она подрастет. За мной сохранится честь похищения вас двоих сразу. Вот основания для того, чтобы до той поры заняться ее воспитанием! За сим я прошу позволить мне лечь в кровать, ибо я смертельно хочу спать!

Брат, дожидавшийся ее за дверью, вполне удовлетворился 5 дукатами, но сестра, удаляясь, не переставала повторять: „Боже мой, боже мой, так кто же меня похитит?”» (с. 46–47).

От всех этих дам, которые способны внушить невыгодное представление о Варшаве того времени, он переходит к аристократкам: графиням Козовской и Юлии Потоцкой, княжнам Сапега, Любомирской и Радзивил – "особам, созданным равным образом, чтобы соблазнять, но самим не быть соблазненными". И рассказывает о своем визите к очаровательной графине Козовской, куда его ввел наш министр (посол) г-н Булгаков. Графиня сочиняла музыку для романса: для нашего героя это было поводом предложить ей слова, которые он тут же написал:

Je ne l'ai vue en tout, qu'une heure!
Une heure à changé mon déstin!
Las! Une heure a fait que je pleure,
Autant d'amour que de chagrin!..
Mais comment faire, elle est si belle!
Ses yeux inspirent tant d'amour!..
Qu'une heure passée près d'elle
Fixe le reste de mes jours!
(Я ее видел всего лишь час:
Один час изменил мою судьбу!
Ах! Час, заставивший меня лить слезы
Столько же от любви, как и от печали!
Но что делать, она так прекрасна!
Ее глаза внушают столько любви,
Что час, проведенный близ нее,
Запомнится до конца моих дней!)

Помимо спектаклей, маскарадов и большого света он упоминает о встречах со многими знакомыми по службе в армии под началом покойного князя Потемкина. Словом, ему не приходится оставаться одному!

Чернышев посвящает также некоторое время изящным искусствам, "которым он неизменно предан". Между прочим, он знакомится с художником по имени Грасси (Grassy), "не обладающим, правда, ни в какой мере талантом вашего петербургского Лампи (Lampy)". Г.И. заказывает ему свой портрет, который тот и исполняет во весь рост. Среди множества портретов в мастерской Грасси Чернышев обнаруживает изображение незнакомки, с которой он так приятно провел время в банях. Она оказывается графиней... имя которой из скромности не называется. Но наш любитель искусств и красоты заказывает художнику копию портрета, которую тот и выполняет в три цвета (aus trois crayons).

В ответ на любовное письмо, направленное Г.И. графине, он получает перед отъездом в Вену желанное свидание на прежнем месте. Но прежнего очарования уже нет. Он узнает, что многие знатные иностранцы удостаиваются таким же образом, как и он, милостей этой прелестницы. Ей достаточно узнать, что они для Варшавы только перелетные птицы. У нашего героя хватает чувства юмора, чтобы заключить, что его варшавские триумфы несут больше удовольствий, чем славы для него.

Варшаву он собирается покинуть 20 ноября (1 декабря н. ст.) 1792 г., что не очень вяжется с датой этого письма из Варшавы (4 декабря н. ст.), по-видимому, ошибочной. Во всяком случае, 27 ноября (8 декабря н. ст.) он прибыл в Вену, как явствует из донесения от 8/19 декабря, посланного им Екатерине II. В этом донесении сообщается, что он исполнил волю пославшей его и имел аудиенцию у Франца II, во время которой вручил императору поздравление Екатерины "по случаю избрания и коронования его в главу Римския Империи", на что тот поручил Чернышеву передать Екатерине, "что желание его первое есть и будет всегда сохранять с Вашим величеством

неколебимый союз и доброе согласие и тем приобрести вящие себе ваши дружеские к нему расположения яко для него бесценные"[18].

Все эти деловые подробности отсутствуют в нашем дневнике, и первое после Варшавы письмо датируется 6.I (н. ст.) 1793 г.

Письмо начинается с признаний, очень любопытных для характеристики Чернышева как человека и придворного. Он пишет, что выполнение небольшого возложенного на него поручения хотя и пощекотало приятно его самолюбие, но отдалило от него тысячу маленьких удовольствий, которые уживаются только с безрассудством и "которым гробницей служат пытка и этикет". Жалуясь на скуку, им испытываемую, он вспоминает, что Вена его родной город. Поэтому он был бы чудовищно неблагодарным, если бы не испытывал к Вене любви и приязни.

После величественного петербургского двора никакой иной не может поразить иностранца, и менее всего венский, хотя Чернышев видел его в наивысшем блеске, которым отмечается здесь Новый год. Он коротко описывает церемонию, открывающуюся в 10 часов утра. Император занимает трон со всем своим семейством. Один за другим получают аудиенцию послы, министры, начальники департаментов, капитаны гвардий, маршалы, высшие придворные чины... Все длится около 1,5 часов, после чего император направляется слушать мессу, обращаясь на пути к министрам разных дворов. В частности, он оказывает такую честь и Чернышеву. По возвращении с мессы дается аудиенция дамам, все садятся за стол, но завтрак длится не более получаса, ибо ни император, ни его семья не только ничего не едят, но даже не развертывают своих салфеток. Вот почти все, что можно сказать о венском дворе, потому что до следующего нового года императора не удается ни видеть, ни тем более говорить с ним. Впрочем, добавим мы от себя, Чернышеву он пре-

---

[18]ЦГАДА, ф. "Сношения России с Австрией", опись 32/6, ед. хр. 785, л. 1–2.

доставил отпускную аудиенцию 17 апреля 1793 г., перед тем как тому отправиться, по заранее испрошенному от Екатерины II позволению, в Италию к его родителям. Об этом мы узнаем из донесения Чернышева Екатерине от 8 мая 1793 г. Но вернемся к прерванному письму.

Г.И. удивляется обилию театров в Вене и ее пригородах; число этих театров доходит до 7, и почти во все дни они наполнены. Очень хороша Итальянская комическая опера с ее кордебалетом. "Кулисы ее кишат прелестными личиками, но вот ведь, что становится смешным, – все они умны, скромны и приходится только глядеть на них, ими восхищаться и этим ограничиваться!" (с. 62). Но нет правил без исключений. Г.И. приводит анекдот, который, быть может, подтверждает сказанное, а может быть, и противоречит ему.

Между поклонниками одной из прекрасных танцовщиц был весьма богатый польский граф Угорский, обосновавшийся в Вене. Он долго донимал своими ухаживаниями артистку, сулил ей 100 дукатов за свидание и, наконец, довел обещанное вознаграждение до 500 дукатов. Неожиданно она согласилась и назначила ему свидание у себя дома. Но первый вопрос к влюбленному, каким тот себя считал, был: с ним ли деньги? Когда граф передал ей украшенный бриллиантами кошелек, она отложила его в сторону и сказала: "Сударь, я тщетно пыталась вас убедить, что за золото вы ничего не добьетесь. И я довольна, что, наконец, ваша щедрость позволяет мне доказать вам это. Вот ваши деньги, а вот что я с ними делаю!" И с этими словами она выбросила кошелек через окно на улицу. Граф онемел от неожиданности и восхищения. Она же продолжала: "После этого, господин граф, мне остается только просить вас немедленно оставить меня... И... вот моя дверь!"

Растроганный граф счел за лучшее потихоньку исчезнуть; потом он сам рассказывал об этой истории, превознося новую Лукрецию. Но, склонный к иронии, Г.И. не довольствуется таким концом. Он добавляет, что в этой сцене участвовал еще и счастливый любовник, ожидавший

на улице, когда через окно вылетит полновесный кошелек. И далее Чернышев повествует о своей собственной любовной истории с графиней К...бери, три года скучающей в Вене в отсутствие мужа. Счастливое ее течение было прервано внезапным отъездом графини, отозванной на похороны своей сестры. Все в городе передают друг другу на ушко четверостишие, воспевающее подвиги "гражданина Парижа" генералиссимуса Кюстина. Оно помечено 20.XII 1792 г. и, быть может, еще не дошло до Петербурга:

Cartage en Annibal, eut un cheff héroique!
Rome en Fabius, un guerrier politique,
Washington surpassa les deux à la fois!
Et en Custine enfin, nous voyons tous les trois!
(Ганнибал был героическим вождем Карфагена,
Фабий осмотрительным воителем Рима,
Вашингтон один превзошел их обоих
И, наконец, в Кюстине мы видим всех троих!)

Но город Майнц, у которого есть серьезные основания не считать героем гражданина Кюстина (французские республиканские войска, под командованием Кюстина, захватили этот город, ключ империи), пародировал это четверостишие следующим образом:

Rome eut en Néron, un Monstre furieux!
La France en Ravaillac, un meurtrier honteux!
Cartouche surpassa, les deux à la foix!
Et en Custine enfin, nous voyons tous les trois!
(Нерон был свирепым чудовищем в Риме,
Равальяк – бесчестным убийцей во Франции;
Картуш один превзошел обоих,
И, наконец, в Кюстине мы видим всех троих!)

Г.И. признает, что все это довольно плоско, но это плоскость политическая (c'est une platitude politique), и поэтому он считает долгом сообщить эти стихи супруге "вице-канцлера всея Руси".

Вспомнив, что он не поздравлял еще ее с Новым годом, он дает этому следующее объяснение:

Je ne suis pas l'antique usage
De faire de voeux, le nouvel an,
Car mon coeur a l'avantage
De vous les faire à chaqu'instant.
(Я не следую древнему обычаю
Слать новогодние пожелания,
Ибо мое сердце имеет преимущество
Передавать их вам каждое мгновение.)

Письмо заканчивается признанием, что сердце автора постоянно только в отношении адресата писем. Что касается остальных, то место соломенной вдовушки, кажется, займет молодая кокетливая София де Ф...бах (вероятно, Féschenbach). Впрочем, у Г.И. нет надежды на успех.

Если в своем четвертом письме Чернышев не раз жаловался на скуку, то пятое письмо, датированное 3.II 1793 г., свидетельствует о его весьма приподнятом и радостном настроении. И причина этого та, что он и здесь, в далекой Вене, почувствовал себя душой общества. "Я могу вас заверить, госпожа графиня, что меня балуют здесь всеми способами, что никогда еще я не играл более блестящей роли чем та, которую я исполняю".

Тем обширным полем, где могли проявиться его воображение, веселость и сумасбродство (ma folie) – все эти качества он сам перечисляет и напоминает еще о своей репутации мотылька (l'éphémère), – были маскарадные балы.

На первом из них Г.И. взял на себя роль почтальона, распространявшего среди гостей заготовленные им французские стихи, одни с определенными адресами (таких было 43, начиная с императора и императрицы), другие – без (их было 30). Разумеется, сочинение более чем 70 разнообразных стихотворений по случаю маскарада удалось бы не каждому. И наш версификатор сознается, что он сидел над ними 3 дня, никуда не выходя и никого не принимая.

Стихи имели большой успех, их читали во всех концах зала, но никто не знал лица автора – ведь он был скрыт под маской почтальона. И только императрица принудила его раскрыть секрет, который через четверть часа стал общим достоянием. Назавтра вся Вена говорила о поэтическом почтальоне.

На следующем маскараде Г.И. играл роль итальянского разносчика – продавца мелких товаров. Его корзинка и карманы были набиты драгоценными безделушками, кольцами, табакерками, кошелечками, бонбоньерками и др., всего на сумму около 300 дукатов. Все это он распределял между знакомыми ему лицами, начав с императрицы, которой он поднес пару красивых сережек, ценой в 25 дукатов. Она не только их взяла, но тотчас же надела.

Разносчик не успел еще освободиться и от половины своих "товаров", как услышал, что все его узнали. "Это опять он, это почтальон, это Чернышев", – раздавалось по залу. Это заставило его поменяться костюмами и масками со своим компаньоном Чернышом. Того окружили, к тому подошла императрица, называя его графом Чернышевым и не желая слушать никаких возражений, пока раздосадованный и вконец смущенный Черныш не сорвал с себя маску. Императрица удалилась с извинениями, а наш затейник сидел себе в уголке и смеялся, как сумасшедший.

На новом балу, где он не был замаскирован, императрица под видом старой цыганки вручила ему в скромной коробочке якобы целительное снадобье от головной боли. Но в коробке оказалась эмалевая табакерка, украшенная бриллиантами. Все это получило огласку, и вот он снова герой дня!

Но вершиной своего успеха Чернышев считает бал, который он сам устроил при следующих обстоятельствах. Несколько дам высшего света захотели устроить вместе со своими знакомыми танцевальный ужин в складчину; участников насчитывалось 70 человек. Подходящим местом для этого пикника – именно так назывался в старину

пир в складчину – являлись два зала в бельэтаже здания, принадлежавшего содержателю гостиницы – французу Вилару. Но бельэтаж целиком был снят для проживания Чернышевым. Вот почему общество отрядило к нему своего представителя – барона Базели с просьбой уступить им на один вечер нужные помещения. Конечно, эта просьба была тотчас же удовлетворена, и сам Г.И. получил приглашение участвовать в пикнике. Но у него, у этого неутомимого устроителя празднеств, возник свой план. Когда гости собрались и он успел уже своей любезностью, неистощимой веселостью и изобретательностью завоевать привычное для него положение души общества, он предъявил собравшимся через посредство Базели своего рода ноту, в которой просил их отказаться от пикника и считать себя с начала и до конца его собственными гостями. Обсуждение ноты заняло около получаса (он вышел на это время), но, наконец, было достигнуто единодушное одобрение этого предложения. Как по мановению волшебного жезла скромные яства и вина местного происхождения, заготовленные для пикника, исчезли и вместо них появились великолепные блюда, буфеты с прохладительными напитками и горами фруктов и лучшие заграничные вина. Все это, конечно, заранее было подготовлено графом и его людьми. Веселье длилось всю ночь и общество разошлось только утром после завтрака. Графиня Дуарьер де Страсольдо попросила у Г.И. его портрет, выполненный Грасси (она обнаружила его, рассматривая папку с рисунками, откуда можно заключить, что это был рисованный, а не писанный масляными красками портрет), чтобы скопировать его в качестве сувенира для своего альбома.

На другой день он первым послал визитные карточки 70 "интимным друзьям", которых ему предложил случай. Этим он завершил свой выигрыш во всеобщем мнении, ибо вопросы этикета имеют весьма большое значение в Вене. Здесь две особы, как утверждает автор дневника, при встрече могут до получаса глядеть друг на друга, пока решат, кто из них первый должен поклониться другому.

Вести о щедром гостеприимстве русского графа дошли до самого императора, который предоставил обществу для ответного ужина в честь Чернышева один из своих дворцов. И на этом празднестве, где число участников удвоилось, его ожидал новый сюрприз.

Оказывается, графиня де Страсольдо заказала известному граверу Пихлеру награвировать на меди портрет Чернышева по рисунку Грасси, и ему публично были поднесены и 50 оттисков портрета и медная доска, с которой можно изготовить любое количество новых оттисков (эта гравюра сохранилась и описана у Ровинского).

Что касается его увлечения Софией Фешенбах, то оно благополучно развеялось в окружающей его атмосфере светских успехов.

Последнее, шестое письмо, помеченное 15 марта (1793), сообщает о встрече с княжнами Меньшиковыми, направляющимися в Италию, и содержит упреки графине Остерман, почему она княжнам отвечает на их письма, а ему нет.

Центральное место в этом небольшом письме занимает юмористический смотр маленькой "колонии" графа Чернышева, члены которой почти поголовно были влюблены, "как дьяволы", с разной степенью успеха. Здесь и его товарищ – дипломат Черныш, парикмахер, которого графиня знает по Петербургу, лакей итальянец, русский слуга, прельстивший широкими плечами самою хозяйку гостиницы. "Но наиболее безумный и глупый, попавшийся в западню и заслуживающий еще больших бед, это, бесспорно... право, это я сам!" В последнем случае речь идет о влюбленности без шансов на успех в кокетливую красавицу, о которой бредит вся Вена. Г.И. понимает, что его верности этому чувству и постоянства хватит только до первой измены его сердца (ну, как тут не вспомнить "балладу" герцога из "Риголетто"!).

Во всей колонии наиболее мудрым является его младший камердинер – русский юноша 23 лет, "не сетующий на непомерную тяжесть добродетельного поведения".

Все это, конечно, пустячки, долженствующие заполнить

пустоту письма, но в них примечательно, с нашей точки зрения, то, что большой русский барин ставит себя в отношении своих интимных чувств на одну доску со всей "колонией", среди которой двое – его крепостные люди.

На этом, собственно, и кончается дневник Г.И.Чернышева.

Галантные приключения молодого графа напоминают некоторые подвиги Казановы, а легкость, с которыми они описываются, выдают в нем опытного автора французских комедий, с пением и балетом, которые он сочинял для кружка, сформировавшегося в Гатчине со второй половины 80-х годов вокруг будущего русского императора.

Кисть Виже-Лебрен донесла до нас образ молодого красавца, каким был Г.И.Чернышев незадолго до поездки. Дневник дополняет этот образ, рисуя портрет человека, опьяненного своей молодостью, успехами в свете, завоеванными столь же личным обаянием, сколько и эксцентрическими выдумками и щедростью одного из богатейших людей России того времени. Легкомысленные поступки "мотылька", как он сам себя называет, сочетаются в нем с умом, наблюдательностью, чувством юмора, любовью к искусству и добротой. Описывая действительные, невыдуманные сцены и обстоятельства, он находит немногие характерные черты людей и событий и выражает их, пользуясь пером легким и гибким. Обладая, таким образом, определенными литературными достоинствами, "Дневник" Г.И.Чернышева представляет для нас интерес литературного памятника как поздний образец рукописной книги, составленной "для немногих" (быть может, не в одном только экземпляре). Мы упоминали уже, что Чернышев "издал" примерно в то же время (1821) еще одну книгу на французском языке "Театр Гатчинского арсенала", обращенную по своему содержанию, как и "Дневник", к дням его молодости. Заметим еще, что по характеру (например, обилие стихотворений) и внешнему виду "Дневник" имеет черты сходства с современными альманахами и альбомами и что он был

оформлен как раз в ту пору, когда "интерес к автографическому документу превратился в конце концов в настоящую манию собирания рукописей, особенно распространенную в дворянских семьях обеих столиц"[19]. Все сказанное уже определяет, с нашей точки зрения, интерес к "Дневнику" Г.И.Чернышева как литературному факту. Но эти странички из жизни вельможи заката "блестящего Екатерининского века" сами по себе ненадолго задержали бы наше внимание, если бы мы не сознавали глубокой жизненной драмы ее героя. Теперь уже трудно в точности установить, какое влияние оказали на воспитание детей его живой и острый ум (об этих качествах свидетельствует позднее в своих "Записках современника" С.Н.Жихарев), независимость его политических суждений и личностных оценок, но ведь он вырастил в своей семье декабристов! Декабристом был его сын Захар Григорьевич Чернышев, женой декабриста Никиты Муравьева была его дочь Александра (Александрина) Григорьевна, последовавшая в Сибирь за сосланным мужем. Конечно, сопричастность его детей к декабрьскому восстанию была тяжелой драмой, больше того, настоящей трагедией для Г.И., которую он, судя по свидетельству современников, переживал чрезвычайно болезненно. Но мог ли он считать себя не причастным к тем надеждам и стремлениям, которые обуревали его детей? В связи с этим вопросом очень интересно свидетельство самого Г.И. о том, что он, после выполнения своей венской миссии, успел побывать еще в Италии, потом в Швейцарии и, наконец, во Франции – это в 1793 г., когда революция была в разгаре! И все время он продолжал писать письма тому же адресату (общим числом 63, кроме 6 наших), но к сожалению, не оставлял копий. С кем он встречался во Франции, о чем говорил, что делал и что думал? Узнаем ли мы об этом когда-нибудь?

---

[19] Алексеев М.П. Из истории русских рукописных собраний // Неизданные письма иностранных писателей XVIII–XIX веков/ Под ред. акад. М.П. Алексеева. М.; Л., 1960. С. 8.

ГРАФ СЕВЕРНЫЙ И ИМПЕРАТОР ТРАЯН

Опыт истолкования немых помет на полях книги

Одно из правил для посетителей Императорской публичной библиотеки, напечатанных в год ее открытия (1814), гласило: "Они не должны... писать на полях даже и карандашом". Это "даже" очень выразительно: оно свидетельствует о распространении карандашных помет на книгах к началу XIX в. Уже в нашем веке Альберт Сим, автор своеобразной пятитомной энциклопедии "Книга"[1], отмечал, что многие из людей, читающих книгу или работающих с ней, пишут свои заметки на полях, подчеркивают слова или целые строки текста. Он с полным сочувствием приводил одно из высказываний[2] по этому поводу: "...чтение должно осуществляться в некотором смысле с целью делать заметки" (Gugot-Daubès). Сам я не прибегаю к таким заметкам, щадя книги. Однако я отлично понимаю, что книги с заметками становятся важным человеческим документом, закрепляющим детали встречи и общения автора с читателем, общения, в котором последний выступает то как ревностный сотрудник и продолжатель дела автора, пытающийся выразить собственные мысли и чувства словами читаемой книги, то как придирчивый редактор и критик. С этой точки зрения книга с маргиналиями приобретает особый интерес для исследователя не только в тех бесспорных случаях, когда маргиналии эти принадлежат выдающейся творческой личности и расширяют и углубляют наши представления о ней, но и во многих других случаях, когда заметки делают люди заурядные. Изучение маргиналий на достаточно представительном материале и в определенной системе может позволить проникнуть в те обстоятельства книжной

Подробное изложение одноименной главы из "Рассказов о книге" (Альманах библиофила. М., 1976. Вып. 3).

[1] Cim A. Le Livre. Paris, 1905–1906. V. 1–5.

[2] Le Livre. V. 5. P. 139.

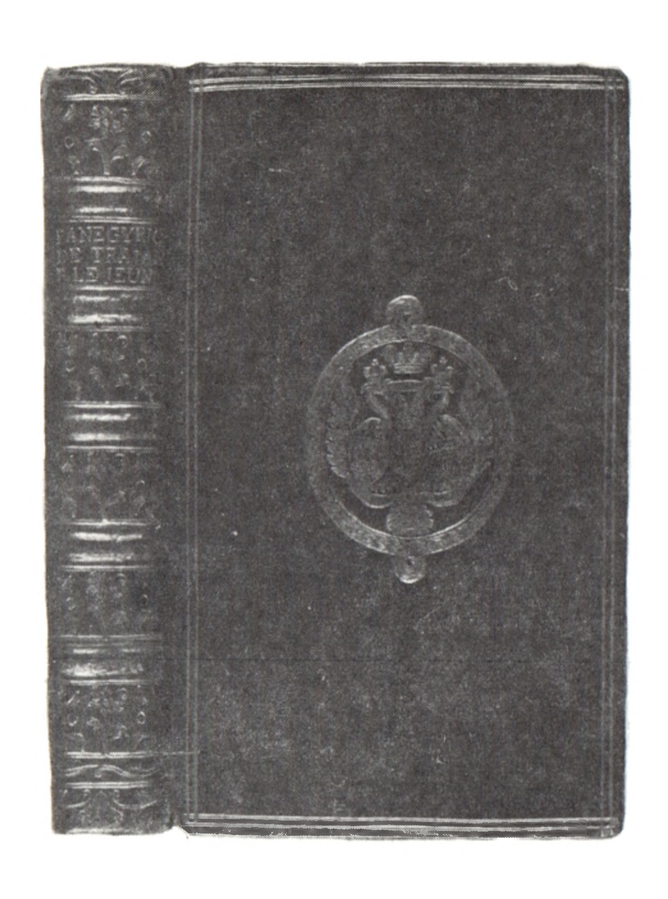
судьбы, которые обусловлены восприятием книги читателем определенной среды и эпохи, и в результате пролить, быть может, новый свет и на среду и на эпоху. Таким образом, широкое и систематическое изучение читательских помет на книгах, включающее в себя их классификацию и разработку методов изучения, представляется нам важным вспомогательным инструментом для ряда исследований по истории культуры и нравов, просвещения, истории общественной мысли, литературы, науки, наконец, для исследований по истории самой книги. Но именно в таком широком плане изучение читательских заметок не занимает еще, с нашей точки зрения, должного места в самих методах научных исследований. Не об этом ли косвенно свидетельствует то обстоятельство, что во втором изданиии БСЭ понятие "маргиналия" толкуется только как применяемый преимущественно в научной литературе "заголовок, помещенный на полях книги" (БСЭ. Т. 26. С. 265), а в "Краткую литературную энциклопедию" и в "Советскую историческую энциклопедию" статьи о маргиналиях[3] и вовсе не вошли.

Ограничиваясь этими общими замечаниями, мы обращаемся к непосредственной задаче настоящей статьи: попытке истолковать книжные пометы в том явно невыгодном для исследователя случае, когда они являются немыми, т.е. взятые сами по себе, в отрыве от авторского текста, не говорят ни на одном языке. К этому вполне конкретному опыту истолкования помет и относится подзаголовок статьи.

Люди с развитым воображением, и притом мнительные, чувствующие себя окруженными соглядатаями, готовыми истолковать неверное слово или неверный шаг им во вред, — такие люди редко раскрывают свои по-

---

[3] [В Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона (Спб., 1896) маргиналии определены как "краткие пометки на полях, в рукописях или старопечатных книгах, имеющие целью пояснение некоторых мест текста" (Т. 36. С. 608).]

Переплет "Панегирика Траяну" с личным гербом Марии Федоровны

мыслы в письмах и дневниках, и если им все же приходится писать о себе и современниках, то они тщательно отбирают то, что доверяется бумаге. Иное дело, когда в их руки попадает книга о далеких временах и о таких давно умерших людях чужого народа, в жизни, деяниях и взглядах которых, в их изменчивой и трудной судьбе они с изумлением узнают самих себя. А если книга повествует о том, что герои сумели победить враждебные обстоятельства, разоблачить злоупотребления, осудить виновников и со славой осуществить заветные свои мечты, то такая книга как бы заранее выполняет то, что эти читатели желали, но не смели сказать своими словами. Им остается только отметить ногтем, пером или карандашом места, привлекшие их внимание, сделать это одними чертами, не прибегая, быть может, к помощи слов или другим записям, имеющим самостоятельный, независимый от текста книги, смысл, чтобы книга эта против их воли превратилась в своеобразный дневник или письмо к потомству. Нужно только расшифровать это письмо, чтобы обнаружить высказывания гораздо более откровенные, чем если бы их авторы прибегали к обычным способам выражения своих мыслей.

Именно с этой точки зрения я и буду говорить сейчас о книжке XVIII в. в двенадцатую долю листа, облаченной в красный сафьяновый переплет эпохи, на крышках которого вытиснены золотые двуглавые орлы, заключенные в овальные рамки, а корешок украшен растительным орнаментом, также оттиснутым золотом. По своему содержанию книжка эта ничем особым не выделяется. Это французский перевод "Панегирика Траяну" Плиния Младшего, изданный в 1772 г. в Париже известным французским типографом Барбу (впрочем, в самой книжке издатель не назван). Купил я книгу в свое время в Ленинграде у частного лица, обратив, однако, внимание на многочисленные карандашные пометы на полях, сделанные нервной, нетерпеливой рукой. Извилистые штрихи, короткие или длинные, одиночные, парные или тройные, параллельные или пересекающиеся, они отмечали

сбоку от текста отдельные выражения, фразы или целые страницы. Кому принадлежали и что могли обозначать эти немые пометы?

Рассматривая книжку, кроме 122 помет, я обнаружил в конце основного текста перед подробным предметным указателем несколько карандашных строк на французском языке, слегка пострадавших при обрезке книги переплетчиком: "Fini ce Livre au moment de notre Entre(é) à Lorette ce 21 Jan 1782" ("Закончена эта книга к моменту нашего Вступления в Лоретту сего 21 января 1782") и рядом с последней датой другая, зачеркнутая: "1 февраля". Конечно, речь шла об одном и том же дне, обозначенном и по старому и по новому стилю. Но автора выдает, можно сказать с головой, торжественный оборот "наше Вступление" – так говорят о себе только весьма высокопоставленные особы. Удалось обнаружить и почти полностью стертое начало записи на авантитуле книги: "Recomence la Lecture de ce Livre une seconde fois entre Senigaglia et Ancone pendant d'aprés Diner 20/31 Jan. 1782" ("Возобновлено чтение этой книги во второй раз между Сенегалией и Анконой в послеобеденную пору 20/31 января 1782 г."). Эта надпись укрепила меня в предположении, которое пришло сначала в голову как простая фантазия, что отметки на полях могли принадлежать Павлу Петровичу, будущему Павлу I, когда он путешествовал с женой Марией Федоровной за границей под именем графа и графини Северных. Приведу здесь только два факта, подкрепляющих эту гипотезу.

Вернувшись из путешествия, С.И.Плещеев, тогда еще капитан-лейтенант, входивший в свиту знатной четы, издал в 1783 г. в Петербурге на свои средства изящно отпечатанную брошюру форматом в лист "Начертание путешествия их императорских высочеств... предпринятого в 1781 и оконченного в 1782 г.". Ее содержание – не что иное, как поденное расписание мест ночлегов или пребывания путешественников и пройденных ими расстояний. Так вот, на с. 7, относящейся к январю 1782 г., читаем: "20 Анкона, 21 Лоретто". Как видим, даты,

а также названия географических пунктов, расположенных на побережье Адриатического моря, полностью совпадают с теми, что указаны в записи на книге. А вот и другой факт.

Графиня Хотек, сопровождавшая со своим мужем знатную чету на пути в Венецию, оставила записки, "которые князь П.А.Вяземский читал в рукописи и занес из них в свою записную книжку несколько отрывков"[4]. Вот один из них[5].

"Перед ужином В. княгиня читала нам вслух некоторые места похвального слова Плиния Траяну. Выбор отрывков и выразительность, с которою она читала, равно говорили в пользу ума ее и сердца".

Чтение это происходило, вероятно, не позднее 7.I (ст. ст.) 1782 г., так как именно в этот день путешественники прибыли в Венецию, где и закончилась миссия графа и графини Хотек, возложенная на них австрийским императором Иосифом II.

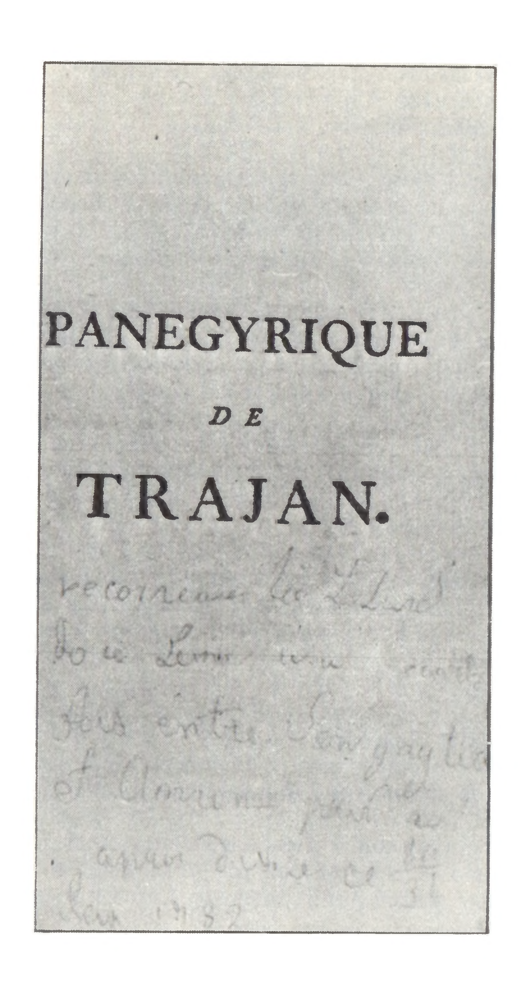
В Венеции на протяжении недели (с 7 по 13 января) осуществлялась весьма насыщенная программа: днем осмотры достопримечательностей, прогулки и визиты, а по вечерам – великолепные празднества. Тут уж было не до Траяна.

14 января граф и графиня Северные оставили Венецию, направляясь в Неаполь через Парму, Болонью и Рим (см. цит. соч. Дм.Кобеко, с. 212–214). Чтение было продолжено и завершено в пути на побережье Адриатического моря. В самом деле, приведенная выше надпись на авантитуле книги подчеркивает, что 20.I 1782 г. между Сенегальей и Анконой чтение возобновилось и что оно происходило именно второй раз (очевидно, что первым было чтение, отмеченное в записках Хотек и тогда только

---

[4]Шильдер Н.К. Император Павел Первый. Спб., 1901. С. 170, сноска 1.

[5]Рус. архив. 1873. № 10. С. 1970, см. также: Кобеко Дм. Цесаревич Павел Петрович (1754–1796). – 2-е изд., доп. Спб., 1883. С. 212.

PANEGYRIQUE

DE

TRAJAN.

Титульный лист книги с проступающей карандашной записью

начатое, но незаконченное). На другой же день книжка была дочитана к моменту въезда четы Северных в Лоретту, о чем свидетельствует приведенная выше запись.

Что касается обстановки чтения, то 20 января 1782 г., когда оно происходило "в послеобеденное время", это скорее всего могло быть на привале, например в "почтовом трактире", одном из тех, которые часто упоминаются в "Начертании" Плещеева. А на другой день, возможно, в карете: иначе, что могли бы означать слова: "Закончена эта книга к моменту нашего Вступления в Лоретту"?

Почему для чтения был выбран именно "Панегирик Траяну"? Следуя рассказу графини Хотек, зачинщицей была Мария Федоровна. О репутации Траяна как идеального правителя могли бы свидетельствовать слова Радищева из его "Песни исторической": "Вопреки злоречья колка // Навсегда Траян пребудет // Пример светлый всем владыкам". Однако это высказывание относится к более позднему времени, а главное – автор его принадлежит к лагерю противников деспотических правителей России, будь то Екатерина II или незадачливый ее преемник.

Но в XVIII в. не нужно было указывать людям, готовившимся стать во главе государства, какое значение для них мог иметь пример жизни и деяний прославленного римского императора Траяна.

В то время воспитание молодого дворянина, не говоря уже о будущих властителях державных, не могло обойтись без сведений о римских императорах, как о тех, что служили примерами добродетели, так и порока. В "Наставлении его императорского величества Петра Второго...", автором которого был академик Б.Бильфингер, напечатанном в Петербурге в 1731 г. (?) тиражом в 1200 экз., – книги, которую не могли не знать учителя и воспитатели малолетнего Павла, – находим в отделе, относящемся к обучению древней истории наследника престола:

"В Римской монархии надобно вкратце показать начало и продолжение республики, купно с главнейшими

оные переменами... и потом следовавшее пременение сей республики в монархию" (с. 34).

"Между Римскими Цесарями о некоторых славнейших, яко о Августине, Траяне, Антонине, Марке Аурелии и о прочих, такожде и о некоторых злонравнейших, яко Нероне, Гелиогабале и сим подобных" (с. 35).

Таким образом, знакомство с республикой было столь же необходимым, как и с монархией, которая, однако, на примере истории Рима преподносилась как более развитая и совершенная форма правления; что касается монархов, то здесь считалось необходимым давать примеры, как положительные, так и отрицательные. Что "Наставление" Бильфингера не составляло какого-то исключения, достаточно ясно показывает еще один пример книги, предназначенной для воспитания детей и имевшей в России весьма большой успех во второй половине XVIII в. — периода, вмещавшего и детство и отрочество Павла I. Впрочем, книга была прусского происхождения, так что не исключено, что круг сведений, в ней содержавшихся, был общим и для Павла, и для его жены — двоюродной внучки прусского короля Фридриха II, при дворе которого книга и появилась впервые. Речь идет о своеобразной детской энциклопедии в вопросах и ответах, предназначенной ее автором — непременным секретарем Берлинской академии Ж.А.С.Формеем — для детей от 6 до 12 лет («Kurzer Inbegriff aller Wissenschaften zum Gebrauch Kinder von sechs bis zwölf Jahren»). На русском языке она была напечатана в первый раз в Москве в 1764 г., когда Павлу было 10 лет, под заглавием "Краткое понятие о всех науках для употребления юношеству", причем сразу же в трех изданиях: одно — только на русском и два — на двух языках (на одной полосе на французском или немецком, на другой — на русском). Потом все эти издания дважды повторялись. Цитирую по третьему, новиковскому, изданию (М., 1788):

"Вопрос. Которые Кесари радостью подданных и с великой похвалой царствовали?

Ответ. Август, Веспасиан, Тит, Нерва и Траян" (с. 187).

Итак, существовал своего рода набор из 4–5 примерных римских императоров, в который, при всех возможных различиях, неизменно входил Траян. Естественно, повторяем, что как для наследника российского престола, давно вступившего в пору зрелости (во время интересующего нас путешествия ему было 27–28 лет), но волею державной матери и ее фаворитов полностью отстраненного от участия в государственных делах, так и для его супруги сочинение одного из сподвижников Траяна, восхваляющее его государственную мудрость и противопоставляющее его образ правления неправедному царствованию предшественников (речь идет преимущественно о Домициане) могло представить особого рода интерес, раз уж им не приходилось читать это сочинение прежде. При этих условиях не существенно, кто начал читать раньше: Павел или Мария. И это можно утверждать с тем большим основанием, что современники засвидетельствовали редкое и полное единодушие и единство взглядов и самого образа мыслей обоих супругов в ту пору. Вот что написал, например, своей матери австрийский император Иосиф II, посетивший в 1780 г. Петербург под именем графа Фалькенштейна: "Великий князь и Великая княгиня, которых при полном согласии и дружбе, господствующими между ними, нужно считать как бы за одно лицо, чрезвычайно интересные личности. Они остроумны, богаты познаниями и обнаруживают, я не могу судить вполне ли искренне или только внешним образом, самые честные, правдивые и справедливые чувства, предпочитая всему мир и ставя выше всего благоденствие человечества"[6].

И в дальнейшем, в начале 1782 г., когда граф и графиня Северные уже путешествовали по Европе, Иосиф II, представляя их в обстоятельном конфиденциальном письме своему брату – великому герцогу Тосканскому Леопольду, характеризует мужа и жену, приписывая тому и другой одинаковые интеллектуальные и духовные ка-

---

[6] См. сноску 5 данного изд. С. 157.

n'en ressentons plus les malheurs. Que nos discours publics sur le Prince changent, puisque nos entretiens secrets ont changé. Que la différence des temps se manifeste par la différence de notre style ; que l'on reconnoisse par nos actions de graces mêmes, à qui, & sous quel regne elles ont été rendues, & qu'elles n'ont point eu pour objet un de ces Princes, que l'adulation érigeoit en Divinité. Car enfin ce Discours ne s'adresse ni à un Tyran, ni à un Maître ; mais à un citoyen, & à un pere. L'Empereur nous traite comme ses égaux ; & d'autant plus au-dessus de nous, qu'il veut bien s'égaler à nous, il n'oublie jamais qu'il est homme, & qu'il commande à des hommes. Sentons aussi tout notre bonheur, jouissons-en d'une maniere qui montre que nous en sommes dignes ; & ne cessons point de nous dire, qu'il seroit honteux de rendre plus d'obéissance aux Princes qui

Один из разворотов книги с карандашными пометами

nous tiennent dans l'eſclavage, qu'à ceux qui ſe plaiſent à nous faire jouir de la liberté. Il paroît aſſez que le Peuple Romain ſait mettre de la différence entre les Princes qui le gouvernent. Les applaudiſſements qu'il prodiguoit autrefois à la beauté d'un efféminé *, il les donne aujourd'hui à la valeur d'un Héros : & ſes acclamations ſi ſouvent profanées à vanter le geſte ou la voix d'un Tyran **, ſont aujourd'hui conſacrées à célébrer la religion, la frugalité & la clémence d'un Empereur. Nous-mêmes, ſelon que l'amour ou la joie nous tranſporte, n'élevons-nous pas juſqu'au Ciel, & d'une commune voix, tantôt ſon air majeſtueux, tantôt ſa douceur, & tantôt ſa modération & ſa tempérance ? Qu'y a-t-il d'ailleurs qui convienne mieux à

* Il déſigne l'Empereur Domitien, qui ſe vantoit d'être beau.

** Il parle de Néron, qui ſe piquoit d'être excellent Comédien.

чества, наклонности и вкусы, включая и недостатки (например, "они не столько по характеру, сколько по обстоятельствам, несколько недоверчивы")[7]. Замечательно, что и сам граф Леопольд, познакомившись с путешественниками, в отчете брату об их пребывании во Флоренции, хотя уделяет больше внимания мужу, чем жене (очевидно, по причинам политическим), все же сообщает новые случаи удивительного единообразия в их поведении. Например, приведя утверждение Павла о том, что высшие петербургские сановники: Потемкин, Безбородко, Бакунин, графы Воронцовы и Морков (бывший в те годы посланником в Голландии) – подкуплены венским двором и за это заслуживают сурового наказания ("лишь только я буду иметь власть, я их высеку, разжалую и выгоню"), Леопольд пишет: "Графиня подтвердила мне то же самое". Немного ниже он рассказывает, что,"когда речь зашла о будущем браке моего сына, они отыскали свои записные книжки и прочли мне, что император сказал нам то-то и то-то подлинными словами в такой-то день и час, при таких-то лицах, в такой-то комнате"[8]. Здесь неизменное множественное число звучит особенно выразительно!

При таком единстве супругов в поведении, интересах и мнениях нам остается только гадать, почему Павел I не мог или не проявлял желания прочесть "Панегирик Траяну" до путешествия. Впрочем, латинскому он обучался лишь "немного"[9]. Был еще вышедший за четыре года до путешествия русский перевод этого сочинения[10]. Но и он не привлек к себе внимания Павла, потому ли, что остался им не замеченным, не понравился слогом, либо громоздким форматом (в четвертую долю листа). Во всяком случае, в пользу нашей книжки говорили и французский язык, который и Павлу Петровичу и Ма-

---

[7] Там же. С. 199.
[8] Там же. С. 220.
[9] Там же. С. 26.
[10] Слово похвальное императору Траяну... Перевод Андрея Нартова. Спб., 1777.

рии Федоровне был наиболее близок и привычен как язык литературный и разговорный, и прославленное имя переводчика де Саси, наконец, карманный формат и изящный четкий шрифт, отличавшие серию классиков Барбу и чрезвычайно удобные для путешественников. Заметим, наконец, что, кто бы из супругов ни выбрал в качестве спутницы эту книжку, мы исходим из предположения, что пометы на ней принадлежат Павлу I, так же как и приведенные выше записи о возобновлении и завершении чтения. Во всяком случае, простое сличение почерка этих записей с совсем не сходными между собой почерками Павла Петровича и Марии Федоровны на сохранившихся в ЦГАДА бумагах, свидетельствует в пользу первого из них. Однако из осторожности и, вернее, по тем же мотивам, по которым Иосиф II и герцог Леопольд употребляли множественное число, говоря о графе и графине Северных, мы также будем говорить "они" там, где можно было бы сказать "он".

Из всего предисловия де Саси, занимающего 20 страниц первого счета (V–XXIV), наших читателей привлекла лишь часть текста на с. XXIII, поясняющего, почему Плиний включил в свой "Панегирик" также похвалу Плотине – жене Траяна, "подавшей пример, заслуживающий памяти на все времена". И де Саси рассказывает, как Плотина, поднимаясь по лестнице, ведущей в императорский дворец, чтобы вступить во владение им, на последней ступени внезапно обернулась к народу и, повысив голос, воскликнула: "Я прошу богов, чтобы я могла выйти отсюда такой, какой вхожу". Было бы мало продуктивным и, конечно, утомительным для читателя делом, если бы мы заставили его следовать по тексту перевода де Саси за всеми остальными, более чем 120 пометами, сделанными одной и той же рукой на страницах описываемой книги. Поэтому мы приведем здесь лишь наиболее характерные, с нашей точки зрения, места, сохраняя за ними номера по порядку, которые они занимают в тексте. Выделенные места можно в основных чертах и в известной мере условно разбить на четыре следующих группы:

I. Характеристика неправедных или преступных поступков римских императоров и вызванных ими следствий. Такие места должны были восприниматься Павлом Петровичем и Марией Федоровной как обличение недостатков и прямых пороков екатерининского правления и обусловленных ими развращенности нравов придворных и государственных неустройств.

II. (Наиболее многочисленная.) Свидетельства о добродетельном и мудром правлении Траяна, в которых почти неизменно подчеркивается его стремление к справедливости, к тому, чтобы ставить интересы государства и подданных выше своих личных интересов. Такие свидетельства часто приводятся путем противопоставления поведения, образа мыслей и действий Траяна его предшественникам. Мы предполагаем, что Павел Петрович выделял, как правило, те критические суждения, что звучали как обвинения его матери и ее приближенным, в то время как среди положительных качеств и поступков Траяна он останавливался на тех, которые смог отнести к себе или которыми хотел бы обладать в будущем в качестве как бы Траяна на престоле российском. Напомним, что еще за 10 лет до знакомства с Плинием, в 1771 г., он писал К.И.Сакену из Риги, где обнаружил страшный беспорядок в военном ведомстве: "...для меня не существует ни партий, ни интересов, кроме интересов государства, а при моем характере мне тяжело видеть, что дела идут вкривь и вкось и что причиной тому небрежность и личные виды. Я желаю лучше быть ненавидимым за правое дело, чем любимым за дело неправое"[11].

III. Обстоятельства частной жизни цезаря и его жены, которые наши читатели могли или хотели бы применить к себе.

IV. Изречения и афоризмы Плиния Младшего, отвечавшие взглядам и устремлениям Павла и его жены в ту пору, когда их духовные силы (в особенности это относится

---

[11] Кобеко Дм. Указ. соч. С. 142; эти слова стоят в эпиграфе к книге Кобеко.

к самому Павлу) не были еще окончательно надломлены тем непереносимым для живого и впечатлительного ума и деятельного темперамента режимом, который был создан Екатериной II и ее фаворитами.

Итак, вот несколько мест из первой группы.

№ 20

"Суетность других императоров и боязнь установить между ними и нами некоторое равенство приводит их к тому, что они перестают пользоваться ногами. Поднятые на плечи рабов, они как бы идут по нашим головам" (с. 57).

№ 38

"Вы (здесь Плиний обращается к Сенату. – *А.М.*) знаете по опыту, насколько дурные правители внушают ужас тем самым, кто сделал их дурными" (с. 102).

№ 41

"Ваши предшественники, если исключить вашего августейшего отца и, быть может, одного или двух других (и то сказано слишком), больше радовались тому, чтобы видеть граждан, изнеженных пороками, чем исполненных любовью к добродетели. Естественно, что каждый любит находить себя в других: и они были убеждены, что люди, не имеющие других наклонностей, кроме рабских, будут более покорно переносить рабство" (с. 105–106).

"...и поистине вполне справедливо, что они любимы хорошим государем, после того как преследовались дурным. Так как различие между деспотической властью и законным правлением вам [сенаторы. –*А.М.*] не безызвестно, то вам и не трудно понять, что нет людей более привязанных к справедливому государю, чем те, кто презирает тиранов" (с. 106).

№ 61

"И убеждать на их (дурных правителей. – *А.М.*) примерах тех, кто может когда-нибудь стать императором, что нет ни времени, ни места, где могли бы обрести покой и оградить себя от проклятий потомства тени дурных императоров (с. 129).

Заметим, что в новом русском переводе с латинского[12] вместо "тени дурных императоров" (Les manes de mauvais Princes) сказано определенней: "оскверненных убийствами императоров". Не так ли звучало это место в ушах Павла, никогда не забывавшего об убийстве своего отца?

№ 79

"...Ибо не леность, не природное малодушие совращали нас при прежних императорах. Страх, ужас и несчастная осмотрительность, рожденная в лоне опасностей, которыми мы были окружены, предупреждали нас беспрестанно, чтобы ничего не видеть, ничего не слышать, не думать совсем о том, что может иметь отношение к республике; если, однако, тогда имелся еще какой-то след от республики. Но ныне ваши клятвы [Цезарь. – *А.М.*], ваши обещания разомкнули наши уста, закрытые долгим рабством, и мы обрели язык, который столько несчастий держали пленником" (с. 168–169).

№ 118

"Вы убеждены [Цезарь. – *А.М.*], что нет более непреложного знака отсутствия величия императора, чем величие его отпущенников" (с. 225).

Это на первый взгляд темное место особо выделено Павлом: он подчеркнул все слова снизу, как это обычно и делают более смелые и менее подозрительные люди, чем он сам. Ведь такое подчеркивание не вызывает и тени сомнения в том, что именно привлекло внимание читателя у того, кто позднее станет просматривать книгу, тогда как менее определенная помета сбоку абзаца или целой страницы, оставляет, вообще говоря, возможность различных толкований. Может быть, неожиданная откровенность способа выделения объясняется здесь тем, что цитата звучит слишком архаично для XVIII в. и поэтому может толковаться лишь иносказательно. Но для тех, кто знаком с историей Древнего Рима, ясно, что отпущенников императора можно было смело приравнивать

[12] Письма Плиния Младшего. М.; Л., 1950, пер. В.С.Соколова.

к екатерининским фаворитам, которых Павел презирал, ненавидел и вместе с тем страшился.

Обратимся ко второй группе выделенных мест, которые, впрочем, как уже было отмечено, тесно переплетаются с соответствующими местами первой группы в отношениях позитива и негатива. Вот почему мы можем ограничиться здесь лишь немногими примерами, имеющими значение, независимое от вышеприведенных.

№ 3

"...Император обходится с нами, как с равными ему; и тем более возвышаясь над нами, чем полнее он стремится с нами сравняться, он не забывает никогда, что он человек и что повелевает он людьми". "...И не перестанем говорить себе, что постыдно было оказывать государям, которые держали нас в рабстве, большую покорность, чем тому, кому нравится, чтобы мы пользовались свободой..." (с. 4–5).

№ 10

"...Вы не боитесь войны, но и не ищете ее..." (с. 40).

№ 56

"О, насколько больше безопасности обретаете вы [Цезарь. – *А.М.*] сегодня в этом дворце, охраняемом только любовью, а не страхом, защищаемом толпой граждан, а не одиночеством и не заграждениями!" (с. 116–117).

№ 74

"...Судите сами [Цезарь. – *А.М.*] о людях по их репутации; прислушивайтесь только к ней, смотрите только на нее и не обращайте совсем внимания на тайные речи, на неопределенные слухи, никогда не являющиеся более опасными ни для кого, кроме тех, кто хочет их внимательно выслушивать" (с. 159).

№ 106

"Никакой трудности в получении аудиенции; никакого запаздывания с ответом. К государю подходят, когда хотят, и тотчас же кончают с делом. Наконец-то мы не видим более толпы отвергнутых, осаждающих двери дворца, куда им не позволяют проникнуть" (с. 203–204).

Приведенное ранее место из предисловия де Саси, по его значению для путешествующей четы, конечно, следует отнести к III группе. Возможно, что Мария Федоровна, думая о своей грядущей роли супруги российского императора, хотела бы применить к себе самой прочувствованные слова Плотины.

Вот еще несколько мест, относимых нами к той же группе:

№ 37

"О, как полезно приходить к благоденствию только через невзгоды" (с. 102).

Смысл и значение этого отрывка в глазах Павла уясняется последующей фразой Плиния, обращенной к Траяну:

"Вы жили среди нас; вы ощущали те же тревоги; вы подвергались тем же опасностям; это был тогда общий удел добродетельных людей".

№68

"Шести месяцев достаточно, чтобы изменить добрые нравы людей; насколько меньше понадобится, чтобы испортить государей?" (с. 147).

Это высказывание, трагическую правоту которого Павел не мог не воспринять, отмечено им максимальным числом черточек – четырьмя! Заметим, что в упоминавшемся выше современном русском издании Плиния Младшего говорится не о шести месяцах, а о годе времени.

№ 99

"Тщетно мы делали все то, что привычно делать любящим; их [дурных государей. – *А.М.*] сознание говорило им, что мы их совсем не любим; и они верили этому" (с. 190).

Действительно, стоит вспомнить о том, какие усилия употреблял в ту пору Павел Петрович, чтобы убедить Екатерину если не в любви, то в полной своей лояльности, и как горько звучало его невольное признание в беседе с Людовиком XVI, сделанное во время того же путешествия: "Я был бы очень недоволен, если бы возле меня находился какой-нибудь привязанный ко мне пудель;

прежде чем мы оставили бы Париж, мать моя велела бы бросить его в Сену с камнем на шее"[13].

№ 110

"Вы [Траян и Плотина. – *А.М.*] любите друг друга, как любили прежде; вы оказываете друг другу все ту же любезность; и все, что ваша судьба прибавляет к вашему счастью, все это вы принимаете вдвоем, настолько вы выше самого высокого" (с. 213).

Эту характеристику супружеских добродетелей не только сами читатели, но и все те, кто их тогда знал, полностью могли отнести на их счет.

Приведем, наконец, несколько изречений Плиния Младшего, выделенных четой Северных:

№ 6

"Счастье порождается несчастьем, и несчастье в свою очередь рождается счастьем. Бог скрывает от нас источник благ и бед, и чисто по внешнему виду начала их весьма отличны от того, каковы они по своей сути" (с. 13).

№ 22

"Как голова никогда не остается стойкой, если позволить телу пребывать в обмороке, так бесполезно покровительствовать знати, если пренебрегать народом" (с. 62).

№ 47

"Верно, что народы никогда не ропщут против государя меньше, чем против того, который предоставляет им больше свободы" (с. 110).

№ 78

"...Никому не следует более свято соблюдать свою присягу, чем тому, для кого особенно важно, чтобы вовсе не было нарушений присяги" (с. 165–166).

№ 91

"...Тому, кто достиг вершины почестей, остается лишь одно средство, чтобы возвыситься: это, если он – уверенный в собственном величии – сумеет спуститься [со своей высоты. – *А.М.*]. Из всех опасностей, которых

---

[13] Шильдер. Указ. соч. С. 165.

Государи могут избежать, та, которой они должны меньше всего опасаться, это унизиться, склоняясь" (с. 182).

№ 111

"...Какая дружба могла бы царить между людьми, из которых одни считали себя господами, другие – рабами?.. Это чувство [дружбы. – *А.М.*] хочет быть свободным: оно великодушно, враг принуждения, и оно строго требует столько же, сколько и дает".

"...Возможно, что государя несправедливо ненавидят некоторые люди, хотя он и не ненавидит их; но если он не любит, то невозможно, чтобы он был любим" (с. 217).

Мы ограничились менее чем 20% всех мест, выделенных путешественниками при чтении "Панегирика", выбрав из них те, которые нам представлялись наиболее характерными. При этом в ряде случаев из абзаца или целой страницы мы приводили лишь одну-две фразы. В этом, конечно, можно видеть известный произвол. В пользу допущенных нами сокращений говорит, однако, то, что неиспользованные тексты либо развивают мысли и идеи, которые мы приводили выше, либо содержат высказывания, представляющие меньший, по сравнению с предыдущими, исторический и психологический интерес. Важно то, что они не противоречат общему духу и настроению, которым проникнуты отобранные выше цитаты, свидетельствующие в совокупности о благих чувствах и намерениях тех, кто около 200 лет тому назад, вдали от Родины, читали эту маленькую книжку, поражаясь, быть может, близости содержащихся в ней фактов и помыслов к тому, чему они уже были свидетелями и что собирались еще осуществить на деле. Не об этом ли говорил и Иосиф II, предполагая в них "самые честные, правдивые и справедливые чувства"? Но недаром говорится, что "благими намерениями устлана дорога в ад". Разрыв между временем достижения Павлом зрелости и временем, когда он ощутил на своих плечах реальную тяжесть одиночного управления огромным государством, в котором большинство подданных были рабами в буквальном смысле этого слова, был слишком велик.

Полтора десятка лет протекли со времени чтения им "Похвалы Траяну" до восшествия на престол, годы, заполненные сознанием унизительного бессилия и деятельностью главы игрушечного двора и игрушечного войска. А ведь и "шести месяцев достаточно, чтобы изменить добрые нравы людей; насколько меньше понадобится, чтобы испортить государей". Он мог не раз вспоминать эти удивительные слова Плиния, сознавая, как мельчает его ум и ожесточаются чувства. Не знаем, читал ли он сказки Шехерезады, например, в переводе Галлана. Но были ли они знакомы ему или нет, он, пребывая в запечатанной грозной печатью его матери бутылке, мог, подобно знаменитому джину, мечтать сначала о том, как он осчастливит людей, вырвавшись на свободу, а потом, во вторую половину своего заточения, все более отчаиваясь, готовить людям все более суровые кары. Пометы на полях "Похвалы Траяну" были нанесены рукой джина, не успевшего еще ожесточиться.

ВЕРГИЛИЙ И МАСТЕРА ПЕЧАТНОЙ КНИГИ

Вергилий, которого Данте избрал своим проводником по аду и чистилищу, был на протяжении многих веков одним из наиболее читаемых в Западной Европе авторов.

Первое печатное издание его сочинений вышло в свет около 1468 г. (Страсбург: печатник Адольф Руш).

До 1500 г. было выпущено еще примерно 180 различных изданий, а в последующие столетия – во много раз больше.

Можно утверждать, что ни один из знаменитых печатников прошлого не обходился без издания Вергилия, в которое он вкладывал все свое искусство, как бы желая затмить предшественников и оставить преемникам высокий образец для подражания.

В XVI–XVII вв. выделяются весьма редкие в наше вре-

Культура и жизнь. 1969. № 7.

мя издания Вергилия – Альдом Мануцием (Венеция, 1501), Христофором Плантеном (Антверпен, 1564 и 1575), Эльзевирами (Лейден, 1636).

Мы хотим познакомить здесь читателя с несколькими замечательными в разных отношениях экземплярами Вергилия из нашей библиотеки, относящимися к XVIII в.

Первое место здесь принадлежит шедевру Джона Баскервиля, вышедшему в свет в Бирмингаме в 1757 г. Это была первая книга, напечатанная знаменитым английским типографом, довольствовавшимся до этого скромными обязанностями учителя чистописания.

Совершенство ее бумаги, шрифта, печати высоко оценил Бенжамин Франклин, сам бывший печатником в молодые годы.

Он считал эту книгу лучшей из всех, когда-либо напечатанных.

Любители сожалеют иногда, что Баскервиль издал свою книгу без иллюстраций. Но первый владелец моего экземпляра, живший в середине XVIII в. (к сожалению, я ничего не знаю о нем), велел переплетчику украсить книгу гравюрами Кошена-младшего, выполненными по его же рисункам.

Эти гравюры принадлежат французскому изданию Вергилия, о котором мы говорим ниже.

Так как они были значительно меньше по формату, чем страницы баскервильского издания, то каждую наклеили на паспарту и украсили рамкой, выполненной от руки акварелью и обрамленной золотой фольгой.

Если сказать еще, что книга переплетена в красный сафьян, с орнаментированным золотом корешком, а форзац сделан из муара, то читатель сможет поверить, что книга, действительно, необыкновенно привлекательна.

Французское издание, из которого были заимствованы гравюры только что описанной книги, также заслуживает внимания.

Оно было выпущено в Париже в 1743 г. Кийо-отцом (Quillau Pére) в четырех томах, включающих наряду с ла-

тинским текстом также и его французский перевод (прозаический).

Мой экземпляр в превосходных переплетах эпохи из красного марокена принадлежит к числу весьма редких.

Он отпечатан на бумаге особо высокого качества (grand papier, как говорят французы) и содержит гравированный портрет Повелителя "обеих Валлахий и Молдавии" Константина Маврокордата, которому посвятил французский перевод Вергилия аббат Десфонтен (его портрет также приложен к книге).

О редкости подобных экземпляров (с портретом Маврокордата) можно судить по тому, что крупнейший знаток французской иллюстрированной книги XVIII в. Коэн знал о их существовании лишь понаслышке.

В посмертном же издании его знаменитого каталога (Париж, 1912) упоминание о них и вовсе исключено.

Однако мой экземпляр не уникален.

В каталоге № 10 швейцарского книготорговца М.Бриделя (Лозанна, 1948) описан совершенно такой же экземпляр, как и у меня, причем оценен он довольно умеренно – в 1500 швейцарских франков.

Два томика Вергилия, вышедших в 1767 г. из типографии парижского печатника Барбу, прославившегося своим изданием сказок Лафонтена (т. н. издание генеральных откупщиков, 1762), также украшены сюитой рисунков Кошена-младшего, гравированных Дюфло. Это гравюры формата вдвое меньшего по сравнению с предыдущими, отличаются от них не только композицией, но иногда и сюжетом.

Оба тома в красных марокеновых переплетах эпохи, превосходной сохранности, как, впрочем, и все описанные выше книги. Если иллюстрации Кошена-младшего, первого рисовальщика своего времени, по определению барона Гримма, целиком принадлежат по духу и манере эпохе рококо, то в превосходном двухтомном издании Кнаптона и Сендби, осуществленном в Лондоне в 1750 г., иллюстрации по самому своему замыслу исключают художественное воображение современника. Они имеют

Титульный лист издания Баскервиля и фронтиспис из экземпляра А.И.Маркушевича

PUBLII VIRGILII MARONIS BUCOLICA, GEORGICA, *ET* AENEIS.

BIRMINGHAMIAE:
Typis JOHANNIS BASKERVILLE.
MDCCLVII.

характер строго документальный, и каждая снабжена ссылкой на источник, хранящийся в той или иной коллекции античных древностей.

Среди этих источников – медалей и барельефов, как показала позднейшая критика, были и фантастические, связанные с именем ученого антиквара Гольциуса (не смешивать со знаменитым голландским гравером того же имени), имевшего, по словам Коэна, столь же опасную репутацию в нумизматике, как и маркиз де Сад в литературе.

Монументальное издание Вергилия вышло в свет в самом конце XVIII в. у знаменитого парижского типографа Дидо Старшего. Это фолиант, отпечатанный красивым латинским шрифтом, с огромными полями и на прекрасной бумаге, украшенный великолепными гравюрами по рисункам Жерара и Жироде, выполненными в духе классицизма. Тираж – 250 экземпляров, 100 с гравюрами "до подписи", 150 – с подписью.

О том, что это издание "de grand luxe" предназначалось для весьма немногих, свидетельствует не только сравнительно невысокий его тираж, но и высокая подписная цена: 900 франков за каждый из первых 100 экземпляров и 600 франков за каждый из остальных 150.

Мой экземпляр имеет номер 155; удостоверение тиража и самый номер сделаны от руки самим издателем и им же подписаны. Переплет из красного марокена также подписной. Это работа прославленного художника-переплетчика – Бозериана.

В предисловии, написанном по латыни (как и вся книга), Дидо критически рассматривает издания Вергилия, выпущенные за последнее время его конкурентами, и почти в каждом из них, включая наиболее известное по своей красоте издание выдающегося итальянского печатника Бодони (Парма, 1793), отмечает многочисленные опечатки и искажения. Его же издание соединяет с прекрасной внешностью и высокую текстологическую культуру.

КНИЖНЫЙ ДЕБЮТ "ЖЕНИТЬБЫ ФИГАРО"

Вряд ли интерес к ранним изданиям одной книги, особенно такой, как "Женитьба Фигаро", нуждается в особом оправдании. Если верить мадам Кампан, то наиболее убедительную оценку значения комедии дал Людовик XVI Когда она читала ему рукопись вслух, король, по ее словам, воскликнул: "Это ненавистно! Она никогда не будет сыграна, нужно было бы разрушить Бастилию, чтобы представление этой пьесы не стало бы опасной непоследовательностью!" Оба события все же произошли, правда, в обратном порядке, и хотя между ними не было прямой причинной зависимости, но внутренняя, глубокая внутренняя связь, без сомнения, существовала.

Мы не будем заниматься выяснением идейного содержания или художественных достоинств замечательного произведения Бомарше, а попытаемся установить первое оригинальное издание и определить роль списков в ранних публикациях литературного произведения.

Как известно, первое чтение пьесы в театре "Французской комедии" состоялось еще 29 сентября 1781 г., а первое, приватное, ее представление двумя годами позже – в Жанвийе (Gennevilliers) 26 сентября 1783 г. И хотя так называемое "оригинальное" издание (Париж: Рюо, 1785) было закончено печатанием только 28 февраля 1785 г., можно не сомневаться в том, что рукописные списки комедии имели к тому времени распространение не только в Париже, но и далеко за его пределами. Как объяснить иначе нюрнбергское издание французского текста, выпущенное Граттенауэром в 1784 г.? Издание это приведено под № 141 в библиографии произведений Бомарше, составленной Кордье[1]. Трудно допустить, что предприимчивый автор, поклявшийся, что его пьесу сыграют вопреки всем запретам "и, быть может, также на

Проблемы рукописной и печатной книги. М., 1976.

[1] Bibliographie des oeuvres de Beaumarchais par Henri Cordier. Paris, 1883.

хорах собора Парижской Богоматери", был в стороне от размножения и рассылки ее списков. Во всяком случае, библиографы насчитывают два десятка различных изданий пьесы – во Франции и за ее пределами – за один только 1785 г. Важно подчеркнуть, что среди них были и переводные, требовавшие дополнительного времени на подготовку, например английское (Лондон) и немецкие (Нюрнберг, Кель, Лейпциг, Мюнхен, Дессау, Берлин). А ведь парижское издание Рюо появилось в продаже только в марте 1785 г.!

Но, конечно, не все зависело от намерений Бомарше, и надо думать, что возмущение, выраженное в известном издательском предупреждении (Avis de l'éditeur), предпосланном изданию Литературно-типографического общества (Кель, 1785), основанного самим Бомарше, было искренним. "Из-за преступного злоупотребления, – говорится там, – в Амстердам было отправлено нечто претендующее быть рукописью пьесы, извлеченное из памяти и искаженное, изобилующее пропусками, противоречиями и бессмыслицами. Оно там напечатано и продается под именем Бомарше..." Речь идет здесь об издании in 8°, вышедшем в Амстердаме в январе 1785 г. Оно не содержит ни авторского предисловия, ни разрешений королевских цензоров, т.е. всего того, что включено в оригинальное издание. Но зато в амстердамском издании куплеты водевиля, завершающего пьесу, сопровождаются нотами, тогда как оригинальное издание предлагает обращаться за нотами "к г-ну Бодрону, шефу оркестра французского театра".

Заметим, что тот же, по-видимому предприимчивый, амстердамский издатель выпустил вслед за текстом комедии отдельной книжкой и предисловие к ней (разрешение на печатание предисловия в Париже было подписано Ленуаром только 31 января 1785 г.). Книжка, содержащая всего 38 страниц, называется: "Предисловие к "Безумному дню". Предназначено к изданию, выданному в прошедшем январе".

Уже из сказанного вытекает, что вопрос о первом

издании "Женитьбы Фигаро" осложняется рядом побочных обстоятельств. Во всяком случае, амстердамская "подделка" ("contrefaçon", по выражению Кордье) вышла в свет более чем за месяц до оригинального парижского издания и, строго говоря, не может называться контрфакцией, поскольку она не пыталась и не могла пытаться имитировать несуществующее оригинальное издание. А, кроме того, как отмечалось выше, было, по крайней мере, еще одно нюрнбергское издание, датированное 1784 г. К сожалению, нам не приходилось видеть ни одного его экземпляра.

Чтобы правильно оценить положение с изданиями "Женитьбы Фигаро", целесообразно вооружиться терминологией, предлагаемой, например, "Лексиконом книговедения" Кирхнера[2]. Будем вместе с ним называть первым изданием первую издательскую публикацию текста произведения, хотя бы и неполного. С этой точки зрения на роль первого издания "Женитьбы Фигаро" выдвигается издание, датированное 1784 г., т.е. нюрнбергское (если только не было других изданий того же года, пока не обнаруженных). Мы не располагаем никакими данными об обстоятельствах появления нюрнбергского издания. Можно представить себе, что списки комедии были посланы из Парижа в разные пункты почти одновременно и что лишь случайные обстоятельства вызвали более скорую публикацию одного по сравнению с другими. Можно предполагать также, что такая посылка последовала вскоре после формального разрешения 29 марта 1784 г. Ленуаром, главой полиции, печатать и представлять пьесу. Разрешение это основывалось на заключениях двух цензоров и непосредственным следствием имело, менее чем через месяц (24 апреля 1784 г.), первое открытое представление пьесы актерами Французской комедии.

От первого издания, зависящего иногда от чисто внешних случайных обстоятельств, упомянутый "Лексикон"

---

[2] Lexikon des Buchwesens, herausgegeben von Joachim Kirchner. Hiersemann Verlag, Stuttgart, 1952.

Кирхнера справедливо отличает оригинальное, или аутентичное, издание, выполненное при жизни автора и при его участии: автор сам определяет вид книги, основой является его рукопись. Конечно, в отличие от первого издания, которое в принципе для данного произведения должно определяться однозначно, оригинальных изданий может быть несколько, что дает, в частности, основание для выделения среди них окончательного, дефинитивного, или издания "последней руки". С этой точки зрения нас ничуть не должно удивлять наличие двух оригинальных (или аутентичных) изданий "Женитьбы Фигаро", датированных одним и тем же 1785 г. И, напротив, представляются недостаточно обоснованными попытки ряда известных французских библиофилов и библиографов сохранить наименование "оригинального" только за одним из двух, на него претендующих. Возможно, за этим кроется желание, впрочем явно не формулированное, выделить из двух, появившихся почти одновременно в Париже, и Келе, то, которое на несколько дней опередило другое.

Рассмотрим, однако, подробнее этот вопрос. Издания, о которых идет речь, уже назывались выше: это парижское издание Рюо и кельское издание Литературно-типографического общества. С давних пор они приковывали к себе библиофилов прежде всего своими иллюстрациями. Оба украшены пятью гравюрами, выполненными по рисункам Сен-Кантена (Saint–Quentin). Но в первом из них граверами были Малапо и Руа, во втором – Альбу, Льенар и Линже. Коэн – известный знаток французских иллюстрированных изданий XVIII в. – утверждает, что гравюры кельского издания были подготовлены непосредственно по оригинальным рисункам Сен-Кантена, а гравюры парижского издания – по гравюрам кельского[3]. Это не мешает ему, в отличие от Брюне, считать парижское издание первым (оригинальным) – мнение,

---

[3] Cohen. Guide de l'amateur de livrés à figures du XVIII ciécle. Cinquième édition. Paris, 1887. P. 50.

которое разделяют и другие современные ему и позднейшие французские библиографы (Кордье, Ле Пти, Сиораneску)[4]. Видимое противоречие разъясняется просто: парижское издание вышло в свет без гравюр, а гравюры (т. н. сюита Малапо, награвировавшего четыре из пяти) были присоединены владельцами к отдельным экземплярам при переплете[5]. В пользу того, что печатание парижского издания могло опережать кельское, говорит факт отсутствия "Avis l'éditeur" в парижском издании. Это можно объяснить тем, что парижское было уже закончено, когда Бомарше ознакомился с амстердамским.

Форматы двух изданий почти одинаковы, но кельское издание крупнее, оно напечатано с большими полями на лучшей бумаге (веленевой). Вообще кельское издание красивее и изящнее парижского как благодаря шрифтам Баскервиля, которыми печатались и сочинения Вольтера, так и гравюрам, более тонким и совершенным. Неудивительно, что цены на отдельные экземпляры кельского издания, фиксированные во французских каталогах и справочниках, превосходят в 6–8 раз, при прочих равных условиях, цены экземпляров парижского издания. Добавим еще, что для самого Бомарше был отпечатан экземпляр на пергамене именно кельского издания. Ныне он находится в библиотеке Французской комедии. Что кельское издание в той же мере, как и парижское, следует рассматривать как оригинальное, видно не только на основании тождества их состава, но также и того, что Бомарше в каждое из них включил сначала "Послание, посвященное персонам, введенным в заблуждение по поводу моей пьесы и не желавшим ее видеть", адресованное королю. Оно начиналось словами: "О вы, которых

---

[4] См. также каталог: Bibliothèque National. Beaumarchais, Paris, 1966.

[5] Jules Le Petit. Bibliographie des principales éditions originales d'écrivains français du XVe au XVIIIe siècle. Paris, 1888, p. 569. См. также Crottet E. Suplément à la 5me édition du Guide de l'amateur de livres à figures du XVIII siècle. Amsterdam,1890. P. 7.

я совсем не называю". По совету барона де Бретейля Бомарше уничтожил его во всех экземплярах (кроме шести) как кельского, так и парижского издания "за пятнадцать дней до поступления их в продажу"[7].

Но, как это нередко бывает, ценнейшее издание "украшено" опечатками, отсутствующими в более скромном. К некоторым, сравнительно немногим, экземплярам издания в конце приложен листок с опечатками: их семь во введении и четыре в тексте комедии. Любопытно, что эти опечатки отсутствуют в тексте парижского издания. Означает ли это лучшее качество того списка, с которого печаталось парижское издание, или более квалифицированную корректуру? Впрочем, парижское издание не совсем свободно от опечаток. Например, на с. 18 кельского издания правильно напечатано: marraine (крестная мать), тогда как в соответствующем месте парижского (с. 22) допущена опечатка: maraine.

Наряду с экземплярами двух оригинальных изданий, имеющимися в моей библиотеке (на гравюрах экземпляра кельского издания видны следы обрамления, которое было сглажено на досках после получения отпечатков "до подписи"), у меня есть экземпляр издания того же 1785 г. без иллюстраций, в котором не указано место издания. Оно напечатано также форматом in 8°, но по размерам (эти размеры зависят, конечно, от размеров бумажного листа) еще меньше парижского. Однако текст его во всем (кроме текста привилегий и листка опечаток) следует кельскому изданию. Это видно из того, что в нем воспроизведены все опечатки кельского без исправлений. Вверху титульного листа рукой владельца прошлого века написано по-русски: "Первое издание (сообщено И.Бецким)". Как видно, И.И.Бецкий, человек широко образованный и прекрасно осведомленный в вопросах просвещения и культуры своего времени, на этот раз ошибся. Да это и не мудрено в той сложной ситуации, которую представляют ранние издания "Женитьбы Фигаро".

---

[7] См. каталог, приведенный в сноске 4. P. 95.

В списке Кордье указанное издание (под № 133) идет шестым среди других изданий 1785 г.

Как мы уже говорили, экземпляры французского издания "Женитьбы Фигаро" поступили в продажу в Париже в марте 1785 г. В июле того же года в "Московских ведомостях" (№ 55 от 9 июля) печатается объявление: "На Тверской, во французской книжной лавке продается: Marriage de Figaro, belle édition et très belles figures. 5 р. Славная комедия "Marriage de Figaro" переведена и скоро издается в свет, о чем сим и объявляется". Последнее сообщение повторялось еще два раза[8]. Экземпляры какого французского издания продавались в Москве летом 1785 г.? Характеристика издания и иллюстраций к нему "très belles" (прекрасное) позволяет высказать догадку, что речь шла о кельском издании; ведь гравюры не входили в состав издания Рюо. Правда, существовало еще также парижское издание того же года, форматом in 12°, сопровождаемое нотами и пятью гравюрами, дающими план сцены с расположением мебели для каждого акта (Кордье, № 130). Однако это издание, очень удобное для театрального постановщика, вряд ли заслуживало как эпитета "прекрасный", так и высокой цены в 5 р. (золотых).

Как бы то ни было, первое русское издание было осуществлено в Москве, в университетской типографии у Н.И.Новикова в 1787 г. на средства переводчика Александра Лабзина. Вот полный титул издания: "Фигарова женидьба, комедия в пяти действиях, сочинения Петра Августина Карона де Бомарше. Переведенная на российский язык А.Л. Представлена в первый раз на вольном Петровском театре в Москве, января 15 дня. 1787. Эта шутка нам заслужит Одобрение от вас". Песня при конце комедии. Иждивением переводившего. Москва в университетской типографии у Н.Новикова 1787".

---

[8] См.: Губерти Н.В. Материалы для русской библиографии: Хронол. обозрение редких и замечат. рус. кн. XVIII столетия. М., 1881. Вып. 2. С. 284.

Формат книги – in 8°; издание без иллюстраций, ария Сюзанны сопровождается нотами. Переводчик предпослал комедии пространное предисловие (с. III–XXIII), в которое включил, то в виде перевода, то в виде сокращенного пересказа, часть предисловия Бомарше, характеризующую его героев и объясняющую их поступки. Из предисловия мы узнаем, что переводчик, поспешив приобрести комедию в книжной лавке, едва она дошла до Москвы, только после многократного чтения проник в ее замысел и оценил ее достоинства. Он медлил с переводом потому, что из объявления в газете узнал, что таковой скоро выйдет в свет. Позднее он услышал также, что готовится еще один ее перевод "в некотором почтенном доме Господином NN при помощи природных французов" (с. V). Ожидания оказались напрасными. Возникло мнение, "что ни перевесть, ни сыграть ее у нас не можно" (там же). Желая доказать противное, уступая настояниям, переводчик "начал, окончил и, наконец, по многим препятствиям, представил на суд публики сей мой перевод" (там же). Этот перевод с рядом предложенных переводчиком сценических сокращений (они отмечены звездочками в печатном тексте) и лег в основу представления 15 января 1787 г. Нам трудно достоверно судить о характере "препятствий", испытанных Лабзиным. В конце своего предисловия он пишет: "...как, изуродованный прежде по некоторому случаю, мой "Фигаро" теперь от ран своих излечился, а в переписных экземплярах усмотрел я некоторые ошибки: то я господ актеров прошу сверить и расположить по сему свои роли" (с. XXII).

Обойдясь весьма вольно с предисловием Бомарше, отчего оно почти полностью потеряло свою обличительную силу, переводчик постарался дать полный и верный перевод самой комедии. Он возражает критикам, толкавшим его на вольности. Так, в 15-м явлении II действия Сюзанна (в русском тексте Сусанна) произносит, поглядев в окно: "Он уже далеко" (про Керубино, которого переводчик, опасаясь духовной цензуры, вынужден был

назвать Любимом – вместо Херувима). Неведомый критик находит эти слова слишком сухими и предлагает заставить ее говорить: "Уж и след простыл" (с. VIII). Лабзин настаивает, что его перевод точно соответствует оригиналу: "Il est deja trop loin" и другого значения эти слова не имеют, и прибавляет: "То я, будучи переводчик, не обязан был бы отвечать за автора, или поправлять его, особливо, когда он в сем роде заслужил уже такое предпочтение..." (там же). Не ограничиваясь этим, он приводит и психологическое возражение: в состоянии робости и страха Сюзанне было не до шуток и не до пословиц. От себя скажем, что к пословицам Лабзин весьма склонен. Например, Антонио у него говорит графу в 14-м явлении V действия: "За чем пойдешь, то и найдешь: долг платежом красен" (с. 233), а Фигаро подпевает Марселине: "Что своя нам и сова – лучше ясна сокола" (с. 242).

При всем своем пиетете к Бомарше Лабзин утверждает, что "автор во многих местах темен и для читателя, не токмо для слушателя" (с. IX), и, желая "удовлетворить вкусу публики", предлагает для сцены многочисленные купюры, о которых уже упоминалось выше: "И впредь то в представлении уже опущаемо будет". В одном, по крайней мере, месте он поправляет Бомарше, переадресуя арию Сюзанны хору, "чтобы конец сделать повеселее" (с. 243). Отмечая эти особенности первого русского издания "Женитьбы Фигаро", мы хотим подчеркнуть, что на общем фоне чрезвычайно вольного обращения переводчиков XVIII в. с оригиналами и их авторами (вспомним хотя бы Богдановича, который свой перевод первого тома "Истории математики" Монтюкла публиковал под своим именем, как оригинальный труд) это издание выделяется и глубоким уважением к автору и старанием возможно полнее и вернее довести его замечательное произведение до русского читателя.

ОБ ИСТОЧНИКАХ АМСТЕРДАМСКОГО ИЗДАНИЯ "СИМВОЛЫ И ЕМБЛЕМАТА" (1705)

Меня давно уже интересовала роль эмблемы в истории человеческой культуры. При этом эмблему или символ я понимаю как предмет или его изображение, которому все общество или только определенные его круги придали смысл, отличный от его непосредственного, так сказать, обыденного, жизненного смысла и выражающий отвлеченную идею или понятие. Эмблемы несут свою службу и поныне. Назову хотя бы серп и молот, голубя мира, красный крест.

Начиная с глубокого средневековья за столетия в Западной Европе вырабатывался своеобразный язык символов, вобравший в себя немало элементов античной культуры. Знание его считалось необходимым для каждого образованного человека и не только для того, чтобы разбираться в гербах, но и для того, чтобы ориентироваться в светской беседе. Я уже не говорю о таких общеизвестных символах, как изображение времени в виде старца с крыльями и с косой в руках, или счастья в виде молодой женщины с завязанными глазами, на ногах у нее маленькие крылышки, она легко скользит, опираясь на колесо или шар. Но вы должны были также знать, что изображение ежа символизирует идею: "Я покрываюсь своей добродетелью", а при виде скорпиона вспомнить, что он, "погибнув, исцеляет нанесенную им рану", и т.д.

Неудивительно, что среди книг, напечатанных по желанию Петра I в Амстердаме, было собрание символов и эмблем, переизданное с дополнениями не только при Екатерине II, но и при Александре I. В этой книге проводилось четкое различие между символом и эмблемой, которого мы, впрочем, не придерживаемся здесь: эмблемы – это сами изображения, а символы – их смысловое раскрытие в виде изречений. В западноевропейской

Книга: Исслед. и материалы. 1963. Сб. 8. С. 279–290. Краткое введение взято из "Рассказов о книгах".

литературе эти изречения именовались также девизами. В нашем собрании долгое время было только позднейшее издание этой книги, осуществленное Максимовичем-Амбодиком в 1788 г. (правда, в двух экземплярах). А экземпляр первого издания 1705 г. попал к нам лишь тогда, когда у нас скопилась целая коллекция (около полусотни) западноевропейских сборников символов, изданных по большей части в XVI–XVII вв. Как я уже говорил, меня интересовала более широкая, вообще говоря, не книговедческая, а историко-культурная проблема – истоки и развитие восприятия мира в символах. Однако я не мог отказать себе в удовольствии непосредственно сравнить петровский сборник с его западноевропейскими предшественниками. Результаты оказались неожиданными.

Книга о которой здесь идет речь, достаточно хорошо известна и поэтому не нуждается в новом описании. Однако ее судьбы до конца еще не изведаны библиографами. Об этом говорит, например, недавно обнаруженное Т.А.Быковой петербургское переиздание книги в 1719 г.[1] В этой заметке мы хотим остановиться на изданиях, послуживших непосредственным источником амстердамского, так как имеющиеся на этот счет в литературе сведения не отличаются полнотой. По сути дела, они идут от Сопикова, отметившего в "Опыте", что "подлинник сего сочинения, на латинском, французском, испанском, итальянском, английском, голландском и немецком языках, издан Данилом де ла Фейли в Амстердаме, 1691 – в 4°"[2].

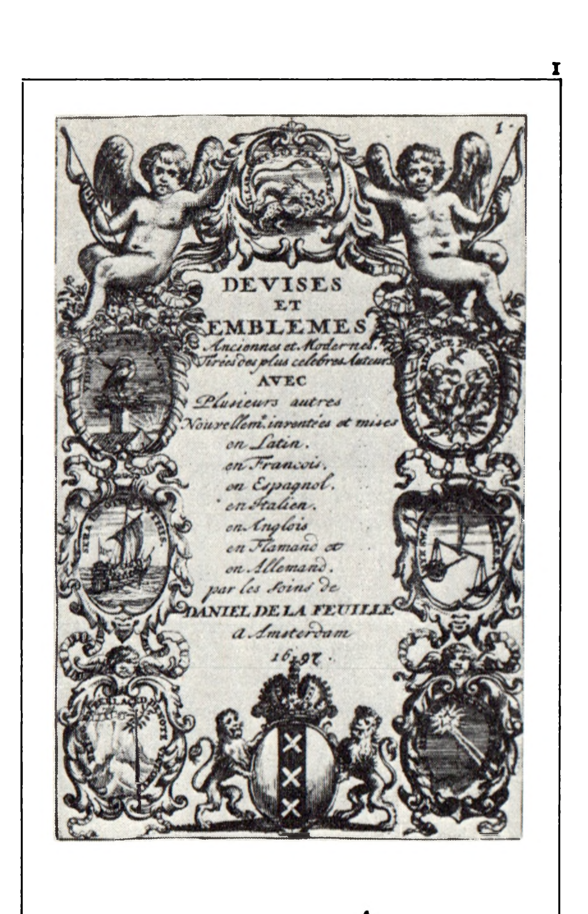
Указание Сопикова повторяет в своем "Описании" Пекарский, добавляя: "Схельтма же (Anécdotes hist. sur Pierre le Grand, Lausanne, 1842, p. 210) говорит, что описываемая книга заимствована из сочинений Катса (Kats),

---

[1] Быкова Т.А. Петербургское издание книги "Символы и эмблемата //Описание изданий гражданской печати. 1708 – янв. 1725 г. М.; Л., 1955. С. 528–533.

[2] Цит. по суворинскому изданию "Опыта" (1904. Ч. 3. С. 8).

I

1

DEVISES
ET
EMBLEMES
Anciennes et Modernes.
Tirées des plus celebres Auteurs
AVEC
Plusieurs autres
Nouvellem.t inventées et mises
en Latin,
en François,
en Espagnol,
en Italien,
en Anglois
en Flamand et
en Allemand.
par les soins de
DANIEL DE LA FEUILLE
a Amsterdam
1691.

A

Титульный лист сборника де ла Фея. 1691

Гейнзия (Heinsius), Ремер Фишера (Roemer Vischer) и нек. др."[3]. Губерти в "Материалах" приводит в сноске сведения Пекарского, не добавляя ничего к вопросу об источниках интересующего нас издания[4]. Совсем не касается этого вопроса Буслаев в статье "Иллюстрация стихотворений Державина", включающей интересный обзор сборников и эмблем, начиная с XVI столетия[5]. Минуя позднейшие описания русских иллюстрированных книг, где мы также не обнаружили других сведений на этот счет, сошлемся только на то, что в самой свежей статье Т.А.Быковой об открытом ею (петербургском) издании "Символы и эмблемата" книга Даниила де ла Фея снова указывается как источник амстердамского издания. И действительно, простое сличение двух книг, с одной стороны, подтверждает справедливость этого суждения, высказанного (впервые) Сопиковым, а с другой – показывает, что сборник де ла Фея 1691 г. не был и не мог быть *единственным* источником.

Познакомимся с этим сборником несколько ближе. Эта книжка формата малого – in 4° (как и петровское издание 1705 г.); она содержит 13 восьмистраничных тетрадок, помеченных внизу буквами от A до N. Вот ее полный титул (гравированный): "Devises et Emblemes Anciennes et Modernes Tirées des plus celebres Auteurs, avec Plusieurs autres Nouvellem^t inventées et mises en Latin, en François, en Espagnol, en Italien, en Anglais, en Flamand et en Allemand, par les soins de Daniel de la Feuille à Amsterdam[6], 1691". На титуле помещены 7 различных эмблем,

---

[3] Пекарский П. Наука и литература в России при Петре Великом. Спб., 1862. Т. 2. С. 112.

[4] Губерти Н.В. Материалы для русской библиографии. Б.м., Б.г. Вып. 2. С. 315.

[5] Буслаев Ф.И. Мои досуги. М., 1886. Ч. 2. С. 70–166.

[6] "Старинные и новые девизы, извлеченные из знаменитейших авторов, вместе со многими другими, вновь сочиненными и приведенными по латыни, по-французски, по-испански, по-итальянски, по-английски, по-фламандски и по-немецки, трудами Даниила де ла Фея в Амстердаме".

каждая из которых сопровождается девизом, "символом", на одном из 7 языков, перечисленных в издании. На каждом из 50 разворотов книги (развороты перенумерованы от 2 до 51) помещены: справа – эмблемы, гравированные резцом на меди, от 12 до 15 на одной доске, и слева (набором) – пояснения к эмблемам (на французском языке) и по 7 девизов на различных языках в порядке, установленном на титуле.

Например, эмблеме 12 на развороте 6 соответствует объяснение "Амур, держащий факел пламенем вниз и пронзенный стрелой" и девиз: "То, что меня питает, меня и гасит". В своем уведомлении (на обороте 51 листа гравюр) издатель сообщает, что девизы приведены на 7 языках "профессором всех этих языков в Амстердаме" Henry Offelen и что книга вышла в свет в 1692 г. (а не в 1691 г., как указано на титуле).

Добавим еще, что листы с 12 эмблемами встречаются, начиная со второго, по одному на каждые четыре разворота, т.е. всего 13 раз. Эти эмблемы помещены в овалах, украшенных фигурными рамками, тогда как все остальные эмблемы (по 15 на лист) помещаются в кругах без рамок. Всего, таким образом, в сборнике де ла Фея 1691 (1692) г. – 711 эмблем, не считая тех, что на титульном листе. Отсюда сразу же вытекает, что этот сборник не мог быть единственным источником издания 1705 г., так как последнее содержит 840 эмблем – по 6 на 140 листах (не считая тех, что на титульном листе). Тщательное сравнение показывает, что из 711 эмблем сборника де ла Фея в издание 1705 г. перешли 708, причем все они были награвированы (и нарисованы) наново, отчего, как правило, сделались более четкими и выразительными, все без исключения заключены в круги без рамок и получили сквозную нумерацию. При этом порядок следования эмблем был сохранен во многих случаях (однако есть немало исключений). Что касается надписей, то в издании 1705 г. на первом месте идет пояснение на голландском языке, затем русский девиз (символ) и все остальные в прежнем порядке и без изменений.

Русские символы иногда являются не столько переводами, сколько смысловыми аналогами соответствующих иностранных символов. Вот пример символа эмблемы № 569, долженствующий изображать журавля, с набитым песком клювом: "Чтоб от своего языка безвременно не погибнуть". Соответствующий французский девиз гласит: "Pour ne parler qu'en temps et lieu" – "Чтобы говорить только к месту и ко времени" (этот перевод и к остальным 6 девизам).

Среди русских символов немало темных и звучащих довольно курьезно с современной точки зрения. На это обращал внимание, между прочим, и Тургенев: в "Дворянском гнезде" он заставляет Лаврецкого, в детском возрасте, развлекаться картинками "Символов и эмблем" и ломать голову над их непонятными изречениями (у Тургенева речь идет об издании Н.М.Амбодика – 1788 или 1811 г.).

Кто был автором русского текста "Символов"?

Быть может, Илья Копиевский (Копиевич), славянским шрифтом типографии которого они были отпечатаны[7].

Начиная с 709 эмблемы книги "Символы и емблемата" и до последней – 840 эмблемы, сборник де ла Фея 1691 г., как уже указывалось, *не мог служить ее источником* по той простой причине, что его содержание было почти полностью исчерпано предшествующими 708 эмблемами.

Необходимо, таким образом, назвать дополнительный источник. Им оказался другой сборник, изданный тем же де ла Феем пятью годами позже в том же формате (in 4°) и с теми же колонтитулами "Devises Choisie" ("Избранные девизы").

Экземпляр, которым мы располагаем, имеет фронтиспис, два титульных листа, не тождественных, разделенных стихотворным введением на страницах "Cupidon à la jeunesse" ("Купидон в юности"), и далее 24 нумерованных разворота, на левой стороне которых помещены

---

[7] Пекарский П. Указ. соч. Т. 1. С. 17.

Фронтиспис сборника де ла Фея. 1696

девизы на семи языках, сопровождаемые, кроме того, французскими четверостишиями, и на правой – соответствующие гравированные эмблемы, по 6 на странице; всего в книге, таким образом, 144 эмблемы.

На обороте последней гравюры находится издательское уведомление (Avertissemente). Второй титул гласит: "Devises et emblemes d'amour, Anciennes et Modernes, moralisez et expliquez en sept sortes des Langues par Mr. Parravicini, Professeur des Langues Etrangeres, A Amsterdam. Chez Daniel de la Feuille[8], 1696".

Титульный лист украшен монограммой издателя. В начале уведомления сообщается: "Книга, которую я напечатал несколько лет назад, содержащая более 700 девизов и эмблем любовных, политических и военных, изложенных на семи языках, была очень хорошо встречена публикой; есть основание надеяться, что то же произойдет и с этой, потому что эта книга также на семи языках и все девизы снабжены стихотворными поучениями". Далее в уведомлении сообщается о других книгах с фигурами, выпущенных издателем, и среди них: упражнения со шпагой, басни Лафонтена, сборник монограмм, современное состояние Европы и т.д.

Легко убедиться, что именно эмблемы этого сборника, за немногими исключениями, воспроизводятся в издании 1705 г. вместе с соответствующими девизами (но без стихотворных поучений).

То, что издатель сообщает об успехе первого сборника 1691 г., не было преувеличением. Так, в нашем собрании имеется немецкое издание того же сборника с французским и немецким титулами, без ссылки на источник, но с указанием, что это второе издание. Книга выпущена в 1695 г. в Аугсбурге у издателей Л.Кронингера и Г.Гебельса. Эмблемы заново награвированы, но расположены

---

[8] "Любовные девизы и эмблемы, старинные и новые, с поучениями и пояснениями на семи родах языков господином Паравичини, профессором иностранных языков в Амстердаме. У Даниила де ла Фея".

DEVISES & EMBLEMES

D'AMOUR,

Anciennes & Modernes

MORALISEES EN VERS FRANCOIS,

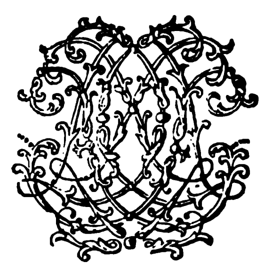
&

Expliquées, en sept Langues

PAR

Mr. PARRAVICINI,

Professeur des Langues Etrangeres.

A AMSTERDAM,

Chez DANIEL DE LA FEUILLE,

Первый титульный лист сборника де ла Фея. 1696

в тех же количествах, как и в амстердамском издании 1691 г. (по 12 и 15 на страницу). Описания даются на немецком языке, а девизы на латинском, французском, итальянском и немецком. В нашем собрании есть также переиздание самого де ла Фея, помеченное на титульном листе 1697 г. Оно представляет перепечатку первого без изменений, за исключением даты на титульном листе и издательского уведомления. Мы не утверждаем, конечно, что указанные переиздания сборника 1691 г. были единственными (до 1705 г.).

Остается добавить, что сборники де ла Фея, по-видимому, не требовали от издателя творческих усилий.

В 1685 г. в Париже вышел сборник эмблем, девизов, медалей, иероглифических фигур и монограмм мастера-гравера Н.Верьена (Maître Graveur Nicolas Verrien); сборник этот переиздавался в 1697 и 1724 гг. Насколько можно судить по известным мне библиографическим описаниям (Brunet, Cohen, Sander[9]), издания эти не различались друг от друга. К сожалению, у меня под руками находится лишь позднейшее издание 1724 г. (in 8°). Вот его титул: "Recueil des emblêmes, devises, médailles et figures hieroglyphiques, au nombre de plus de douze cent, avec leur explication. Accompagné de plus de deux mille chiffres fleuronnés, simples, doubles, triples; d'une maniere nouvelle et fort curieuse pour tous les noms imaginables, avec les tenants, supports et cimiers servant aux ornements des armes... Par le Sieur Verrien, Maître Graveur. A Paris, chez Claude Jombert,.... MDCCXXIV,...[10]

---

[9] Brunet J. Manuel du Libraire... T. V, Paris, 1864, p. 1147; Cohen H. Guide l'amateur de livres à figures du XVIIIe siècle. Paris, 1887, p. 592; Sander M. Die illustrierten tranzöschen Bücher des 18 Jahrhunderts. Stuttgart, 1926, S. 294.

[10] Сборник эмблем, девизов, медалей и иероглифических фигур числом, превосходящим 1200, с их разъяснениями. В сопровождении более чем 2000 вензелей, простых, двойных и тройных, украшенных завитками и т.д.

Первый лист гравюр

Мы не собираемся давать подробного описания этого сборника. Для нашей цели достаточно заметить, что его первая часть носит название "Эмблемы и девизы, латинские, испанские и итальянские. С их французскими объяснениями". Она содержит 63 страницы гравюр, на каждой из которых представлено по 15 эмблем, заключенных в кругах. Сличение также убеждает, что именно их и заимствовал де ла Фей для своего первого сборника. Он брал на себя лишь труд перегравировки эмблем, часть из них при этом заключал в окаймленные рамками овалы, помещая тогда не по 15, а лишь по 12 на страницу, и, наконец, изменял порядок страниц. Например, страницам 1, 2, 3 и 4 сборника Верьена соответствуют страницы 3, 29, 31 и 4 сборника де ла Фея. Что касается девизов, то, вопреки обещанию, данному на соответствующем шмуцтитуле, они были приведены у Верьена только на латинском и французском языках. Все они, вместе с французскими объяснениями содержания эмблем, перешли от Верьена к де ла Фею. Лишь в отдельных случаях наблюдаем незначительные отклонения в стиле или орфографии. Например, у Верьена: "Un Elephant. In me mea spes omnis. Je n'espere rien que de moi seul" (к эмблеме 3 на с. 1), а у де ла Фея: "Un Eléfant. In me spes omnis. Je n'espére rien, sinon de moi seul" (эмблема 1 на стр. 1). (Смысл в обоих случаях один и тот же: Слон. Я надеюсь только на себя самого, лат. и фр.). Кроме того, де ла Фей заказал переводы девизов еще на 5 языках Генриху Оффелену (см. выше).

Он не ограничился одним заимствованием из первой части сборника Верьена. В послесловии к тому же первому изданию "Devises et emblemes", выпущенному в свет, как уже указывалось, в 1692 г., де ла Фей сообщал, говоря о себе в третьем лице, что он издал в прошлом году также сборник вензелей (Livre de Chiffres), содержащий универсальный набор их, для всех возможных сочетаний инициалов. Мы располагаем экземпляром, по-видимому, второго тиража этого целиком гравированного сборника, на титульном листе которого первоначальный год издания

переправлен на 1697. Сличение позволяет сразу же заключить, что из 100 таблиц по крайней мере 93 таблицы (внизу большинства которых обозначено: "La Fueille (sic!) fecit", т.е. "Ла Фей сделал") являются повторением соответствующих листов Верьена, с незначительными изменениями в порядке расположения вензелей и медалей внутри отдельных листов. Заметим, что M.Sander, регистрируя позднейшее издание этого сборника де ла Феем (1707), коротко аннотирует: "C'est un contrefaçon du recueil de Verrien", т.е. "Это перепечатка (незаконная) сборника Верьена" (здесь же он упоминает и издание 1697 г.).

В итоге издателю наших "Символов и емблем" 1705 г. вряд ли можно поставить в вину заимствования из сборников де ла Фея 1691 (1692) и 1696 гг. без указания источников, ибо сам де ла Фей кормился столь же бесцеремонными заимствованиями и в этом отношении мало чем отличался от многих других "малых" издателей своего времени.

НОВООТКРЫТОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ ПОЛЬСКОЙ ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVII ВЕКА

Большинство библиофилов интересуются только печатными книгами, оставаясь более или менее равнодушными к книгам рукописным. Не составлял исключения и я. Но постепенно – отчасти под влиянием М.В.Нечкиной и В.И.Малышева – у меня открылись глаза, и теперь я полностью воспринимаю обаяние рукописной книги, заключающееся в ее неповторимости и своеобразной подлинности, в том, что она выходила обычно только в одном экземпляре и притом непосредственно из человеческих рук, минуя всякое посредство машины. Но, повторяю, этот процесс сближения с рукописной книгой требовал для меня и времени и преодоления какого-то рефлекса

Книга: Исслед. и материалы. 1968. Сб. 17. С. 215–224; краткое введение – из "Рассказов о книгах".

отталкивания себя от рукописной книги. Еще лет 10 назад, когда мне предложили среди старинных научно-технических книг польскую рукопись по артиллерии XVII в., я бегло взглянул на нее холодными глазами и отказался – я уверил себя, что это лишь писарская копия одного из сочинений по артиллерии, довольно хорошо представленных в моей библиотеке. Однако, когда спустя некоторое время, на этот раз у меня на дому, ту же рукопись мне предложили снова, я отнесся к ней более внимательно. В результате рукопись осталась у меня, а уплатил я вдвое больше, чем мог бы уплатить при первой с ней встрече. Заслуженный штраф за недостаточную проницательность!

Нет необходимости повествовать здесь о том, как я постепенно изучал эту рукопись, с трудом продираясь сквозь строчки мало мне знакомого польского языка XVII в. Скажу только, что мне очень помогала монография Тадеуша Новака "Четыре века польской технической книги", изданная в 1961 г. в Варшаве. Новаку я послал позже микрофильм рукописи и оттиск своей статьи о ней "Новооткрытое произведение польской научно-технической литературы XVII в.". Он же написал весьма сочувственную рецензию об этой статье в специальном польском журнале и, кажется, не расстается еще с мыслью опубликовать всю рукопись полностью в издательстве Польской академии наук. Ну, а теперь пора коротко рассказать, чем оказалась эта рукопись.

В середине прошлого века, сообщил Т.Новак, в одном научном польском издании промелькнуло известие, что в Петербурге есть польская рукопись XVII в. Нароновича-Наронского по артиллерии, в Польше неизвестная. Впоследствии оно ничем не было подтверждено. После второй мировой войны кто-то из польских историков предположил, что рукопись эта все же попала в Польшу из СССР после 1920 г., но во время боев за Варшаву сгорела. Сам Т.Новак, по-видимому, вообще допускал, что петербургской рукописи Наронского никогда не существовало. Вы уже догадались, конечно, что на самом деле рукопись

была и что она-то и очутилась в нашей библиотеке. Переходим к подробному рассказу о ней.

Распространение книгопечатания сильно ограничило практику изготовления рукописной книги, но не устранило ее совсем. На протяжении столетий существовали рукописные копии с печатных книг, более того – рукопись нередко была первой, иногда и единственной "публикацией" оригинальных произведений.

Среди подобных книг, так и не нашедших своевременно дороги к печатному станку, немало книг по военному делу, в частности, по артиллерии. К ним принадлежит, например, русский "Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки...", изготовленный в первой редакции переводчиками Михаилом Юрьевым и Иваном Фоминым в 1606 г. и завершенный в 1620 г. Анисимом Михайловичем Радишевским, который, после неудачи с изданием "Церковного Ока", уже десять лет как был отстранен от книгоиздательской деятельности.

В основу этого труда, остававшегося ненапечатанным до 1777–1781 гг., был положен перевод (с некоторыми изъятиями) немецкой военной книги ("Kriegsbuch") Леонарда Фронспергера, вышедшей впервые во Франкфурте-на-Майне в 1566 г. [1]

Но "Устав ратных дел" не был единственным рукописным трудом по артиллерии на русском языке в XVII в. Известно, что в библиотеке царя Алексея Михайловича кроме экземпляра "Устава" были еще: "Книга о селитренном варенье и о пороховом деле" (1653), "Книга о наряде и огнестрельной хитрости" и "Роспись образцовым

---

[1] Подробный разбор "Устава ратных дел" содержится в книге Т.Райнова "Наука в России XI–XVII веков" (М.; Л., 1940. С. 278–371). Тождество Онисима Михайлова, как он зовется в издании 1777–1781 гг. (и в рукописи), с известным московским печатником Радишевским, родом из Волыни, было установлено позже. Литературные указания см. в "Сводном каталоге русской книги гражданской печати XVIII века" (М., 1966. Т. 3. С. 6).

артолорейским пушкам со всякими запасы, что к такому строению надобно"[2].

Почему все эти книги, включая "Устав", тогда не были напечатаны – об этом можно только высказывать предположения. Возможно, что это объяснялось крайней малочисленностью и сосредоточенностью в государственном центре – Москве – той верхушки национальных кадров артиллеристов, которые не довольствовались изустной традицией своего мастерства и были достаточно подготовлены к чтению специальной военно-технической литературы.

Единственным печатным сочинением по военному делу на Руси до конца XVII в. была переводная книга Иоганна Якуба фон Вальхаузена "Учение и хитрость ратного построения пехотных людей" (1647). Но она не рассматривала вопросов научно-технического содержания.

Соседняя – и в то время враждебная к России Польша – питала более активный интерес к научно-технической и, в частности, военно-технической литературе[3]. Если до XVII в. польские военно-технические специалисты не выступали в печати со своими трудами, то в 1631 г. вышла в Лейдене на латинском языке "Военная архитектура" Адама Фрейтага, родом из Торуни, в 1643 г. в Лешно был издан польский перевод "Артиллерии" испанца Диего Уфано, выполненный с немецкого издания мещанином из Лешно Яном Деканом, а в 1650 г. в Амстердаме на латинском языке появилась "Великого искусства артиллерии часть первая" Казимира Семеновича, родом из Великого княжества Литовского. Основное содержание последнего труда составляло пиротехническое искусство,

---

[2] Райнов Т. Указ. соч. С. 354. Автор ссылается как на источник на книгу А.И.Заозерского "Царская вотчина XVII в." (М., 1937. 2-е изд.).

[3] Здесь и ниже мы пользуемся содержательным трудом Тадеуша Новака "Четыре века польской технической книги" (Tadeusz Nowak. Cztery wieki polskiej ksigzki technicznej, 1450–1850. Warszawa, 1961).

за исключением книги первой, где были подробно рассмотрены и обоснованы способы определения размеров и веса ядер из разных материалов. В этой латинской книге, изданной за рубежом, немало внимания уделяется польским мерам.

Кроме названных печатных книг по военному делу в Польше XVII в. имелись и рукописные. Тадеуш Новак описывает три таких рукописи. Первой по времени является "Ручная практика артиллерии" Андреа дель Аква — инженера, венецианца по происхождению, натурализовавшегося в Польше и хорошо овладевшего польским языком. Он горячо ратовал за создание специального артиллерийского училища в Польше, посвятив своей идее особую печатную книжку. Упомянутая выше рукопись обильно иллюстрирована (более 330 рисунков), причем текст давал пояснение рисунков; книга должна была служить пособием для учащихся. Руководство дель Аква дошло до наших дней в двух списках 1630-го и 1632 гг.

Далее, в хронологическом порядке, должна быть названа рукопись "Военного строительства" Йозефа Нароновича-Наронского, 1659 г., она была издана по единственному сохранившемуся экземпляру (авторскому) только через триста лет в Польской Народной Республике (Варшава, 1957).

Наконец, укажем "Военную архитектуру" Кшиштофа Мерошевского, 1678 г., сохранившуюся также в единственном рукописном экземпляре.

Мы можем назвать теперь еще одну польскую рукописную книгу XVII в. по военному делу, до сих пор, по-видимому, никем не описанную. Речь идет о богато иллюстрированной "Артиллерии" Й.Нароновича-Наронского 1665 г., представляющей лишь часть большой рукописи, где рукой автора записаны и другие произведения — его и чужие. Прежде чем перейти к ее описанию, приведем несколько сведений об авторе, которые мы заимствуем все из того же труда Т.Новака.

Йозеф Наронович-Наронский (Jozef Naronowicz-Naronski) — шляхтич из Великого княжества Литовского,

инженер и картограф. Он получил образование по-видимому в радзивилловском протестантском лицее в Кейданах, а около 1640 г. начал работать у богатых магнатов, прежде всего у Радзивиллов, производя измерения и рисуя планы их обширных владений.

В 1655–1659 гг. он написал обширное трехтомное руководство "Книги наук математических", первый том которого посвящен арифметике, второй – геометрии, а третий – основам перспективы и фортификации.

Вскоре по окончании этого труда Наронский был принужден оставить родину – он принадлежал к арианам[4], а последние по решению Сейма от 1658 г. изгонялись из Польши – и обосновался в Пруссии. Здесь он стал гражданским картографом электора Бранденбургского. В 1660–1678 гг. проводил интенсивные картографические съемки в различных частях Пруссии. Умер в нищете, потому что электорская казна не выплатила ему заработанных денег.

Его научно-технические рукописи не были напечатаны в свое время в Польше (вероятно, как труды изгнанника) и дошли до нас, каждая в одном экземпляре, писанном рукой автора[5]. При этом рукопись первого тома его большого труда – арифметика – погибла во время второй мировой войны. Сохранились только второй том – геометрия – библиотека Польской академии наук в Кракове, Начала перспективы ("Optika lubo perspektiwa" – библиотека Варшавского университета) и изданная в 1957 г. рукопись "Военного строительства" ("Arcitektura militaris to jest budownictwo wojenne").

---

[4]Арианско-христианское учение, возникшее в IV в., было распространено в Польше в первой половине XVII в. среди интеллигенции. Ариане, например, считали, что Христос был человеком, таинства имеют значение только обрядов, церковная власть должна совершенно отделиться от светской.

[5]Мы обязаны Я.Д.Исаевичу указанием, что Наронский был автором исторических трудов, в частности, "Правдивого доказательства истории... королевства польского и Великого княжества Литовского вместе с присоединенными к нему русскими сарматскими странами".

ARCHITECTVRA MILITARIS

że iest

Budownictwo Woienne

Albo

Obwarowanie Zamkow Miast y mieysc rożnych

Iak się

O Dobywaniu y bronieniu się z nich

Przedmowa

Страница рукописи Иозефа Наронского, репродуцированная в книге Тадеуша Новака

В сведениях о Наронском ничего не сообщается о том, продолжал ли этот энергичный и научно-образованный человек свою литературную деятельность после того, как он не по своей воле покинул Литву. Находящаяся в моем собрании рукопись (до этого она входила в одну из частных московских коллекций научно-технической литературы, владелец которой скончался несколько лет тому назад) позволяет дать частичный ответ на этот вопрос, так как она относится к периоду, охватывающему по крайней мере шесть лет (1665–1670) пребывания Наронского на чужбине. Начну с ее внешнего описания.

Рукопись в лист, 6 ненумерованных и 404 нумерованных (частично утраченных) страниц. Переплет – картон, обтянутый пергаменом с кожаными завязками; форзац – белый, новый. Сохранность всей рукописи хорошая. Водяные знаки бумаги: почти по всей рукописи голова шута и лишь в конце – рыба в двойном круге, сопровождаемом буквами СН, змий, обвивший стилизованное дерево, и герб Амстердама. Страницы обведены прямоугольными рамками (красные чернила). Рукопись писана черными и красными чернилами (заголовки, выделения в тексте), с инициалами, рисунками (по большей части цветными), чертежами и таблицами. Почерк одного и того же лица, каллиграфический, переходящий в скоропись (впрочем, удобочитаемую). Сличение с репродукциями страниц из имеющихся в Польше рукописей Наронского (цит. книга Т.Новака, рис. 30, 31 и 32, последний воспроизведен у нас) убеждает в том, что почерк этот принадлежит автору. Впрочем, об этом же свидетельствуют и другие особенности рукописи, о которых будет еще идти речь.

На первой (ненумерованной) странице рукописи имеется проставленный чернилами номер – 69 и карандашные пометки: 49 и 1 1/1. Других непосредственных знаков принадлежности мы не обнаружили; по-видимому, они уничтожались. Об этом свидетельствует отрезанный и подклеенный белой бумагой верхний угол титульного листа, строчки записей в низу его и на обороте, выма-

ранные чернилами, и полоска, вырезанная в верху страницы 153. Внизу этой страницы находится артиллерийский рецепт в четыре строчки, написанный по-русски (но, конечно, не авторской рукой). Почерк его, относящийся, повидимому, к первой половине XVIII в. (и, быть может, даже к первой четверти XVIII в., так как в записи употребляются славянские цифры), позволяет предположить, что рукопись в это время находилась уже в России, куда она могла попасть из Пруссии. Весьма вероятно, что с тех пор она и оставалась в России, переходя из рук в руки. Это предположение подкрепляет карандашная запись русского перевода титульного листа "Артиллерия", сделанная, судя по орфографии и почерку, в прошлом веке. О том, что автор записи был не чужд известной книговедческой культуре, свидетельствует тот факт, что перевод сделан с точным сохранением разбивки оригинала на строки.

На первом месте в рукописи находится "Артиллерия" Наронского. Она занимает 4 ненумерованных и 154 нумерованных страницы (среди которых имеются и чистые); следующая страница числится уже двести двадцать пятой.

Возможно, что здесь не простая ошибка в счете, а фактическое отсутствие 70 страниц, которые автором были оставлены по каким-то соображениям незаполненными. Во всяком случае, подробный "Регистр" сочинения, занимающий с. 225–236, перечисляет содержание рукописи на с. 1–154 и заканчивается XV главой – последней в девятой части; эта глава расположена как раз на 154-й странице.

Возвратимся к началу книги. Вот полный перевод ее титульного листа:

"Артиллерия, то есть наука о пушках и о всяком стрелковом оружии, также об их принадлежностях и разных инструментах вообще, относящихся к этой науке, притом о весах, подъемниках, об установке и о всем порядке, который нужно знать об оружии, а сие из разных авторов и мастеров, владеющих этой наукой, собрано

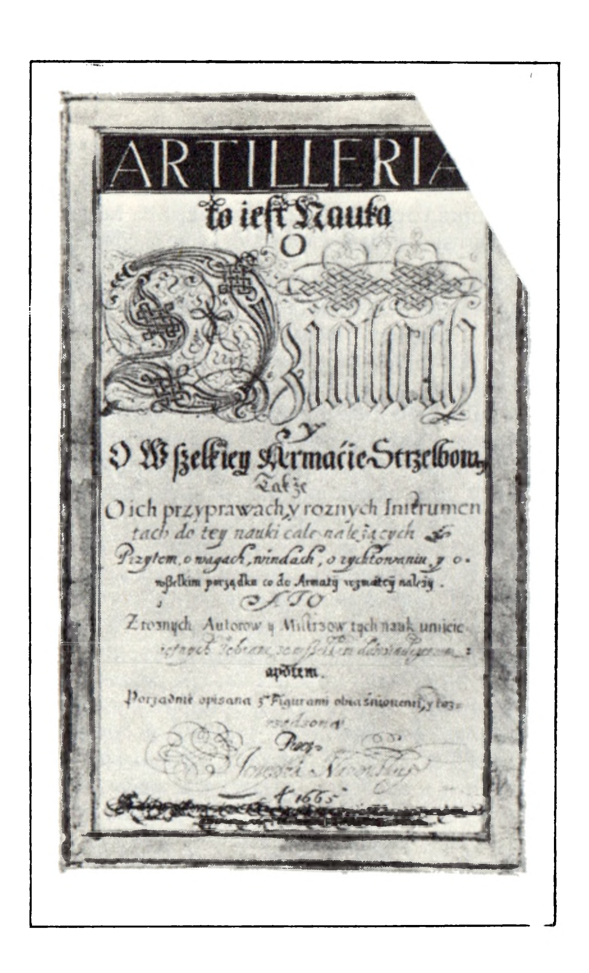
со всей тщательностью, а затем по порядку описано и пояснительными фигурами украшено Йозефом Наронским года 1665".

На обороте титула вирши, воспевающие пушку. Вот первое двустишие:

Пушка гораздо страшнее всякого меча,
Вблизи и издалека сразу скопом сечет...

Под стихами выполненное пером изображение пушки на лафете, на ленте надпись: "Conversatio nostra, omnia tibi ostendit" ("Наше применение откроет тебе все"). Далее идет "Сводная таблица или регистр" всех девяти частей сочинения (в заголовке говорится о восьми частях). Страницы 1–4 (нумерованные) занимает предисловие к читателю "Об оружии" ("O Armacie"). Начинается оно так: "Хотя все математические науки очень полезны целому свету и всяким людям, на нем проживающим, однако артиллерия, или наука о пушках (Armacie Dzialax) и о стрельбе из них, не менее существенна, а в целом весьма нужна". В предисловии упоминаются книги автора: "Геометрия" и "Военное строительство", а также польское издание "Артиллерии" Диего Уфано. Автор перечисляет условия, которым должен удовлетворять настоящий артиллерист: он должен хорошо читать, писать и рисовать, знать арифметику, геометрию, фортификацию, механику, натуральную магию (физику. – *А.М.*) и химию. Автор нумерует эти условия по порядку красными чернилами на полях книги и отсылает читателя к значительно более полному перечню знаний военного инженера, приведенному им в его "Военном строительстве". Практик, утверждает автор, может заниматься артиллерией, не имея теоретической подготовки, но он никогда не сможет стать главным артиллеристом, а только ремесленником. Скажем, однако, забегая несколько вперед, что в этом руководстве автор нигде не углубляется в вопросы теории: все сочинение имеет практический характер.

После краткой справки геометрического содержания – о точке и о прямой линии, причем делается ссылка на

ARTILLERIA
to iest Nauka
O
Działach
y
O Wszelkiey Armacie Strzelbowey
Także
O ich przyprawach, y roznych Instrumentach do tey nauki cale należących
Przytem, o wagach, windach, o rychtowaniu, y o wszelkim porządku co do Armaty wzwłaszcza należy.
A TO
Z roznych Autorow y Mistrzow tych nauk umieiętnych
apostem.
Porządnie opisana z Figurami obiaśnionemi, y rozrzędzona
Przez
A° 1665

Титульный лист "Артиллерии" Иозефа Наронского

геометрию автора, начинается изложение основного предмета книги. Каждая часть открывается подробным украшенным заголовком, каждая глава (rozdział) начинается также с выписанного красными чернилами заголовка и инициала, иногда разрастающегося в целую группу переплетенных букв.

Вот краткое содержание всех 9 частей книги:

Часть I (6 глав, 4 таблицы фигур). О почетной рыцарской науке, древние способы разрушения крепостей, о ручном огнестрельном оружии.

Часть II (9 глав). О разного рода орудиях, их весах, свойствах и действиях; сведения располагаются в таблицах, заимствованных в основном из "Артиллерии" Диего Уфано.

Часть III (9 глав, 4 таблицы фигур). О различных орудиях разных типов, о силе, действиях и их собственных пропорциях, и прежде всего о железных пушках, помещаемых на кораблях, в городах, замках и обозах, также о больших их выгодах; ссылки на дель Аква.

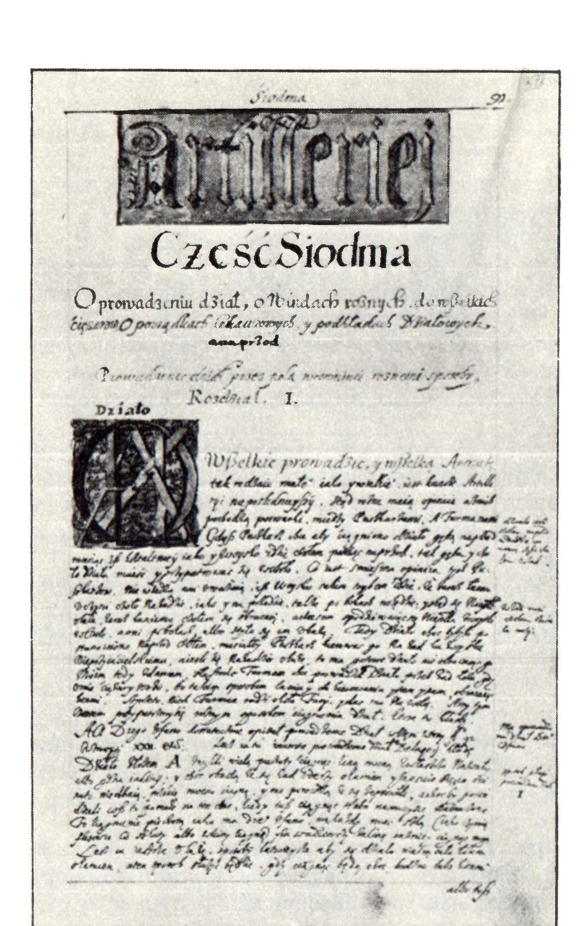
Часть IV (9 глав, 10 таблиц фигур). О различных способах измерения ядер и орудий и инструментах, применяемых для этих целей; ссылки на Семеновича и дель Аква.

Часть V (8 глав, 8 таблиц фигур). О ядрах, зарядных ящиках, шуфлах, об испытании орудий, и прежде всего об изготовлении ядер и форм, в которых они отливаются.

Часть VI (8 глав, 8 таблиц фигур). Артиллерийский квадрат и его применения. Орудийные станки; ссылки на геометрию автора, на Диего Уфано и дель Аква.

Часть VII (здесь намечались 11 глав и 11 таблиц фигур, но главы IV–VI остались ненаписанными и 4 фигуры невыполненными). О передвижении пушек, о различных подъемниках, о порядках в цейхгаузах и др.; ссылки на Диего Уфано и дель Аква.

Пропущенные главы должны были рассказать о машинах и подъемниках (o windach). Это видно из указателя, помещенного в конце всей рукописи (с. 399). Для этих глав и соответствующих им фигур (считая фигуру

Страница 91 рукописи "Артиллерия"

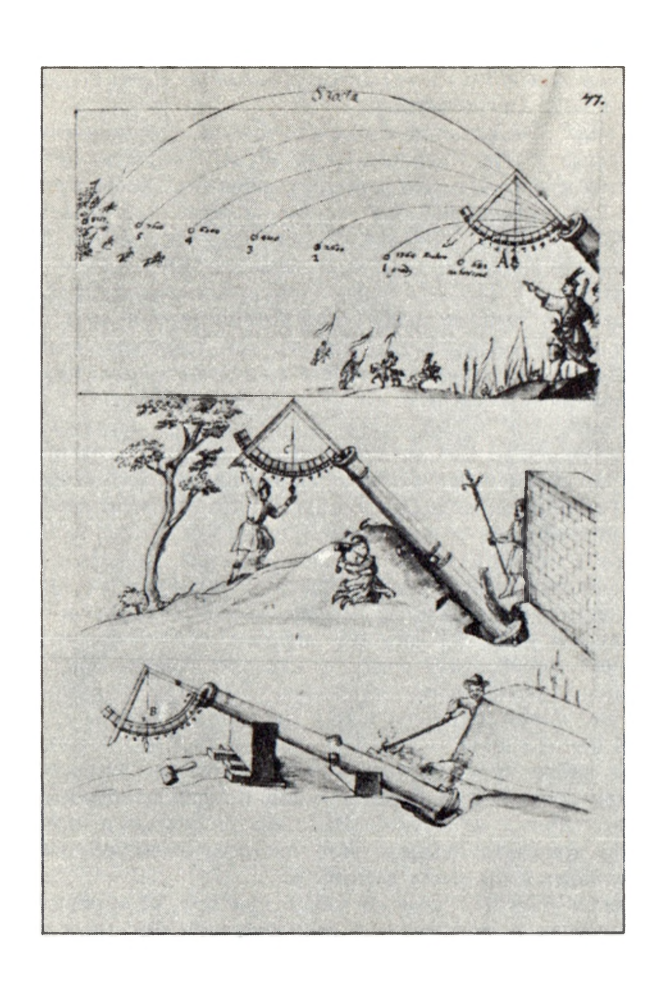
к имеющейся 3-й главе) автор оставил чистыми страницы с 97 по 103 (включительно).

Глава 3 начинается с характеристики "механического искусства" (Ars Mechanica) как науки "о всяких инструментах и чудесных (cudownych) машинах", весьма полезной для артиллерии. Из контекста ясно, что речь идет только о статике. Динамика, основы которой уже были заложены Галилеем в его классических "Вопросах и доказательствах" (1638), будет еще в течение десятилетий оставаться "terra incognita" для артиллеристов, хотя толчком к ее развитию послужила, как известно, именно проблема исследования полета пушечного ядра, неведомая античным авторам.

Приступая к описанию действия так называемых простейших машин, автор испытывает, однако, затруднения, в связи с отсутствием необходимых чертежей. Он прямо пишет в конце страницы 96, что не имеет фигуры, о которой идет речь в главе 3, и что такая фигура находится в конце дель Аква, как мы знаем, тоже рукописной. Запись сделана, в отличие от основного текста, коричневым карандашом, причем автор говорит о себе в первом лице: "Figury tej niemam" (Этой фигуры не имею). После этого следует, как уже говорилось, семь страниц, оставленных чистыми: 97–103, и рукопись продолжается только со с. 104, где изложена глава 7.

В конце главы 9 (с. 113) подклеен листок с карандашным наброском соответствующей фигуры. Здесь в качестве средств для передвижения орудий изображаются сани и лодки на катках. На обороте бумажки имеется схема какой-то землемерной съемки, очевидно, не относящаяся к предмету рукописи.

Часть VIII (11 глав, 6 таблиц фигур). О порядках в цейхгаузах и арсеналах, о расположении орудий в поле и в крепости, о стрельбе в цель из нескольких орудий, об огненных мортирах, различных батареях и их расчетах. Ссылки на Диего Уфано и на "фортификацию" автора (т.е. на его уже не раз названное нами "Военное строительство"). Кроме того, в двух местах (с. 128 и 133)

Страница 77 рукописи

автор ссылается на авторитет "славного инженера" Казимира Семеновича, состоявшего в 1647 г. на службе у Радзивиллов.

Часть IX (15 глав, 2 фигуры – одна из них, малая, на полях книги). О сере и селитрах, об изготовлении пороха, об огневых стрелах и ядрах, о стрельбе из орудий, также о петардах, гранатах и ракетах; ссылки на Уфано и Семеновича.

Как уже было сказано, после 154-й страницы идет подробное изложение всей книги, занимающее с. 155–236; оно расписано по частям и главам в два столбца. При этом для глав 4, 5, и 6 VII части, оставшихся ненаписанными, оставлена пустая страница (с. 231).

В целом труд Наронского широко, но довольно бегло охватывает все важнейшие вопросы артиллерии того времени.

Автор был хорошо знаком со всеми имеющимися тогда польскими сочинениями, двумя печатными (Диего Уфано в переводе Яна Декана и Семеновича) и одним рукописным (дель Аква) и добросовестно на них ссылался. По частоте ссылок первое место занимает "Артиллерия" Уфано, за ней "Ручная практика" дель Аква и, наконец, "Великое искусство" Семеновича.

Конечно, экземплярами печатных книг автор мог пользоваться и в Пруссии. Что касается рукописи сочинения дель Аква, то, возможно, он в это время либо совсем ее не имел, либо пользовался ее списком, где рисунки отсутствовали. Только этим и можно объяснить тот факт, что Наронский прерывает изложение на с. 96, сославшись на отсутствие фигуры из книги дель Аква.

Мы уже отмечали преимущественно практический характер этого сочинения Наронского. Сложный теоретический вопрос о траектории пушечного ядра в нем совсем не рассматривается. Можно почти не сомневаться, однако, в том, что автор, как и большинство артиллеристов его времени, не пошел бы дальше концепции, изложенной в "Новой науке" Н.Тартальи (первое издание

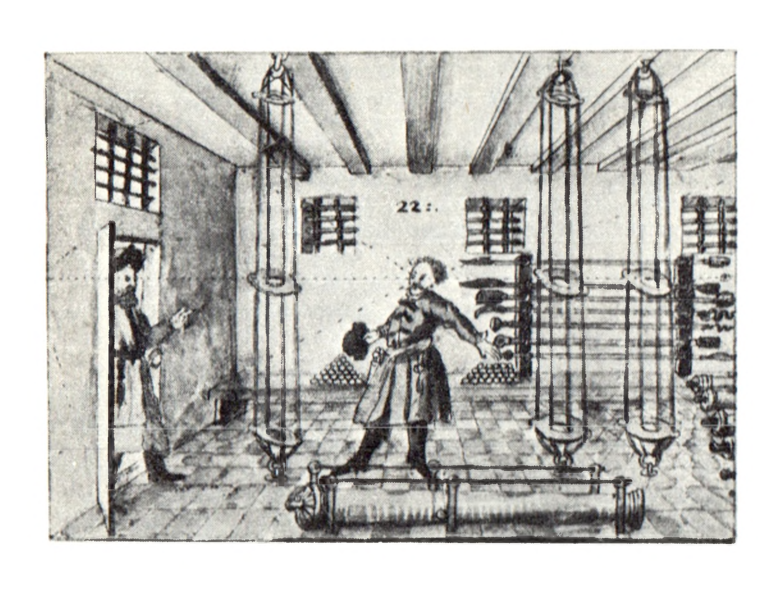

Рисунок на странице 53 рукописи

вышло в 1537 г.) и состоящей в том, что траектория ядра начинается с прямолинейного отрезка, переходит в дугу окружности и заканчивается снова прямолинейным отрезком. Правда, в своих "Вопросах и изобретениях" (первое издание вышло в 1546 г.) Тарталья утверждает уже, что в действительности траектория ядра искривлена во всех своих частях (исключая случай выстрела в вертикальном направлении); но это сочинение оставалось вне поля зрения артиллеристов. Сделанное Галилеем открытие, опубликованное в 1636 г., что эта траектория является параболической, также в течение многих десятилетий оставалось за пределами артиллерийских трактатов. На фигуре вверху с. 77, поясняющей применение квадранта при стрельбе, траектории выглядят совсем как параболические дуги. Что это – случайность? Впрочем, на выполненной в красках панораме артиллерийского боя (с. 127) траектории явно не параболические. Они подходят больше к схеме Тартальи из "Новой науки", которой, как уже говорилось, следовали многие книги по артиллерии, вплоть до конца XVII в., и среди них сочинение Уфано, написанное в начале этого века (первое издание вышло в 1613 г.).

Фигуры в рукописи Наронского, как правило, выполнены превосходно и с большой живостью. По одежде, по типу люди, которых он изображает, – это его соотечественники.

Автор уделяет много внимания терминологическим вопросам. Конечно, он не может не опираться при этом на терминологический опыт Яна Декана в его переводе "Артиллерии" Уфано и "Ручной практики" дель Аква. Все же он часто старается внести собственный вклад в польскую научно-техническую терминологию, приводя каждый раз соответствующие немецкие, латинские и близкие по смыслу польские слова. Ограничимся двумя примерами. В начале 1-й главы (с. 39) сравниваются "немецкое слово мунштаб"(на полях рядом: "немцы пишут Mas-stab"), латинские "Virgam" или "Regulam sphaereometricam" (со ссылкой на книгу Семеновича) и польские

слова "laska okrąglomiarów" или "miarocul" и выбирается немецкий термин в транскрипции "Munsztab". Таким образом Наронский отказывается здесь от латинского термина "Regulam calibae", выбранного для той же цели его предшественниками – Яном Деканом и Семеновичем. Для сравнения укажем, что в русских переводных артиллерийских изданиях петровского времени мы встречаем либо русский термин "размерительный жезл" ("Описание артиллерии через Тимофея Бринку"), либо тот же термин немецкого происхождения: "масштаб" (Браун, Бухнер).

В главе первой восьмой части (с. 115) по поводу предлагаемого автором термина "cekauz"("цейхгауз")сообщается, что это слово не является свойственным польскому языку, но заимствуется у немецкого, где оно пишется и произносится несколько по-другому: "Tzeükhaus" ("Zeughaus"). И далее этот термин сравнивается с терминами, принятыми у других народов, включая казаков: "Maystra Artillerij" ("Артиллерийская мастерская").

Ограничимся этими краткими сведениями о рукописи "Артиллерии".

В заключение приведем беглый обзор остального содержания рукописи, представляющей несомненный самостоятельный интерес.

С. 237–266. Копия "Собрания пословиц" Анджея Максимилиана Фредро ("Przysłowia mow potocznych röznych...". Краков, 1664).

С. 268–274. Разделение Пруссии на 12 княжеств.

С. 275–277. Список коронных сенаторов и порядок в сенате Великого княжества Литовского.

Далее два чистых листа.

С. 281–288. "Heroica Latinae".

Страницы разделены на два столбца, левые столбцы заполнены короткими латинскими текстами, правые оставлены пустыми (в авторском перечне всех материалов, помещенных в конце книги, эта рукопись не упомянута).

С. 289–302 отсутствуют (в авторском перечне ничего не говорится об их содержании).

С. 303–319. Копия "Краткой науки о строительстве усадеб, дворцов, замков..." ("Kròtka nauka budownicza..". Краков, 1659). Указывается, что эта часть рукописи писана в 1670 г. В неоднократно уже цитированной книге Тадеуша Новака сообщается, что вопрос об авторе этого первого в польской литературе сочинения по гражданскому строительству, предназначенному, однако, не для архитекторов, а для крупных землевладельцев, желающих строить, остается открытым. При этом высказывается предположение, что автором мог быть известный писатель, маршалок надворной короны Лукаш Опалинский (1612–1662)[6].

Рассматриваемая рукопись дает подтверждение этой гипотезы, тем более авторитетное, что оно исходит от современника Опалинского, являющегося несомненным знатоком отечественной научно-технической литературы своего времени. Именно, на с. 303 после заголовка предисловия к "Краткой науке" мы обнаруживаем следующую пометку: "autora Opal°", что естественно расшифровывается так: "автора Опалинского".

На с. 320 приводятся два плана замков с укреплениями; они особо упоминаются в авторском перечне содержания всей книги.

С. 321–322 – чистые.

С. 323–336 отсутствуют. В авторском перечне указывается, что на с. 325–328 находится 'Diariusz" ("дневник"?), а на с. 329–332 – "Inventores rerum"("Изобретатели вещей"), извлечения из сочинения "Autore Bludosc" (?). Далее, вероятно, шли чистые страницы (333–336), так как об их содержании ничего не сообщается.

С. 337–375 заняты описанием таблиц превращения простых дробей в другие со знаменателями и самими таблицами, составленными, по-видимому, Наронским в целях облегчения арифметических выкладок, встречающихся в землемерном деле. Заметим, что номера всех страниц, начиная с 337, переправлены (первоначально 337 страница числилась 319).

---

[6] Новак Т. С. 98.

KROTKA NAVKA

Budowniczа

Dworow, Palacow, Zamkow, podlug Nieba

y Zwyczaiu Polskiego.

Pisana A° 16 70.

Przedmowa

Do możnych y dostatnich Panow

Om dobrze, umieiętnie, pięknie zbu=

Воспроизведение верхней части страницы 303 рукописи,
где Наронский указывает автора "Краткой науки строительства"

На с. 376–377 рассматривается комбинаторная задача о перестановках и в связи с ней дается таблица факториалов до 24! (последний выражается 24-значным числом). Внизу с. 377 приводится в виде примера фраза религиозного содержания, состоящая из семи слов, и составляются различные перестановки этих слов. Полное число перестановок, как правильно отмечает автор, равно 5040. Он ограничивается тем, что приводит 11 из них. Разумеется, эти упражнения не имеют никакого практического значения. Но их наличие характеризует Наронского как любителя математических развлечений.

С. 378–380 – чистые.

С. 381–393 – таблицы для пересчета одних земельных мер в другие (литовских в прусские).

С. 394. Три восточных алфавита (среди них арабский). Внизу страницы автор записывает на каждом из них свое имя и фамилию (Joseph Naronski), располагая буквы в привычном для европейца порядке (слева направо). Снова развлечение!

С. 395. Группы латинских терминов, объединяемых общностью начальной буквы (по-видимому, первый набросок терминологического указателя к "Артиллерии").

С. 396– не заполнена, за исключением неполных четырех строк внизу, где приводятся соответственно числа страниц, листов из тетрадей и бумажных книг (liber papiere) во всей книге: 380, 190, 95, 4. Заметим, что страница 396 первоначально была отмечена номером 380.

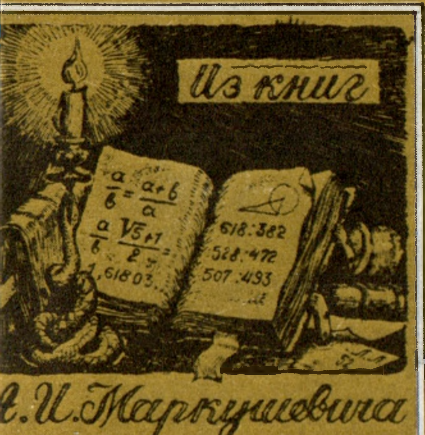
С. 397–400. Содержание "Артиллерии", расписанное по главам. Упомянуты также отсутствующие три главы седьмой части, но перед их названиями поставлены горизонтальные черточки (минусы?).

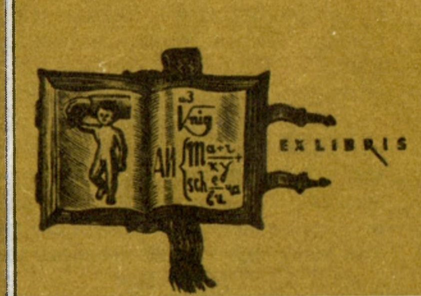
С. 401 – чистая.

С. 402. Конец оглавления "Артиллерии" и перечень всех остальных материалов, содержащихся в рукописи.

С. 403–404 – чистые.

Заканчивая это предварительное сообщение, автор выражает надежду, что рукопись может быть в дальнейшем изучена более основательно с помощью специалистов – знатоков истории польской научно-технической литературы.

ИЗ КНИГ

А.И.МАРКУШЕВИЧ

III. СОБИРАТЕЛИ КНИГ И КНИГОВЕДЫ

Советское библиофильство

Библиофильская трилогия П.Н.Беркова

Николай Петрович Киселев

Библиотека ученого

Петрарка-библиофил

Ад в душе библиофила

СОВЕТСКОЕ БИБЛИОФИЛЬСТВО

Что такое библиофильство? Известный "Лексикон книговедения" И.Кирхнера определяет его как любовь к таким книгам, которые ценятся в качестве объектов собирательства. Библиофил же характеризуется как собиратель книг, ценность которых состоит в их редкости (первые издания), древности (средневековые рукописи, инкунабулы), происхождении (прославленные типографии Альдов, Эльзевиров, Бодони), иллюстрациях, материале (издания на пергамене, на бумаге тончайшей выделки), формате (фолианты, миниатюрные издания), принадлежности былым знаменитым владельцам или, наконец, в содержании книг. Формально с этим согласуется и данное в Большой Советской Энциклопедии (3-е изд. 1970. Т. 3) понимание библиофильства как собирательства редких и ценных изданий. Существенно, однако, то, что здесь к этому добавлена и оценка его значения: личного – в том, что оно способствует духовному развитию самого собирателя, общественного – в том, что благодаря ему возникают и сберегаются выдающиеся собрания книг и рукописей, по большей части вливающиеся позднее в общественные (национальные) библиотеки.

Несомненно, в этом определении и в этой двоякой оценке верно названы общие, не устаревающие черты библиофильства. Но это, так сказать, общие множители, выносимые за скобку из конкретной формулы библиофильства в разное время и в разных социальных и культурных условиях. Наивно думать, что библиофилы всех времен образуют некое всемирное братство и в одном

Альманах библиофила. 1975. Вып. 2. Нем. перевод в "Marginalien" (1977. № 67).

строю стоят герцог де Лавальер и, скажем, Н.П.Смирнов-Сокольский.

Дело в том, что библиофильство есть явление общественное, способное к развитию и изменению. Помимо названных общих компонентов оно имеет и другие, богатые оттенками, но менее устойчивые во времени. В ходе развития одни компоненты библиофильства теряют свое значение или вовсе отмирают, другие зарождаются. Соответственно изменяются роль и значение библиофильства.

Библиофилы-стяжатели

Издательство Гюи ле Прат в Париже выпустило в 1970 г. для начинающих собирателей небольшое справочное пособие, посвященное книге и автографу как объектам вложения денежных средств[1]. Пособие начинается с советов, как стать библиофилом. Компетентный автор – Мишель Вокер утверждает: "Покупать книги, которые могут сделать вас образованнее, которые так хорошо идут к вашим стенам и поражают друзей, – уже неплохо, но знать также, что это превосходное помещение денег и что благодаря этому вы можете разбогатеть – еще лучше!" Не правда ли, трудно ярче и выразительнее характеризовать сущность буржуазного библиофильства как типичного явления? Разумеется, мы далеки от мысли, что в приведенных словах М.Вокера выражено profession de foi всех без исключения библиофилов буржуазного общества!

Не следует думать, однако, что изложенное только что понимание библиофильства – порождение нового времени. Еще в конце прошлого века С.А.Венгеров критиковал тех "библиофилов, любителей книжных редкостей, для которых самое содержание книги – вещь довольно-таки

---

[1] Michel Vaucair, Le livre. Valeur de placement, suivi de Patrice Henessy. L'autographe; Valeur de placement.

8 Зак. 1700

второстепенная, а главное – переплет, формат, место издания и еще превыше всего – возможность вызвать выражение страдания и зависти на лице другого библиофила"[2]. К этой острой характеристике он добавлял свои наблюдения над коллекционерами-библиофилами. В подавляющем большинстве случаев, утверждал Венгеров, "нет того самого "страстного" коллекционера, у которого в глубине души не сидела бы надежда перепродать свое собрание во сто раз дороже"[3].

Итак, подчеркнуто эгоистический характер, стремление к наживе – довольно устойчивые черты буржуазного собирательства (в частности, библиофильства); мы наблюдаем их в разные времена и в различных странах.

Пиркгаймеровское общество

Пример принципиально иного рода – деятельность Пиркгаймеровского общества, созданного в ГДР в 1956 г. и названного так в честь выдающегося немецкого гуманиста-библиофила Виллибальда Пиркгаймера (1470–1530). Вот выписка из устава Общества: "Цель Пиркгаймеровского общества – поддерживать ценные традиции немецкого книжного искусства, содействовать социалистическому книжному искусству и представлять его. Оно ставит задачей пропаганду красивой и ценной книги прошлого и настоящего среди населения ГДР и углубление знаний по истории и современным проблемам книги".

В этой формулировке на первый план выдвигается одна сторона хорошей книги, а именно эстетическая. Недаром начиная с 1968 г. журнал "Marginalien" имеет подзаголовок: "Журнал книжного искусства и библиофилии". Он стал органом не только библиофилов, но и собирателей произведений графики. Такое направление отве-

---

[2]Венгеров С.А. Критико-библиографический словарь русских писателей и ученых. Спб., 1892. Т. 3. С. 72.
[3]Там же. С. 76.

чает давней библиофильской традиции, отдававшей предпочтение собиранию иллюстрированных книг и книг в художественных переплетах, а начиная с последней четверти XIX в. – главным образом под влиянием У.Морриса – включившей в сферу библиофильской деятельности также содействие выпуску малотиражных, так называемых библиофильских изданий, в лучших из которых участвовали выдающиеся мастера ручного книжного дела, в частности тот же У.Моррис.

Для нас, однако, важно, что в самой формулировке задач Пиркгаймеровского общества личные, эгоистические интересы библиофила не занимают первого места. Оно отведено интересам служения обществу в определенной, излюбленной библиофилом области. Это, с нашей точки зрения, – существенная, характерная черта библиофильства в социалистическом обществе. Вот почему один из видных деятелей Пиркгаймеровского общества, профессор Хорст Кунце в центр своей статьи "Библиофилия при социализме"[4] ставит деятельность Пиркгаймеровского общества и подчеркивает ее активный характер. Не случайно жюри ежегодных конкурсов "Прекраснейшие книги года в Германской Демократической Республике" систематически возглавляется руководителями Общества (профессорами Бруно Кайзером и Хорстом Кунце). Отметим, что в состав жюри привлекаются также художники книги из других социалистических стран. Пропаганда красивой книги, которую Общество ведет различными средствами (выставки, конкурсы, журналы), оказывает определенное влияние на художественное оформление книги не только в ГДР, но и других социалистических странах.

Традиционным путем

Прослеживая развитие библиофильства в нашей стране после Октябрьской революции, мы обнаруживаем, что

---

[4] Marginalien. 1967. № 26.

на протяжении 20-х годов оно не проявляло еще достаточно полно нового, социалистического характера, хотя годы эти и были отмечены деятельностью московского Русского общества друзей книги (РОДК) и Ленинградского общества библиофилов (ЛОБ).

Без сомнения, Пиркгаймеровское общество, возникшее на 30 лет позднее, имеет общие черты со своими предшественниками, в первую очередь – преимущественный интерес к внешности книги. Инициативная группа РОДК (1920), по словам его председателя В.Я.Адарюкова, видела основные цели и задачи Общества в изучении художественного облика книги, разработке приемов для дальнейшего развития книги в художественном отношении и объединении библиофилов, коллекционеров книг и художников – мастеров книги[5]. Декларация основателей ЛОБ (1923) гласила: "Одной из главных задач библиологии является изучение художественных и редких изданий в прошлом и настоящем. Вопрос о внешности книги в тесной связи со всеми видами графического искусства объединяет вокруг себя искусствоведов, художников, издателей и любителей книг"[6].

Характерно, что один из основателей РОДК – А.А.Сидоров, дополняя сведения П.Н.Беркова в его монографии, указывает, что и теоретическую и практическую деятельность в области искусства книги и ее истории он и его соратники вели в Государственной академии художественных наук, созданной в Москве "под эгидой Наркомпроса и лично А.В.Луначарского", тогда как "РОДК, с его дружескими еженедельными собраниями в Московском Доме ученых, носило характер "клуба", чуждавшегося дискуссий, зато устраивавшего регулярные выставки, литературные вечера, аукционы, выступления артистов"[7].

---

[5] Берков П.Н. История советского библиофильства (1917–1967). М., 1971. С. 89.
[6] Там же. С. 129–130.
[7] Сидоров А.А. Друг книги – советский библиофил // Там же. С. 10–11.

Как самое ценное, что удалось совершить РОДК, он называет издание "Домика в Коломне" с оригинальными гравюрами В.А.Фаворского, действительно одно из лучших библиофильских изданий тех лет. Конечно, эта изящная книжка, изданная тиражом в 500 экземпляров (впрочем, довольно большим с точки зрения традиций западной библиофилии), сохраняет для нас и сегодня все свое обаяние и прелесть. Но оказало ли ее появление, как и вся предшествующая деятельность РОДК и ЛОБ, непосредственное влияние на культуру изданий советской книги того времени, да и пытались ли эти организации всерьез оказать такое влияние? Возможно, я не прав, но эти организации, столь милые моему библиофильскому сердцу, а такое все же бьется в моей груди, оставались организациями общественно-пассивными. Оформление и новое содержание советской книги, общественно-политической, художественной, учебной, массовой, за немногими исключениями, не затрагивало их интересов.

Дискуссии 20-х годов

Не удивительно, что именно к 20-м годам относятся непрекращающиеся дискуссии о месте библиофильства в советском обществе. Нет нужды входить здесь в известные всем подробности. Достаточно напомнить, что А.М.Ловягин исключал из библиофильства собирание книг для удовлетворения любознательности или для научных занятий. Исходя из тех же, по-видимому, позиций, ленинградские антиквары много позже отказывали П.Н.Беркову в звании библиофила, с чем он естественно не мог согласиться. Возвращаясь к Ловягину[8], напомним, что он сводил библиофильство к охоте за "раритетами и курьезитетами", объявлял такое собирательство "порождением капиталистической эры" и вполне последовательно заключал, что библиофильство прекратится вместе с нею.

[8] Ловягин А.М. Основы книговедения. Л., 1926. С. 138.

Напротив, ленинградский библиофил и экслибрисист М.Я.Лерман (и несколько позднее М.Н.Куфаев), используя некоторые высказывания И.П.Павлова, прямо объяснял коллекционерство, и в частности библиофильство, рефлексом цели, выводимым из хватательного рефлекса, т.е. выводил библиофильство из психофизиологической природы человека. Лерман заключал отсюда, что "коллекционерство как наиболее резкое проявление рефлекса цели, нужно лелеять в себе, как драгоценную часть своего существа"[9]. В результате библиофильство, лишенное общественного содержания, приобретало вечную и как бы независимую от общественных условий жизнь. Разумеется, я напомнил эти наивные рассуждения не для того, чтобы спорить с ними. Моя цель здесь иная: показать, что содержание библиофильства в значительной степени оставалось традиционным (исключительное внимание к художественной стороне книги, причем в отличие, например, от Пиркгаймеровского общества преимущественно к малотиражной книге "для немногих").

Зарождение массового книголюбия

Между тем уже в первые годы после революции зарождалось новое, советское книголюбие, вдохновляемое ленинской оценкой той роли в построении коммунизма, которую играет освоение всех культурных богатств, накопленных человечеством. Именно отсюда, из понимания этой решающей роли, проистекало отношение советских людей к книге как к источнику света и знания, великому средству борьбы за новое общество. "...Новые книголюбы, – писал П.Н.Берков, – коренным образом отличались от прежних библиофилов. Это были в основном рабочие, солдаты, молодые советские служащие, передовая часть крестьянства – словом, люди, искренне предан-

[9]Труды Ленинградского общества экслибрисистов. 1925. Вып. 4. С. 8.

ные революции. И собирали они не книжные редкости и дорогостоящие русские и иностранные изящные издания, а политические брошюры и книжечки революционных лет, дешевые переиздания классиков, выпускавшиеся Литературно-издательским отделом Народного комиссариата по просвещению, современную революционную беллетристику, печатавшуюся различными издательствами Советов депутатов Москвы, Петрограда и других городов, произведения выдающихся иностранных авторов, входившие в состав обширного плана издательств, например, издательства "Всемирная литература", возникшего по инициативе А.М.Горького... Из этого книголюбия постепенно сложилось современное советское библиофильство"[10].

Нет необходимости прослеживать здесь этап за этапом становление и развитие советского библиофильства. Эта задача разрешена в книге П.Н.Беркова, к которой мы уже неоднократно обращались в этой статье. Отметим только, что развитие библиофильства в 50–60-е годы (период, завершающий его книгу) П.Н.Берков рассматривает под знаком двух характерных явлений, начало которых относит к первой послевоенной пятилетке. На первом месте он называет "возникновение особого вида полухудожественной, полуочерковой литературы с библиофильской тематикой, но обращенной к широкой читательской аудитории, а не к узкому кругу библиофилов"[11]. Пионерами "этой библиофильской массовой литературы" были Н.П.Смирнов-Сокольский и В.Г.Лидин, начавшие выступать с 1945 г. в газетах и журналах с очерками и рассказами о книгах примечательной и редкой судьбы, а также академик И.Ю.Крачковский, книга которого "Над арабскими рукописями", вышедшая впервые в том же 1945 г., вызвала исключительный интерес многочисленных читателей к такой, казалось бы, рафинированной теме. Рядом и в связи с этим примечательным

---

[10] Берков П.Н. Указ. соч. С. 14–15.
[11] Там же. С. 198.

явлением, подобного которому не знала еще история библиофильства, П.Н.Берков называет и отчетливую тягу к объединению отдельных разрозненных библиофилов в оформленные научно-общественные организации[12].

Послевоенный расцвет

Названные явления, несомненно, сыграли определенную роль в расцвете библиофильства у нас в 50–60-е годы. Однако они не смогли бы сами по себе привести к сколько-нибудь значительному развитию библиофильства, если бы не совпали по времени с начальным этапом того взлета науки, техники и культуры, который осознается нами теперь как научно-техническая революция. И в самом деле, колоссальные успехи человеческого разума во всех областях науки, ознаменованные первыми советскими спутниками, расширение человеческих интересов до космических размеров, триумфальное шествие электронно-вычислительных машин, успехи теории строения вещества и теоретической биологии, по-новому осветившей вековую загадку наследственности, развитие социологии и экономической науки, замечательные лингвистические и археологические открытия – все это выявило значение интеллектуальной деятельности и интеллектуальных интересов и для настоящего и, в особенности, для будущего общества с полнотой и убедительностью, незнакомыми предшествующим периодам истории человечества. Это не могло не вызвать в самых широких кругах населения нового мощного роста интереса к книге как к основному источнику знаний и культуры в стране, избравшей научно-технический прогресс главным инструментом строительства нового общества. Такой рост сопровождался значительным расширением тематики издаваемой у нас оригинальной и переводной современной и классической художественной и научной литературы,

---

[12] Там же. С. 199.

изданием собраний сочинений отечественных и зарубежных классиков, почти полностью вытеснивших из букинистических магазинов издания Пантелеева, Маркса, Сойкина, которые в течение десятилетий бойко продавались по высоким ценам, изданием общих и отраслевых энциклопедий и справочников по всем областям знания и культуры, монографий по искусству, новых серийных изданий и новых журналов. И конечно, тут нельзя не упомянуть общее улучшение материального положения широких масс населения, успехи жилищного строительства, рост свободного времени, распространение технических средств информации, введение всеобщего обязательного восьмилетнего обучения (вместо семилетнего) с 1958 г., общее увеличение числа лиц, получающих полное среднее и высшее образование, развитие народных университетов, в особенности университетов культуры, и т.п. Все это, вместе взятое, и определило ту плодотворную почву, на которую падали семена таких сеятелей, как Н.П.Смирнов-Сокольский и В.Г.Лидин, и их преемников.

Новое содержание, новые черты характера

Тяга советских библиофилов к объединению в оформленные библиофильские организации, которую отмечал П.Н.Берков, проявляется, начиная с 50-х годов, все сильнее и отчетливее. Поражает и радует растущее разнообразие библиофильских интересов, широта их спектра, в котором, наряду с традиционными линиями иллюстрированных изданий, первых и прижизненных изданий писателей, книг с автографами, старопечатных книг и рукописей, книг в художественных переплетах, миниатюрных изданий и экслибрисов, появляются и разгораются ярким светом новые линии. Таковы, например, Лениниана, нелегальные революционные издания в царской России, книги по искусству, первые и прижизненные издания классиков науки и техники и т.п. Любопытно отметить,

что старая библиофильская традиция почти полностью игнорировала не только книги политико-революционного содержания, но и естественные и точные науки. Из области техники и ремесел допускались лишь архитектура как область, пограничная с изобразительным искусством, воздухоплавание, пиротехника, артиллерия и фортификация, а также – без всяких ограничений – кулинария. Своеобразные интересы библиофилов "доброго старого времени" очень метко охарактеризовал В.В.Стасов в отзыве о пособии для собирателей русских книг с гравюрами и литографиями "Русские иллюстрированные издания XVIII и XIX столетий (1720–1870)" В.А.Верещагина (Спб., 1898). "Что за капризный выбор, что за капризный взгляд, что за капризное распределение! – писал Стасов. – Все, что не касается высших классов, их занятий, службы и развлечений и потех, мало привлекает к себе внимание автора"[13].

Однако новые явления в библиофильстве последних десятилетий не могут быть сведены только к расширению тематики собирательства, общая тенденция которого – перевес интереса к содержанию книги над интересом к форме. Существенно то, что деятельность современного советского библиофила все реже сводится к одному только собирательству.

Если, например, для библиофилов конца прошлого века, по наблюдению С.А.Венгерова, была превыше всего возможность вызвать выражение зависти на лице другого библиофила, то библиофил социалистического общества ставит превыше всего возможность поделиться с другими радостью познания книги и любования ею, стремится привить другим любовь, которую сам испытывает к книге. Именно это преобладающее чувство заставляет его искать объединения в библиофильских организациях, а различные библиофильские организации заставляет стремиться к взаимному общению и сотрудничеству. Поэтому библиофильская деятельность часто включает устные выступ-

[13] Стасов В.В. Статьи и заметки. М., 1952. Т. 1. С. 287.

ления и доклады, а в отдельных, наиболее благоприятных, случаях – печатные статьи и даже книги, в которых отражены результаты общения с книгой и ее изучения собирателем. Все это значительно обогащает творческое содержание библиофильства. Конечно, активное и целенаправленное собирательство уже само по себе можно рассматривать как творческий процесс, растягивающийся на продолжительное время, может быть, на всю жизнь. Теперь оно дополняется другими творческими процессами, в которых не сама книга, а рассказ о ней служит конечной целью.

Самое парадоксальное на первый взгляд в современном библиофильстве – то, что любовь к книге в ее высшей форме заставляет иногда отступить на второй план такое непременное условие библиофильства, как собирательство книг для себя. Вместо этого мы наблюдаем такие явления, когда книги с тем же энтузиазмом собирают для библиотек на общественных началах, призванных бесплатно обслуживать жителей одного дома, квартала, населенного пункта, или когда та же страстная любовь к книге заставляет отдавать свободное время, силы и знания пропаганде и распространению книги.

Что же такое советское библиофильство?

Было бы нелегким делом охарактеризовать все многообразие объединений библиофилов, друзей и любителей книги в нашей стране. Рядом с кружками, секциями и клубами, действующими при предприятиях и учреждениях, учебных заведениях, Домах ученых, писателей, клубах работников искусств, библиотеках, Дворцах и Домах пионеров и школьников, должны быть названы также клубы, организующиеся при книжных магазинах, и среди них такие самобытные, как, например, клуб "Эврика" при Доме научно-технической книги или клуб книголюбов при Доме военной книги – оба в Москве. Объединение книголюбов нового типа – народный книго-

торг Ярославского моторного завода, распространяющий многие сотни тысяч книг на самом предприятии и в рабочих поселках. Нет сомнения в том, что теперь с созданием Всесоюзного добровольного общества любителей книги активность книголюбов многократно возрастет[14]. Однако это Общество, объединяя всех, кто любит книгу и работает с ней, не должно стараться причесывать их на один и тот же образец, каким бы привлекательным этот образец ни представлялся.

Между тем некоторые авторы, выступившие в дискуссии, развернутой журналом "В мире книг" в 1974 г., пытались выработать своеобразные нормативы для книгособирателей, которых и следует, мол, придерживаться. При этом не раз подвергался нападению любезный нашему сердцу собиратель-библиофил.

Напоминаем: сыр-бор на страницах журнала разгорелся из-за атаки Е.Тимошенко (пос. Токсово Ленинградской области) на В.Разумова (Горловка). "Для Вас, по-моему, книга – вещь, просто предмет Вашей страсти"[15]. Так сформулировано основное обвинение, которое один любитель книги предъявляет другому. Для нас эти слова звучат не более не менее как "обвинение в библиофильстве". Заметим, что сам Е.Тимошенко собирает книги "с целью просвещения людей в тех местах, где общественная библиотека не может удовлетворить всех". Такая просветительская деятельность заслуживает и поддержки и уважения. У Е.Тимошенко есть последователи, и хорошо, если их станет еще больше.

Но можно ли рассматривать это направление книгособирательства как единственное или даже главное, имеющее широкие перспективы в будущем? Надеемся, что нет. Подчеркиваю, надеемся, ибо то внимание, которое наше общество уделяет развитию общественных библиотек, и те средства, которые в это дело вкладываются, в обозри-

---

[14]См.: Мартиросян Г. Общество любителей книги // В мире книг. 1974. № 3.

[15]Тимошенко Е. Собирать для чего? // В мире книг. 1974. № 1.

мое время приведут к тому, что те места, "где общественная библиотека не может удовлетворить всех", станут печальными и редкими исключениями, а затем и вовсе исчезнут.

Е.Тимошенко, правда, допускает еще и собирательство для занятий научно-исследовательской работой, но требования его здесь, хотя он их и не формулирует, по-видимому, чрезвычайно строги. По крайней мере, он не хочет признать наличие этого мотива в собирательстве В.Разумова, инженера по профессии, увлеченного "не своим делом" – сравнительным изучением биографических серий, выходивших раньше и издаваемых теперь как у нас, так и за рубежом.

Только за последние годы, сообщает В.Разумов, он опубликовал на эту тему 26 статей. Мы узнаем также, что библиотека В.Разумова состоит из 14 разделов, среди которых имеются разделы беллетристики, политической книги, инженерного дела, военного дела и – рядом с остальными – те, что вызвали иронию и прямые нападки его оппонентов: среди биографий на 13 языках и миниатюрные издания. "Выдавая книгу, – пишет он, – я требую бережного отношения к ней... трепать и портить книгу – вандализм"[16].

Перед нами автопортрет одного из многих советских библиофилов, убежденного, что "страсть библиофильства и тихая любовь книголюба вполне могут ужиться в одном человеке". Его библиотека, сберегаемая заботливо и любовно и постоянно пополняемая, – это та домашняя лаборатория, в которой современный человек может отдыхать и трудиться: расширять свой кругозор, совершенствовать и углублять прежние знания, накапливать новые. Вот почему именно развитие домашних библиотек представляется нам наиболее перспективным направлением книжного собирательства.

Профиль домашней библиотеки должен быть достаточно широк, чтобы обеспечить всестороннее развитие

---

[16] Разумов В. Не ради корешков // В мире книг. 1974. № 11.

владельца библиотеки и членов его семьи. Вместе с тем он должен быть настолько гибким и индивидуализированным, чтобы полностью отвечать интересам собирателя и включать разделы, позволяющие ему приобщаться к творческой деятельности в излюбленной области науки, техники, искусства, области, которая не обязательно совпадает со сферой его узкопрофессиональных интересов.

Характерны выступления кружка "Воронежский библиофил"[17]. В них собирательство, по Тимошенко, рассматривается как прототип собирательства при коммунизме. "Письмо Е.Тимошенко, – говорит И.Фурман, – показалось мне весточкой из будущего. Вероятно, тогда, в нашем завтра, все люди, владеющие книгами, будут обращаться с ними именно так, как пишет книголюб из поселка Токсово". Такая проекция в будущее позволяет воронежцам скромно признаться, что сами они в настоящее время далеки еще от этого идеала и что для них книга, в большей или меньшей степени, предмет той страсти, в которой Е.Тимошенко укорял В.Разумова. Иными словами, немного смущаясь, они характеризуют себя как библиофилов. Итак, мы возвращаемся к исходному пункту.

Действительно ли "грешно" ценить книгу не только за ее содержание, но и как умную, целесообразно и красиво построенную руками человека вещь, которую нужно охранять и беречь, защищать от разрушительных воздействий времени и человека? Сам Е.Тимошенко с грустью замечает, что его книги, побывав в руках многочисленных читателей, стареют и рвутся. Но еще Достоевский устами Шатова в "Бесах" проникновенно заметил, что признание книги в качестве вещи, которую нужно уважать и беречь, охраняя ее от разрушения, есть важная ступень в культурном развитии массового читателя: "Сначала он (читатель. – *А.М.*) помаленьку читать приучается, веками, разумеется, но треплет книгу и валяет ее,

[17] Слово – воронежским библиофилам // В мире книг. 1974. №3.

считая за несерьезную вещь. Переплет же означает, что он не только читать полюбил, но и за дело признал".

Конечно, современный любитель книги высоко поднимается над той ступенью, на которую хотел возвести массового русского читателя Достоевский. Однако любители книги, как уже говорилось, неоднородны. Мы уже приводили выше суждение П.Н.Беркова, которое считаем вполне справедливым, что советское библиофильство постепенно сложилось из книголюбия, определившего свой особый, советский характер уже в первые годы после Октябрьской революции. К этому можно добавить, что оно продолжает расти и наполняться новым содержанием вместе с ростом книголюбия в целом, составляя сильную, не теряющую свойственных ей красок струю в общем течении. Каковы же эти краски, каковы же эти черты, позволяющие различить библиофильство в книголюбии и сохранить за ним традиционное наименование при меняющемся содержании?

Не пытаясь исчерпать предмет, мы выдвигаем две важные черты библиофильства, тесно между собой связанные. Первая черта, выделяющая библиофила из всей массы любителей и друзей книги, – то, что он, отдавая должное содержанию книги, которое, по сути дела, можно представить себе отвлеченным, абстрагированным от самой книги как вещи и, скажем, отображенным на экране, ценит книгу также, как предмет материальной культуры, как вещь, сделанную многими умными и заботливыми руками по законам технологии и искусства книжного производства. Он умеет видеть и ценить мастерство бумажников, изготовивших для книги именно данную, а не иную бумагу, с ее цветом, фактурой и плотностью, художников, создавших рисунок шрифта, и мастеров, этот шрифт изготовивших, искусство, с которыми произведены набор и верстка, качество типографской краски, пропорции зеркала шрифта и полей, буквицы, заставки и концовки, книжные иллюстрации и то, как они сочетаются с текстом, рисунок обложки и переплет со всеми его элементами. А кроме того, ему не безраз-

лично, когда, где и кем была издана книга, как соотносится это издание с другими изданиями того же произведения, и, если книга была в употреблении, – в чьих руках побывал этот экземпляр. Конечно, не всегда эта программа полностью осознается и целиком выполняется библиофилом. Но нельзя назвать человека библиофилом, если ни один из перечисленных элементов его не привлекает и не может служить для него источником живой радости или столь же непосредственного огорчения. Другая, столь же существенная и связанная с первой, черта библиофильства выражается в том, что, соединяя в себе двоякую любовь к книге как к произведению проникновенной мысли и вдохновенных рук, библиофил стремится окружить себя книгами и в быту, у себя дома и при этом оберегает их от преждевременного увядания, как оберегают нежные и хрупкие цветы. Какое счастье, что книга не вянет, как цветок, и может сохранять свой облик свежим и прекрасным на протяжении многих десятилетий и даже столетий! И если в музеях и в отделах редких книг государственных библиотек и книгохранилищ нашей страны и других стран мира мы можем наслаждаться книгами прошлых веков в том виде, в каком они впервые вышли из рук мастера, то в этом важная заслуга перед обществом многих поколений библиофилов, сохранивших эти книги для нас.

Очень хорошо, конечно, если, собирая и оберегая книги, библиофил может еще и рассказывать, что ему удалось открыть в них; и передавать свою любовь к книге другим людям. Но это дается не всем и не рассматривается нами как непременная черта библиофильства.

Итак, в общей сокровищнице культурных богатств, созданных человечеством, мы, строители первого в истории социалистического общества, унаследовали библиофильство как пылкую и бескорыстную любовь к книге, любовь, очищенную от всего постороннего и наносного, что порой примешивалось к ней в прошлом. По мере того, как будет расти свободное время человека, которое

во все большей степени будет посвящаться всестороннему физическому, интеллектуальному и нравственному развитию личности, по мере этого будут расти и совершенствоваться наиболее высокие и благородные чувства и привязанности человека и среди них, конечно, любовь и привязанность к книге. Вот почему библиофильству, которое уже сумело приобрести у нас новый, социалистический облик, суждено счастливое будущее!

БИБЛИОФИЛЬСКАЯ ТРИЛОГИЯ П.Н.БЕРКОВА

"Все должны понять и помнить, что библиофильство, книголюбие – не болезненная, уродливая прихоть книжных маньяков, не временный каприз праздных, скучающих, пресыщенных богачей, коллекционеров, даже не страсть, непонятно почему овладевающая отдельными личностями, а высокая, благородная потребность всякого истинно культурного человека. Библиофильство заслуживает не снисходительной улыбки трезвого ума к "милым чудачествам" книголюбов, а вдумчивого и дальновидного признания, серьезного и благожелательного внимания, сочувственной и умной поддержки".

П.Н.Берков

Итак, три книги – три части трилогии, выпущенные на протяжении семи лет разными издательствами: "Книга" и "Советский писатель"[1]. У них различны форматы, оформление, тиражи. Очень хотелось бы видеть их собранными в один большой том, наподобие "Рассказов о книгах" Н.П.Смирнова-Сокольского, с подробными указателями имен и предметов. Можно предполагать, что автор, будь он в живых, подверг бы свой труд некоторой доработке, чтобы добиться большей соразмерности и согласованности

Книга: Исслед. и материалы. 1973. Сб. 26.

[1] Берков П.Н. О людях и книгах. (Из записок книголюба). М.: Книга, 1965. 144 с. Русские книголюбы: Очерки. М.; Л.: Сов. писатель, 1967. 316 с. История советского библиофильства. М.: Книга, 1976. 256 с.

отдельных частей. Но труд этот настолько богат по содержанию, хорошо организован и пронизан живой и ищущей мыслью П.Н.Беркова, что, конечно, теперь его следует просто воспроизвести в том виде, который был ему придан автором в первом издании. Нужно добиться при этом, чтобы весьма ценный иконографический материал первого издания был по возможности расширен (первая часть пока полностью лишена его), дополнен изображениями титульных листов и отдельных страниц произведений библиофильской литературы и других упоминаемых в тексте книг, журналов, каталогов книг, а также повесток заседаний, пригласительных билетов и других документов библиофильских организаций, экслибрисов наиболее активных библиофилов и т.п.

Наиболее разнообразна по характеру рассматриваемых вопросов первая часть трилогии – "О людях и книгах". Хотя она и имеет подзаголовок "Из записок книголюба", в ней не содержится рассказов П.Н.Беркова о самом себе и о своих книжных находках. Вообще, исключительная сдержанность отличает автора всякий раз, когда речь заходит о нем самом. Его "Записки книголюба" – это записи в тетрадях 20-х и 30-х годов о людях, судьбы которых, иногда трагические, тесно сплетались с судьбами книг и рукописей. Лишь немногие строки говорят о личном отношении П.Н.Беркова к книге и о его собственной замечательной библиотеке. Признаваясь, что старые ленинградские книжники, работники антикварных книжных магазинов, не считают его библиофилом, в их собственном понимании этого слова, автор пишет, что он очень бы огорчился, если бы кто-нибудь, знающий его, усомнился в том, что он книголюб. А дальше выясняется, что старые книжники отказывали ему в звании библиофила только потому, что по традиции приписывали библиофилу черты, которые сам П.Н.Берков не считает существенными. Сюда относятся, например, любовь к книге "как таковой", независимо от потребности в ней для работы, элементы чувственного влечения к книге как вещи, эстетический интерес к бумаге, шрифтам, иллюстрациям,

переплету, наконец, охота за редкостями. Правда, из всего, что автор говорит по этому поводу, видно, что многие из этих слабостей не чужды и ему самому. Он только не хочет, чтобы какая-либо из них рассматривалась как обязательная для книголюба. И сильнее всего Павел Наумович обрушивается на тех, кто считает, что писатель и ученый будто бы не любят нужные им для работы книги. Это несправедливо, заявляет он.

Характеризуя библиофилов как людей, собирающих книги потому, что они любят книги (а это отнюдь не тавтология), – автор не закрывает глаза на то, что страстная любовь, не подкрепленная высокой целью, может делать некоторых из них слепыми и даже толкать на аморальные поступки. О заблуждениях, ошибках и прямых преступлениях повествуют многие страницы первой части библиофильской трилогии, где автор водит нас как бы по кругам своеобразного ”библиофильского ада”. Мы читаем о книжных мистификациях и подделках, включая фальшивые ”пробные” издания авторов ”викторианской” эпохи, предпринятые уже в нашем веке английским библиографом и библиофилом Томасом Дж. Уайзом; о подделках русских древних рукописей ”Хлестаковым археологии” А.И.Сулакадзевым; о всемирно известных фальсификациях автографов исторических и легендарных личностей (вроде Иуды Искариота и Марии Магдалины), в изобилии изготовлявшихся предприимчивым мошенником Врэн-Люка для французского геометра и историка математики Мишеля Шаля, пародийный образ которого представил А.Додэ в романе ”Бессмертный”. М.Шаль был достойной сожаления жертвой обмана, шитого, можно сказать, белыми нитками. Другой ученый – историк математики – граф Гуилельмо Либри, сам оказался мошенником. Пользуясь служебным положением, которое он занимал во Франции, он похищал ценнейшие рукописи и книги в общественных хранилищах, чтобы потом сбывать их за большие деньги за границей. От зрелища этих людей, опускавшихся до подделок и прямого воровства, читатель, следуя за своим Вергилием, обнаруживает на самом

дне библиофильского ада грабителей и убийц вроде немецкого пастора Тиниуса и испанского книготорговца Дон-Винсенте, в молодости бывшего монахом. Но довольно с нас мрачных картин!

Несколькими убедительными штрихами автор показывает значение подборок систематизированных газетных вырезок в книжных собраниях. С одной такой, побывавшей в его руках, подборкой за 1880–1912 гг., которую неизвестный составитель снабдил выразительным заголовком "Убийца Пушкина. Судьба Ж.Дантеса и его семьи", П.Н.Берков подробно знакомит читателя. Отдельный очерк он посвящает русскому библиофилу первой половины прошлого века П.Я.Актову, не упомянутому в известной работе У.Г.Иваска "Частные библиотеки в России". Остается загадкой, откуда у этого скромного чиновника, вышедшего из духовного сословия, имелись средства и знания, позволившие ему за время службы в Туле собрать замечательную библиотеку, содержавшую значительное число древних рукописей, русских и иностранных, до 50 инкунабулов и среди них один – 1444 г. (?!) (историкам книги неизвестны печатные книги со столь ранней датой), издания виднейших печатников Европы – Альда Мануция, Этьеннов, Эльзевиров, Бодони, Барбу, Дидо...

Сведения о преступлениях на почве библиофилии П.Н.Берков почерпнул из одного из "картонов" собрания академика Н.П.Лихачева. Каждый такой "картон" представлял коробку с откидной верхней крышкой и передней стенкой. В ней хранились редкие брошюры и оттиски, а также номера журналов и газет – все на определенную, интересующую владельца тему. Исключительное собрание Н.П.Лихачева, положенное в основу целого Института АН СССР – Института книги, документа, письма (ныне не существующего), подсказало П.Н.Беркову тематику еще нескольких очерков. Так, он рассказывает о брошюрке, изданной, вероятно, в 1817 г. в провинциальном французском городке Ажане, автор которой, сатирически применяя методы астронома и филолога

конца XVIII в. Ш.-Ф.Депюи, "доказывает", что Наполеон Бонапарт на самом деле никогда не существовал. Все, что о нем говорилось и писалось, утверждает он, можно легко истолковать как миф о Солнце: сам Наполеон предстает перед нами как персонифицированное Солнце. П.Н.Берков сообщает, что книжка эта много раз издавалась и переиздавалась, переводилась с французского на другие языки, в том числе на русский. Однако включение очерка о ней в библиофильскую трилогию вполне оправдано: помимо лихачевского экземпляра первого издания этой книжечки в Европе неизвестно ни одного другого (в том числе и в Парижской национальной библиотеке).

Другая исключительная редкость из лихачевского собрания – экземпляр фототипического переиздания номера "Друга народа", именно того самого номера, который Марат читал в ванне, когда его убила Шарлотта Кордэ. Рассказ о нем дает П.Н.Беркову вспомнить о выдающемся русском знатоке истории книги А.И.Малеине. Именно от него автор узнал о том, что оригинал, сохранивший следы крови Марата, был подарен антикваром Франсуа Ноэль Тибо своему девятнадцатилетнему сыну – будущему Анатолю Франсу. А тот изготовил для своих друзей-библиофилов фототипическое воспроизведение этого номера, ограничив тираж 50 экз. не для продажи. Один из них впоследствии был куплен Н.П.Лихачевым за большие деньги в Париже. Беда, однако, в том, что позднее, уже после передачи библиотеки Института книги, документа и письма в Ленинградское отделение Института истории АН СССР, это редчайшее издание Анатоля Франса не удалось отыскать.

Концовкой тома "О людях и книгах" служат размышления о будущем книги и библиофильства. Вспоминая, что говорили на этот счет писатели – Себастиан Мерсье, Эдуард Белами, Жюль Верн, Октав Юзанн, Герберт Уэллс и И.А.Ефремов (можно было бы добавить также В.Ф.Одоевского), П.Н.Берков высказывает оптимистическое убеждение в том, что возникновение новых возможных форм книги никогда не повлечет за собой полного унич-

тожения всех книг старой формы: книга и библиофилы будут существовать всегда.

Вторая часть трилогии – "Русские книголюбы" по объему почти в два раза больше первой.

Она открывается статьей "В.И.Ленин – книголюб". Непосредственным поводом для ее написания послужил, по-видимому, выход фундаментального описания кремлевской библиотеки В.И.Ленина (М., 1961).

С глубоким вниманием прослеживает он свою тему на протяжении всей жизни Ленина, начиная с детских лет, тщательно отмечая черты, характеризующие Ленина как книголюба: его владельческие пометы на книгах, увлечение покупкой книг, забота об их сохранности, изучение каталогов русских и заграничных книжных магазинов и библиотек, библиографических журналов и т.п.

Следом идет очерк "Личные библиотеки трех русских писателей (Ломоносова, Пушкина, Горького)". Автор сообщает читателю, что материалов о том, как собирали свои библиотеки русские писатели, как относились они к книгам, как отражалось их книголюбие на их литературном творчестве, – у него накоплено гораздо больше, чем включено в очерк. Он остановился на Ломоносове, Пушкине и Горьком потому, что их библиотеки "представляют блестящие образцы русских частных книжных собраний трех веков, трех эпох, трех разных мировоззрений" (с. 50). Тем более замечательно, что автор приходит к общему выводу, что в том, какие книги собирали три наших великих писателя, в их манере читать и изучать материал, в их творческих приемах чтения было много общего.

После "путешествия в страну гигантов", занимающего около трети всей книги, автор обращается к старинным русским библиофилам и советским книголюбам и к той библиофильской литературе, прямое или косвенное участие в создании которой они принимали. Здесь прежде всего чрезвычайно интересна попытка П.Н.Беркова дать своеобразную типологию библиофилов старого

времени. Наиболее известный и вместе с тем наиболее определенный – это, без сомнения, геннадиевский тип, или толк, названный так по имени видного библиографа и библиофила второй половины прошлого века Григория Николаевича Геннади. Принадлежность к нему определяется характерной чертой – охотой за книжными редкостями сравнительно недавнего происхождения (по отношению ко времени собирательства). Эта черта хорошо согласуется с тем, что Геннади находит один из основных мотивов книголюбия "в общем всем людям стремлении к приобретению и обладанию, в наслаждении чувством собственности, прирожденным человеку... От этого же, – продолжает он, – проистекает страсть к редким книгам: собирателю таких книг приятна мысль, что книжная редкость принадлежит именно ему и очень мало и даже совсем нет таких же избранников, как он"[2]. Эту "собственническую" теорию библиофильства, подхваченную рядом других дореволюционных библиофилов, П.Н.Берков считает совершенно недостаточной даже для объяснения их собственной деятельности. "Почему собственническое начало, – спрашивает он, – у одних людей проявляется в собирании монет, у других – книг, у третьих – картин, у четвертых – почтовых марок, театральных афиш, оберток шоколада, автографов замечательных людей, табачных трубок и т.п.? Почему многие библиофилы безвозмездно передают свои коллекции государству?" И совсем неприменимым становится объяснение Геннади в условиях нашего советского общества, когда "растут и множатся ряды советских друзей книги как раз среди передовых рабочих"[3]. В качестве противовеса "собственнической теории" П.Н.Берков привлекает взгляды виднейшего русского библиофила конца XVIII и начала XIX в. графа Д.П.Бутурлина, подчеркивавшего, что существенным побуждением к книгособирательской деятельности является чувство удовольствия

---

[2] Геннади Г.Н. Русские книжные редкости. Спб., 1872. С. 23.
[3] Берков П.Н. Русские книголюбы. С. 187.

и радости от успешного хода самим задуманного и избранного дела, "а свое дело, – писал Бутурлин, – всякому приятно". Значит, не в удовлетворении чувства собственности – основной стимул истинного библиофила, а в им самим избранной целенаправленной деятельности по составлению книжного собрания, которая требует от него труда, знаний, постоянных волнующих поисков и, добавим от себя, постепенно получает признание других людей, знающих и любящих книгу.

Близок к геннадиевскому и березин-ширяевский толк, типичным представителем которого является Яков Федулович Березин-Ширяев – биржевой делец и библиофил, владелец обширного и весьма пестрого книжного собрания, которому С.А.Соболевский – сам бывший замечательным библиофилом – отказывал в праве именоваться библиотекой, потому что "библиотека предполагает у собирателя разумную цель". П.Н.Берков считает "березинширяевство" характерным "для раннего периода формирования русской буржуазной культуры, периода, когда вчера еще совсем неграмотные крестьяне-кулаки или полуграмотные замоскворецкие и питерские купцы-богатеи стали понимать значение внешней образованности, наружной культурности, облагороженности".

Справедливости ради следует вспомнить, что первую резкую критику библиофилов геннадиевского и березинширяевского толков предложил еще в 1892 г. С.А.Венгеров, и именно в связи с автобиографической заметкой самого Березина-Ширяева[4]. И далее Венгеров добавляет по поводу записи, сделанной Березиным-Ширяевым на подаренной ему "действительным статским советником" книге: "Для их степенств, составляющих значительнейшую часть русских книголюбов, необыкновенно лестно быть в дружбе с настоящими генералами"[5]. Впрочем, упомянутый "действительный статский советник" был

---

[4] См. с. 225, 226.

[5] Венгеров С.А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. Спб., 1892. Т. 3. С. 73.

не кто иной, как известный историк литературы, библиограф и страстный библиофил Петр Александрович Ефремов, именем которого в начале нашего века был назван еще один толк библиофилов – ефремовский. Последователи этого толка, поясняет П.Н.Берков, цитируя статью библиофила А.В.Петрова, напечатанную в журнале "Антиквар" в 1902 г., "дорожат книгою не потому, что она редка, а потому, что она содержательна, поучительна и интересна или же вообще необходима собирателю для его научных или литературных занятий"[6]. Однако характерная черта П.А.Ефремова как библиофила проявлялась в том, что он для некоторых особо интересовавших его тематических подборок статей из журналов и брошюр и т.п. заказывал в типографии печатные обложки, создавая таким образом видимость никогда не существовавших изданий, представленных только в одном экземпляре.

В 90-х и в особенности в 900-х годах развивается дворянско-эстетическое направление русского библиофильства, являющееся некоей параллелью увлечения французских собирателей иллюстрированными изданиями XVIII в. (книги с гравюрами на меди) и первой половины XIX в. (преимущественно книги с гравюрами на дереве и литографиями). Соответствующий толк П.Н.Берков окрестил верещагинским, по имени высокопоставленного придворного (перед революцией – гофмаршала), библиофила, ценителя старины и искусства, одного из основных деятелей журналов "Русский библиофил" и "Старые годы" – В.А.Верещагина. Последний выпустил в конце прошлого века книгу "Русские иллюстрированные издания XVIII и XIX столетий (1720–1870)" (Спб., 1898), до сих пор остающуюся настольным справочником для многих любителей иллюстрированных изданий. Еще сравнительно недавно один из московских библиофилов (ныне его нет в живых) говорил мне, что его программа собирательства – это все то, что описано Верещагиным. И он, конечно, не был одиноким в своих вкусах. Однако

[6] Берков П.Н. Русские книголюбы. С. 208–209.

в отношении Верещагина нельзя не признать меткости критики В.В.Стасова в других ее частях не совсем справедливой. (См. с. 234.)

Большое внимание уделяет П.Н.Берков "ульянинскому" толку в русской библиофилии, хотя кроме самого Д.В.Ульянинского, слывшего в московских книжных кругах начала XX в. главою русских библиофилов, да еще его родственника Н.Ю.Ульянинского назвать никого не может. П.Н.Берков сообщает о своем давнем интересе к личности Д.В.Ульянинского, о том, как он "старался получить как можно больше сведений о нем от живых еще его современников библиофилов и просто от знавших его людей, а также от библиофилов, выраставших в ближайшие годы после его смерти и находившихся под ее почти непосредственным впечатлением", и подчеркивает, что Д.В.Ульянинский "необыкновенно интересен как явление психологическое, даже психопатологическое"[7].

Отмечая заслуги Д.В.Ульянинского как автора замечательной трехтомной "Библиотеки", которая может считаться совершенным образцом описания частной библиотеки, вершиной всей русской библиофильской литературы подобного рода и вместе с тем "самым ценным и точным пособием по русской библиографии"[8], П.Н.Берков особенно подробно останавливается на той внутренней драме, которую испытал этот "убитый книгой человек" (по собственному определению Д.В.Ульянинского), и приходит к выводу, что действительно "развивавшаяся страсть к книгам в полном смысле слова убила в нем живого человека: все помыслы и интересы его сосредотачивались на книгах, и при этом обязательно на экземплярах безупречной сохранности" (вплоть до того, что он не позволял себе их разрезать)[9].

Таким образом, П.Н.Берков предстает перед нами не

---

[7]Там же. С. 256–266.
[8]Там же. С. 255–256.
[9]Там же. С. 266, 259.

только исследователем природы и этапов развития библиофильства в целом как определенного общественного явления, он изучает не только разновидности этого явления в соответствующей социальной среде и конкретных культурно-исторических условиях. Мы видим, что П.Н.Беркова постоянно интересует личность библиофила, мотивы его поступков, его думы и стремления, падения и взлеты. Именно это переплетение общественного и индивидуального, объективного и субъективного аспектов и придают этюдам П.Н.Беркова о библиофилах особенную глубину и привлекательность.

Галерея русских книголюбов дореволюционной поры завершается колоритными фигурами книголюбов-ученых – Н.П.Лихачева, И.А.Шляпкина. Последнего П.Н.Берков готов отнести к библиофилам ефремовского толка. И все же, подчеркивает он, "Шляпкин не был похож ни на одного из тех представителей русского библиофильства конца XIX начала XX в., с которыми мы познакомились в данной книге. Шляпкин был библиофил-ученый, собиравший... не из коллекционерской жадности книголюбов из купцов или из "милого снобизма" кого-либо из членов Кружка любителей русских изящных изданий, а потому, что все эти материалы были нужны ему или предполагались нужными для его преподавательской и исследовательской работы"[10]. В этой характеристике нетрудно усмотреть выражение взглядов на собирание книг самого П.Н.Беркова – стоит только вспомнить то, что он говорил по этому поводу в начале первой части трилогии.

Мы увлеклись типологией русских библиофилов, развернутой в "Русских книголюбах", и не отметили, что вся эта типология нужна автору не сама по себе, а как своего рода фон для построения увлекательной истории русской библиофильской литературы, занимающей более половины всей книги (с. 136–310). Она прослеживается здесь от Стефана Яворского, с его книжным каталогом и стихотворным "Горестным прощанием с книгами", до

---

[10]Там же. С. 279.

Н.П.Смирнова-Сокольского и В.Г.Лидина. Однако мы не можем не вернуться к сравнению, уже использованному относительно первой части. Если там автор представил нам немало персонажей из библиофильского ада, то здесь, в очерках "Старинные русские библиофилы и советские книголюбы" и "Из истории русской библиофильской литературы", нет-нет да и проглянут души чистилища. Это к ним относятся слова автора: "Об этих старинных библиофилах современный советский книголюб едва ли имеет представление. Между тем почти каждый из них является интересным образцом человеческой психологии, а некоторые, может быть, даже психопатологии, потому что у многих из них в их коллекционерской, библиофильской психологии было что-то болезненное, ненормальное"[11].

Последняя часть трилогии вышла в свет уже после смерти автора. Ее открывает превосходная статья старейшего нашего книголюба члена-корреспондента АН СССР А.А.Сидорова, посвященная деятельности П.Н.Беркова как "методолога, психолога, историка и философа именно книголюбия, библиофилии, библиофильства"[12]. В авторском введении к книге П.Н.Берков говорит, что он перешел к истории советского библиофильства, далеко не исчерпав собранных материалов истории русского книголюбия с древнейших времен, потому что именно эта, новейшая история "богаче, интереснее и поучительнее и, несомненно, ближе советскому читателю-книголюбу, чем история библиофильства дореволюционного периода"[13].

В центре внимания в этой книге находятся не отдельные библиофилы с их библиотеками, как это неизбежно было бы в истории библиофильства дооктябрьского периода, но библиофильство как общественное явление —

---

[11] Там же. С. 97.

[12] Сидоров А.А. Друг книги – советский библиофил //Берков П.Н. История советского библиофильства. С. 4.

[13] Берков П.Н. История советского библиофильства. С. 12.

библиофильские организации, их пропагандистская, научно-исследовательская и издательская деятельность, формы их работы, – научные заседания, обмен опытом, выставки, аукционы, книгообмен и т.д., предметы собирательства, библиофильские моды, материальная база советского библиофильства – антикварные и букинистические магазины, вообще книжная торговля, наконец, постепенно возникшая, развивающаяся и достигнувшая значительного уровня библиофильская литература. Верный своему влечению к человеку со всем его личным своеобразием, П.Н.Берков подчеркивает, что и при таком построении книги его продолжают больше всего интересовать "образы советских библиофилов, их библиофильская психология, их глубокая и своеобразная преданность любимому увлечению". Однако, чтобы найти место всем материалам такого рода, ему понадобится еще одна книга типа биографического словаря: "Советские библиофилы, книголюбы, книгособиратели наших дней (50–60-е годы)". И хотя сам автор не смог осуществить этот свой последний замысел – составлением подобной книги, как мы знаем, теперь занимаются его вдова С.М.Беркова и сын В.П.Берков[14].

"История советского библиофильства", в отличие от двух первых частей трилогии, составлена не из отдельных очерков, имеющих самостоятельное значение, а из глав, излагающих события и факты в хронологической последовательности. В первой главе дается общая характеристика русского библиофильства советского периода. Здесь как бы устанавливается своеобразная граница, отделяющая типичного библиофила царской России от советского библиофила, являющегося библиофилом нового типа в истории не только русского, но и мирового книгособирательства. Известному историку русской литературы

---

[14] Рукопись словаря была подготовлена коллективом авторов, в который входили: Д.С.Лихачев (отв. редактор), Я.Б.Рабинович (редактор), С.М.Беркова, В.П.Берков, Т.А.Быкова, Б.Е.Казанков, М.С.Лесман и др.

и библиографу С.А.Венгерову принадлежат следующие злые слова, вызванные наблюдениями над коллекционерами – барышниками, столь распространенными в буржуазном обществе и готовыми "перепродать свое собрание в сто раз дороже... Почему, впрочем, ему и не делать этого, когда в каждом музее, в каждой библиотеке вы найдете коллекции и собрания, перепроданные этим учреждениям с барышом в сто и более тысяч знаменитыми учеными, посланниками, сенаторами и т.д. Расхожая мораль не предусматривает в таком барышничестве ничего предосудительного..."[15] Конечно, это обвинение несправедливо по отношению к отдельным выдающимся коллекционерам прошлого, делавшим свое большое культурное дело без всякой материальной заинтересованности и, можно сказать, вопреки ей. Но в целом характерная черта крупного буржуазного собирательства верно схвачена С.А.Венгеровым. В противоположность ей автор "Истории советского библиофильства" в качестве главной, основной перемены в русском библиофильстве, обусловленной Великой Октябрьской социалистической революцией, называет широкую демократизацию библиофильства, а также указывает, что на смену амбиции и материальным расчетам пришли невиданная дотоле тяга к свету и знаниям, огромная и бескорыстная любовь к хорошей книге.

Посвятив первую главу труда общей характеристике библиофильства советского периода, автор не считает, однако, свою задачу исчерпанной. Собственно говоря, весь его труд в целом отвечает на тот же важный вопрос, выявляя в каждой следующей главе новые черты, свойственные именно советскому библиофильству. Об этом говорят страницы о библиотеке Ленина в Кремле, страницы, повествующие о неутолимой любви к книге в грозные дни Великой Отечественной войны и в осажденном Ленинграде и в окопах, а также многие другие страницы "Истории советского библиофильства".

---

[15] Венгеров С.А. Указ. соч. С. 76.

В "Заключении" П.Н.Берков устанавливает, что миллионы людей, любящих, ценящих, собирающих и преданно изучающих книги в нашей стране, относятся к двум течениям: одно может быть обозначено как "друзья книги", второе – собственно "любители книги", "книголюбы", "библиофилы".

Первое из них, возникшее еще в середине 20-х годов, охватывает страстных читателей, группирующихся вокруг библиотек, энтузиастов и пропагандистов книги и культуры чтения. Они не только умелые вербовщики новых читателей, активные помощники библиотекарей, работающие на общественных началах, но и дельные распространители политической, научной и художественной литературы среди широких масс населения, организаторы книжных киосков и магазинов на фабриках, заводах, в колхозах и совхозах. Одной из форм движения "друзей книги" является объединение многих личных библиотек в одну и предоставление ее в общественное пользование жителей дома, поселка и т.д. В качестве примера П.Н.Берков приводит "Общество любителей книги" Свердловского района г. Москвы, организованное в 1961 г. Наконец, в качестве самой распространенной формы деятельности друзей книги автор называет предоставление личной библиотеки собирателя всем знакомым и даже малознакомым людям. Такова практика Е.Е.Тимошенко из поселка Токсово Ленинградской области, к которому каждый день идут десятки людей, одни – чтобы почитать, другие – послушать стихи, поспорить о новой повести.

Владелец этой библиотеки не только "добровольный библиотекарь", но и своего рода "издатель": вместе с членами местного литературного объединения он выпускает рукописный журнал "Вокруг книги".

Второму течению – книголюбам-библиофилам, в сущности, и посвящена вся "История советского библиофильства". "При всем нашем уважении к движению друзей книги, – пишет П.Н.Берков, – мы не можем представить себе, что, передавая свое собрание в образующуюся общественную библиотеку, истинный друг книги все-таки

не оставляет себе ни одной "самой любимой" книги, которую он перечитывает время от времени, не обращаясь к общественной библиотеке. Мы не можем назвать другом книги того, кто не имеет у себя хоть небольшой в полном смысле личной библиотеки"[16]. И далее автор внимательно разбирает известные ему единичные нападки "друзей книги" на "собирателей-коллекционеров" и книголюбов-библиофилов. Его пожелание каждому из двух течений – это добиться полного взаимопонимания.

Обратимся, однако, к краткому обзору содержания книги по главам.

Глава вторая – "Предыстория советского библиофильства" – повествует о том, как в 1917–1918 гг. рушилось старое дореволюционное дворянско-буржуазное эстетическое библиофильство, как в помещичьих усадьбах и городских барских особняках стихийно погибло немало родовых и благоприобретенных частных библиотек, как в то же время наиболее ценная и важная часть этих библиотек спасалась усилиями Советской власти и энтузиастов книжного дела и вливалась в государственные хранилища, благодаря чему Государственная библиотека СССР им. В.И.Ленина, Государственная публичная библиотека им. М.Е.Салтыкова-Щедрина, Библиотека Академии наук СССР и ряд библиотек республиканских академий наук становились крупнейшими мировыми книжными собраниями.

Особое внимание автор уделяет библиофильству 20-х годов. Им посвящены три главы – третья,четвертая и пятая, занимающие в общей сложности около 40% объема всей книги. В третьей главе охарактеризована деятельность Госиздата и частных издательств начала 20-х годов, расцвет интереса к искусству книги и книжной графике, в значительной степени связанный с деятельностью А.А.Сидорова, автора "Искусства книги" (1921 и 1922), активного участника двухтомника "Книга в России" (1924–1925) и редактора журнала "Гравюра и книга" (1924–

[16] Берков П.Н. История советского библиофильства. С. 243.

1925), возрождение торговли, в которой большое участие приняли старые и опытные книжники: П.П.Шибанов, Ф.Г.Шилов, П.Н.Мартынов и др. П.Н.Берков переходит к рассмотрению попыток той поры переосмыслить понятия "книжная редкость", "библиофил", "библиофильство" и т.п. (А.И.Малеин, М.Г.Флеер, А.П.Кондратьев, Н.Ю.Ульянинский, П.П.Шибанов, Ф.Г.Шилов, А.М.Ловягин, М.Н.Куфаев, А.Г.Фомин и др.). Отмечая распространенное в общественном мнении 20-х годов предубеждение против библиофилов и библиофильства вообще (взгляды М.Г.Флеера, считавшего, что библиофил обычно довольствуется внешним видом книг, не интересуясь их содержанием, А.М.Ловягина, утверждавшего, что библиофильские собрания были порождением капитализма и должны прекратиться вместе с ним, и т.д.), автор указывает, что "понадобилась длительная деятельность таких библиофилов, как Демьян Бедный и В.А.Десницкий в 30-е годы, Н.П.Смирнов-Сокольский в 40–50-е годы, В.Г.Лидин, И.Л.Андроников, В.Б.Шкловский в 50–60-е годы, чтобы библиофильство превратилось в одну из ценимых и почитаемых сторон советской культуры"[17].

Глава четвертая целиком посвящена истории деятельности Русского общества друзей книги (РОДК), оцениваемого автором как самая крупная и яркая библиофильская организация 20-х годов. Здесь же даются характеристики главных деятелей РОДК: В.Я.Адарюкова, М.П.Келлера, А.М.Кожебаткина, П.Д.Эттингера, Д.С.Айзенштата, А.А.Сидорова, С.Г.Кара-Мурзы, Н.Н.Орлова. П.Н.Берков включает в изложение отрывки из писем и воспоминаний членов РОДК, стихотворений А.А.Сидорова, "поэтического летописца Общества", воспевавшего деяния Общества, то подражая "Певцу во стане русских воинов" В.А.Жуковского, то "Дому сумасшедших" А.Ф.Воейкова. В итоге автор приходит к выводу, что РОДК обеспечило себе почетное место в истории русского библиофильства, способствуя "выработке нового типа

---

[17] Там же. С. 82–83.

книголюба, не похожего на членов замкнутого Кружка любителей русских изящных изданий и на галерею буржуазных коллекционеров, так чудесно изображенных А.П.Бахрушиным в книге „Кто что собирает”»[18].

В главе пятой объединяются воспоминания о деятельности ряда библиофильских организаций 20-х годов: Ленинградского общества библиофилов – ЛОБ (основные деятели – Э.Ф.Голлербах, О.Э.Вольценбург, М.Н.Куфаев, В.К.Охочинский, П.Е.Корнилов, Ф.Г.Шилов, П.А.Картавов и др.), Библиографического кружка друзей книги в Казани (П.М.Дульский, И.Кочергин, Б.И.Смирницкий, П.Е.Корнилов), Украинского библиографического общества – УБТ (В.Н.Перетц, С.И.Маслов, А.Ф.Середа, Я.Н.Стешенко), Белорусского общества библиофилов – БТБ (Н.Н.Щекатихин, Н.И.Касперович, В.Ф.Вольский, А.Н.Тычина) и о крупнейшем библиофиле-одиночке той поры Демьяне Бедном. (О Н.П.Лихачеве, В.А.Десницком, И.Ю.Крачковском речь шла в предыдущей книге – ”Русские книголюбы”; впрочем, к библиотеке Десницкого П.Н.Берков возвращается еще раз в главе VII.)

В главе шестой коротко изложены события и факты, имеющие основное значение для истории библиофильства в 30-е годы. Начало этого периода отмечено свертыванием частных издательств, существовавших со времени нэпа, укреплением государственных издательств, сопровождаемых их специализацией (типизацией), возникновением Книготоргового объединения государственных издательств, развитием государственной антикварно-букинистической торговли. Вместе с тем именно к 1929–1931 гг. относилось закрытие библиофильских организаций Москвы, Ленинграда, Киева и Минска, которые, если позволено будет высказать здесь такую догадку, могли рассматриваться в ту пору как своеобразные спутники нэпа. Взамен их местами образовались секции в составе других коллекционерских объединений, в союзе с филателистами или экслибрисистами. В результате утра-

[18]Там же. С. 126.

ты былой самостоятельности "история библиофильских организаций Москвы и Ленинграда в 30-е годы ни в какой мере не может сравниться с их историей в предшествующее десятилетие"[19], – пишет П.Н.Берков. Все же он приводит имеющиеся в его распоряжении сведения о деятельности Секции собирателей книг и экслибрисистов Московского отдела Всероссийского общества филателистов (ССК и ЭМОВОФ) и Секции библиофилов и экслибрисистов Северно-Западного отдела ВОФ (СБ и Э С-З ОВОФ), которые вошли с 1933 г. в состав Московского и Ленинградского обществ коллекционеров. В этой же главе П.Н.Берков подробно рассказывает о крупнейших библиофилах, не принимавших деятельного участия в жизни библиофильских организаций. "Библиотеки таких, в общем нерадивых, библиофилов обычно представляют особый интерес для истории советского библиофильства"[20]. Такими библиофилами оказываются здесь В.А.Десницкий и крупнейший собиратель русской поэзии от ее возникновения до XX в. И.Н.Розанов. В конце главы автор возвращается к библиотеке Максима Горького, о которой он подробно рассказывал уже в "Русских книголюбах".

Совершенно исключительный характер по своему содержанию имеет глава седьмая "Советское библиофильство в годы Великой Отечественной войны". П.Н.Берков показывает, что "в тяжелые, суровые годы войны советское библиофильство, любовь к книге не только не прекратились, но, напротив, продолжали существовать и развиваться, продолжали оказывать большую психологическую помощь людям, морально поддерживать их, скрашивать собой нечеловеческие порою трудности жизни тех лет"[21]. Особенно сильное впечатление производят материалы о библиофильской жизни в осажденном, голодавшем и вымиравшем Ленинграде, например, о книж-

---

[19] Там же. С. 165.
[20] Там же. С. 176.
[21] Там же. С. 182.

ном базаре, открытом Книжной лавкой писателей 1 ноября 1942 г. Объявление о предстоящем базаре, переданное накануне по радио, было перехвачено немцами, и в момент открытия, перед дверями лавки фашистские летчики сбросили бомбу. В результате три человека погибли, но базар все-таки состоялся. Осажденные книголюбы устраивали заседания, посвященные книге и графике, и даже умудрялись печатать художественно оформленные пригласительные билеты. Так состоялось заседание, посвященное памяти П.Д.Шиллинговского (август 1942 г.), выставка произведений В.М.Конашевича (август 1943 г.), заседание памяти М.В.Нестерова (15 октября 1943 г.), памяти И.Е.Репина (30 июня 1944 г.) и др.

Одни только эти скупые факты свидетельствуют о "бессмертной неистребимой любви к книге и книжной графике у этих истощенных, полуживых людей"[22].

В главе восьмой, посвященной послевоенному пятилетию (1945–1950), приводятся сведения об усиленном росте антикварных отделов при московском и ленинградском магазинах АН СССР, в высокой мере содействовавших восстановлению погибших или разрозненных за годы войны библиотек ученых, о расширении деятельности книжных лавок писателей, антикварных и букинистических магазинов Москвы и Ленинграда, книжных базаров, приурочиваемых ко Дню печати, и т.д.

В начале 1947 г. в Ленинграде при Доме ученых возникла Секция коллекционеров (ныне Секция книги и графики). Организаторами ее были М.Н.Куфаев, О.Э.Вольценбург и филокартист Н.С.Тагрин. К этому времени П.Н.Берков относит "новое явление в истории советского библиофильства, зародившееся еще в самом конце Великой Отечественной войны и не имевшее прецедентов в предшествующий период, – возникновение особого вида полухудожественной, полуочерковой литературы с библиофильской тематикой, но обращенной к широкой читательской аудитории, а не к узкому кругу библиофи-

---

[22]Там же. С. 191.

лов, как было обычно до того времени"[23]. Здесь на первом месте стоят имена Н.П.Смирнова-Сокольского, В.Г.Лидина, И.Ю.Крачковского.

Подводя итоги послевоенного пятилетия, П.Н.Берков считает важнейшими явлениями истории библиофильства за этот период именно возникновение библиофильской массовой литературы и тягу разрозненных библиофилов к объединению в оформленные научно-общественные организации.

Периоду нового, невиданного еще расцвета советского библиофильства, приходящемуся на два последних десятилетия, автор отводит две главы – девятую и десятую. Они занимают вдвое меньше места, чем главы с третьей по пятую, в которых изложена история 20-х годов. Такое ограничение объема произошло, очевидно, отнюдь не вследствие недооценки значения новейшего этапа и не потому, что недоставало материалов для написания его истории. Напротив, как явствует из введения к книге, с которым мы знакомились выше, этих материалов накопилось так много, что для них нужен еще один том, впрочем, построенный по иному принципу. Мы ограничимся здесь краткой передачей содержания каждой из двух названных глав.

В девятой главе дается обзор состояния антикварно-букинистической торговли в рассматриваемый период, отмечается возникновение журнала "В мире книг" и газеты "Книжное обозрение", дальнейшее развитие советской библиофильской литературы, прослеживается деятельность Секции коллекционеров (книги и графики) при Ленинградском Доме ученых, секции книги при Московском Доме ученых и Клуба любителей книги при Центральном Доме работников искусств. Конец главы посвящен собранию Н.П.Смирнова-Сокольского, которое П.Н.Берков характеризует как замечательнейшее книжное собрание советского времени, выдающееся явление советской культуры.

---

[23]Там же. С. 197–198.

Последняя, десятая глава книги содержит краткий обзор деятельности библиофильских организаций помимо рассмотренных выше. Здесь мы встречаем Харьковский клуб любителей книги (бессменный руководитель – известный украинский книговед И.Я.Каганов), возникший осенью 1965 г., а также новую секцию библиофилов при Ленинградском обществе коллекционеров, "главным двигателем" которой П.Н.Берков считает А.Б.Лоева. Почти в то же время в Москве организуется секция журналистов-книголюбов при Центральном Доме журналиста, полугодием позднее – Клуб книголюбов при Центральном Доме литераторов (инициатор – директор ЦДЛ Б.М.Филиппов). Автор делится также с читателем сведениями о Херсонском клубе любителей книги (председатель совета клуба – М.А.Емельянов), о секции любителей книги при Одесском Доме ученых (председатель – И.Л.Дайлис), о Клубе любителей книги в Баку (председатель – Г.С.Дудко).

Заканчивает он свое изложение краткими сведениями о деятельности экслибрисистов, постепенно обособившихся от библиофильства. Конечный вывод автора состоит в том, что "история советского библиофильства – естественная и законная часть советской культуры"[24].

Автор настоящего обзора "Библиофильской трилогии" имел возможность ознакомиться с "Историей советского библиофильства" еще в рукописи, когда она была послана ему издательством "Книга" на рецензию. П.Н.Берков получил рецензию осенью 1968 г. Она содержала, помимо общей оценки труда, конечно, полностью положительной, также несколько частных замечаний редакционного характера и одно суждение, имеющее, на наш взгляд, принципиальное значение. Прежде чем воспроизвести его здесь, позволю себе процитировать часть письма П.Н.Беркова, написанного им сразу по получении упомянутой рецензии: "Конечно, то, что может быть введено в текст без необходимости значительной перестройки его, будет

[24] Там же. С. 237.

мною сделано. То же, что неизбежно потребует переделки (конкретно: предложенное Вами объяснение роста библиофильства в 50–60-х гг., стр. 4–7 отзыва), я тоже осуществлю, но еще не знаю, в какой форме, – простым дополнением соответствующего листа рукописи или введением цитаты из Вашего отзыва в мое авторское редисловие. Во всяком случае, это будет с благодарностью учтено".

Не могу судить, помешали ли П.Н.Беркову осуществить высказанное намерение недостаток времени, болезнь, быть может, он просто передумал, но приведенные выше его слова дают, думается, право воспроизвести здесь то место упомянутого отзыва, против которого П.Н.Берков не собирался возражать.

Сначала мы возвращаемся к неоднократно повторенной им мысли о том значении, которое имело для нового подъема библиофильства в 50–60-е годы возникновение библиофильской массовой литературы и отчетливая тяга к объединению отдельных разрозненных библиофилов. Никоим образом не желая снизить роли этих факторов, мы хотим, однако, отметить, что все эти явления имели, так сказать, внутренний по отношению к изучаемой области культуры характер и не смогли бы в дальнейшем привести к сколько-нибудь значительному развитию библиофильства, если бы они не совпали по времени с начальным этапом того взлета науки, техники и культуры, который осознается нами теперь как научно-техническая революция (см. с. 232–233).

Однако дело не только в том, что должны быть в той или иной форме отмечены те существенные объективные условия, на фоне которых стал возможен расцвет советского библиофильства за последние полтора – два десятка лет. Дело также и в том, что теперь было бы несправедливо ограничивать библиофильство традиционными рамками, охватывающими художественную литературу, искусство, литературоведение, историю и путешествия. Современный библиофил (не только у нас, но и на Западе) все чаще интересуется изданиями классиков естест-

венных и точных наук, первыми изданиями в этой области знаний, а также изданиями выдающихся произведений в области техники (любопытно отметить, что в этом направлении старая библиофильская традиция допускала лишь архитектуру, военное дело, воздухоплавание и без всяких оговорок – кулинарию).

Мы хотим здесь обратить внимание на то, что к объектам советского библиофильства ныне должны быть отнесены на равных правах с остальными, например, книги серии "Классики естествознания" Гостехиздата, в оформлении которых видно подражание изданиям "Academia" и более поздней серии АН СССР "Классики науки", которая не только по более высокому уровню научного аппарата, но и по высокой культуре оформления обнаруживает, так же как и серия "Литературные памятники", серьезный прогресс по сравнению с типическими изданиями той же "Academia". Напомним, кстати, что одним из первых, если не первым, изданий серии "Классики науки" был двухтомник поэмы Лукреция "О природе вещей", содержащий русский перевод рядом с латинским оригиналом. В наших глазах Лукреций, открывающий издание "Классиков науки", является великолепным символом нерасторжимости союза науки и искусства в их высших проявлениях. Очевидно, что приведенные выше соображения, в связи с цитированным письмом П.Н.Беркова, должны рассматриваться не как возражение автору замечательного труда по истории советского библиофильства, а, скорее, как некоторое дополнение, сделанное рукой искреннего почитателя и, смею сказать, преданного друга незабвенного П.Н.Беркова.

НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ КИСЕЛЕВ

Жизнь и деятельность одного из крупнейших наших специалистов в области истории западноевропейской книги

Федоровские чтения, 1974. М., 1976.

Николая Петровича Киселева тесно связаны с Государственной библиотекой СССР им. В.И.Ленина. Н.П.Киселев родился в Москве 27 августа 1884 г. Его отец Петр Сергеевич скончался, когда мальчику было 8 лет. И все же отец, по утверждению сына, успел пробудить у последнего ту склонность к историческим наукам, которую имел сам. Свидетельством этой склонности осталось издание "Памятника претекших времен" А.Т.Болотова (М., 1875), осуществленное иждивением П.С.Киселева. От матери – Аделии Ивановны Витвер, швейцарской гражданки, до замужества бывшей домашней учительницей, Николай Петрович унаследовал выдержку и способность к настойчивому труду.

В 5-й Московской гимназии, которую Киселев окончил в 1903 г. с золотой медалью, он отличался в древних языках, истории и русской словесности, интересовался историей искусств и – по его словам – вовсе не успевал в математике.

Знаменательно, что его призвание – служить книге – наметилось еще на школьной скамье. В краткой автобиографии он впоследствии напишет, что с первых классов гимназии "состоял библиотекарем ученических библиотек, и именно в области изучения печатной книги полагал наиболее подходящее применение своим способностям"[1].

Среди преподавателей, оказавших на него "величайшее влияние в смысле развития гуманистического мировоззрения", он называет на первом месте историка Н.Л.Барскова (впоследствии профессора).

Поступив на словесное отделение историко-филологического факультета Московского университета, Николай Петрович изучает западноевропейские литературы под руководством М.Н.Розанова и Е.Г.Брауна. В 1908–1909 гг. он слушает в Гейдельбергском университете лекции Неймана, Фосслера и Шнеганса по романской филологии и Генри Тоде – по истории искусства. Отметим, что немецким и французским он владел вполне и,

---

[1] ГБЛ, ф. 161, № 311.

кроме того, читал еще на 10 языках. Возвратившись в Москву, Н.П.Киселев сдает зачеты девятого и десятого семестров в университете, однако государственного экзамена не держит по неизвестной нам причине.

Двухмесячный опыт преподавательской деятельности осенью 1910 г. в той частной гимназии, в которой он сам раньше учился, убеждает его "в полной непригодности к педагогике".

В конце октября 1910 г. Н.П.Киселев начинает работать в Румянцевском музее в отделе рукописей в качестве "стажера по вольному найму". В приложении к юбилейному изданию "Пятидесятилетие Румянцевского музея (1862–1912)" под рубрикой "младшие помощники библиотекаря" читаем: "...имеющий свидетельство университета Николай Петрович Киселев (21 мая 1911 г.)". Здесь указана дата его зачисления в сверхштатные чиновники; штатным он становится с 1 июня 1912 г. В стенах Румянцевского музея Н.П.Киселев проработал всю жизнь.

Его первый серьезный труд был чисто библиографическим: "Каталог инкунабулов Московского публичного и Румянцевского музеев" (М., 1912. Вып. 1; М., 1913. Вып. 2).

В первом выпуске было описано 103 инкунабула, поступившие в музей до 1851 г., преимущественно из собрания Н.П.Румянцева, и вместе с ними еще 104 издания первой четверти XVI в., а во втором – 154 инкунабула из собрания А.С.Норова. В третьем выпуске предполагалось описать инкунабулы разного происхождения и, наконец (по инициативе хранителя отделения рукописей и славянских старопечатных книг Г.П.Георгиевского), в четвертом, последнем выпуске, – славянские инкунабулы. Сам Н.П.Киселев сообщал об этом намерении с подлинным энтузиазмом: "Четвертый выпуск будет представлять собой нечто совершенно особое и самостоятельное; предполагается посвятить его подробному описанию инкунабулов старославянских, хранящихся в числе восьми – настоящее сокровище! – тоже в отделении

рукописей"[2]. Далее он намечал программу их исследования: дать не только окончательную (в смысле точности) и исчерпывающую библиографию инкунабулов кирилловского шрифта, но и критически разобраться в массе – часто неверных или противоречивых – сведений, встречающихся у библиографов и историков. К сожалению, этот замысел Н.П.Киселева не был осуществлен.

Интерес к изучению произведений типографского искусства XV и XVI вв. возник у него вскоре после поступления в Румянцевский музей. Прямое поручение составить каталог он получил от библиотекаря Ю.В.Готье – известного историка, бывшего вторым после директора лицом в библиотеке. Свой летний отпуск 1911 г. Н.П.Киселев посвящает изучению инкунабуловедения. Не довольствуясь этим, следующим летом он с той же целью отправляется в командировку в Берлин и Мюнхен, где одновременно знакомится с постановкой библиотечного дела.

Коротко говоря, труд только что принятого на работу младшего помощника библиотекаря поднял уровень библиографической работы в Румянцевском музее на таком сложнейшем участке, как описание инкунабулов, проводившееся от первой половины XVIII в. до первого десятилетия XX в.! Действительно, библиотекарь Карл И.Кестнер, составивший рукописный каталог инкунабулов Румянцевского музея в 1851 г. (единственный до Н.П.Киселева), по-видимому, ничего не знал о "Библиографической описи" Л.Хайна[3] (1828) и начисто пренебрегал имевшимся у него под рукой трудом Панцера[4] (конец XVIII в.), ограничиваясь в качестве руководства "Типографскими анналами", составленными в первой

[2] Киселев Н.П. Каталог инкунабулов Московского публичного и Румянцевского музеев. М., 1912. Вып. 1. С. 9.

[3] Hain L. Repertorium bibliographicum, in quo libre omnes ab arte typographica inventa usque ad annum MD typis expressi ordine alphabetico vel simpliciter enumerantur vel odcuratis recensentur. Stutgartice et Lutetiae Parisiorum. 1826–1838. V. 1–2.

[4] Panzer G.W. Annales typographici ab artis in inventae origine ad annum MD. Norimbergae, 1793–1797. V. 1–5.

половине XVIII в. М.Мэттэром[5] и устаревшими ко времени Кестнера более чем на одно столетие. Н.П.Киселев в первом же своем труде выступает во всеоружии современных знаний, опираясь на материалы и методику крупнейших инкунабуловедов того времени В.А.Копинджера, Д.Рейхлинга, Р.Проктора и К.Хеблера. Три десятилетия спустя он передаст эту методику Антонине Сергеевне Зерновой, которой удастся создать на этой основе новые средства изучения старопечатных славянских книг.

Как отмечено выше, общий замысел "Каталога инкунабулов" остался нереализованным. Впрочем, если бы Н.П.Киселев полностью посвятил себя библиографии, и только ей одной, он перестал бы быть самим собой. В своих позднейших curriculum vitae[6] он предпочитал именоваться не библиографом, а библиологом, термином, ныне вытесняемым русским словом *книговед.* И он, конечно, был им – ученым, изучавшим книгу былых времен. Он добавлял при этом, что он и библиотекарь.

Вот лишь некоторые из дел, выполненных им примерно за первые 15 лет работы в качестве библиотекаря: инициатор и один из двух авторов первой инструкции по каталогизации, применявшейся в библиотеке; инициатор постройки нового книгохранилища; основатель и первый руководитель справочного аппарата; организатор Музея Книги, с весны 1918 г. – собиратель книжных богатств, оставшихся от дореволюционного времени, лично отобравший и перевезший в библиотеку до 70 тысяч томов; организатор кабинета инкунабулов и палеотипов в библиотеке Московского университета и прч. и прч. Все это требовало немало сил и времени. И все же Н.П.Киселев параллельно с основной работой в библиотеке временами служил по совместительству в других учреждениях, где его привлекала больше всего научно-литературная и редакционно-издательская работа. Так, в 1910–

---

[5] Maittaire M. Annales Typographici...Haagae–Comitum. 1719–1741. V. 1–5.

[6] Жизненный путь, поприще (*лат.*).

1914 гг. он состоял членом редакции, а с осени 1913 г. до середины лета 1915 г. – секретарем издательства "Мусагет" и в последней должности единолично руководил печатанием всех изданий. Значительно позднее – с 19 апреля 1923 г. по 10 октября 1925 г. – он служил техническим редактором в календарно-справочном отделе Государственного издательства, редактируя и печатая преимущественно работы по книговедению.

При всем разнообразии этих занятий Н.П.Киселев сохранял неизменный интерес к изданиям первого века книгопечатного искусства. В 1927–1929 гг. Библиотека им. В.И.Ленина печатает на латинском языке два выпуска широко задуманного и прекрасно оформленного труда Киселева "Опись палеотипов, хранящихся в бывшей Румянцевской, ныне Ленинской публичной московской библиотеке"[7]. Судя по краткому предисловию на обложке первого выпуска, все издание было рассчитано на 5 выпусков; вводный, который предполагалось издать в конце, должен был содержать титульный лист, предисловие и указатели. Однако издание осталось незаконченным, по-видимому, в связи с издательскими трудностями (рукопись, как сообщается в том же предисловии, была закончена еще в 1925 г.). В вышедших тетрадях описано 790 палеотипов по алфавиту авторов от Abraham до Josephus. Выпуски содержат 99 иллюстраций, дающих образцы титульных листов, страниц текста, записей на листах книги, гравюр, заставок, концовок, инициалов и т.п. И здесь издание стояло на высоте лучших мировых изданий подобного рода.

В 1939 г. Государственное социально-экономическое издательство выпускает другой важный библиографический труд Н.П.Киселева – скромно оформленный "Инвентарь инкунабулов Всесоюзной библиотеки имени В.И.Ле-

---

[7]См.: Kiselev N. Index Paleotyporum quotquot in Biiliotheca Publica olim Rumianzoviensi nunc Leniniana Mosquae asservantur. Mosquae, Fasc. 1–2. 1927–1929.

нина. Наличие на 1.I 1939 г.". Это – каталог 740 инкунабулов с краткими библиографическими описаниями первопечатных книг и их идентификацией, проведенной по основным источникам. На свой прежний каталог Киселев ссылается лишь в тех немногих случаях, когда содержащиеся там сведения были первыми для своего времени (ср., напр., № 245 "Expositio orationis dominicae" – инкунабул без места и даты издания, не отмечавшийся в других каталогах, или № 628 "Le song du vergier", Paris, Le Petit Laurens (pour Lean Alexandre à Angers), впервые подробно описанный во втором выпуске раннего каталога Киселева).

В широком историко-культурном плане Н.П.Киселев говорит об инкунабулах в популярной статье "Пятисотлетие книгопечатания (1440–1940). Главный носитель культуры" (Большевистская печать, 1940. № 13. С. 51–55) и в двух научных статьях – "Изобретение книгопечатания и первые типографии в Европе (к 500-летию книгопечатания)" (Исторический журнал, 1940. № 9. С. 77–89) и "Пятисотлетие книгопечатания (Выставка и конференция во Львове)" (Историк-марксист, 1941. № 1. С. 100–109). Наиболее глубокая его работа в области инкунабуловедения, в основном выполненная еще до войны, выходит в свет только в 1961 г. в монументальном издании Всесоюзной книжной палаты: "Неизвестные фрагменты древнейших памятников печати Германии и Голландии". Здесь подвергнуты тончайшему книговедческому и филологическому анализу фрагменты инкунабулов, некогда принадлежавшие известному естествоиспытателю и книговеду Г.Фишеру. Поступив в библиотеку Московского университета, по-видимому, в середине прошлого века, "все эти памятники, письма и печати были тщательно заперты, – пишет Н.П.Киселев, – и в течение многих десятилетий сохранялись под спудом, неведомые миру, – в то самое время, когда на Западе шла горячая погоня не только за каждым листом, но буквально за каждой строчкой, вышедшей из-под прессов первопечатников"[8].

[8] Здесь и ниже цит. по: Киселев Н.П. Неизвестные фрагменты древнейших памятников печати Германии и Голландии. М., 1961.

В рассматриваемом труде удалось установить, что среди них находится древнейший из хранящихся в библиотеках Советского Союза образец ранней европейской печати – две неполные страницы 27-строчного Доната гутенберговской печати, возникшего "никак не позднее 1450 года, а, вероятно, года на два-три ранее". Киселев обнаружил также в коллекции Г.Фишера фрагменты изданий анонимного голландского книгопечатника. Называя его "Печатником Зерцала", известный историк книгопечатания Г.Цедлер считает его предшественником И.Гутенберга и относит начало его деятельности к 30-м годам XV в. Это точка зрения, однако, не разделяется другими исследователями; Р.Проктор и К.Хеблер, например, полагают, что он начал печатать за один-два года до 1470 г. Н.П.Киселев, останавливаясь на количестве изданий и архаичности их облика, приходит к выводу, что "знакомство нидерландского прототипографа с техникой печати, изобретенной в Майнце, произошло, по-видимому, в начале 1460-х годов и во всяком случае не ранее конца пятидесятых...". Все эти предположения свидетельствуют об огромном научном интересе любых остатков деятельности "Печатника Зерцала", являющихся, к сожалению, исключительными редкостями.

Первый из фрагментов, изученных Н.П.Киселевым, – двойной лист (4 страницы) из "Доктринала" Александра из Вильде (конец 60-х годов XV в.) – издания, не уцелевшего ни в одном полном экземпляре. Тринадцать библиотек Европы и Америки хранят лишь отдельные листы из него. Теперь оказалось, что библиотека Московского университета является четырнадцатой, причем, как показал Н.П.Киселев, "московский отрывок весьма отличен от других известных, и есть полное основание утверждать, что он является абсолютным уником"[9]. Это навело его на мысль, что в конце 60-х годов нидерландским первопечатником были выпущены по меньшей мере два, а может быть и три, издания "Doctrinale" одним и тем же шрифтом и близкие друг к другу по набору.

[9] ГБЛ, оп. 161, № 311.

Другой отрывок из изданий "Печатника Зерцала" оказался также абсолютным уником. Это – остаток четырех страниц из "Двустиший Катона". Он имеет по 22 строки на страницу, тогда как близкое по типу издание "Двустиший" того же печатника, хранящееся лишь в одном (неполном) экземпляре в библиотеке им. Джона Райлэндза в Манчестере, насчитывает 21 строку на странице.

Если в течение первых 30 лет служения книге научные интересы Н.П.Киселева были устремлены к первому веку книгопечатания на Западе, преимущественно к книге, печатавшейся латинскими шрифтами (впрочем, мы помним заявку, сделанную им еще в 1911 г., на изучение инкунабулов кирилловского шрифта), то дальше и до конца своей жизни он столь же увлеченно изучает книги, печатавшиеся кирилловским шрифтом (главным образом, московские), и книги греческой печати. Благотворное расширение тематики исследований влияет и на их характер: из узко специальных они во все большей мере приобретают широкий историко-культурный интерес. Здесь уместно напомнить одну характеристику научной деятельности Киселева, сформулированную им самим в автобиографии, составленной 27 июля 1935 г. (в возрасте 51 года). Называя себя, как и в других более ранних документах, библиологом и библиотекарем, Николай Петрович добавляет, что он еще и "историк литературно-общественных течений". Это определение представляется нам весьма существенным: судить об огромных знаниях и широких замыслах Н.П.Киселева только на основании его печатных работ так же неосновательно, как и забывать о гигантском объеме айсберга, наблюдая лишь его надводную часть!

Думаю, что Н.П.Киселев называл себя так в 1935 г., когда он еще не был автором работ по истории кирилловской и греческой печати, из-за своего многолетнего увлечения историей русского масонства. Интерес к этим, далеко еще не прочитанным до конца с современных позиций, страницам прошлого возник у него давно – под влиянием его учителя по 5-й Московской гимназии

Я.Л.Барскова. Еще в 1915 г. в Предисловии к "Переписке московских масонов XVIII века" Барсков называет Н.П.Киселева, благодаря за сведения, использованные автором в отделах "справок" и "заметок" его книги. Этот интерес Н.П.Киселева к истории масонства был весьма устойчивым.

Принципиальная позиция его в изучении масонства в России как "литературно-общественного течения" отнюдь не оставалась неизменной. В молодости он сам отдал некоторую дань модным среди части интеллигенции того времени мистико-символическим течениям, увлеченно работая в "Мусагете", которое Киселев в середине 20-х годов характеризует как "частное культурно-философское и символическое издательство". В последующем он вооружается фундаментальными трудами, позволяющими оценить мистические учения с рациональных, научных позиций. Так, он приобретает в личную собственность и тщательно штудирует многотомные труды Дж.Сартона по истории естествознания и математики ("Введение в историю науки"), Л.Торндайка ("История магии и экспериментальной науки"), классические работы М.Бертелло по истории химии и алхимии, библиографию рукописных и печатных произведений по астрологии и ранней астрономии Узо и Ланкастера и т.п. Все эти труды по истории науки, чуждые всяческой мистики, сохранялись в его тесной каморке рядом с внушительным шкафом, набитым масонскими изданиями (главным образом, русскими) конца XVIII – начала XIX в. И когда автор этих строк, несколько удивленный таким соседством, просил Н.П.Киселева разъяснить связь между интересом к тому и другому, он наставительно пояснил, что нельзя как следует разобраться в масонских течениях былых времен, не имея глубоких познаний в ранней истории естественных наук средних веков и эпохи Возрождения, когда под эгидой астрологии, алхимии, магии накапливались положительные знания о мире, облаченные в мистическую одежду.

Как бы то ни было, его замысел проникновения в историю масонства остался нереализованным.

Обращаясь к занятиям Н.П.Киселева книгами кириллической печати, я не могу не обратить внимания на то влияние, которое оказала на его творчество послевоенного периода своеобразная конвергенция научных интересов его и А.С.Зерновой.

А.С.Зернова, которую Н.П.Киселев справедливо называл "главою советских книговедов, изучающих кириллическую печать", была почти на год старше его, но в науку пришла позднее. "Осуществленный ею в небывало широких размерах метод кропотливого разбора сравнения набора страниц и оттисков орнаментальных досок оказался чрезвычайно плодотворным и привел к целому ряду замечательных, можно сказать, блестящих исторических открытий", – утверждал Н.П.Киселев[10]. Мы уже упоминали, что в становлении этих методов сыграл определенную роль и сам Н.П.Киселев, привлекший внимание А.С.Зерновой к сравнительному шрифтоведению, которое проявило себя как прекрасный инструмент для изучения инкунабулов в руках Роберта Проктора и в особенности Конрада Хеблера. Однако А.С.Зернова преобразовала и существенно обогатила этот метод, исследуя помимо шрифтов также и орнаменты (заставки, концовки), которыми в изобилии украшены произведения кирилловской печати. Приобщаясь к результатам проводимой А.С.Зерновой работы по выявлению и изучению различных старопечатных славянских изданий, Н.П.Киселев постепенно заразился ее увлеченностью и, наконец, почти полностью сменил западную тематику на отечественную. Существенную роль в этом обращении Киселева к изучению кирилловской печати сыграла принятая им на себя обязанность редактора сводного каталога А.С.Зерновой "Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI –XVII веках" (М., 1958). Сам каталог снабжен лишь кратким редакторским предисловием. Очевидно, что стремление глубоко продумать и осмыс-

---

[10]Киселев Н.П. О московском книгопечатании XVII века // Книга: Исслед. и материалы. 1960. Сб. 2. С. 124.

лить огромный материал, аккумулированный в этом каталоге, привело Н.П.Киселева к работе о московском книгопечатании XVII в.

Уже в самой постановке вопросов исследования Н.П.Киселев оправдывает автохарактеристику "историка литературно-общественных течений": цель работы он видит в том, чтобы выяснить, "каким образом, на каких путях, какими этапами совершался переход от чисто литургического книгопечатания XVI века к тому универсальному, разнообразному по содержанию книгопроизводству, которое наступает в России в XVIII веке и поднимает русское книгопечатание на уровень западноевропейского"[11].

Опираясь на данные каталога, Н.П.Киселев отмечает, что вследствие государственной монополии на книгопечатание в Московском государстве около 85% всех печатных текстов XVII в. предназначалось для церковного ритуала, а остальные 15% – для чтения и обучения главным образом религиозного характера. Однако было бы неправильным не видеть известного перелома в технике издаваемых книг, приходящегося примерно на 1640 г. Уже с этого времени целью типографской работы становится не только снабжение церквей необходимыми пособиями, но и удовлетворение других запросов государственной и церковной власти. В результате запрет печатать что-либо помимо литургических книг начинает постепенно ослабевать. "Линия обмирщения печати, – заканчивает свой глубокий и содержательный очерк Н.П.Киселев, – прослеживается от Букваря Василия Бурцова (1637) с его стихотворным предисловием и забавной, вовсе не благочестивой гравюркой, ярко проявляется в двух крупных книгах государственного назначения (1649) и далее через поэтические опыты Симеона Полоцкого (1680) и Кариона Истомина (1692–1696) приходит при Петре I к математическому руководству Леонтия Магницкого и к первой русской газете (1703)"[12].

---

[11] Там же. С. 146.
[12] Там же. С. 186.

В этой работе проявляется характерная для Н.П.Киселева как историка живость ума и чувств, так контрастирующая с его внешней сдержанностью и подтянутостью. Вот, например, что он пишет о московских церковниках, которым трудно было решиться выступить в печати по вопросам религии от собственного лица: "Боялись украинцев, среди которых получила распространение уния, боялись греков, подпавших под власть неверных турок, – но всего больше боялись самих себя"[13]. А вот характеристика доводов А.С.Орлова, поставившего под сомнение авторство Ивана Федорова в отношении послесловия к Апостолу 1564 г.: "Эти соображения как раз такого порядка, на основании которых когда-то пытались отрицать авторство Шекспира: хорошо написано, следовательно, написано не им"[14].

Работы Н.П.Киселева по истории отечественного книгопечатания влили новую струю в этой области знания не только в силу широты постановки и глубины анализа, но и благодаря своему характеру, языку и стилю. Старые работы, как правило, были несколько суховаты и чопорны: до Октябрьской революции – из чувства почтения, а первые десятилетия после нее – из подчеркнутой незаинтересованности религиозной литературой далекого прошлого.

Если в рассматриваемой работе Н.П.Киселева его внимание было сосредоточено главным образом на эволюции содержания книги московской печати, то в двух других работах, последняя из которых была опубликована посмертно, он "исследует элементы изобразительных искусств, которыми пользовались мастера русского книжного дела". В небольшой статье "Наборные украшения в изданиях Ивана Федорова"[15] Н.П.Киселев прежде всего отмечает отсутствие интереса к наборным украшениям в работах как русских, так и западных ученых по

---

[13]Там же. С. 148.
[14]Там же. С. 158.
[15]Книга: Исслед. и материалы. 1964. Сб. 9. С. 69–76.

истории книгопечатания, что он находит несправедливым. В результате произведенных им наблюдений относительно юго-западных типографий, печатавших кирилловским шрифтом, Н.П.Киселев устанавливает две отличные друг от друга группы наборных украшений, давшие начало двум линиям, самостоятельно развивавшимся в продолжение многих десятилетий у последующих печатников. Оставляя в стороне первую, белорусскую, получившую начало в типографии, руководимой Симоном Будным в Несвиже (1562), он характеризует здесь вторую – украинскую, исходящую из типографии Ивана Федорова в Остроге (1580), и намечает ее дальнейшее развитие. В частности, его интересует "херувим украинец" (головка с "чубом и украинскими усами"), впервые появившийся на страницах Острожской библии. Его многочисленное "потомство" Николай Петрович прослеживает до половины XVIII в.

Он предполагал в дальнейшем значительно расширить поле исследований типографских украшений. Помню, что и в моей библиотеке его особенно интересовали типографские украшения титульных листов ряда западных изданий XV–XVI вв.

Вторая и последняя из упомянутых работ Н.П.Киселева "Происхождение московского старопечатного орнамента"[16] развивает и в известной степени завершает исследования, связанные с поисками источников заставок московского Апостола 1564 г. Н.П.Киселев напоминает здесь, что в свое время А.И.Некрасов и А.С.Орлов высказали предположение, что в основе этих заставок лежат образцы, принадлежащие поздненемецкой готике. А.И.Некрасов даже называл в этой связи имя Израеля ван Мекенема, не входя, впрочем, в дальнейшую аргументацию. Внимание самого Н.П.Киселева к этой проблеме привлекла, как он сообщает, все та же А.С.Зернова, попросив его исследовать узорные инициалы нюрнбергско-

---

[16] См.: Книга: Исслед. и материалы. 1965. Сб. 11. С. 167–198.

го печатника Петра Вагнера и сообщить результаты для включения в ее монографию[17]. "Тогда, около 1940 г., – пишет Н.П.Киселев, – мы с А.С.Зерновой полагали, что образцами для Ивана Федорова явились инициалы в различных печатных книгах Петра Вагнера; теперь мы знаем, что это совсем не так"[18]. После того как А.А.Сидоров в своей монографии "Древнерусская книжная гравюра" (М., 1951) снова назвал гравированные инициалы Мекенема в качестве прототипа троицкой рукописной орнаментики, которую, по его словам, следует считать теперь "подлинным истоком старопечатных заставок Ивана Федорова"[19], Н.П.Киселев и обратился, отказавшись от П.Вагнера, к Мекенему. Рассматриваемая статья представляет собой результаты исследования орнаментики Мекенема и миграции его "большого алфавита" (в работе Н.П.Киселева он воспроизведен полностью) в Нидерланды, на Пиренейский полуостров, в литовско-русское Вильно и Московскую Русь. Автору удалось доказать, что "в Троицком монастыре, начиная с 1520-х годов, "Большой прописной алфавит" Израеля ван Мекенема был полностью известен, нашел себе высокую оценку и весьма искусных исполнителей"[20]. Важно, однако, что анализ, произведенный Николаем Петровичем, дает ему возможность сделать следующий вывод относительно орнаментального стиля, который из рукописей Троицкого монастыря перешел в печатные книги: "...хотя привитый черенок был определенного готического происхождения, – дерево, к которому он был привит, от этого не превратилось в западное... Русский книжный орнамент был и остается русским орнаментом и после того, как он впитал в себя некоторые готические мотивы"[21].

---

[17]См.: Зернова А.С. Начало книгопечатания в Москве и на Украине. М., 1947. С. 37–39.

[18]Киселев Н.П. Происхождение московского старопечатного орнамента // Книга: Исслед. и материалы. 1965. Сб. 11. С. 169.

[19]Там же. С. 183.

[20]Там же. С. 191.

[21]Там же. С. 198.

От Ивана Федорова, точнее от проблемы изучения использованных им шрифтов, отправляется Н.П.Киселев и в своем первом исследовании, посвященном греческой печати. Как известно, в руках Ивана Федорова в Остроге находился греческий шрифт двух кеглей, использованный им в Новом завете 1580 г. и в Библии 1581 г. Уже после смерти Н.П.Киселева было установлено, что греческий шрифт использовался нашим первопечатником еще за два года до Нового завета – при печатании Азбуки на греческом и старославянском языках (Острог, 1578). В статье "Греческая печать на Украине в XVI веке. Иван Федоров и его последователи"[22], Н.П.Киселев устанавливает особенности греческого шрифта Ивана Федорова, отличавшие его от шрифтов западноевропейских печатников, и рассматривает основные факты его дальнейшего использования в львовских изданиях, прежде всего в работе Братской типографии, где греческий шрифт сочетается с кирилловским. При этом он обращает внимание на "единственный в своем роде феномен. В славянский текст, набранный кириллицей, в большом числе вкраплены прописные буквы из греческого шрифта"[23]. Подчеркивая поразительный эффект этого эксперимента Братской типографии, выразившийся в том, что "славянские слова, набранные греческими прописными буквами... оставляют полное впечатление русского гражданского шрифта", Н.П.Киселев относит это явление, не отмеченное до него историками русского книгопечатания, к предыстории "русской гражданки".

Статья "Книги греческой печати в собрании Государственной библиотеки СССР им. В.И.Ленина", опубликованная посмертно, представляет незаконченный труд. Последние годы жизни Н.П.Киселев занимался составлением каталога книг греческой печати XV–XVIII вв., находящихся в собрании ГБЛ, но успел описать только 10 книг

---

[22] См.: Книга: Исслед. и материалы. 1962. Сб. 7. С. 171–198.
[23] Там же. С. 192.
[24] Там же. С. 196.
[25] См.: Книга: Исслед. и материалы. 1973. Сб. 26. С. 124–146.

XV и XVI вв. В статье полностью опубликовано введение к каталогу. Н.П.Киселев выделяет книги на греческом языке для греков, отмечая их особое значение в качестве вех распространения книгопечатания в странах Восточной Европы, "история которого полна величайшего интереса, но изучена лишь поверхностно и недостаточно". Количество таких книг в ГБЛ, изданных до 1800 г., по его оценке, едва ли превышает две сотни. Среди 137 уже выявленных им книг к XV в. относится всего одна, к XVI в. – девять. Две из числа последних – львовской печати – "Просфонима" (1591) и "Грамматика доброглаголиваго еллинословенского языка" (1591) – напечатаны на греческом и церковнославянском языках. Описание всех этих десяти книг XV и XVI вв. занимает большую часть рассматриваемой публикации.

Н.П.Киселев прожил долгую жизнь (скончался 17 апреля 1965 г.). Его творческая деятельность продолжалась до последних дней. Ни в одной из своих работ, как опубликованных, так и оставшихся в рукописи, он не спешил ставить точку,формулируя множество интересных и трудных задач, над разрешением которых он, без сомнения, собирался еще работать сам. Кем был он на протяжении всей своей небогатой внешними событиями жизни, но такой цельной по постоянной устремленности к книге и вместе с тем необыкновенно насыщенной и разнообразной по духовным интересам? Сам себя он именовал, как мы видели, библиологом, библиотекарем и библиографом. Он был также и библиофилом в высоком, буквальном значении этого слова, хотя, как говорил он автору этих строк, страсть к собиранию книг для себя давно угасла в нем, сменившись страстью собирания для сделавшейся родной государственной библиотеки. Когда вспоминаешь о нем, о его неутомимой деятельности, вновь перечитываешь его немногочисленные, но удивительно наполненные, проникновенные работы, то хочется печатать его скромные звания – Библиолог, Библиотекарь, Библиограф, Библиофил – с самой большой буквы, какая только найдется в типографской кассе.

БИБЛИОТЕКА УЧЕНОГО

Сердце девушки, вываренное в йоде,
Окаменелый обломок позапрошлого лета,
И еще на булавке что-то вроде
Засушенного хвоста небольшой кометы.

Так изображал атрибуты ученого молодой Маяковский в своем сатирическом "Гимне ученому" (1915). Каждый согласится, однако, что подобные предметы приличествуют скорей алхимической лаборатории XVI в., чем кабинету ученого нового времени. Портретисты и театральные постановщики обычно изображают ученого в окружении книг, на фоне его библиотеки. И они глубоко правы, поступая таким образом. Библиотека, независимо от специальности ученого, является его лабораторией. В ней он черпает необходимые для работы сведения, в ней встречает суждения, которые либо подтверждают правильность хода его мысли, либо, что не менее важно, вызывают потребность возражать, спорить и бороться. Библиотека позволяет также преодолевать односторонность ученого, почти неизбежно вызываемую углубленным изучением избранной темы, она как бы стократно расширяет вместимость его разума, становится прямым продолжением его физического и духовного существа.

Но из каких книг состоит эта библиотека, какую роль играет она в творчестве его владельца, в его жизни? Ответ на эти вопросы служил бы драгоценным добавлением к биографии ученого, часто, быть может, более содержательным, чем сама биография.

К сожалению, в большинстве случаев, поскольку речь идет о прошлом, мы не только не имеем точных сведений о составе личных библиотек выдающихся ученых, но не знаем даже и того, обладали ли эти ученые сколько-нибудь значительными библиотеками. История сохранила немало имен знаменитых библиофилов, обычно людей

Наука и жизнь. 1972. № 5.

широкообразованных, но ученых в подлинном смысле этого слова среди них обнаруживается не так-то много. Воспользуемся, например, данными книговедческой энциклопедии, изданной в середине нашего века[1]. Среди 146 наиболее известных библиофилов всех времен и народов мы обнаруживаем лишь 7 ученых (правда, в их число входят Аристотель, Петрарка и Эразм Роттердамский). Подавляющее большинство прославленных библиофилов – это короли и аристократы, князья церкви и богачи. Их библиотеки выделялись не только значительным общим числом собранных рукописей и книг, но и обилием редчайших и ценнейших экземпляров, нередко исполненных на пергамене, украшенных великолепными миниатюрами (в печатных книгах их вытеснили гравюры), облаченных в драгоценные переплеты. Подобные экземпляры, стоившие целого состояния, лишь случайно становились достоянием ученого, как, впрочем, не слишком баловала его судьба и заурядными рукописями, также стоившими довольно дорого. Конечно, бывали и исключения. Так, профессор теологии Краковского университета Ян Домбрувка (умер в 1472 г.), девять раз избиравшийся ректором, оставил библиотеку, содержавшую более 100 рукописей. В ней были "Энеида" Вергилия, трактаты Цицерона, "Диалоги" Платона, "Метаморфозы" Овидия, "Логика" Аристотеля. Некоторые рукописи представляли настоящие произведения книжного искусства, например "Дигесты" Юстиниана с миниатюрами мастера из Болоньи или Библия XIII в., орнаментированная французскими мастерами[2]. Если же рассматривать проблему в целом, то понадобилось изобретение и повсеместное распространение книгопечатания, прежде чем книги, доступные по цене и представленные в достаточно широком и разнообразном ассортименте, начали в возрастающих количествах проникать в скромные жилища ученых.

---

[1] Kirchner J. Lexikon des Buchwesens. Stuttgart, 1952–1953.

[2] См.: Немировский Е.Л. Начало славянского книгопечатания. М., 1971. С. 22–23.

При знакомстве с библиотекой ученого на первый план выступает отнюдь не редкость и ценность составляющих ее книг, а культурно-историческая и научная, а вместе с тем и личная сторона дела: тематика основных отделов библиотеки, подбор книг и авторов, методы работы и обращения с книгой ее владельца, его отношение к содержанию книги, выражающееся в надписях на титульном листе, выделении частей текста, замечаниях на полях (маргиналиях) и т.п. Короче говоря, книги привлекают нас здесь не сами по себе, а главным образом в отношениях к их хозяину.

Чем дальше в глубь веков, тем короче и отрывистее сведения о библиотеках ученых. Мы знаем, например, что знаменитый химик Роберт Бойль (1627–1691) обладал значительной библиотекой. К сожалению, она была распродана уже через год после его смерти. Сохранились лишь сведения о числе книг того или иного формата: 330 книг в пол-листа (фолианты), 801 – в четверть листа, 2440 – в восьмую и двенадцатую долю листа. До сравнительно недавнего времени сведения о библиотеке Ньютона (1642–1727) носили такой же характер. В инвентарном списке имущества, оставшегося после Ньютона, значились 362 фолианта, 477 книг в четверть листа, 1057 – в восьмую долю листа и "...около сотни фунтов брошюр и негодных книг". Лишь в нашем веке одному из биографов Ньютона[3] удалось проследить судьбу и восстановить состав его библиотеки, казалось бы, полностью исчезнувшей. Выяснилось, что она в год смерти Ньютона была целиком продана в одни руки. Покупатель подарил ее сыну – ректору одной из духовных школ вблизи Оксфорда, а тот аккуратно наклеил на каждую книгу свой экслибрис. После его смерти библиотека досталась его преемнику на ректорском посту, который столь же аккуратно наклеил свои экслибрисы поверх прежних. Его заслугой, облегчившей труд позднейшего исследователя, было составление и

[3]De Villamili R. Newton, the man..., 1931.

издание полного каталога библиотеки с указанием цены каждой книги (1760). Почти два века после кончины Ньютона его библиотека оставалась на территории Англии. Хранители и не знали, чью библиотеку они берегут. По этой причине часть библиотеки в начале 20-х годов нашего века была с легким сердцем продана с аукциона в США. Лишь после этого была раскрыта истина, и началось тщательное изучение состава библиотеки великого ученого. В части, оставшейся в Англии, обнаружено значительное число произведений античных авторов на латинском и греческом языках, французских книг и описаний путешествий.

Исключительная роль Дидро и Вольтера во всем "веке просвещения" оправдывает наше внимание к их библиотекам, хотя их владельцы и не были учеными в строгом смысле этого слова. Известно, что та и другая библиотека были приобретены Екатериной II, которая за один этот акт была причислена историками библиофильства к сонму выдающихся библиофилов. Коронованная любительница книг проявила немалую по тем временам щедрость. Дидро, помимо оплаты стоимости его книг, была установлена пожизненная пенсия хранителя его библиотеки – тысяча ливров в год (размер пенсии члена Парижской академии наук того времени) и выплачена за 50 лет вперед. Наследница Вольтера – его племянница и спутница жизни мадам Дени получила от Екатерины "сто тридцать пять тысяч триста девяносто восемь ливров четыре су шесть денье", как она пунктуально проставила в своей расписке, заканчивающейся заявлением, что теперь она берет на себя смелость преподнести императрице в дар библиотеку своего покойного дяди. Судьбы библиотек Дидро и Вольтера сложились по-разному. После смерти Екатерины хранители нашли, что среди книг Дидро (а их было около 3 тысяч) "нет ни одного замечательного экземпляра, никакой выдающейся особенности", засвидетельствовав тем самым полное непонимание того, чем дорога для потомков библиотека выдающегося мыслителя. В результате книги поступили в общий фонд Эрмитаж-

ной библиотеки и смешались там с другими книгами. В настоящее время лишь в отношении немногих отдельных экземпляров можно судить об их принадлежности к библиотеке самого Дидро. Напротив, библиотека Вольтера являет собой счастливый и, к сожалению, крайне редкий пример собрания, полностью сохранившего свой первоначальный состав и вид. В 1961 г. Академия наук СССР совместно с Государственной публичной библиотекой им. М.Е.Салтыкова-Щедрина издала под редакцией академика М.П.Алексеева объемистый каталог библиотеки Вольтера, насчитывающей 6314 томов (включая и рукописи). Примерно на половине всех книг имеются пометы Вольтера: замечания на титульном листе, оценивающие автора или его произведение, многочисленные записи на полях, отчеркивания, кусочки бумаги, приклеенные слюной к заинтересовавшему месту, загибания углов, закладки – всего издатели каталога проследили до 17 различных типов таких помет.

В настоящее время Государственная публичная библиотека им. М.Е.Салтыкова-Щедрина, в которой хранится драгоценное собрание, совместно с Академией наук ГДР готовят многотомное издание, где будут полностью приведены все места из книг, так или иначе выделенных Вольтером, вместе с воспроизведением самих помет. За упомянутыми здесь изданиями стоит многолетняя кропотливая работа многих людей, требовавшая от них большой любви к делу и обширных знаний. И все же в случае библиотеки Вольтера положение исследователя исключительно выгодно. В самом деле, он видит и осязает каждую книгу библиотеки в той конкретной форме, в какой ее видел и осязал сам Вольтер. А как он должен поступить, когда библиотека ученого не дошла до нас? Какие задачи здесь можно ставить, какими средствами их решить? Мы остановимся на двух примерах, представляющихся нам поучительными.

В первом из них пойдет речь о ныне забытом – sic transit gloria mundi[4] – французском физике XVIII в. де Мэране

[4] Так проходит слава мира (*лат.*).

(Jean–Jacques Dortous de Mairan, 1678–1771)[5]. Современный исследователь[6], также француз, пытается путем анализа состава библиотеки де Мэрана обнаружить характерные черты мировоззрения, культурных запросов и вкусов значительной группы людей, к которой по своему происхождению и положению в обществе принадлежал владелец библиотеки. О самом составе он судит по уцелевшему экземпляру каталога, составленного по случаю распродажи библиотеки. Когда-то имя де Мэрана было широко известно: он состоял членом Парижской академии наук и ее непременным секретарем, членом Французской академии (одним из 40 "бессмертных"), почетным иностранным членом Петербургской Академии наук и многих других академий и научных обществ Европы. Старый его биограф сообщает, что де Мэран был не только ученым-физиком: он владел теорией музыки, хорошо играл на многих инструментах, проявлял художественный вкус в суждениях о живописи и скульптуре, был весьма эрудирован в вопросах хронологии и античной культуры и, подобно Фенелону – своему непосредственному предшественнику на посту секретаря академии, – обладал даром украшать изяществом стиля наиболее абстрактные теории. Его библиотека, состоявшая из 3400 томов, разделила печальную судьбу библиотек многих других ученых: она была пущена с торгов уже через полгода после смерти владельца. Счастье, что книжная лавка, взявшая на себя продажу книг, издала каталог почти на 200 страницах, один экземпляр которого дошел до наших дней. Впрочем, тот, кому случалось держать в руках эти старинные каталоги, где сведения о книге ограничиваются именем автора, названием (часто сокращенным) и указанием формата, знает, насколько это скудный и не вполне точный источник. Исследователю пришлось проявить немало остроумия и изобретатель-

[5] См.: Michaud, Biographie universelle nouv. ed. Paris; Leipzig. T. 26, P. 161–163.

[6] Рош Д. Ученый и его библиотека в XVIII в. // Век просвещения. Москва; Париж, 1970. С. 113–148.

ности, добавить все, что давала биография и сохранившаяся переписка де Мэрана, чтобы прийти к выводам, которые мы здесь вкратце передаем.

Доходы де Мэрана определялись его научными занятиями. Его старший современник, богатый и независимый Монтескье, владелец родового замка, великолепной библиотеки и обширных виноградников, говорил с сознанием своего социального превосходства: "Для Реомюров и Мэранов естественные науки примерно то же, что для субарендатора земельный участок". Затрачивая в среднем шестую часть своего ежегодного дохода, превышавшего 2 тысячи ливров, де Мэран сумел за 60 лет научной деятельности составить библиотеку, оцененную при продаже в 18 тысяч ливров. В ней примечательным образом сочетались науки старого и нового времени. Книги, изданные до 1700 г. и после 1700 г., были количественно представлены почти одинаково: соответственно 47 и 53 %. Если еще в XVII в. в ученых библиотеках преобладали латинские и греческие книги, то здесь книг на латинском языке было только 38 %, а греческих лишь 1,5%. Интересно отметить, как уменьшается в библиотеке де Мэрана число латинских книг в зависимости от даты издания: почти три четверти его латинских книг изданы до 1700 г. Естественно, что следующее место за латинскими книгами в библиотеке занимают французские, затем идут итальянские и английские. География мест издания книг достаточно широка. Здесь, помимо французских городов, все крупные академические, университетские или издательские центры Европы: Амстердам, Лейден, Гаага, Роттердам, Венеция, Рим, Болонья, Неаполь, Флоренция, Парма, Модена, Палермо, Базель, Цюрих, Кельн, Франкфурт, Вена, Нюрнберг, Берлин, Тюбинген, Лейпциг, Иена, Магдебург, Лондон, Оксфорд, Кембридж, Эдинбург, Глазго, Санкт-Петербург, Прага и т.д. Две трети всех книг – это труды по физике, астрономии, математике, естествознанию, архитектуре и техническим вопросам (ремеслам). Среди них – творения античных и арабских авторов: Евклида, Архимеда, Аполлония, Птолемея, Плиния,

Галена, Гиппократа, Авиценны; классиков европейской науки: Коперника, Тартальи, Кардана, Амбруаза Паре, Виета, Тихо Браге, Кеплера, Бэкона, Галилея, Декарта, Гассенди, Гюйгенса, Мальпиги, Ньютона; из современников: Эйлера, Клеро, Даламбера, Линнея, Бюффона и других. Этот подбор авторов свидетельствует о превосходном научном чутье и вкусе владельца библиотеки. Немалое место занимают справочные издания: "Энциклопедия" Даламбера и Дидро, академический "Словарь искусств и ремесел", свыше сотни больших языковых словарей и грамматик различных языков. Периодика охватывает все важнейшие европейские издания того времени, включая 93 тома "Журналь де Саван" (1665–1770). В библиотеке представлены философы и моралисты, "либертины" XVII в. и просветители XVIII в., а также художественные произведения Данте, Ариосто, Тассо, Сервантеса, Мольера, Корнеля, Лафонтена, Буало, Сервантеса, Скаррона, Фенелона, Прево, Мариво, Монтескье, Руссо, Гольдони, Лессинга, Геснера и др.

Мы задержались так подробно на библиотеке де Мэрана потому, что на этом примере выступают почти все черты, характерные для библиотеки ученого нового времени: в ее основе не лежит обычно какое-либо собрание, полученное по наследству; она составляется постепенно, на средства, получаемые ученым от его занятий; общее число названий достигает нескольких тысяч; в ней выделяется ядро – центральная часть, отвечающая непосредственным научным интересам владельца; в нее входят не только современные, но и классические научные произведения; она многоязычна и содержит в себе оригинальные тексты научных работ (наряду с возможными переводами); в ней представлена научная периодика (чем ближе к нашему времени, тем больше становится этот отдел; в наши дни центральное место в нем и по значению и по объему занимают реферативные журналы); она располагает развитым справочным аппаратом; помимо основного ядра в нее входит также более или менее обширная часть, отвечающая духовным запросам владельца, выхо-

дящим за пределы основной специальности. Добавим еще одну важную характеристику библиотеки ученого: наиболее капитальные труды входят в нее в нескольких различных изданиях, отличающихся одно от другого своей полнотой, редакцией текста, комментариями, языком (подлинник и различные переводы). Благодаря этому владелец может овладеть их содержанием с наибольшим возможным проникновением и глубиной. Той же цели служит и подбор критической или полемической литературы, вызванной изучаемым трудом. Так, например, в библиотеке де Мэрана "Начала" Евклида имелись в 8 изданиях (одно в английском переводе), труды Архимеда — в 6, "Конические сечения" Аполлония — в 5, "Новая астрономия" Кеплера — в 3, "Оптика" Ньютона — в 6 изданиях, из которых одно на английском, два на французском и три на латинском, и т.п. Важнейшее произведение Ньютона "Математические начала натуральной философии" было представлено у него семью различными изданиями, к которым присоединялись популярные изложения: Альгаротти "Ньютониазм для дам" (на итальянском языке) и Вольтера "Основы философии Ньютона", а также разного вида полемические сочинения, где либо опровергалось учение Ньютона, либо опровергались сами эти опровержения.

Второй пример, который мы здесь приведем, также имеет принципиальное значение. Речь пойдет о библиотеке ученого, от которой не осталось ни самих книг, ни полного их списка (такового, по всей вероятности, и не существовало). С подобным положением мы встречаемся в случае М.В.Ломоносова, удивительного русского самородка XVIII в., многостороннего ученого и поэта, о котором Пушкин сказал, что он сам был первым нашим университетом.

Советский исследователь Г.М.Коровин поставил цель определить в главных чертах круг чтения Ломоносова[7].

---

[7] Коровин Г.М. Библиотека Ломоносова: Материалы для характеристики лит., использованной Ломоносовым в его трудах и каталог его лич. б-ки. М.; Л., 1961.

Эта увлекательная задача, подобную которой следует ставить и для других крупнейших деятелей науки, конечно, не тождественна восстановлению состава личной библиотеки, так как, вообще говоря, ученый не всегда прочитывает каждую книгу своей библиотеки и далеко не каждая прочитанная им книга (или журнальная статья) является его собственностью. В нашу задачу не входит оценка достоверности и полноты полученных результатов. Отметим только, что Г.М.Коровин выявил, расположил по отделам и аннотировал 670 названий книг, рукописей, периодических изданий и статей, на которые ссылался, которыми пользовался или о которых упоминал Ломоносов. При этом были учтены не только его труды, но и его переписка, его автобиографические и служебные документы (например, отзывы и рецензии на книги, отчеты о научных занятиях), написанные рукой Ломоносова в последние годы жизни, библиографические списки книг, назначение которых остается невыясненным (свыше 200 названий), наконец, сведения учреждений Петербургской Академии, членом которой был Ломоносов, о книгах, бывших в его руках в разное время (справки библиотеки академии о книгах, им взятых, счета книжной лавки на приобретенные им книги, счет переплетчика за переплеты книг).

Очевидно, что аналогичные средства применимы и для выявления возможного круга чтения других ученых, библиотеки которых не уцелели.

Мы не касались до сих пор одного существенного различия между библиофилом и ученым в их отношении к книге (предполагается, что речь идет не об одном и том же лице).

Для библиофила книга – ценный объект для коллекционирования, получив который он старается либо сохранить его совершенно нетронутым, девственным (вплоть до того, что некоторые оставляют неразрезанными листы книги или журнала), либо усовершенствовать и приукрасить (скажем, посредством реставрации или облачения в соответствующий значению книги переплет). Для ученого

(и писателя) книга – не самоцель, а средство, инструмент для работы, обращение с которым полностью подчиняется интересам достижения поставленной цели. Эту сторону дела хорошо выразил П.Лафарг в своих "Воспоминаниях о Марксе": "...книги были для него орудиями умственного труда, а не предметом роскоши. Он был одно целое со своей рабочей комнатой, находящиеся в ней книги и бумаги повиновались ему так же, как члены его собственного тела". А в другом месте он приводит энергичное высказывание самого Маркса. "Они мои рабы, – говорил он, – и должны служить мне, как я хочу".

Мы уже упоминали о 17 типах различных помет, которые делал на своих книгах Вольтер. Вот как повествует его секретарь Ваньер об обстоятельствах встречи Вольтера с новой книгой: "Когда он получал какой-либо новый труд, он имел обыкновение быстро просматривать его, читая лишь несколько строк на каждой странице. Если он замечал, что в нем содержится что-либо, заслуживающее внимания, он отмечал это место закладкой; кроме того, он весьма внимательно перечитывал ее, иногда даже два раза, когда книга казалась ему интересной и хорошо написанной, и делал на полях заметки"[8]. Современные немецкие исследователи библиотеки Маркса и Энгельса приводят данные, свидетельствующие о том, что Маркс был страстным читателем не только в том смысле, что он читал необыкновенно много, но также и потому, что он читал импульсивно, с необыкновенной горячностью. Это выражалось в большом числе подчеркиваний в тексте и на полях, вопросительных знаках и заметках на книге, а также в выписках из книг, которые он обычно делал. Примерно то же можно сказать и о приемах работы с книгами В.И.Ленина: "При работе над печатными изданиями В.И.Ленин в тексте, на полях страниц, на обложках, чистых листах часто делал многочисленные пометки, подчеркивал и отчеркивал те места, которые его инте-

---

[8]Цит. по ст. М.П.Алексеева, служащей введением к "Библиотеке Вольтера" (с. 66).

ресовали, высказывал свои замечания к положениям, изложенным авторами книг или статей, делал многочисленные выписки"[9]. В каталоге личной библиотеки В.И.Ленина, содержащем более 8400 названий книг, журналов и газет на 19 различных языках, охватывающих кроме социально-экономической и политической литературы также вопросы промышленности, сельского хозяйства, транспорта, энергетики, организации труда, статистики, военного дела, древней истории, философии (от Платона до Фейербаха), естествознания, литературоведения, истории живописи, музыки, театра и т.д., значится около 900 единиц хранения с пометками Ленина. Таким образом, пометки на книгах, с которыми работает ученый, следует рассматривать как весьма распространенный прием. Гораздо дальше, однако, шел Ч.Дарвин, который для удобства работы с книгой иногда разрывал ее на части, а чтобы облегчить себе возможность подобных операций, избегал включать в свою библиотеку книги в переплетах. Рассказывают, что знаменитый английский геолог Лайелл опубликовал второе издание своих "Основ геологии" в двух томах только потому, что Дарвин разорвал экземпляр первого (однотомного) издания на две части, найдя том слишком громоздким. С брошюрами и оттисками он поступал еще более жестоко: выдирал из них интересовавшие его страницы, а остальное выбрасывал[10]. Такое обращение заставляет вспомнить о выдающемся русском историке искусства и коллекционере гравюр Д.А.Ровинском (1824–1895), который для пополнения своих исключительных коллекций гравюр вырывал из купленных им книг интересовавшие его гравированные портреты, а ставшие ненужными книги помещал в особую комнату, которую он называл "мертвецкой". Книги оттуда возвращались по пониженным ценам к книготорговцам. Ровинский не шутя утверждал, что

[9] Библиотека В.И.Ленина в Кремле. М., 1961.
[10] Thornton J.L., Tully R.I.J. Scientific books, Libraries and Collectors.London, 1954. P. 224.

именно таким путем он создает возможность неимущему человеку приобрести по дешевке книгу, в которой последнего интересует главным образом текст. Он добавлял, что "все почти библиофилы вместе с тем и охотники до портретов, и в их собраниях, как и во всяком другом, девять десятых портретов выдраны из тех же книг; да другим способом ни одного портретного собрания и составить нельзя"[11]. Что сказать об этом? Пожалуй, примерно то же, что говорится об опытах над животными в интересах развития науки. Производите их, делайте это обязательно, но избегайте жестокости! Мы уже говорили об отношении к книге библиофила. Если оставить в стороне крайности в обращении с книгой, на которые шли и Дарвин и Ровинский, все же то, что ученый проделывает с книгой в своей повседневной работе, способно заставить содрогнуться сердце истинного библиофила. Однако автор этих строк, сам являющийся страстным библиофилом – его собрание в основной части представляет своего рода музей по истории книги, – в интересах истины должен заявить, что упомянутое выше "содрогание сердца" не помешает тому же библиофилу мечтать об обладании книгой, сохранившей на себе явные следы сколь угодно свободного с ней обращения великого человека. Но особенно существенны следы такого рода для исследователя, выявляющего в отношении к книге характерные черты личности, взглядов и убеждений ее владельца.

Какой представляется нам библиотека ученого не столь уж далекого будущего? В воображении рисуется небольшая строго обставленная комната. В ней нет привычных книжных полок. Ученый сидит за пультом стола, заключающего сложный механизм. На пульте прямоугольное устройство, размером в разворот раскрытой книги; в нем экран цвета слоновой кости, с матовой поверхностью, на котором по желанию можно удобно писать цветными карандашами. Пульт снабжен приспо-

---

[11] Ровинский Д.А. Подробный словарь русских гравированных портретов. Спб., 1889. Т. 4. С. 572–573.

соблением для набора названия любой книги или статьи. Ученый может сделать это посредством клавиш, как на пишущей машинке, на языке книги.

Если ему нужно предварительно навести справку в соответствующем справочнике, реферативном журнале, библиографическом указателе, каталоге и т.п., то он набирает название этого справочного пособия. Запрос немедленно поступает в библиотечный центр, где в виде микрофильмов хранятся в строгой системе книги и статьи, представленные в возможно более полном наборе. Через несколько мгновений в окошке пульта появляется первая страница или целый разворот требуемой книги. Ученый сам устанавливает и регулирует в дальнейшем темпы ее просмотра (перелистывания), то есть смены кадров микрофильма. Если в этом встречается необходимость, он задерживает кадр, делает на полях экрана необходимые заметки и включает аппарат для воспроизведения страницы или разворота вместе со сделанными заметками. Он может сохранить сделанный снимок себе для дальнейшей работы –это вместо того, чтобы оставлять в книге закладку, загибать страницу или ее угол или, наконец, вырывать нужный лист.

Не будем, однако, пытаться развивать детали этой картины. Это всегда рискованно, когда речь идет о будущем. В одно нам хочется верить. Как ни соблазнительны перспективы использования современной техники, позволяющие неограниченно расширять кабинет ученого и предоставлять в его полное распоряжение практически всю накопленную человечеством научную информацию, все же никогда не выведутся "чудаки", которые будут окружать себя любимыми книгами "доброго старого" времени и наслаждаться непосредственным общением с ними, неторопливо перелистывая слегка пожелтевшие страницы.

ПЕТРАРКА-БИБЛИОФИЛ

"Петрарка, – говорит Ф.Монье, – является предком гуманистов, первым по времени и первым по гению"[1].

У этого великого человека были, конечно, свои слабости. Его младший современник, друг и почитатель Боккаччо, признает в нем лишь один недостаток: сладострастие, не победившее его окончательно, но только обуревавшее его[2]. Но сам Петрарка признавался в другой слабости: "Хочешь ты знать, – пишет он в одном из писем, – какую болезнь я разумею? Я не могу насытиться книгами и имею их значительно больше, чем нужно"[3]. И действительно, Петрарка в своих частых скитаниях со страстью разыскивал произведения античных авторов в библиотеках старинных монастырей, где драгоценные рукописи покоились, покрытые вековыми слоями пыли.

Вот картинка из жизни, иллюстрирующая подобные поиски. Правда, героем ее является не Петрарка, а Боккаччо. При посещении монастыря в Монте Кассино Боккаччо спросил монаха: где книгохранилище? Тот показал на лестницу: полезай, оно отперто. Наверху оказался покой, дверей не было, окна поросли травой, на книгах и полках груды пыли. Боккаччо стал перелистывать старые, редкие рукописи, в иных недоставало тетради, у других обрезаны поля. Опечаленный мыслью, что высокие творения попали в руки невежд, он удалился. В монастыре ему объяснили, что монахи вырывали из рукописей листы, чтобы писать на них псалтири для обучающихся грамоте мальчиков и амулеты для женщин[4].

Вступ. к рус. переводу диалогов о книге Ф.Петрарки // Книга: Исслед. и материалы. 1972. Сб. 25. С. 179–180.

[1] Monnier P. Le Quattrocento. Livre II, ch. II, tome 1, p. 133.

[2] Веселовский А.Н. Боккаччо, его среда и сверстники. Пг., 1919. Т. 2. С. 117.

[3] Petrarca der Bucherfreund, übers. u. hrsg. U. F.Rougemont. Berlin, 1939. S. 6–7.

[4] Веселовский А.Н. Указ. соч. С. 93–94.

Петрарка в буквальном смысле приобщал найденные рукописи вновь к жизни, делая их содержание достоянием своих ученых друзей и корреспондентов и пополняя ими свое богатое собрание. Боккаччо, также влюбленный в книгу, не располагал средствами для приобретения дорогостоящих книг и вынужден был переписывать нужные ему произведения, не забывая одаривать ими и Петрарку. Так, в Парижской национальной библиотеке хранится великолепный экземпляр сочинений Августина, переписанный рукой Боккаччо, на котором Петрарка надписал: "Этот огромный труд, подаренный превосходным мужем господином Иоанном Боккаччо из Чертальдо, поэтом нашего времени, прибыл ко мне из Флоренции Медиоланской 10 апреля 1355"[5].

Петрарка рано стал жаловаться на приближающуюся старость: ему не было тогда и 46 лет. Его латинский труд "О средствах против счастливой и несчастной судьбы" ("De remediis utriusque fortunae") был начат им четырьмя годами позднее (1354) и закончен только в октябре 1366 г. Он содержал две книги, состоящие соответственно из 122 и 132 глав в виде диалогов Разума с Радостью и Надеждой, и с Псчалью и Страхом, в которых Разум неизменно умеряет Радость и смягчает Печаль[6]. Впрочем, диалог больше похож на монолог. Основную речь ведет Разум, а его собеседники подают маловыразительные и однообразные реплики.

Основная идея трактата высказана в предисловии: человеку приходится бороться не только с неудачами, но и с внешними благами, причем счастье даже опаснее невзгод: все блага отравлены беспокойством и боязнью[7].

---

[5] Там же. С. 95–96.

[6] В исследовании М.С.Корелина "Ранний итальянский гуманизм и его историография" приводится разбор этого произведения (Франческо Петрарка, его критики и биографы. Спб., 1914. Т. 2. С. 3 и др.).

[7] Корелин М.С. Указ. соч. С. 4–5.

Этой пессимистической концепцией проникнуты и приводимые диалоги о радостях собирателей и авторов книг[8].

Что касается второй части трактата, то она играет роль своеобразного негатива по отношению к позитиву первой части. В ней, как уже говорилось, приводятся утешения в беде. Иногда, на взгляд современного читателя, такие утешения производят несколько комическое впечатление. Вот пример, приводимый М.Корелиным[9]. Во время зубной боли следует утешаться мыслями о слабости человеческой природы. Если зубов более нет, то легче бороться с удовольствиями: меньше ешь, реже смеешься и злословишь. Если зубы выпали в старости, то нужно радоваться тому, что не лишился их еще в молодости, и т.п.

Трактат Петрарки впоследствии часто переиздавался как в оригинале (первое печатное издание – в Дрездене в 1474 г.), так и в переводах на живые языки. Особую известность и распространение получил немецкий перевод, выполненный под редакцией Себастиана Бранта, знаменитого автора "Корабля дураков". Выпущенный первый раз в Аусбурге в 1532 г., он переиздавался затем в 1539, 1545, 1551, 1559, 1572, 1584, 1596, 1604 и 1620 гг. Успеху книги содействовали не только качество перевода, онемечившего произведение итальянского гуманиста до такой степени, что читатель воспринимал его как подлинно отечественное, но и еще в высокой степени – его великолепные и многочисленные иллюстрации, выполненные в технике гравюры на дереве. Их неизвестный автор увековечен в истории книжной иллюстрации под именем "Мастера Петрарки"[10].

В двух главах трактата Петрарки, как уже упоминалось, речь идет в критическом плане о собирателях и

---

[8] Заинтересованный читатель найдет эти диалоги на следующих за предисловием А.И.Маркушевича с. 181–187 указанного выше сборника "Книга". – *Примеч. ред.*

[9] Корелин М.С. Указ. соч. С. 7.

[10] См.: Scheidig W. Holzschnitte der Petrarca – Meister. Henscheeverlag. Berlin, 1955.

авторах книг: в беседе участвуют Радость и Разум. Первая глава ("Об изобилии книг"), по-видимому, повлияла на сатиру С.Бранта "О бесполезных книгах" из "Корабля дураков".

АД В ДУШЕ БИБЛИОФИЛА

Сравнительно немногих писателей, избирающих своим героем библиофила, прежде всего привлекает задача изображения страстей, волнующих душу этого увлеченного человека. И, конечно, решение этой задачи удается им в той мере, в какой сами они являются библиофилами. Вспомним в этой связи Ш.Нодье с его "Библиоманом", пятнадцатилетнего Г.Флобера, описавшего в "Книжном безумце" чудовище в человеческом образе – монаха-расстригу Дона Виченце, В.Ф.Одоевского "Opere del Cavaliero Giambáttista Piranesi" ("Русские ночи", ночь третья) и, наконец, Шарля Асселино, французского писателя, историка литературы и книжного собирателя. Последний, по-видимому, почти не знаком нашим отечественным книголюбам. Во всяком случае, его широко известное на Западе в переводе на многие языки произведение "Ад библиофила" впервые появляется на русском языке.

Ад в душе библиофила – коллекционера редких и ценных изданий, пожалуй, это и есть тема вышеназванных произведений. По сравнению с ними переживания Сильвестра Бонара в известном романе Анатоля Франса, произведении несравненно более глубоком, одухотворенном и поэтичном, чем каждое из них, позволяют скорее воображать себе чистилище, если не рай. Характерно, однако, что библиофилы, говоря о своих увлечениях, как бы невольно стыдятся их и, не дожидаясь, пока их осудят другие, сами обвиняют себя и назначают себе кару. Вот и

Вступление к русскому переводу новеллы Ш.Асселино "Ад библиофила" / Книга: Исслед. и материалы. 1978. Сб. 36.

Анатоль Франс, душе которого так близок Бонар, называет преступлением его невинное увлечение рукописью "Златой легенды" XIV в. Как бы то ни было, только Асселино впервые вынес тему библиофильского ада как возмездия за грехи вольные и невольные в заглавие своей повести. Она посвящена треволнениям состоятельного парижского библиофила середины прошлого века, представленным на фоне декорации католического ада. При этом сами наименования главок повести выглядят как бутафорские принадлежности и, несомненно, способны покоробить искренне верующего. Вот они: "Дело совести", "Грех", "Осуждение на муки", "Агония", "Небесный мститель", "Сошествие во ад", "Первый круг [ада]", "Оставь всякую надежду [надпись на вратах ада в "Божественной комедии"]", "Второй круг", "Третий круг". Лишь одиннадцатая главка – "Помешательство" – нарушает общий строй, но следующие – "Зияние бездны", "Воскресение [из мертвых]" – возвращают нас на ту же орбиту.

Ирония не покидает автора, хотя его объектом являются в первую очередь он сам и его друзья и знакомые. Так, "воскресение" отнюдь не открывает перед грешником доступ на небеса, а всего лишь доставляет ему приятное общество мадемуазель Родольфы – весьма порядочной особы, являющейся предметом нового увлечения его друга. Но эта концовка, свидетельствующая о том, что ничто человеческое не чуждо нашему библиофилу, выгодно отличает его в наших глазах от Теодора – героя рассказа Нодье. Теодор мог залюбоваться ножками красавицы только потому, что ее сапожки были сделаны из превосходного сафьяна, а ведь из него можно изготовить столько книжных переплетов!

В конечном счете в рассказе Асселино нет ни наказания, ни подлинного раскаяния. Но зато в нем есть скрупулезный анализ не страстей, пожалуй, а страстишек, гнездящихся в душе типичного буржуазного, подчеркиваю, буржуазного библиофила. Вглядитесь в него как следует, и вы увидите, что то, чего он более всего стра-

шится, – это истратить лишнее на книги или слишком дорогие или ненужные, переплатить за переплеты, недополучить за свое. В конечном счете все переводится им на деньги, и деньги заслоняют счастье обладания прекрасной книгой.

Но рассмотрим все по порядку.

Герой повести Асселино – завсегдатай набережных Сены, изобилующих ларями букинистов. Говоря об этих набережных, современный библиофил, живущий в Париже или только по временам его посещающий, горько сожалеет о прошлом, о котором знает понаслышке или из прочитанного. Характерно, однако, что уже Асселино меланхолически сообщал от лица обобщенного библиофила 1860 г.: "Он знает и на протяжении двадцати лет повторяет со всеми вместе, что на набережных ничего не находят". И все же его герой умеет каким-то чутьем обнаруживать здесь то, что сделается предметом всеобщей зависти и вожделения в недалеком будущем. Предметы его поисков: "газеты, журналы, брошюры, оттиски статей, всеми пренебрегаемые крохи, которые со временем становятся ненаходимыми". Все его мытарства, талант, дар предвидения – называйте, как хотите, – именно в этом. К этому разряду относится и сам Асселино, по крайней мере, среди библиофилов описанного толка он называет и некоего "А..., поклонника романтизма, который подбирает до последних крошек стихи Петрюса Бореля и виньетки С.Нантейля". Это, конечно, наш автор.

Но неужели такая невинная склонность к собиранию пренебрегаемых всеми ныне произведений печати и является грехом, караемым адскими мучениями? Нет, из предыдущей главки мы узнаем, что наш герой является также завсегдатаем книжных аукционов. Не обращаясь к профессиональным посредникам, которые сильно его за это недолюбливают, прячась и маскируясь, сообщая свои надбавки шепотом, пользуясь помощью друзей-сообщников, он выхватывает лакомый кусок из-под носа соперников, расплачивается наличными и, торжествуя, ускользает с добычей.

Теперь-то уж читатель знает все главные библиофильские грехи героя повести, совершаемые им на набережных Сены или в аукционных залах. Он может быть спокоен: как бы ни пугал его дальше автор небесным мстителем-демоном, кругами ада и зиянием бездны, ничто серьезное не может угрожать нашему грешнику. Ясно, что его грехи не заслуживают суровой кары.

И все же автор должен еще придумывать какие-либо муки для библиофильского ада, поизощреннее трафаретного кипения в серном котле или лизания раскаленной сковороды. Очевидно, следует осознать то, чего он сам больше всего боится и что он переживал, быть может, не раз в своих библиофильских кошмарах (ведь должны же быть такие!). И вот тут мы, с чувством некоторого разочарования, узнаем (впрочем, об этом речь шла выше), что страстного любовника книги в конечном-то счете страшит не потеря любимой, а возможные прорехи в его бюджете!

В самом деле, проследуем за грешником и его мучителем по всем кругам ада до конца, благо их здесь всего три, а не девять, как в "Божественной комедии".

Так вот, в первом круге мученья библиофила состоят в том, что он платит деньги, правда, не столь уж большие, за книги, не только бесполезные для него, вроде "Ежегодников бюро долгот", сплошь заполненных астрономическими таблицами, но и за объемистые сочинения писателей, явно презираемые автором и годами не находящие сбыта. Таковы многотомные труды Монтабера, Капефига, Эньяна, Тьессе и Арсена Уссэ.

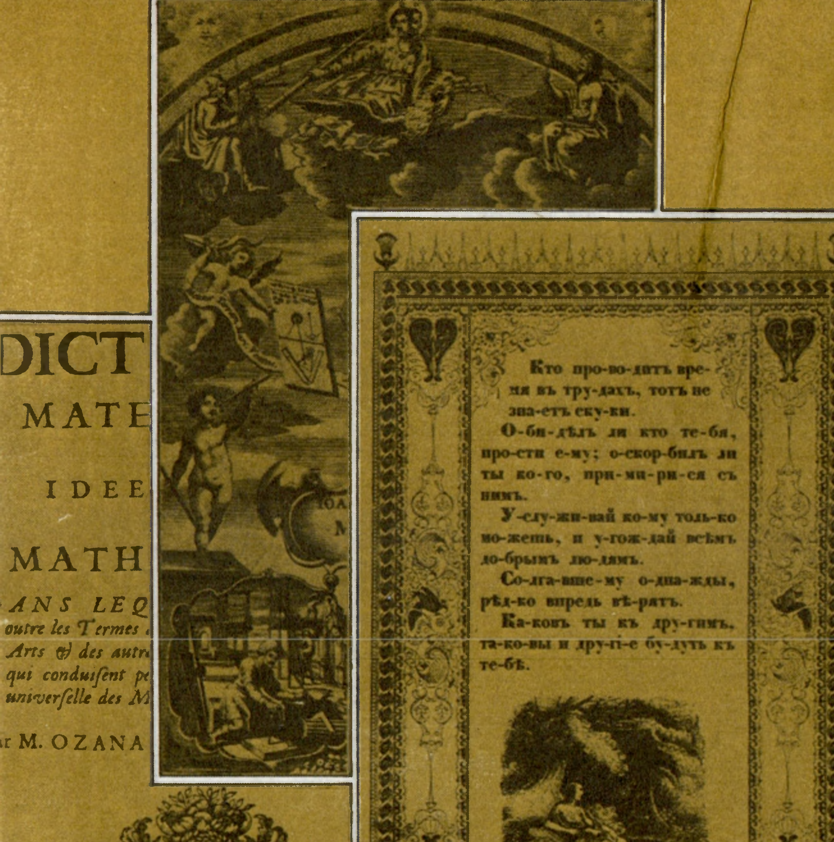
Второй круг ада приводит грешника к затратам более серьезным, так как демон вынуждает его заказать дорогостоящие золототисненные кожаные переплеты на весь купленный поневоле книжный хлам.

Наконец, третий круг ведет несчастного почти к полному разорению. Вопреки его обыкновению назначать надбавки на книжном аукционе с большой осмотрительностью и никогда не преступать заранее намеченного предела, демон, выкликая надбавки за него, его

голосом, доводит цены покупок до небывалых размеров. При этом приобретается по тридцатикратной цене не только экземпляр великолепного издания "Манон Леско" аббата Прево, о котором герой, собственно говоря, давно мечтал, но и по цене столь же неимоверно высокой издание "Современниц" Ретифа де ла Бретона – произведение почему-то ненавистное собирателю. Чтобы оплатить долг, демон предлагает мученику продать свою библиотеку, библиотеку писателя, "библиотеку драгоценную и отборную... которая собиралась в продолжение двадцати лет ценою упорнейших разысканий из сокровищ, из экстравагантных изданий, из находок". Вот тут-то, думаем мы, найдена му́ка, горчайшая для библиофила. Теперь он должен воскликнуть: "Ни за что! Библиотеку – только с моей жизнью!" Ничего похожего! У нашего героя, по-видимому, вместо живого сердца стучат, отсчитывая франки, костяшки конторских счетов. Поэтому-то и протест его сводится лишь к сообщению, что продажа библиотеки сможет покрыть лишь пятую часть сделанных долгов. Впрочем, к счастью для героя, все оказывается на поверку дурным сном, и он сможет по-прежнему отдаваться делу приращения своей библиотеки, которое, при всей его увлеченности, недюжинной сноровке и благоприобретенным специальным познаниям, оказывается лишь весьма выгодным и приятным способом помещения капитала.

Итак, Ш.Асселино не захотел, а может быть, и не смог передать, в чем же истинный высокий смысл влюбленности человека в книгу и что смогло бы заставить по-настоящему глубоко страдать такого человека. Но не будем требовать от повести того, чего в ней нет. Зато в ней есть превосходные, хотя и написанные гротескным пером, картины библиофильского Парижа XIX в., его набережных и аукционных залов, населенных людьми, оставившими след в литературе, книгоиздательстве, книготорговле и собирании книг. Повесть написана живо, остроумно и увлекательно. Мысль о том, что библиофилу не обязательно нужно искать книги,

за которыми все гонятся, а самому открывать новые области собирательства, значение которых покажет будущее, представляется нам имеющей живое, практическое значение и для советских книголюбов. "Ад библиофила" продолжают переводить и издавать в разных странах. Не далее как в прошлом году в ГДР выпущена вторым изданием маленькая, изящная книжка, заключающая вместе с новым немецким переводом этой повести также переводы рассказов Нодье и Флобера, о которых мы упоминали выше (Nodier, Flobert, Asselineau. Bücherwahn. Buchverlag der Morgen). Значит, повесть Асселино продолжает привлекать внимание читателей в условиях времени, социального строя и культуры, глубоко отличных от буржуазной Франции середины прошлого века. Нет сомнения, что она найдет читателя и у нас.

DICT

MATE

IDEE

MATH

ANS LEQ

outre les Termes

Arts & des autr

qui conduisent p

universelle des M

r M. OZANA

Кто про-во-дитъ вре-
мя въ тру-дахъ, тотъ не
зна-етъ ску-ки.

О-би-дѣлъ ли кто те-бя,
про-сти е-му; о-скор-билъ ли
ты ко-го, при-ми-ри-ся съ
нимъ.

У-слу-жи-вай ко-му толь-ко
мо-жешь, и у-гож-дай всѣмъ
до-брымъ лю-дямъ.

Со-лгав-ше-му о-два-жды,
рѣд-ко впредь вѣ-рятъ.

Ка-ковъ ты къ дру-гимъ,
та-ко-вы и дру-гі-е бу-дутъ къ
те-бѣ.

A PARIS,

ez ESTIENNE MICHALLET, Imprimeur du Roy,
rue Saint Jacques, à l'Image saint Paul.

M. DC. XCI.

AVEC PRIVILEGE DU ROY.

IV. КНИГА И НАУКА

Пограничные вопросы истории науки и истории книги

Эволюция научной книги в Западной Европе

Западные математические словари и справочники XVII века

Ранняя печатная научная книга

Сосуществование рукописных и печатных материалов в процессе развития науки

Слово об азбуке

Размышления о судьбах учебника

ПОГРАНИЧНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ НАУКИ И ИСТОРИИ КНИГИ

Научная книга является объектом изучения и в истории науки и в истории книги. В каждой из них ее рассмотрение подчиняется характеру и интересам соответствующей области. Историка науки занимает главным образом, какие научные идеи, взгляды, методы, исследования, открытия и наблюдения, прозрения и заблуждения зафиксированы в книге. Иными словами, для него научная книга данной эпохи – это прежде всего документ, позволяющий судить о научной работе этой эпохи. Книговед, историк книги рассматривает научную книгу среди многих других книг иного содержания и назначения: религиозных, литературно-художественных, учебных и т.п. Та или иная научная книга может совсем не привлечь его внимания, если она не выделяется среди других в отношении условий и обстоятельств ее изготовления и распространения или особенностей, присущих ей как произведению полиграфического искусства (бумага, шрифт, формат, иллюстрации, переплет и т.п.). Вопрос о содержании книги, как правило, стоит при этом на втором месте. Но то, что интересует книговеда, не может быть безразличным и для историка науки. Его не могут не интересовать технические средства, используемые для изготовления книги, ее физический облик, условия, в которых пишутся, издаются, распространяются и хранятся книги. Подобным же образом и книговед не должен проходить мимо условий, в которых возникает замысел книги, цели, которую она ставит перед собой, и фактической роли, исполняемой ею в обществе, т.е. вопросов, неотделимых от ее содер-

---

Книга: Исслед. и материалы. 1972. Сб. 24.

жания. С охарактеризованной здесь точки зрения, история научной книги, объединяющая историко-научный и книговедческий аспекты, должна рассматриваться как дисциплина, стоящая на стыке истории науки и истории книги. Прослеживая предмет исследования до сегодняшнего дня, мы можем назвать еще одну область знания, с которой смыкается история научной книги, — это теория научной информации, или информатика, как у нас ее предпочитают называть теперь.

Сочинения по истории науки как общего, так и специального характера содержат колоссальный материал по истории научной книги. Обширные материалы накоплены также и в книговедческой литературе.

С наибольшей полнотой рассмотрены и охарактеризованы научные произведения, созданные до начала книгопечатания. Достаточно упомянуть здесь фундаментальные сочинения по истории науки – Джорджа Сартона, Пьера Дюгема, Линна Торндайка, Элистера Кромби. Библиография средневековых латинских рукописей научного содержания дана в трудах Торндайка и Кибра, инкунабулов и палеотипов в каталогах Клебса и Стиллуэл. Чем ближе к нашему времени, чем больше издается научной литературы, тем менее реальным и вместе с тем менее плодотворным для общих выводов становится путь простого описания всех научных книг за определенный период.

Своеобразный, к сожалению, не законченный и не получивший (насколько мне известно) продолжения в других исследованиях аспект представлен в "Истории научной литературы на новых языках" Л.Ольшки, написанной как бы в pendant сочинениям по истории художественной литературы. Однако до сих пор не создано целостной "Истории научной книги", где в достаточно полном и широком виде были бы представлены как научно-исторический, так и книговедческий аспекты. Выдвигая эту задачу, требующую для своего решения организованных коллективных усилий историков науки и историков книги, мы спешим ввести важное ограниче-

ние. Мы имеем в виду главным образом книги естественнонаучного и математического содержания, допуская на ранних этапах также медицинскую и научно-техническую книгу. Что касается научных книг гуманитарного содержания, то это особая область исследования, которая в средние века, да и в эпоху Возрождения, тесно смыкалась с книгами религиозного и литературно-художественного содержания.

Создание труда по истории научной книги предполагает прежде всего установление периодизации. В качестве основного рубежа в истории научной книги естественно назвать начало книгопечатания, после которого рукописная книга не исчезает, конечно, но постепенно начинает играть все более ограниченную роль.

В предшествующем периоде может быть выделено время, начиная с XII в., определяемое двумя важными факторами — развитием университетов (авторы, читатели и издатели) и распространением бумаги как рукописного материала, а в последующем периоде — время, начиная со второй половины XVII в., когда организуются академии наук и появляются первые научные журналы.

Похоже, что вторая половина двадцатого века может быть охарактеризована как начало нового подпериода, когда на первый план выступает разработка мер по спасению ученого, утопающего в море журнальных статей. Парадоксально, но это факт, что в интересах многих ученых выдвигаются предложения по сдерживанию печатной продукции, скажем проект депонирования научных работ в специальных учреждениях взамен научных журналов (проект Дж.Бернала) и более широкая и глубокая идея о целесообразности предварительной переработки научных рукописей, отбираемых для печати, переработки, относящейся не только к их объему, но и к их структуре и к способу подачи материала. Словом, речь идет о мерах по защите ученого от возрастающих возможностей публикации научных материалов!

Вот как в нашем представлении выглядит в целом схема периодизации в истории научной книги:

I. Древний Восток, Греция и Рим II. Раннее средневековье, страны ислама III. От начала XII в. до середины XV в.	Рукописная книга
IV. От начала книгопечатания до второй половины XVII в.	Печатная книга
V. От середины XVII в. до нашего времени	Печатная книга и научные журналы

Мы хотим выдвинуть на первый план несколько тем исследований, имеющих, с нашей точки зрения, определенный интерес для истории науки и в совокупности позволяющих более ясно представить себе проблематику истории научной книги:

а) история рукописной научной книги в Западной Европе с XII в. до начала книгопечатания (включая учет важнейших центров ее изготовления и выявление темпов и областей распространения);

б) обстоятельства сосуществования рукописной и печатной книги с середины XV в. до конца XVII в.;

в) эволюция различных жанров и типов научной книги (научно-популярные книги, курсы лекций и учебные пособия для высшей школы, сводные систематические изложения широких областей знания, исторические обзоры и издания классиков науки, монографии и обзоры современного состояния специальных научных проблем, тематические сборники оригинальных научных статей, собрания сочинений ученых, труды научных съездов и конференций, научные журналы, справочная литература и т.д.);

г) эволюция аппарата научной книги (библиография, комментарии, рисунки, схемы и диаграммы, планы и карты, указатели и т.п.);

д) эволюция языка, терминологии и символики научной книги;

е) история научных журналов;

ж) возникновение и развитие научных книгоиздательств;

з) читатель научной книги;

и) расширение читательских интересов к научной литературе в эпоху научно-технической революции;

к) оценка современных средств производства и распространения научной книги и опыт прогноза на ближайшие десятилетия;

л) проблема содружества и борьбы ученого с книгой.

Эскизное изложение некоторых из названных вопросов, ограниченное первыми тремя веками книгопечатания, можно найти в нашей статье "Эволюция научной книги в Западной Европе".

Конечно, эти проблемы далеко не исчерпывают всей тематики истории научной книги. В качестве примеров интересных вопросов можно было бы указать также: ученый (автор) и издатель; критика научной литературы; переводы научных книг; эволюция научно-популярной книги; научные библиотеки; собирательство научных книг и т.п. Но нам представляется, что проблемы, названные выше, являются наиболее существенными.

ЭВОЛЮЦИЯ НАУЧНОЙ КНИГИ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ

Научная книга – это и результат и предпосылка научного исследования. С этой точки зрения история научной книги есть часть истории науки. Но научная книга – это все же книга, самому облику которой, условиям появления на свет и условиям ее распространения присущи черты, свойственные каждой вообще печатной книге своего времени, и вместе с тем черты специфические, отличающие ее от книги богослужебной, художественной, от школьного учебника и т.п. Поэтому история научной книги составляет также часть истории книги и относится к области книговедения. Ясно, однако, что оба

Пятьсот лет после Гутенберга: Исслед. и материалы. М., 1968. С. 239–286.

аспекта могут быть лишь условно и не до конца отделены один от другого. Для историка науки не безразлично знать, в каких условиях пишутся, распространяются, хранятся научные книги и какие технические средства используются для этого. Подобным же образом и книговед не может пройти мимо той обстановки, в которой возникает замысел научного произведения, цели, которую оно ставит перед собой, средств, используемых для достижения этой цели, и фактической роли, исполняемой книгой благодаря ее содержанию.

Итак, история научной книги – это дисциплина, возникающая на стыке истории науки и истории книги. Рассматривая здесь сравнительно немногие факты, мы ограничиваем себя и во времени, и в отношении тематики книг. Как правило, мы редко выходим за пределы промежутка от середины XV до конца XVII в. (за это время научная книга приобретает черты, многие из которых она сохраняет до наших дней.) Кроме того, мы говорим преимущественно о произведениях естественно-математического, отчасти медицинского или технического содержания, не затрагивая литературы по гуманитарным наукам, рассмотрение которой составляет особую задачу. Заметим еще, что изучение научной книги прошлого по вопросам языкознания, истории, права, философии во многих отношениях трудно обособить от изучения книг религиозного и литературно-художественного содержания.

I

Среди 40 000 (круглым числом) изданий, напечатанных до конца XV столетия, А.Клебс[1] насчитывает около 3000, посвященных науке. Из них 850 относятся к медицине, около 400 к описанию растительного и животного мира,

---

[1]Clebs A.C. Incunabula scientica et medica // Osiris, 1938. См.: Thornton, Tully // Scientific Books. London, 1954.

300 – к арифметике, алхимии и агрикультуре, 200 – к астрономии и астрологии, 100 – к геометрии и физике.

Между различными странами Европы научные инкунабулы распределяются так: Италия – 1445, Германия – 10 003, Франция – 387, Англия – 23[2]. Лишь два из этих инкунабулов напечатаны до 1470 г. – "Естественная история" Плиния (Венеция: И. де Спира, 1469) и "География" Страбона (Рим: Свейнхейм и Паннарц, 1469). Хотя болонское издание "Географии" Птолемея и датировано 1462 г., на самом деле оно вышло в свет в 1477 г. (Д.Сартон[3] относит это издание к еще более поздней дате – 1482 г.); первое по времени латинское издание Птолемеевой географии практически осуществил Лихтенштейн в Виченце в 1475 г.

Произведения, пользовавшиеся наибольшим спросом, естественно, выходили по многу раз, иногда одновременно у разных издателей. К числу таких популярных произведений относится "Естественная история" Плиния. Начиная с 1469 г. она издавалась до конца XV в. не менее 18 раз; в XVI в. она имела около 50 латинских изданий, но относительно редко переводилась на новые языки[4]. "Мировая сфера" Иоанна Сакробоско (Джон Холивуд, ок. 1232 г.), являвшаяся умелой компиляцией сочинений арабских математиков и астрономов, издавалась не менее 25 раз в XV в. и во много раз больше в позднейшее время вплоть до середины XVII в.[5]

Одно из наиболее капитальных научных произведений классической древности – "Начала" Евклида – выходит из печати в 1482 г., в Венеции, у Эрхардта Рат-

---

[2] Bühler C.F. The statistics of scientific incunabula // Isis, 1949. P. 163–168. Ср.: Thornton. Op. cit. P.32.

[3] Sarton G. Introduction to the History of Science, I–III. Baltimore, 1927–1948, I. P. 278.

[4] Taton R. (sous la direction). Histoire générale des sciences, I–III. Paris, 1958–1964. II. P. 165.

[5] Sarton. Op. cit. II, 2. P. 617–618.

дольта под названием: "Преславная книга начал Евклида". Это издание представляет собой латинский перевод с арабской рукописи, выполненный Джованни Кампано (XII в.). К концу XIX в. насчитывалось около 2500 различных изданий "Начал" Евклида[6]. Это означает, что в среднем выходило по 6–7 изданий книги в год на протяжении четырех столетий!

Если первые по времени печатные научные издания — это исключительно воспроизведения или переводы старинных манускриптов, освященных авторитетом столетий, то к середине 70-х годов XV в. появляются также и издания современных научных работ, специально предназначавшихся для печати. К числу таких первых ласточек научной книги нового времени относится небольшое сочинение "О кометах" Конрада из Цюриха (Венеция: Аурль, 1474); в нем содержатся астрономические предсказания на 1473 г., выведенные из наблюдения кометы 1472 г.[7]

Утверждение научной книги как книги печатной идет не только по пути осовременивания ее содержания, но также и ее оформления. Тогда как все иллюстрации первого печатного "Гербария", изданного в Риме де Лингамине в 1483 г., скопированы с рисунков пером из рукописи эпохи раннего средневековья, 150 изображений растений в "Латинском гербарии" 1484 г. (Майнц: Петер Шеффер) частично срисованы с натуры. Однако дело здесь не в одних иллюстрациях. "Латинский гербарий" был, по-видимому, первой полнообъемной печатной книгой, имеющей титульный лист, со всеми привычными для нас сведениями: название произведения, год публикации, место печати и издательская марка[8].

---

[6] Riccardi P. Saggio di una bibliographia Euclidea, I–IV Bologna, 1887–1893. Ср. Thornton. Op. cit. С. 9.

[7] Catalogue. 127. Medicine and Science. London, E.P.Goldschmidt, p. 21.

[8] Flocon A. L'univers des livres. Paris, 1961. P. 261.

II

Первые печатные публикации научных произведений античных авторов продолжаются в XVI в. и много позднее [9]. Так, одно из наиболее глубоких произведений Архимеда "Послание к Эратосфену о методе" было открыто Гейбергом в Константинополе в 1906 г. и опубликовано в 1907 г. Латинский перевод "Начал" Евклида был выполнен Кампано с арабской рукописи. Что касается латинского перевода с греческого текста, то он был сделан Памберти и издан в Венеции в 1505 г. Первое печатное издание греческого текста "Начал" появилось в Базеле в 1533 г.

"Альмагест" Птолемея в латинском переводе с арабской рукописи издается в Венеции в 1515 г., а первое издание с греческой рукописи, находившейся в распоряжении знаменитого немецкого математика XV в. Региомонтана (Иоганн Мюллер из Кенигсберга, 1436–1476) и позднее утерянной, – в Базеле в 1538 г. С еще большим запозданием читатель получил печатное издание трудов Архимеда. Неполное латинское издание их осуществил в Венеции в 1543 г. Н.Тарталья (Николо Фонтана, 1500–1557), использовавший при этом старинный рукописный перевод Вильгельма из Мербеке, выполненный во второй половине XIII в. В следующем (1544) году в Базеле был издан греческий текст с новым латинским переводом Венаториса.

В 1537 г. в Венеции у Биндони вышли в свет "Конические сечения" Аполлония в латинском переводе, причем издание содержало лишь первые четыре книги этого труда, излагавшие наиболее элементарные свойства конических сечений, известные еще до Аполлония. Все сочинение в оригинале состояло из 8 книг, но последняя не дошла до нас; книги 5–7 известны лишь по арабской

---

[9] Большинство фактических данных заимствовано у Сартона, с некоторыми коррективами по "Gesamtkatalog der Wiegendrucke" и др. источникам.

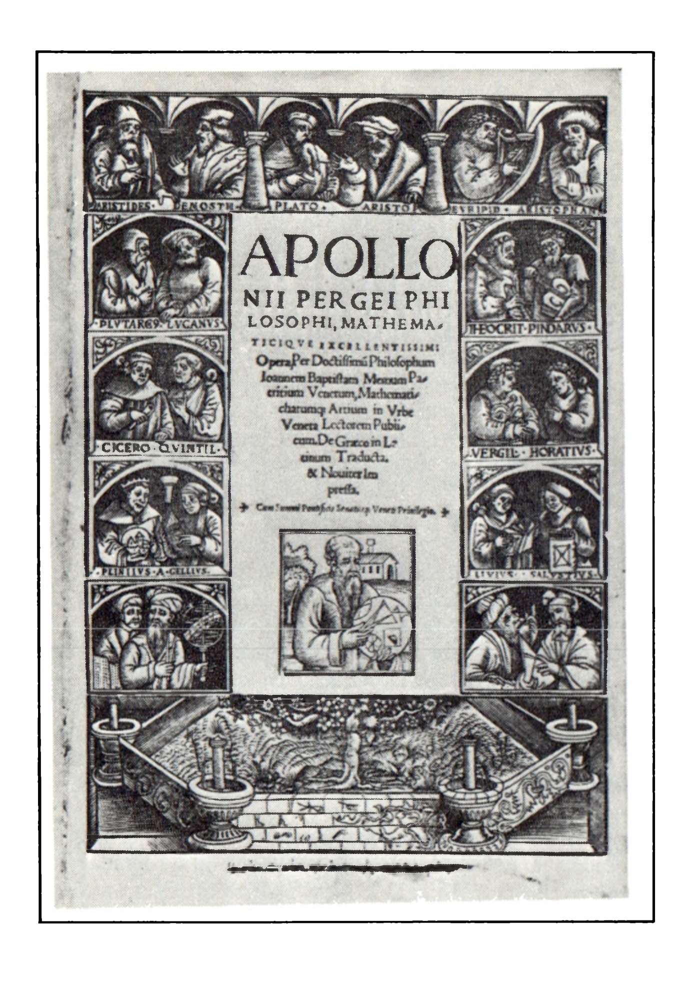
рукописи. Эти последние книги в латинском переводе увидели свет только в 1661 г. (Флоренция: Коккини).

Упомянем еще первое латинское издание Диофанта (Базель, 1575). Издание его произведений на греческом языке осуществил Баше де Мезириак (1581–1638) в Париже в 1621 г. На полях одного из экземпляров этого последнего издания Пьер Ферма делал свои знаменитые заметки по теории чисел; с этого экземпляра было выполнено тулузское издание 1670 г., где замечания Ферма были воспроизведены.

Конечно, то обстоятельство, что произведения Архимеда, Аполлония, Диофанта, составлявшие, так сказать, "высшую математику" античной науки (первые подходы к проблемам и методам математического анализа, аналитической геометрии и теории чисел), начали появляться в свет лишь на исходе первого столетия со времени введения книгопечатания, отнюдь не случайно. Рукописями этих произведений обладали отдельные ученые задолго до того. Но чтобы издатель рискнул предпринять большой и сложный труд их публикации, хотя бы тиражом в 300 экземпляров, типичным для научных изданий того времени, необходимо было, чтобы он мог рассчитывать на соответствующее количество заинтересованных читателей. Однако сколько-нибудь обширной группы компетентных математиков ни в XV в., ни в начале XVI в. еще не существовало, хотя с годами и росло, и притом все быстрее, число людей, способных подняться до понимания предельных достижений греческой науки.

Произведения "отца медицины" Гиппократа появились сначала в латинском переводе Фабия Кальва (Рим: Франциск Кальв, 1525); греческий текст был опубликован годом позже (Венеция: Альды, 1526).

Первое латинское издание трудов Галена – следующего по своему значению за Гиппократом великого врача древности – увидело свет в Венеции у Пинчи еще в 1490 г. (2 тома), а первое греческое – в 5 томах – было издано Альдами в 1525 г. Из других произведений

PLATO

APOLLO
NII PERGEI PHI
LOSOPHI, MATHEMA-
TICIQVE EXCELLENTISSIMI
Opera, Per Doctissimũ Philosophum
Ioannem Baptistam Memum Pa-
tritium Venetum, Mathemati-
charumq; Artium in Vrbe
Veneta Lectorem Publi-
cum. De Græco in La-
tinum Traducta.
& Nouiter Im
pressa.

CICERO QVINTIL.
VERGIL. HORATIVS.

Титульный лист первого печатного издания "Конических сечений" Аполлония. В рамке – галерея деятелей науки и литературы

античных авторов мы назовем здесь еще "Архитектуру" Витрувия – эту энциклопедию научно-технических знаний древности. Самое первое издание Витрувия (Рим: Герольт, около 1486) не имело рисунков; точнее, места, предназначенные для них в книге, остались незаполненными. Первое иллюстрированное издание "Архитектуры" относится к 1511 г. (Венеция; Тридино).

Было бы в корне неправильно ограничивать научное наследство, полученное европейцами XV–XVI вв., только тем, что было завещано Грецией и Римом. Существенный вклад внесли и средние века, и прежде всего культура Арабского Востока. Европейские ученые еще до начала книгопечатания с жадностью изучали труды ученых Востока, и их интерес к этим трудам объяснялся, конечно, не только тем, что многие выдающиеся произведения античности они впервые воспринимали в арабских переводах, но главным образом значением оригинальных произведений представителей арабской науки.

Вот имена крупнейших из них: Аль-Ховарезми († ок. 830), Аль-Баттани (Альбатегниус) (ок. 858–929), Абу-ль-Вафа (940–997), Аль-Бируни (973–1048), Ибн-Сина (Авиценна, 980–1036), Омар Хайям (1038–1123). Последний был не только великим поэтом, но и замечательным астрономом и математиком, от сочинения которого "О доказательствах задач алгебры и алмукабалы" алгебра получила свое название.

Латинские переводы сочинений Аль-Ховарезми имелись ко времени не позднее первой половины XII в. (Аделар из Бата); вообще же к XII в. относятся еще переводы Герарда Кремонского и Роберта Честера. Самое имя знаменитого уроженца Хорезма было переделано европейцами в математический термин – алгоритм (древнейшая форма – алгоризм); под этим названием известны по крайней мере 12 инкунабулов математического содержания.

И все же в печатном виде на европейских языках труды Аль-Ховарезми увидели свет только в XIX в.

Точно так же не печатались до XIX в. переводы произведений Аль-Бируни и Омара Хайяма. Еще плачевнее обстояло дело с печатанием математических произведений Абу-ль-Вафы: они были опубликованы впервые (и то не полностью) только в последние десятилетия [10].

Итак, выдающиеся произведения крупнейших арабоязычных математиков оставались в течение столетий в рукописях, а в печатных книгах доходили до читателя лишь в переработке европейских ученых (в особенности в сочинениях по алгебре и тригонометрии). У астрономических, и в особенности астрологических, сочинений судьба была более счастливой. Так, произведения Аль-Баттани, переведенные на латинский язык Плато из Тиволи (ок. 1120), под названиями "О звездной науке", "О числах звезд и движениях" были изданы в Нюрнберге в 1537 г. (в рукописном виде известен также латинский перевод Роберта Честера, ок. 1140).

Сочинение астролога IX в. Абу-Масара (Альбумасар) опубликовано в Аугсбурге Ратдольтом в 1489 г. под названием "Введение в астрономию Альбумасара". Наибольшим успехом у европейских читателей пользовались сочинения астролога X в. Аль-Кабиши. Выполненный в первой половине XII в. Иоанном Севильским латинский перевод одного его трактата был впервые издан в Мантуе (у Сартона ошибочно названа Болонья) Вурстером в 1473 г. под названием "Введение в проникновенную науку астрономии араба Альхабиция". Затем тот же трактат последовательно выходит в Венеции у разных издателей в 1482, 1485 и 1521 гг. (последнее издание с несколько измененным названием). Другой трактат Аль-Кабиши – о соединениях планет, выдержав несколько венецианских изданий (в качестве добавления к первому трактату), выходит в 1557 г. в Париже во французском переводе Оронса Финя.

Большим распространением и огромным научным

---

[10] Юшкевич А.П. История математики в средние века. М., 1961. С. 185, 261 и след.

авторитетом пользовались сочинения Инб-Сины, очевидно, благодаря непосредственному значению его медицинских произведений для врачебного дела. Его энциклопедия медицинских знаний "Канон" была переведена на латинский язык Герардом Кремонским (1114–1187) и еще до 1500 г. выдержала несколько изданий (неполных), начиная с миланского издания 1473 г. В 1492 г. в Неаполе это сочинение было напечатано на еврейском языке по переводу, выполненному в 1279 г. Натаном Ха-меати. Полные латинские издания "Канона" появляются начиная с 1544 г. (Венеция). В 1593 г. в Риме выходит первое печатное арабское его издание. Многократно издаются и другие труды Ибн-Сины.

III

Рядом с произведениями ученых Древней Греции и Рима и более близких к нам по времени ученых Арабского Востока (мы выше отмечали, что из их трудов, в особенности из трудов математиков и астрономов, для издания не всегда отбирались высшие научные достижения) издавались и более или менее оригинальные произведения европейских ученых. Среди них имелись серьезные научные труды вроде изданных впервые в Венеции Ратдольтом в 1483 г. так называемых "Альфонсовых таблиц", которые затем выходили в Венеции в 1492, 1518, 1521, 1524 гг., в Париже в 1545, 1553 гг. и в Мадриде в 1641 г. Эти таблицы видимых движений Солнца, Луны и планет составлялись около 1272 г. в Толедо под руководством короля Кастилии Альфонса X Мудрого Иудой бен Мозесом и Исааком ибн-Сидом на испанском языке. Позднее была создана их латинская версия, в частности, в переработке Иоанна Саксонского (первая половина XIV в.). Она-то и послужила основой для первого печатного издания[11].

---

[11] Sarton. Op. cit. T. II, 2. P. 837–840.

"Эфемериды" Региомонтана, в которых были вычислены положения Солнца, Луны и планет на 32 года, с 1475 по 1506 г., вышли в Нюрнберге в типографии автора в 1474 г. Эта объемистая книга, содержавшая 448 листов, служила спутником многих мореплавателей, так как Региомонтан описал здесь разработанный им способ определения долгот на море. Если верить рассказу биографов Колумба о том, как он предсказал аборигенам Ямайки лунное затмение на 29 февраля 1504 г., пользуясь какой-то книгой, то этой книгой могли быть только "Эфемериды" Региомонтана. Региомонтану же принадлежит первая печатная таблица тангенсов, включенная в его труд "Таблица направлений", опубликованный в Нюрнберге не позднее 1485 г. В 1485 г. в Венеции вышло новое издание этого труда (Ратдольт?); книга была еще раз напечатана Ратдольтом в 1490 г. в его родном Аугсбурге, куда он вернулся из Венеции в 1486 г. [12]

К числу наиболее замечательных по своему идейному содержанию научных изданий XV в. должна быть отнесена небольшая книжка – скорее брошюра (всего 22 страницы, форматом в малую четверку) "О широтах форм". Она была напечатана впервые в Падуе у Чердоно в 1482 г. и после этого выходила в свет, по крайней мере, еще 3 раза (в Падуе в 1486 г., в Венеции – в 1505 г. и в Вене – в 1515 г.).

Ее автор – французский ученый XIV в. Никола́ Орем (ок. 1323–1382), которого Д.Сартон характеризует как одного из крупнейших математиков, механиков и экономистов средних веков. Коротко говоря, в этой книжке идея географических координат – широты и долготы – применяется для изучения зависимостей между величинами и их графического представления на плоскости. Таким образом, автор выступает здесь в качестве предшественника тех великих математиков XVII в., которые заложили основы аналитической гео-

[12] Smith D.E. History of mathematics. N.Y., 1958. Vol. I–II. Vol. II. P. 610.

метрии и математического анализа. И действительно, и Галилей и Декарт были знакомы с этой книгой Орема.

Ограничиваясь по необходимости лишь немногими примерами изданий трудов ученых Западной Европы XIII–XV в., мы упомянем еще "Анатомию" итальянского врача Мондино де Люччи (ок. 1275–1326), впервые напечатанную около 1475 г. и затем выдержавшую до 40 изданий (некоторые из них с иллюстрациями)[13]. Мондино почти не выходит за пределы представлений греческой и арабской медицины, но он убежденно настаивает на необходимости вскрытий для изучения внутренних органов человека. Поэтому его книга, являвшаяся небольшим по объему практическим руководством по анатомированию человеческого тела, прокладывала путь Везалию. Не все рукописи, заслуживавшие публикации по своему теоретическому или практическому значению, своевременно находили издателей. Так, важнейший труд немецкого математика и астронома Георга фон Пейрбаха (1423–1461) "Трактат о предложениях Птолемея о синусах и хордах", являвшийся первым европейским руководством по тригонометрии, вышел в свет только в 1541 г. К нему были приложены таблицы синусов, вычисленные учеником Пейрбаха – Региомонтаном, умершим за 65 лет до выхода этого издания. Другой пример дает замечательная работа французского математика Н.Шюке (ок. 1445 – ок. 1500) "Наука о числах в трех частях", посвященная алгебраическим вопросам и во многом опередившая свое время. Она была напечатана впервые лишь в XIX в.

Среди читателей XV–XVI вв. большой известностью пользовались обширные компилятивные труды, имевшие характер обзоров или энциклопедий. Они продолжали средневековую традицию и создавались учеными-эрудитами, черпавшими свою ученость из книг и утверждавшими ее путем анализа и сопоставления книжных текстов. Такой тип ученого вполне гармонировал с прак-

---

[13] Sarton. Op. cit., III, I. P. 842.

тикой и устремлениями гуманистов, придававших огромное значение лингвистическим и текстологическим изысканиям.

Некоторые из наиболее популярных энциклопедий представляли собой простые воспроизведения средневековых сочинений, например "Сокровища" Брунето Латини (в авторе которого Данте видел своего учителя). Это сочинение, написанное на французском языке в 1260 г. флорентийским изгнанником, сразу же было переведено на итальянский. Л.Ольшки сурово характеризует его как "смесь непереваренной учености и народных суеверий, путаную компиляцию из Библии, Аристотеля, отцов церкви, Птолемея, Плиния и средневековых естественнонаучных и медицинских сочинений". Правда, несколько ниже он объясняет большую популярность этой книги даже в "просвещенном XVI в." тем, что изложение отличалось наглядностью и доступностью, "достигавшимися путем вставки анекдотов и образных отступлений". Ольшки отмечает следующие итальянские издания: Тревизо, Фландрино, 1474; Венеция, 1528 и 1533[14].

Упомянем еще следующие знаменитые своды знаний средневековой учености: "О строении мира" Ристоро д'Ареццо – сочинение, посвященное вопросам географии и космографии, написанное на аретинском диалекте итальянского языка в 1282 г. (Павел Венецианский присвоил его себе, и почти через шестьдесят лет после его смерти, в 1498 г., оно было напечатано под его именем в Венеции Локателли и позднее – в 1513 г. – в Париже)[15]; "Великое зерцало" Винцента из Бове (XIII в.), поставившее задачу отразить в себе все вещи всех времен; оно состояло из четырех больших частей – "зерцал" природы, науки, морали и истории – и было издано Иоганном

[14] Ольшки Л. История научной литературы на новых языках. Пер. с нем. М.; Л., 1933. Ч. 1. С. 12–13.

[15] Ольшки Л. Указ. соч. I. С. 14; Sarton. Op. cit. II, 2. S. 928–929.

Ментелином в Страсбурге в 1473–1476 гг. в 7 гигантских томах – самый большой из инкунабулов – и переиздано в Нюрнберге (1483–1486), Венеции (1484, 1494, 1591 и позже)[16]; "Книга о природе" Конрада из Мегенберга, написанная в 1349–1351 гг. и являющаяся весьма вольным переводом сочинения Фомы из Кантимпре, приписываемого, однако, Конрадом Альберту Великому. До 1500 г. она выдержала 6 изданий (в Аугсбурге), причем каждое издание, начиная с первого (1475), содержало по 12 таблиц гравюр, изображающих животных[17].

Из энциклопедических сочинений более позднего времени, написанных со специальным намерением – опубликовать их в печати, можно назвать "Философскую жемчужину" Григория Рейша (1475(?) – 1523), изданную впервые во Фрейбурге у Шотта в 1503 г. и затем много раз переиздававшуюся. Интересно отметить, что в этом сочинении особо подчеркнуты практические аспекты математических наук[18]. Впрочем, Рейш очень скупо и кратко излагает лишь самые элементы науки, заимствованные им из сочинений Боэция, Сакробоско и др. Гораздо основательнее и вместе с тем самостоятельно трактует математические предметы (арифметику, алгебру, геометрию) Лука Пачоли (1445(?)–1514) в своем сочинении "Совокупность арифметики, геометрии, отношений и пропорциональности" (Венеция: Паганино ди Паганини, 1494), изданном к тому же не на латинском, а на итальянском языке. Любопытны строки из посвящения книги урбинскому герцогу Гвидобальдо да Монтефельтро, в которых он мотивирует свой выбор языка книги: "И хотя для государя скорее подходил бы язык и стиль Цицерона, или еще более высокий, но, принимая во внимание интересы общей пользы его подданных, он (автор. – *А.М.*) все же решил написать свое сочинение

---

[16] Sarton. Op. cit. II, 2. S. 929–934.

[17] Там же. III, I. С. 817–820.

[18] Taton. Op. cit. I. S. 31.

Фронтиспис и титульный лист первого тома "Полного собрания сочинений" И.Кардана

HIERONYMI
CARDANI
MEDIOLANENSIS

Philosophi ac Medici Celeberrimi

OPERA OMNIA:

TAM HACTENVS EXCVSA;

hic tamen aucta & emendata; quàm nunquam aliàs visa,
ac primùm ex Auctoris ipsius Autographis eruta:

Curâ CAROLI SPONII,
DOCTORIS MEDICI COLLEGIO MEDD.
Lugdunaeorum Aggregati.

TOMVS PRIMVS

QVO CONTINENTVR

PHILOLOGICA, LOGICA, MORALIA

Elenchus vniuersalis Operum, ad calcem vitae Autoris habetur.

LVGDVNI,
Sumptibus IOANNIS ANTONII HVGVETAN,
& MARCI ANTONII RAVAVD.
M. DC. LXIII
CVM PRIVILEGIO REGIS

на родном языке, чтобы как образованные, так и необразованные могли получить удовольствие заниматься этим в равной мере".

IV

Перевод классиков и самостоятельные сочинения обзорного и обобщающего характера составляли необходимые предпосылки для усвоения и распространения научного наследства. Но собственный вклад европейских ученых в развитие науки получает определенное и достаточно яркое выражение только в XVI в. Перечислим в хронологическом порядке лишь некоторые из таких произведений, служивших маяками на трудном пути рождения науки нового времени: книга А.Дюрера по геометрии и перспективе (Нюрнберг, 1525), Н.Тартальи по основам механики (баллистики) (Венеция, 1537); Везалия по анатомии человеческого тела (Базель, 1543); Н.Коперника о планетной системе (Нюрнберг, 1543); И.Кардано по алгебре (Нюрнберг, 1545), где впервые было опубликовано решение кубического уравнения, принадлежащее Шипионе дель Ферро и Тарталье, и уравнения четвертой степени, принадлежавшее Феррари; Г.Агриколы по горнорудному делу (Базель, 1546); пятитомная энциклопедия зоологических знаний К.Геснера (Цюрих, 1555–1558, 1587); собрание физических и химических опытов де ла Порта (Неаполь, 1558), которое хотя и не содержало серьезных открытий, но благодаря занимательности своего содержания способствовало привлечению внимания ученых к химическим и физическим явлениям, в особенности к явлениям оптическим и магнитным; маленькая книжка С.Стевина о десятичных дробях (Лейден, 1585, на фламандском языке, и там же и тогда же – во французском переводе самого автора).

[19] Ольшки. Л. Указ. соч. Т. 1. С. 99.

Этот ряд книг XVI в., весьма не равных между собой по их роли в истории науки, как бы замыкает сочинение Вильяма Гильберта о магнетизме. (Лондон, 1600).

Все эти произведения свидетельствуют о формировании науки, основанной на наблюдении, опыте, систематическом исследовании и критическом анализе причинной зависимости. Этот путь развития науки неизбежно должен был привести к переоценке классических авторитетов и к прямому протесту, если не всегда против них самих, то, во всяком случае, против ореола непогрешимости, которым их окружили деятели Возрождения.

Еще в 1492 г. ученый медик Никколо Леоничено (1428–1524) – автор одной из первых работ о "французской болезни" (сифилисе) – издает в Ферраре брошюру, изобличающую медицинские ошибки Плиния ("Об ошибках в медицине Плиния и других").

Классическим примером единоборства с одним из величайших авторитетов античной медицины – Галеном может служить сочинение Везалия "О строении человеческого тела", опубликованное базельским издателем Иоанном Опорином в 1543 г. В предисловии к нему автор пишет: "Все медики настолько доверяли Галену, что среди них не было, наверное, ни одного, кто мог бы допустить, что в сочинениях Галена может быть или уже обнаружен хоть малейший промах в области анатомии, в то время как сам Гален довольно часто вносит поправки и неоднократно указывает на небрежность, допущенную им в его книгах, и даже в одних томах сообщает противоречащее тому, что находится в других. Но главное то, что теперь, с возрождением искусства вскрытия, нам стало известно при внимательном чтении книг Галена, что... сам он никогда не вскрывал тела недавно умершего человека. Вводимый в заблуждение своими опытами над обезьянами... Гален часто вследствие этого несправедливо возражал древним

медикам, которые практиковались в искусстве вскрытия человека..."[20]

Дерзание Везалия, подкрепленное тщательнейшими и глубокими самостоятельными исследованиями, проведенными на человеческих трупах, не могло не вызвать резкого противодействия со стороны охранителей авторитетов в науке. Такого рода противодействием был памфлет бывшего учителя Везалия по Парижскому университету, знаменитого в то время анатома Сильвия (Жака Дюбуа): "Опровержение клевет некоего безумца на анатомию Гиппократа и Галена" (Венеция, 1555). В наименовании этой злобной книги допущен издевательский каламбур: Vesalius переделано в Vesanus (безумный)[21].

Новый взгляд на вещи, показывающий, что формально понятые основы гуманизма слишком узки и стеснительны для ученых, овладевающих тайнами природы, хорошо выражен устами знаменитого французского хирурга Амбруаза Паре (1510–1599): "Остается больше вещей, которые нужно найти, чем тех, которые найдены. Нам не следует покоиться на трудах древних, как если бы они уже все сказали... Они должны служить нам сторожевыми вышками, чтобы видеть дальше"[22].

Как бы ни были значительны отдельные труды европейских ученых в различных областях знаний – математики, механики, астрономии, экспериментальной физики и химии, ботаники, зоологии, анатомии человека – среди них, как горная вершина, высится труд скромного каноника из г.Торуни – Николая Коперника "О вращении небесных сфер". Напомним, что Коперник пришел к идее гелиоцентрической системы еще в 1505–1506 гг. В кратком и схематическом виде он изложил основы своего учения в рукописи, которая предназначалась

---

[20] Цит. по: Терновский В.Н. Андрей Везалий. М., 1965. С. 46.

[21] Там же. С. 95 и след. К книге приложен комментированный перевод памфлета, выполненный Ю.Ф.Шульцем.

[22] Daumas M. (sous la direction). Histoire de la science. Bruges, 1957. P. 1171.

только для его друзей: "О гипотезах небесного движения". Публиковать развернутое изложение своей теории он не собирался, опасаясь преследований, хотя и не переставал над ним работать. Решительный толчок к публикации был дан молодым профессором Виттенбергского университета Георгом Иоахимом Ретикусом (1514–1576), который, ознакомившись с гелиоцентрической системой из уст самого Коперника, напечатал в 1540 г. в Данциге краткое резюме всей теории в форме письма к своему учителю Иоганну Шенеру (1477–1547). Эта публикация имела большой успех и уже в 1541 г. была переиздана в Базеле. Теперь, когда "секрет" окончательно перестал существовать, Копернику ничего не оставалось, как только дать согласие на печатание своего многолетнего труда. Он вышел из печати в 1543 г. в Базеле у Иоганна Петреуса. Печатание велось под наблюдением Ретикуса. Коперник скончался в год выхода из печати своего великого произведения.

Нет сомнения в том, что если бы из всей истории науки мы захотели назвать только десяток произведений, наиболее убедительно свидетельствующих о мощи человеческого разума, то в их числе, конечно, была бы названа и книга Коперника. В ней автор уже не колеблется более "вопреки общепринятому мнению математиков и даже, пожалуй, вопреки здравому смыслу" провозгласить движение Земли. Он изучил все, что предлагали древние относительно движения светил, и пришел к выводу, что, "хотя Клавдий Птолемей Александрийский, стоящий впереди других по своему удивительному хитроумию и тщательности, после более чем сорокалетних наблюдений завершил созидание всей этой науки почти до такой степени, что, как кажется, ничего не оставалось, чего он не достиг бы, мы все-таки видим, что многое не согласуется с тем, что должно было бы вытекать из его положений; кроме того, открыты некоторые иные движения, ему неизвестные"[23].

---

[23]Коперник Н. О вращениях небесных сфер /Пер. с лат. М., 1964. С. 17.

Но отношение между Коперником и Птолемеем нельзя попросту уподобить отношению между Везалием и Галеном. В случае Коперника дело не ограничивалось указанием источника ошибок авторитета и исправлением этих ошибок. Потребовалось взорвать всю систему Птолемея, остановить Солнце и заставить Землю в одном кортеже с другими планетами кружиться вокруг огненного центрального светила. Все значение этого фундаментального открытия было понято лишь несколько десятилетий спустя. Любопытно отметить, что в знаменитый папский "Указатель запрещенных книг" книга Коперника не попала ни в первом своем издании, ни во втором (Базель, 1566). Лишь вскоре после выхода третьего издания (Амстердам, 1617) творение Коперника попадает в этот список (декрет от 15 мая 1620 г.).

V

"Ныне в ходу изящное и исправное тиснение, изобретенное в мое время по внушению бога, тогда как пушки были выдуманы по наущению дьявола. Всюду мы видим ученых людей, образованнейших наставников, обширнейшие книгохранилища, так что, на мой взгляд, даже во времена Платона, Цицерона и Папиниана было труднее учиться, нежели теперь, и скоро для тех, кто не поднаторел в Минервиной школе мудрости, все дороги будут закрыты. Ныне разбойники, палачи, проходимцы и конюхи более образованны, нежели в мое время доктора наук и проповедники. Да что говорить! Женщины и девушки — и те стремятся к знанию, этому источнику славы, этой манне небесной"[24]. Эти слова Рабле вложил в уста добродушного великана Гаргантюа, чтобы живописать успехи европейского просвещения, достигнутые менее

[24]Рабле Ф. Гаргантюа и Пантагрюэль /Пер. с фр. Н.Любимова. М., 1961. С. 183.

чем за один век, протекший со времени изобретения книгопечатания. При этом Гаргантюа настаивал, чтобы его сын Пантагрюэль превосходно владел языками, во-первых, греческим (не зная которого человек не имеет права считать себя ученым), во-вторых, латинским и затем — еврейским, халдейским и арабским.

Конечно, приведенная перед этим характеристика круга образованных людей середины XVI в. весьма гиперболична, как и сами герои Рабле. Но все же этот круг, действительно, включал в себя не одних только докторов и магистров, но и многочисленных мастеров своего дела: врачей, инженеров, художников, наконец, просто образованных людей, и для многих из них путь к знаниям, лежащий через многолетнее изучение греческого и латинского языков, был непригоден. Удовлетворить их потребность в знаниях могли книги, написанные на родном языке, такие, как "Наставление об измерении с помощью циркуля и линейки" Альбрехта Дюрера (нем.), "Различные проблемы и изобретения" или "Новая наука" Тартальи (итал.), 'Метод лечения ран и прободений человеческой головы" Паре (фр.), "О десятой" (флам. и фр.) Стевина и др. Автор, адресуя свою книгу широкой аудитории соотечественников, мог рассчитывать, что она лучше поймет и оценит его новые идеи, чем присяжные ученые, для которых книжные знания нередко выполняли роль своего рода шор на глазах. Замечательное подтверждение этому, относящееся, правда, к более позднему времени, можно найти в словах Декарта, приведенных в предисловии к его "Рассуждению о методе", к первому изданию которого (Лейден: Майр, 1637) были приложены не только диоптрика и метеорология (как и к позднейшим), но и его геометрия (аналитическая):

"Если я пишу по-французски, на языке моей родины, предпочитая его латыни, языку моих наставников, то это по той причине, что я надеюсь, что те, кто пользуется только своим естественным совершенно ясным умом,

будут судить о моих идеях лучше, чем те, кто верит только книгам древних..."

Однако, идя навстречу соотечественникам, авторы указанных сочинений воздвигали трудно преодолимые препятствия для читателей других национальностей. Вот почему развивающаяся научная литература на новых языках еще долгое время сосуществует с латинскими изданиями. Достаточно вспомнить, что "глава математиков" К.Ф.Гаусс, научная деятельность которого относится к первой половине XIX в., все свои замечательные открытия публиковал на латинском языке.

Во всяком случае, до XVIII в., когда французский язык завоевал положение международного языка образованных людей, именно латинский (и отчасти греческий) обеспечивал самую возможность процветания таких мировых издательских фирм, как Альды в Венеции, Этьенны в Париже, Фробены в Базеле, Плантен в Антверпене и Эльзевиры в Амстердаме.

VI

Творческая активность европейских ученых, наблюдение новых, неизвестных древним фактов и явлений, формирование новых понятий и идей – все это требовало соответствующих наименований – терминов и специальных выражений и оборотов речи. Материал для этого доставляли прежде всего латинский и греческий языки. Нередко придавался новый смысл словам, служившим ранее другой цели, возникали новообразования. Научный язык латинских сочинений обогащался и арабскими терминами. Так, например, в астрономию вошли такие термины, как зенит, надир, азимут, альмукантарат (малый круг небесной сферы, все точки которого имеют одинаковые зенитные расстояния), а в математику – алгебра, цифра и т.п.

Переводам с арабского на латинский обязаны своим происхождением такие термины, как алгоритм и синус.

Конечно, синус является латинским словом (sinus – пазуха), но понять, почему именно это слово стало обозначать полухорду, можно только проследив обстоятельства перевода с арабского на латинский. Все дело в том, что арабское jaib – "пазуха" на письме неотличимо от jība, фонетически произведенного от первоначального индийского термина jīva (или jyā), означавшего тетиву, или хорду [25].

Задача адекватного выражения научных понятий и фактов на родном языке автора служила важным фактором обогащения и развития самого языка. Мы не собираемся входить здесь в подробности, так как это особая тема[26]. Заметим только, что, помимо ассимиляции международной научной терминологии (латинской, греческой, отчасти арабской), естественно использовался запас слов родного языка, причем иногда привычному слову придавался особый смысл (обобщенный или, напротив, специальный) без изменения самого слова (например, слово "сила" в русском языке); в других же случаях новый смысл достигался путем создания новообразований, составленных из ранее имевшихся в языке элементов (ср. непроницаемость, делимость, направление, сопротивление и т.п.[27]).

Отметим, наконец, случаи выхода выражений того или другого нового языка на международную арену. Наиболее часто это встречается в связи с техническими открытиями и изобретениями, наименованиями технических деталей и инструментов, однако имеет место и в области теории.

Приведем любопытный пример, относящийся к истории математики. В XVI в. среди итальянских математиков

---

[25] Smith. Op. cit. T. 2. C. 616.

[26] О развитии итальянской и немецкой научной терминологии см.: Ольшки Л. Указ. соч. О русской – см.: Кутина Л.Л. Формирование языка русской науки. М.; Л., 1964; Ее же, Формирование терминологии физики в России. М.; Л., 1966.

[27] Кутина Л.Л. Формирование терминологии физики в России. С. 246 и след.

был весьма распространен для наименования алгебры термин regola de la cosa от cosa – "вещь", что соответствует встречающемуся у поздних латинских авторов термину для обозначения неизвестной величины ces (вещь). Итальянский термин был тогда же воспринят и немецкими авторами (название сочинения Рудольфа "Die Coss" 1525 г.) и английскими (cossike art)[28].

Несколько гипертрофируя фактическое положение дела, можно сказать, что приспособление новых языков к нуждам развивающейся науки, с одной стороны, несомненно облегчало приобщение к ней все большего числа людей, тяготевших к научным знаниям, а с другой стороны, постепенно приводило к созданию своего рода "языков в языке", языков отдельных отраслей науки и техники, малопонятных для непосвященных.

В наше время этот процесс зашел очень далеко. Иллюстрируем сказанное несколькими примерами из трех научных книг физико-математического содержания, изданных в последние годы на русском языке. Мы обнаружим прежде всего, что не так легко найти фразу, в которой отсутствовали бы математические символы. Но вот такие фразы найдены. Читаем: "Топологическое векторное пространство называют полным, если наделенное своей равномерной структурой, оно является полным равномерным пространством"[29].

"Можно показать, что всякое общерекурсивное непустое множество натуральных чисел рекурсивно перечислимо и что классически множество натуральных чисел является рекурсивным тогда и только тогда, когда оно само и его дополнение рекурсивно перечислимы"[30].

"Рюэль показал, что из аксиом 0, I, II и III следует существование состояний рассеяния, т.е. ИН и АУТ – сос-

---

[28] Smith. Op. cit. T. 2. S. 392.

[29] Бурбаки Н. Топологические векторные пространства /Пер. с фр. М., 1959, С. 30.

[30] Френкель А., Бар-Хилел И. Основания теории множеств /Пер. с англ. М., 1966. С. 362.

тояний одной, двух или более частиц, если только все одночастичные состояния могут быть порождены полиномами по размазанным полям"[31]. Для понимания смысла этих предложений одно лишь владение русским языком почти ничего не дает. Между тем с точки зрения соответствующей области науки все они построены правильно и точно, и каждое несет свою существенную и вполне законченную информацию.

Естественно, что по мере развития терминологии и специальных способов выражения возникала необходимость и в специальных терминологических справочных изданиях, словарях и энциклопедиях. В отношении математических наук такие издания появляются начиная со второй половины XVII в.[32]

VII

Можно ли говорить об определенной совокупности признаков внешнего характера, отличающих книги от других печатных произведений? Научная книга нового времени, как правило, оформлена строго и скупо, без всяких украшений. Иллюстрации в ней – это чертежи, схемы, диаграммы, графики, планы или карты, зарисовки с натуры (позднее фотографии).

Но старая научная книга не чуждалась ни пышных фронтисписов, ни затейливых инициалов, ни аллегорических, подчас довольно легкомысленных, виньеток. Своего рода эталон изданий этого типа вырабатывался начиная со второй половины XVI в. фирмой Плантена и его преемников.

В качестве характерного примера приведем "Оптику" Ф.Эгийона (Антверпен: Плантен, 1613), фронтиспис которой изготовлялся в мастерской Рубенса. Это издание

---

[31] Стритер Р., Вайтман А. РСТ, СПИН и статистика и все такое /Пер. с англ. М., 1966. С. 143.
[32] См. в наст. Сборнике с. 364–392.

Фронтиспис книги «Оптика» Ф.Эгийона, выполненный в мастерской Рубенса

содержит много чертежей в тексте, выполненных в технике гравюры на дереве, но сверх того каждая из его 6 частей предваряется гравированной на меди виньеткой, где содержание соответствующей части раскрывается в аллегорической сцене, участниками которой являются мудрец и многочисленные putti[33], помогающие ему производить опыты.

Другой пример книги, имеющей характер научно-популярного и практического руководства, дает небольшое сочинение С. Ле Клерка-старшего "Практика геометрии на бумаге и на земле" (Париж: Жомбер, 1682), которое автор — известный французский художник и педагог — иллюстрировал многочисленными гравюрами на меди, где геометрические чертежи сопровождаются миниатюрными пейзажами, разнообразными сценками, орнаментальными украшениями и пр. К содержанию книги они не имеют никакого отношения.

Короче говоря, наличие украшений отнюдь не мешало книге быть научной, равно как и полное отсутствие их вовсе не означало, что перед нами не беллетристическое произведение.

Но, может быть, научные книги внешне отличались от других тем, что они, как правило, писались на латинском или греческом языках? Такое предположение было бы неверным. Мы отмечали уже, что начиная с XVI в. многие замечательные научные произведения издавались на живых языках. С другой стороны, на латинском и греческом печатались "Метаморфозы" Овидия, "Комедии" Плавта и "Пастушеская повесть о Дафнисе и Хлое" Лонга — произведения, предназначавшиеся для "легкого" чтения. Впрочем, ученые издания классиков римской и греческой литературы выделялись уже при первом взгляде на книгу благодаря наличию обширнейших комментариев, которые печатались особым шрифтом и верстались "в оборку" по отношению к основному тексту, выглядевшему иногда крохотным островком в море комментария.

---

[33] putti — маленькие мальчики *(итал.)*.

Среди научных изданий нашей эпохи наиболее определенные внешние признаки имеют сочинения по математике или по химии из-за того, что значительная часть их текста написана особым символическим языком, элементами которого являются математические или химические символы, требующие особого "формульного" набора.

Но математическая символика в книгах XVI в. и первой половины XVII в. находилась еще в зачаточном состоянии, а химическая стала складываться только с начала XIX в. Чтобы получить точную и выпуклую характеристику математического языка XVI и начала XVII в., правда, относимую не к печатной книге, а к "книге природы", достаточно привести известное место из "Пробирных весов" Галилея (Рим: Маскарди, 1623): "Написана же она языком математическим, и знаки ее суть треугольники, круги и другие математические фигуры". Таким геометрическим языком написано и одно их величайших созданий человеческой мысли — "Математические принципы натуральной философии" Ньютона (первое издание — Лондон: Стритер, 1687). Конечно, математические методы, применяемые в этой книге, — методы математического анализа, разработанные самим Ньютоном, — были новыми, но там, где позднейший автор писал бы строчки формул, относящихся к интегрированию дифференциальных уравнений, там Ньютон прибегал к геометрическим фигурам, давая вопросу чисто геометрическую формулировку и затем приводя решение, выдержанное в строго геометрическом духе.

Однако такая форма изложения уже начала изживать себя, ибо идеи, методы и новые обозначения математического анализа обретали жизнь и помимо Ньютона, трудами его соперника Лейбница и его соратников — братьев Бернулли, Иоганна и Якоба.

Проходит немногим более века после смерти Галилея, и физиономия математической книги резко меняется, что бросается в глаза даже профану. Уязвленный отъез-

дом Эйлера из Берлина в Петербург, Фридрих II – человек далекий от математики – пишет Д' Аламберу: "Корабль, нагруженный его x, z, его k, k, потерпел крушение – все пропало, а это жалко, потому что там было чем наполнить шесть фолиантов статей, испещренных от начала до конца цифрами. По всей вероятности, Европа лишится приятной забавы, которая была бы ей доставлена чтением их..."[34]

Итак, если во времена Галилея листы научной математической книги узнаются по геометрическим фигурам, то в XVIII в. наиболее ярким признаком являются формулы, которые постепенно начинают выносить (выключать) в отдельные строки.

Поучительно воспроизвести здесь еще известный пассаж из предисловия Лагранжа к его двухтомной "Аналитической механике", книге, далекой предшественницей которой были "Беседы и математические доказательства" Галилея: "В этом сочинении не найдут ни одной фигуры. Методы, которые я в нем излагаю, не требуют ни построений, ни геометрических либо механических рассуждений; они нуждаются только в алгебраических операциях, подчиненных единообразному и правильному порядку"[35].

Конечно, в этом изменении внешнего вида математических книг прежде всего проявились успехи алгебраических и аналитических методов в тесной связи с распространением и развитием соответствующей математической символики.

Известно, что первое употребление знаков + и – в печатной книге относится к 1489 г. (Видман. Проворный и красивый счет. Лейпциг, 1489), знака равенства = – к 1556 г. ("Оселок для ума" Рекорда, правда, здесь этот знак выглядит весьма удлиненным), а знаки не-

---

[34] Пекарский П. История Императорской Академии наук в Петербурге. Спб., 1870. Т. I. С. 192.

[35] Lagrange J.L. Mécanique analytique. I–II. Paris, 1811. Avertisement, I.

равенства: >, < – к 1631 г. (Гарриот. Применение аналитического искусства... Лондон).

Обозначение буквами неизвестного и его степеней встречается уже в произведениях Диофанта. В новое время Ф.Виет в своем "Введении в аналитическое искусство" (Тур: Меттайе, 1591) и ряде последующих сочинений систематически обозначает величины большими буквами латинского алфавита: гласными – неизвестные, согласными – известные. Вот как, однако, непохоже на нынешние формулы выглядит у него запись кубического уравнения

$x^3 - 3bx^2 + (3b^2 + d)x = c + db + b^3$:[36]

$$\left.\begin{array}{l} \text{E cubus} \\ -\text{ B in E quadr ter.} \\ \left.\begin{array}{l} +\text{B quadrato ter.} \\ +\text{D plano} \end{array}\right\} \text{ in E} \end{array}\right\} \text{aequabitur} \left\{\begin{array}{l} \text{Z solido} \\ +\text{D plano in B} \\ +\text{B cubo} \end{array}\right.$$

И лишь в "Геометрии" Декарта (Лейден. Майр, 1637) алгебраические формулы принимают почти современный вид, за некоторыми исключениями, к которым относится знак равенства в виде $\propto$ (этот знак можно встретить и в значительно более поздних книгах, например в "Математическом словаре" Озанама (Париж: Мишалле, 1691)) и запись квадрата a в виде aa вместо a^2 (такого рода запись употребляется в книгах до конца XVIII в.). Вот, например, как записывает Декарт уравнение

$$y^2 = cy - \frac{cx}{b}y + ay - ac:$$

$$yy \propto cy - \frac{cx}{b}y + ay - ac$$

Скажем еще несколько слов о современной символике математических книг, в пропаганде которой решающую роль играет грандиозный трактат "Элементы математики" группы математиков, избравших себе коллективный псевдоним "Никола Бурбаки" (издание, начавшее выходить с 1939 г. в парижском издательстве Эрман и насчитывающее около 30 книг, до сих пор не закончено).

---

[36] Taton. Op. cit. II. S. 210.

Помимо символов теории множеств, вроде ∈ (знак принадлежности элемента к множеству), ⊂ (знак включения одного множества в другое), ∪ (знак объединения множеств) и т.п., символов логических, таких, как знак ⇒ (следует, вытекает) или квантора существования ∃ и квантора общности ∀ (здесь используются перевернутые прописные Е и А), и многих других символов, авторы пользуются также символом, если можно так сказать, психологическим, заимствованным из числа автодорожных знаков: Z("осторожно, извилистая дорога"). Последний выносится на поля книги "с целью уберечь читателя от серьезной ошибки, в которую он рисковал впасть".

Характеризуя историческое развитие химии, известный французский историк науки Морис Дома пишет:

"В конце XVI в. вся наука была традиционалистской, но веком позже с такой верностью древним было покончено для большинства дисциплин. Химия останется последней традиционалистской наукой; изучение новых авторов не заменит изучения древних, но расположится поверх его"[37].

Сказанное относится прежде всего к принципиальным основам химии того времени, сводящимся к существованию четырех элементов: земли, воды, воздуха и огня и четырех основных качеств: тепла, холода, сухости и влажности, которые попарно объединялись с первыми в различных допустимых сочетаниях. Но сказанное справедливо также и по отношению к аллегорическому языку, в котором использовались наименования планет и животных (например, саламандры, дракона, лебедя и т.д.), и к обозначениям для химических веществ (химической символики). Эта символика, в которой железо обозначалось знаком Марса (♂), серебро – Луны (☽), ртуть – Меркурия (☿), медь – Венеры (♀) и т.д., сохранялась еще в изданиях XVIII в. В виде примера можно привести здесь "Курс химии" Н.Лемери, бывшего убежденным

[37]Taton. Op. cit. II. S. 138.

противником алхимии. Первое издание этой широко распространенной когда-то книги относится еще к 1675 г., но сам автор подготовил одиннадцать ее изданий, выходивших вплоть до 1730 г. (последнее посмертно); в 1756 г. в Париже вышло переработанное Т.Бароном издание, сохраняющее, однако, традиционные обозначения[38].

Современная химическая символика могла появиться лишь на основе атомистических представлений. Первый проект подобной символики предложил Дальтон в своей "Новой системе химической философии" (Манчестер, 1808–1810)[39]. Но символы Дальтона были слишком громоздки и неудобны для обозначения состава сложных соединений. Их заменила символика элементов, их соединений и записи химических реакций (химические формулы), предложенная Берцелиусом еще в 1814 г. и подробно изложенная в расширенном издании первой части его книги "Учебник химии" (Стокгольм, 1818). Эта система в основных чертах сохраняется и в наше время[40].

Однако употребление этих формул было освоено лишь через три десятилетия, а согласие по поводу единой системы атомных весов было достигнуто полвека спустя. Самый же принцип существования химических атомов дебатировался по философским и научным соображениям еще долгое время[41].

VIII

Выразительные средства, которыми располагает автор научной книги, не сводятся к одним только языковым,

---

[38] Джуа М. История химии /Пер. с итал. М., 1966. С. 101–102, примеч. 58–99.

[39] В 1827 г. появилась еще и первая часть второго тома Дальтона.

[40] Джуа М. Указ. соч. С. 172 и след.

[41] Daumas. Op. cit. S. 954.

хотя бы и обогащенным научной фразеологией, терминологией и символикой. Большую роль в передаче научной информации в книге играют также различные изобразительные средства, к которым относятся воспроизведения внешнего вида предметов (рисунки), чертежи, планы, карты, разного рода схемы, диаграммы и графики. Рядом с ними можно поставить всевозможные числовые таблицы, отображающие чисто количественную сторону явлений. Заметим, что их содержание, вообще говоря, также можно представить в наглядном графическом виде.

Упомянутые выше изобразительные средства часто имеют условный характер, без которого они не могут быть ни использованы, ни поняты (географическая карта, выполненная в той или иной картографической проекции; эпюр или аксонометрическое изображение пространственной фигуры: диаграмма, график и т.п.). В этом отношении они обнаруживают близкое родство с научными символами. Чтобы убедиться в том, что здесь нельзя вообще провести резкую границу, достаточно напомнить, что химические символы Дальтона – это, по сути дела, диаграммы, изображающие атомы различных элементов кружками, в которые вписаны условные детали, позволяющие отличить один элемент от другого[42].

Другой пример дают известные структурные формулы ароматических соединений, предложенные Кекуле в 1865 г. Каждая такая формула представляет графическую схему взаимной связи атомов в рассматриваемом веществе.

Иллюстрации в первопечатных книгах по рукописной традиции редко имели характер воспроизведения подлинного облика реального объекта с его индивидуальными особенностями. Иллюстратор старинной книги давал некие обобщенные, типические изображения там, где в тексте речь шла о вполне определенных городах,

---

[42] Джуа М. Указ. соч. С. 172 и след.

королях, полководцах, деревьях и цветах. Не сказывалась ли здесь традиция иллюстрирования Библии и житий святых, переносимая на светские предметы? К этому давал повод и самый текст, автор которого нередко опускал в описании внешние черты предмета, потому ли, что не придавал им значения как несущественным, или потому, что не видел предмета, о котором писал. Как бы то ни было, нередко одно и то же клише повторялось по многу раз в разных местах книги, где оно должно было изображать различные объекты. Ясное дело, что такого рода иллюстрации не были пригодны для целей научной информации. Однако уже довольно рано в книгах появляются и изображения документального характера. Классическим примером подобной книги является изданное в Майнце в 1486 г. "Путешествие во святую Землю" Брейденбаха; книгу эту Альбер Флокон называет "первым печатным репортажем"[43]. Его издателем обозначен художник Ройвих. Книга украшена превосходными гравюрами на дереве, воспроизводящими зарисовки с натуры, которые делал Ройвих, сопровождавший Брейденбаха в его путешествиях. Точности ради нужно отметить, что и здесь не обошлось без порождений фантазии: среди изображений животных, таких, как верблюд, жираф, крокодил, встречается легендарный единорог, а погонщице верблюда приданы обезьянья голова и длинный хвост.

Конкретное видение человека и природы, проявившееся в шедеврах Леонардо да Винчи и Микеланджело в Италии и Дюрера в Германии, послужило великолепной школой и для многочисленных художников и иллюстраторов научной книги. Они начинают новыми глазами глядеть на окружающий мир. Перед ними открывается богатейшая флора и фауна Западной Европы, они привозят сотни и тысячи зарисовок из путешествий по Азии, Африке и Новому Свету. Если к этому прибавить еще многочисленные коллекции минералов, растений

---

[43] Flocon. Op. cit. S. 256.

и животных, которые скапливаются в разных городах Европы уже к середине XVI столетия, то становятся ясными источники многочисленных документальных рисунков к обширным сочинениям по ботанике и зоологии, появляющимся в печати начиная с середины XVI в.

Но прежде чем сказать о них несколько слов, мы должны вернуться к сочинению Везалия "О строении человеческого тела", о котором уже шла речь. Этой книге предшествовало издание шести больших анатомических таблиц, резанных на дереве. Они вышли в Венеции у Витали в 1538 г. и явились результатом сотрудничества самого ученого, иллюстрировавшего свои лекции зарисовками и чертежами, и художника Яна Стефана ван Калькара[44].

Эти таблицы произвели на современников большое впечатление. Один из них – ученый медик И.Постий – посвятил им стихи, в которых говорится:

> ...Проникая в явления рукой и глазами, Везалий
> В долгие годы сумел труд совершенный издать.
> И объясняет он это не строчками букв, а живыми
> Изображеньями, нам жизнь демонстрируя в них[45].

Еще полнее и богаче иллюстрировано "Описание человеческого тела", вышедшее четырьмя годами позже. Украшающий книгу портрет Везалия, по-видимому, принадлежит тому же Стефану Калькару. "Его скелеты представляют собой не набор костей, а выражают пластичными и драматичными позами состояния, характерные для живых людей. Зарисовку движений мышц он осуществляет также с подчеркнутой динамикой"[46]. Иллюстрации в книге отличаются точностью и красотой форм. Но в настоящее время авторство Калькара оспорено; утверждается, что рисунки выполнены различными анонимными художниками и резчиками по дереву[47].

---

[44] Терновский В.Н. Указ. соч. С. 78 и след.
[45] Там же. С. 112.
[46] Там же. С. 79.
[47] Sotheby A. C° Catalogue... 3/III, 1965. P. 134.

О том, какое значение сам Везалий придавал иллюстрациям своего труда и как основательно он вникал во все тонкости типографского искусства, связанного с их воспроизведением и с печатанием различными шрифтами примечаний и объяснений к ним, можно судить по его интереснейшему письму к издателю Иоанну Опорину. Это письмо предварило получение издателем рукописи всего труда, гравированных деревянных досок и оттисков с них[48].

Многочисленные иллюстрации к книгам по ботанике и зоологии, принадлежащим различным авторам XVI и начала XVII в., также являлись предметом особой заботы авторов и издателей. Мы назовем здесь прежде всего изданные в Страсбурге у И.Шотта в 1530–1536 гг. "Изображения живых трав" Отто Брунфельса, иллюстрированные 283 превосходными изображениями растений работы Ганса Вейдица – замечательного немецкого рисовальщика первой половины XVI в.

В Базеле у Изингрина в 1542 г. вышло в свет сочинение Леонарда Фукса "Об истории растений", описывающее более 500 растений, в сопровождении гравированных на дереве изображений, довольно точно передающих оригиналы. Рисунки эти принадлежат Генриху Фюльмаургеру и Альберту Мейеру; резал их на дереве гравер Фейт Рудольф Шпекле. Издатель и автор отдали должное труду художников, поместив их портреты в конце книги[49].

Из иллюстрированных ботанических изданий XVI в. упомянем еще "Всеобщую историю растений" Жана Боэна (1541–1613) – ученика Л.Фукса. Это сочинение было опубликовано через несколько десятилетий после смерти автора, в 1650–1661 гг., в старинном городе Амбрене, расположенном во французских Альпах; книгопечатание в нем велось с 1490 г. Издание является

---

[48] Терновский В.Н. Указ. соч. С. 90–94; здесь приведен полный перевод письма.

[49] Thornton. Op. cit. S. 57.

обширной компиляцией в трех томах, разделенных на 40 книг, в которых собрано все написанное о растениях с древнейших времен. Здесь описаны 5226 растений; описания сопровождаются рисунками (всего их 3426), частично заимствованными у Фукса[50].

Из сочинений по зоологии наибольшей известностью пользовался упоминавшийся выше пятитомный труд К.Геснера, к иллюстрированию которого были привлечены его земляки по Цюриху – художники Ганс Аспер, Ганс Тома и для изображения птиц – Лука Шрен. Труд этот многократно переиздавался, причем переиздания обогащались новыми иллюстрациями.

Настоящую зоологическую энциклопедию того времени представляло 10-томное сочинение Улиса Альдрованди, публиковавшееся в Болонье в 1599–1616 гг. Оно заключало до 7000 страниц текста и множество иллюстраций, изготовлением которых занимались Корнелиус Сивинт из Франкфурта, Лоренцо Бернини из Рима и – в качестве граверов – два нюрнбержца: Крисофоро Кориолано (Кристоф Ледерер) с племянником – мастера весьма высокого класса[51]. Кроме того, среди иллюстраций этого сочинения (а также многих других) было немало анонимных клише, переходивших из одной книги в другую.

Наряду с документальными иллюстрациями и в книгах Геснера, и книгах Альдрованди встречаются и фантастические изображения несуществующих животных вроде единорогов, морских монахов, драконов и т.п.

Геометрические чертежи в древнейших печатных книгах, по примеру ратдольтовского издания "Начал" Евклида 1482 г., выносятся на поля. Позднее они обычно печатаются в тексте. При этом их продолжают вырезать на дереве, сохраняя эту традицию и в последующие века, во всяком случае, когда чертеж не слишком сложен.

---

[50] Taton. Op. cit. Vol. 2. S. 166.

[51] Кристеллер П. История европейской гравюры. М., 1939. С. 239.

Впрочем, старые мастера умели достаточно убедительно использовать технику резной гравюры на дереве и для передачи довольно сложных композиций.

Все же в течение двух веков–XVII и XVIII – в научных и технических книгах господствует гравюра на меди, позволяющая с большей точностью воспроизводить самые тонкие особенности формы геометрических фигур, машин, приборов, инструментов, живых существ и т.д. Меняются не только техника изображений, но и приемы их построения. Интересный, хотя и несколько изолированный пример этого явления дают чертежи известного гравера Авраама Босса, которые он изготовлял, следуя новым идеям знаменитого французского инженера и математика Дезарга, далеко опередившего свое время и, в частности, предвосхитившего основные приемы начертательной геометрии.

Географические карты, печатанные с деревянных досок, впервые, по-видимому, появляются в "Космографии" Птолемея, изданной в Болонье Лаписом в 1477 г. (издание, как указывалось выше, датировано 1462 г.); в 1478 г. "Космография" выходит в Риме у Букинка с 27 картами, гравированными на меди [52]. "Космография" Птолемея остается долгое время одной из наиболее часто издаваемых научных книг (насчитывается 56 ее изданий)[53]. При этом к картам Птолемея добавляются новые, изображающие государства Европы и Новый Свет. Подобными же картами, как правило, гравированными на дереве, снабжаются и географические сочинения авторов нового времени (Пойтингер, Вальдзеемюллер, Аппиан, Себастьян Мюнстер), которые, по выражению Антуана Бонифасио[54], все в большей или меньшей степени были и продолжателями и разрушителями географии Птолемея.

Существенный вклад в дело построения географических карт был внесен фламандскими географами –

---

[52] Flocon. Op. cit. S. 265.
[53] Op. cit. S. 486.
[54] Daumas. Op. cit. S. 1139.

Меркатором (Герхард Крамер) и Ортелиусом, разработавшими новые методы картографических проекций и первыми создавшими серии карт, достаточно точно согласованных одна с другой[55].

Ортелиус в 1570 г. опубликовал "Весь мир" – географический атлас, не содержащий ни одной карты Птолемея[56]. Впрочем, самое наименование "атлас" в применении к собранию географических карт впервые встречается у Меркатора. Именно он в 1585 г. выпустил в Дуисбурге "Атлас, или Космографические размышления о строении мира".

Здесь уместно напомнить, что первой по времени научной книгой, в которой можно видеть начала современной географической науки, была "Всеобщая география" Бернарда Варениуса, опубликованная в Амстердаме в 1650 г., в год смерти автора[57]. Переработанное И.Ньютоном издание "Генеральной географии", выпущенное в 1672 г. в Кембридже, было первым печатным его трудом, на титуле которого значится имя Ньютона[58].

Впоследствии "Всеобщая география" Варениуса вошла в число первых книг по географии, напечатанных на русском языке ("География генеральная... переведена с латинского языка на российский и напечатана в Москве... 1718 в июне"). Перевод сделан с одного из амстердамских изданий Эльзевиров (1650, 1664, 1671), предшествовавших ньютоновской переработке[59].

IX

Математические таблицы известны со времен ассиро-вавилонской культуры, от которой до нашего времени

---

[55] Op. cit.

[56] Flocon. Op. cit. S. 481.

[57] Daumas. Op. cit. S. 1140–1141.

[58] Thornton. Op. cit. S. 78.

[59] Быкова Т.А., Гуревич М.М. Описание изданий гражданской печати 1708 – январь 1725. М.; Л. 1955. С. 237.

сохранились в исчислении времени и измерении углов остатки сексагезимальной (шестидесятеричной) системы, где за основание системы счисления принималось число 60. До введения во всеобщее употребление десятичных дробей часть авторов, составляя разного рода таблицы, старалась вообще избегать дробей.

Например, Пейрбах для вычисления таблицы синусов брал радиус круга, равный не 1, как это делается теперь (начиная с XVIII в.), а 600 000, а его ученик Региомонтан, чтобы достигнуть большей точности, – 6 000 000 и даже 60 000 000, благодаря чему приводимые им значения синусов, выражавшиеся целыми семизначными числами, соответствовали точности вычислений до 0,0000001.

Другие авторы, следуя древней традиции, воспринятой арабскими учеными, изображали дробные числа в шестидесятеричной системе. Соответствующие записи имели довольно громоздкий вид, так как привычные нам обозначения для градусов, минут, секунд, терций и т.д. в виде соответствующих надстрочных значков (°, ′, ″, ‴) появились лишь в XVII в.

Так, например, Гемма Фризиус (1535–1577) в "Легком способе практической арифметики" (Антверпен, 1540) записывает число, равное

$$60 + 16 + \frac{25}{60} + \frac{17}{60^2} + \frac{21}{60^3} + \frac{27}{60^4} \text{ в виде:}$$

S	$\tilde{g}$	$\tilde{m}$	$\tilde{2}$	$\tilde{3}$	$\tilde{4}$
1	16	25	17,	21,	27

Нужно признать, что способ, предложенный для записи десятичных дробей С.Стевином, также весьма громоздок и, очевидно, внушен практикой изображения шестидесятеричных дробей. Вот как, например, он предлагает в "Десятой" записывать число, равное

[60] Smith. Op. cit. S. 234.

$$27 + \frac{8}{10} + \frac{4}{10^2} + \frac{7}{10^3}$$, т.е. 27,847:

27 (0) 8 (1) 4 (2) 7 (3)

(допуская также вариант вида: $27° \; 8' \; 4'' \; 7'''$).

Впрочем, несколько лет спустя Маджини в книге "О плоских треугольниках" (Венеция, 1592) и Клавиус в "Астролябии" (1593), опуская бесполезные значки Стевина, приходят к современной записи десятичных дробей. В дальнейшем на протяжении XVII в. числовые таблицы (тригонометрические, логарифмические и пр.) постепенно приобретают привычный для нас вид.

Понятие схемы (графически представленной) и диаграммы являются весьма широкими; мы не собираемся рассматривать здесь их виды и прослеживать роль, которую они играют в научной книге. Ограничимся немногими примерами, имеющими, как нам кажется, принципиальное значение.

Первый пример, на котором мы хотим остановиться, это так называемые диаграммы или круги Эйлера. Желая пояснить основные понятия логики своей высокопоставленной ученице, Эйлер в "Письмах к немецкой принцессе"[61] пишет: "Можно также представлять эти четыре рода предложений посредством фигур, чтобы явно выразить зрению их природу. Это одно из великолепных пособий для весьма отчетливого разъяснения того, на чем основывается справедливость рассуждения. Так как общее понятие охватывает бесконечное множество индивидуальных объектов, его рассматривают как некоторую область (буквально, пространство – un espace. – *А.М.*), в которой заключены эти индивидуумы". В качестве графических образов таких областей Эйлер пользуется кругами, хотя его идея, как видно из приведенной

[61] Euler L. Lettres à une princesse d' Allemagne sur divers sujets de physique et de philosophie. S. Petersbourg, 1768. Vol. II. P. 98 et. suiv.

выше цитаты, имеет совершенно общий характер и от формы области не зависит. Справедливости ради нужно признать, что подобные диаграммы применялись в логике еще до Эйлера, например И.Х.Штурмом (1661) и И.Х.Ланге (1712)[62], однако в общее употребление они вошли благодаря Эйлеру. В настоящее время их широко используют для наглядного изображения множеств и операций над ними; в американской литературе их называют обычно диаграммами Венна (1880).

Второй пример – это графы, завоевывающие в наше время все более широкие области приложений. Они служат для наглядного изображения связей (отношений) между элементами двух множеств. Примерами отношений могут служить отношения родства, иерархии или порядка, связи, устанавливаемые мостами или дорогами между различными пунктами, операциями монтажа или демонтажа в некотором технологическом процессе и т.п.; самое общее математическое понятие функции есть лишь частный случай отношения (relation). На графе элементы множеств изображаются точками или кружками, а отношения – линиями (не обязательно прямыми) со стрелками, ведущими от одного элемента к другому, с которым первый находится в данном отношении (например, от отца к дочери или сыну). Один из древнейших видов графа – родословное дерево, изображающее отношение родства или свойства между членами определенной группы людей, – фигурирует уже в инкунабулах.

Третий пример – графики, без которых теперь почти не может обойтись не только математическая, но и естественнонаучная или техническая книга. Идея графиков в явном виде рядом с идеей координат на плоскости встречается в уже упоминавшейся нами работе "О широтах форм" Орема, относящейся к XIV в. Но математики освоили идею координат в полном объеме только после появления "Геометрии" Декарта (1637). Впрочем, и

[62] Encyclopedia Britannica. 1962. Vol. 14. P. 319.

после этого долгое время не доставало еще представления о функции, понимаемой как соответствие, в силу которого с каждым из рассматриваемых значений одной величины сопоставляется определенное значение другой. И хотя такое общее понятие мы встречаем уже в трудах Эйлера [63], все же оно сделалось достоянием математиков только после работ Лобачевского и Дирихле, относящихся к первой половине XIX в. Лишь на этой принципиальной основе графики функциональных зависимостей смогли получить то широчайшее распространение, которое сделало их существенным компонентом многих естественнонаучных и технических сочинений.

X

Научная книга имеет жанры, особенности которых определяются в конечном счете целями, преследуемыми ею, и аудиторией, которой она предназначена. Конечно, жанры эти не отграничиваются резко один от другого. Можно сказать, что в совокупности они составляют один сплошной спектр, на одном конце которого располагаются научно-популярные книги, рассчитанные на возможно более широкую читательскую аудиторию, а на другом – научные журналы, рассчитанные на ученых, работающих в определенной области науки и полностью владеющих терминологией и символикой, фактическим содержанием и методами этой области.

Между ними помещаются курсы лекций и учебные пособия для высшей школы; сводные систематические изложения широких областей знания (всевозможные трактаты и *Handbuch*[64]), исторические обзоры и издания классиков науки; монографии и обзоры современного состояния специальных научных проблем, дающие

---

[63] Маркушевич А.И. Основные понятия математического анализа и теории функций в трудах Эйлера // Леонард Эйлер. М., 1958. С. 106 и след.

[64] Handbuch – справочник (*нем.*).

более или менее исчерпывающее их изложение, оригинальные научные труды, содержащие итоги научной работы автора (в частности, научные диссертации) или группы объединенных вокруг него исследователей; сборники оригинальных научных статей; собрания сочинений ученых; труды научных съездов и конференций; научные журналы. Ко всей этой литературе примыкают и часто являются неотделимыми от того или иного жанра всевозможные справочные пособия: таблицы, определители, атласы, терминологические словари, библиографические сводки, реферативные сборники и журналы, специальные словари и энциклопедии.

Книги, о которых шла речь в разных местах этой статьи, относились, главным образом, к разрядам научно-популярных, учебников для высшей школы, изданий классиков, оригинальных монографий и справочников. Мы несколько дополним сказанное, останавливаясь преимущественно на наиболее ранних по происхождению жанрах.

Сочинение Луки Пачоли "О божественной пропорции" можно отнести к разряду научно-популярных произведений. Предмет этой книги – так называемое золотое сечение, т.е. деление отрезка в среднем и крайнем отношении (0,618:1), и применение этого отношения к архитектуре, построению правильных и полуправильных тел (многогранников), пропорциям человеческого тела, книгоиздательскому делу. Как свидетельствует автор, книга возникла "из славного научного спора", происходившего 9 февраля 1498 г. при дворе миланского герцога Людовика Моро, в котором (споре) участвовали теологи, врачи, военные техники, поэты и художники, и среди них Леонардо да Винчи. Последнему принадлежат изображения многогранников, гравированные на дереве на многих таблицах книги Пачоли[65].

Любопытно отметить, что во всех основных источниках по истории науки и книги первое издание этого

---

[65] Ольшки Л. Указ соч. С. 98 и след.; Юшкевич А.П. Указ. соч. С. 421.

сочинения Пачоли относится к 1509 г. Однако каталог одного из недавних аукционов Сотби в Лондоне (22–23 мая 1967 г.) описывает экземпляр издания "Божественной пропорции", датированный 1 июня 1501 г. (Венеция: Паганино ди Паганини). Если это не ошибка, то издание 1509 г. (издатель тот же) следует считать вторым.

Упомянем еще в качестве любопытного примера научно-популярной книги XVI в. своеобразную "астрономию для дам", принадлежащую перу итальянского ученого Александро Пикколомини ("О мировой сфере", "О неподвижных звездах". Венеция, 1540). Здесь в виде приправляемой цитатами из Дантова "Рая" беседы с прекрасной дамой дается введение в географию и космографию. Книга заканчивается звездным атласом и таблицами для разыскания звезд во всякое время ночи[66].

Естественно, что уже с первых десятилетий своего существования книгопечатание во все большей мере брало на себя функции обслуживания учебниками и учебными пособиями учащейся молодежи. Правда, вначале эти потребности в области точного знания почти не выходили за пределы классического квадривиума, включавшего в себя лишь начальные сведения из арифметики, геометрии, астрономии и музыки.

Во второй половине XV в. можно назвать уже по крайней мере два университета – в Болонье и в Кракове, где изучению математики и астрономии уделяется серьезное внимание. Так, в Краковском университете в 1450 г. учреждается кафедра астрономии (астрологии), а с 1476 г. также и кафедра математики. Альберт Бруджевский, занимавший последнюю кафедру, обучал студентов геометрии и алгебре и "читал" студентам "О небе и мире" Аристотеля и "Мировую сферу" Сакробоско. Заметим, что сочинение "О небе и мире" было незадолго до основания этой кафедры отпечатано в Падуе (Аурелианус, 1473),

[66] Ольшки Л. Указ. соч. Т. 2. С. 140–141.

а "Мировая сфера" – в Ферраре (Галлюс, 1472). Впрочем, студенты могли, конечно, пользоваться и рукописными текстами.

В конце XV и начале XVI в. кафедры математики возникают уже во многих университетах[67].

Одним из наиболее распространенных трактатов этой эпохи было сочинение Луки Пачоли "Совокупность арифметики, геометрии, отношений и пропорциональности" (Венеция, 1494), о котором уже велась речь. Написанное на итальянском языке, оно составляло большой том в 600 страниц и охватывало арифметику, алгебру и геометрию. Для своей книги Пачоли использовал и труды древних (Платона, Аристотеля, Евклида, Архимеда и Боэция) и средневековых авторов (Табита ибн Корра, Ахмада ибн Юсуфа, Леонардо Пизанского, Брадвардина, Альберта Саксонского, Иордана Неморария, Сакробоско и др.)[68].

Об изданиях классиков науки мы уже говорили выше. В частности, напомним о первом издании "Начал" Евклида, появившемся у Ратдольта в Венеции в 1492 г. Но в полном виде это сочинение далеко выходило за пределы тогдашнего университетского преподавания. Поэтому довольно рано появляются сокращенные издания "Начал", предназначенные для нужд студентов и ограничивающиеся первыми четырьмя, самое большее шестью книгами "Начал". Так, например, в издание, осуществленное Амброзиусом Лахером в 1506 г. во Франкфурте-на-Одере, из латинского перевода Джованни Кампано (Кампануса) включены только первые четыре книги "Начал".

В качестве наиболее раннего примера оригинальной математической монографии, посвященной сравнительно узкой проблеме, можно привести уже не раз упоминавшуюся выше книгу Никола Орема "О широтах форм". Сочинение Орема еще до изобретения книгопечатания

---

67 Taton.Op. cit. T. 2. S. 28.

68 Taton. Op. cit. T. 2. S. 22 ; Ольшки Л. Указ. соч. Т. 1. С. 98 и след.

служило предметом специальных университетских лекций (Кельн, до 1398 г.)[69].

Образчиком издания полного собрания сочинений трудов ученого нового времени может служить лионское издание сочинений Кардано в 10 томах в лист.

С организацией академий (и непосредственно предшествовавших им научных обществ) связано появление первых научных журналов: "Журнал ученых" во Франции и "Философские труды" в Англии (оба начиная с 1665 г.).

С 1682 г. в Лейпциге у Гюнтера стал выходить журнал "Ученые деяния", непосредственно не опиравшийся на какую-либо определенную академию. Он быстро завоевал себе славу благодаря активному участию в нем Лейбница, Чирнгаузена, Якоба и Иоганна Бернулли и др. Именно здесь, впервые в истории науки, были опубликованы работы по математическому анализу Лейбница и его учеников и продолжателей. Но "Ученые деяния" не были первым по времени немецким журналом. В Германии уже с 1670 г. издавался журнал "Любопытная медико-физическая смесь" (первый том вышел в Лейпциге у Бауэра в 1670 г., второй – в Иене у Кребса в 1671 г.). В нем печатались краткие описания многочисленных наблюдений преимущественно медицинского содержания, произведенных членами "Академии интересующихся природой". Эта академия именовалась также Леопольдовской в честь императора Леопольда, утвердившего ее статут.

Давний пример справочного издания для астрономических наблюдений дает также называвшаяся нами "Таблица направлений" Региомонтана, содержащая таблицы тангенсов; впервые она вышла в Нюрнберге (до 1485 г.) и на протяжении XV в. переиздавалась по крайней мере два раза: в Венеции в 1485 г. и в Аугсбурге в 1490 г.[70]

Необходимым справочником для мореплавателей были эфемериды, т.е. таблицы, дающие положения небесных

---

[69] Smith. Op. cit. V. 2. S. 319.
[70] Op. cit. V. 2. S. 610.

тел в разные моменты времени. Мы упоминали выше о первых эфемеридах, изданных Региомонтаном в 1474 г. Французский астроном Пикар (1620–1682) издавал для нужд развивающегося мореплавания регулярно выходящие эфемериды; с 1679 г. и до наших дней они издаются в Париже под наблюдением Бюро долгот под названием "Познание времен или небесных движений". Более молодым, но не менее прославленным среди мореплавателей всех стран справочником является английский "Морской альманах", издающийся с 1766 г.

Мы ограничиваемся немногими примерами печатных изданий, относящихся к различным жанрам научной книги. Представляется весьма интересной для исследователя задачей рассмотреть зарождение и эволюцию этих жанров на протяжении веков, оценить условия, в которых они развивались, роль в научной и общественной жизни, взаимные влияния и соответствующие удельные веса в общей массе печатных изданий.

XI

Первые два века книгопечатания специализированных научных книгоиздательств, вообще говоря, не существовало. Конечно, такие крупнейшие издательства, как издательства Альдов, Этьенов, Фробенов, Платена, Эльзевиров и др., снискали себе неувядаемую славу в истории науки благодаря превосходным изданиям научных произведений как старых, так и новых авторов. Но все они были издательствами универсального типа. Можно говорить, однако, об издателях, в продукции которых книги по естественно-математическим наукам доминировали. В порядке старшинства назовем Региомонтана, который занимался книгоиздательской деятельностью в Нюрнберге с 1471 по 1475 г. Он поставил целью издать ряд имевшихся у него греческих математических рукописей, а также свои собственные труды. Средства для осуществления он добывал печатанием

и продажей календарей, которые им же и составлялись. Однако он выполнил свой замысел лишь частично. Региомонтан был приглашен в Рим для участия в проектируемой реформе календаря и умер там в 1476 г.[71]

Другой замечательный пример в XV в. представляла деятельность уроженца Аугсбурга Эрхардта Ратдольта, выпускавшего книги сначала в Венеции, а затем в 1486 г. вернувшегося в родной город. Он прославился превосходными по правильности и красоте изданиями по математике, астрономии и географии. Правда, он издавал книги и другой тематики, в частности литургические. Среди его научных изданий на первом месте должно быть названо здесь уже не раз упоминавшееся первое печатное латинское издание "Начал" Евклида (1482), иллюстрированное почти 450 чертежами, гравированными на дереве, и 200 другими диаграммами, составленными из типографских материалов, – все на полях книги [72]. Кроме того, назовем: "Сочиненьице о сфере" Сакробоско, 1482 и 1485 гг. (последнее с раскрашенными астрономическими диаграммами); "Поэтическую астрономию" Гигина Младшего (II в.?)[73], 1482; альфонсовские "Астрономические таблицы", 1483; "Астрономический нектар" Альбумасара, 1485 и 1495 гг.; "Арифметику" Боэция, 1488 г. и др.[74]

Научные книги по преимуществу выпускали университетские издательства. Среди них почетное место и по возрасту и по значительности научной продукции занимают издательства Оксфордского и Кембриджского университетов. Первая книга в Оксфордском университете была, вероятно, напечатана еще в 1473 г.

Систематическая деятельность издательства начинается

---

[71] Flocon. Op. cit. S. 277.

[72] Sotheby a. C°. Catalogue of the celebrated collection... the third portion: science and surveying A.–G. 1966. P. 78 (N 1751).

[73] История римской литературы. М., 1959. Т. I. С. 507; ср.: Sarton. Op. cit. T. 1. S. 226.

[74] Thornton. Op. cit. S. 229.

с организации типографии в 1585 г. В 1669 г. она переводится в здание театра архиепископа Шелдона. На титульном листе соответствующих изданий приводится изображение этого здания, а место печати характеризуется так: ”Оксфорд, из Шелдоновского театра”. В XVIII в. типография переводится в здание, построенное на средства известного английского государственного деятеля Эдуарда Кларендона (1609–1674), вследствие чего на титульном листе книг указывается: ”Из Кларендоновской типографии”. С XIX в. издательство получает наименование ”Кларендоновское издательство” и сохраняет его и в наши дни, оставаясь университетским издательством. Рядом с ним функционирует другое университетское издательство ”Оксфордское университетское издательство, Лондон”[75].

Первый печатный станок в Кембридже появился в 1521 г., но вначале книг на нем печаталось мало, и фактическая история издательства начинается с деятельности в 1583–1587 гг. печатника Томаса[76].

Особое место в ранней истории издателей научной книги принадлежит выдающемуся астроному Тихо Браге, который оборудовал на дарованном ему датским королем Фредериком II острове Хвен, расположенном в Зундском проливе вблизи Копенгагена, две обсерватории: Ураниборг и Стеллаборг, организовал производство бумаги и специальную типографию для печатания своих произведений.

После смерти своего покровителя Тихо лишился необходимых средств для финансирования научной и издательской работы и в 1597 г. покинул Хвен, чтобы никогда туда не возвращаться. Он умер в Праге в 1601 г.

В Ураниборге ему удалось опубликовать свою научную переписку (”Книги астрономической переписки”. Ураниборг, 1596), а также наблюдения над новой звездой в созвездии Сириуса (1572) и большой кометой 1577 г.

---

[75] Kirchner J. Lexion des Buchwesens, I–IV. Stuttgart, 1952, I. S. 147.
[76] Thornton. Op. cit. S. 230.

("О недавних явлениях в мире эфира, книга вторая". Ураниборг – Прага, 1588–1603). Последнее сочинение было отпечатано им еще в 1583 г., но из-за недостатка бумаги были изготовлены лишь немногие экземпляры, которые автор рассылал своим корреспондентам.

Полностью тираж был выпущен в Праге под наблюдением И.Кеплера уже после смерти автора[77].

Первая книга этого сочинения под названием "Приготовление к обновленной астрономии" в течение нескольких лет печаталась в Ураниборге по частям и вышла в свет лишь в 1602 г. (некоторые экземпляры датированы 1603 г.). В издание включен каталог неподвижных звезд, в котором к 777 звездам, наблюденным Тихо с невиданной до того точностью, Кеплер присоединил еще 228 звезд [78].

Упомянем еще ученика Тихо Браге – астронома и географа Виллема Янсона Блау (Blau или Blaw, 1571–1633), усовершенствованный печатный станок которого получил название "голландского станка". В своей типографии он специализировался по выпуску географических карт и атласов. Его дело продолжали сыновья – Корнелиус и Ян. Последнему принадлежит честь публикации "Большого атласа" в 11 томах (1650–1662).

Ограничиваясь этими немногими примерами, заметим, что лишь в XIX в. создаются условия для возникновения и длительного функционирования фирм, специализировавшихся на издании научной литературы и независимых в своей деятельности от определенного университета или от академии. Крупнейшие из этих фирм приобретают впоследствии международное значение, хотя основная масса их продукции продолжает издаваться на языке соответствующей страны (французском, английском, немецком).

В их числе одно их первых мест заслуженно занимает

---

[77] Goldschmidt E.P. Catalogue 132. The Rise of modern Science. 1465–1965. London. P. 80.

[78] Thornton. Op. cit. S. 231; Taton. Op. cit. S. 78–82.

французская фирма Готье-Вияр. Основы ее были заложены еще в 1808 г. братьями Курсье, назвавшими свое предприятие "Издательство математики, литературы и искусств".

Впрочем, на издании "Аналитической механики" Лагранжа 1811 г. (второе издание) стоит уже марка: "М-м вдова Курсье, печатник – издатель трудов по математике".

С 1822 г. дело перешло в руки зятя вдовы Курсье – Шарля Башелье, и под этим именем фирма работает вплоть до 1864 г., когда ее возглавит Жан Альберт Готье-Вияр, давший ее окончательное наименование.

В 1835 г. французская Академия наук доверила фирме издание своих "Докладов", выходящих в свет и поныне еженедельно. За время существования фирма издала собрания сочинений Лапласа, Монжа, Коши, Галуа, Ферма, Фурье, Лагранжа, А.Пуанкаре и опубликовала труды М.Бертело, Луи Пастера, Ш.Эрмита, Камилла Фламмариона, Гастона Дарбу, Анри Беккереля, Пьера Кюри, М.Кюри-Складовской, Эмиля Бореля, М. де Бройля и многих других[79].

На текущее столетие приходится расцвет деятельности другого знаменитого французского книгоиздательства – Эрман. Из его изданий назовем серию "Актуальные вопросы науки и производства", центральное место в которой по своей роли в современной науке и культуре занимает знаменитый трактат "Элементы математики" Н.Бурбаки.

Из английских книгоиздательств назовем фирму "Джон Меррей", основанную в Лондоне в 1768 г. Сын и внук основателя, носившие то же имя, издавали сочинения английских писателей, книги для семейного чтения, путеводители и т.п. Но нас интересует научное направление, которое было придано издательству Джоном-младшим (1848–1892). Всемирную известность в научных кругах фирма завоевала своими изданиями произ-

---

[79] Editions Gauthier-Villars. 1864–1964. Paris.

ведений Чарльза Лайеля, Мурчисона и в особенности "Происхождения видов", "Оплодотворения орхидей", "Происхождения человека" и других трудов Чарльза Дарвина[80].

Другой заслуженной английской фирмой, специализировавшейся на издании научных сочинений, является издательство Макмиллан, основанное в 1843 г. и имеющее филиалы в Нью-Йорке (с 1869 г.), Торонто (с 1906 г.) и других городах. Среди его изданий – книги по математике, астрономии, физике, химии, биологии и другим наукам. Наиболее знаменитым из его научных изданий является журнал "Природа", издаваемый начиная с 1869 г.[81]

В Германии издавна прославилась изданием произведений математической литературы, естествознания, техники и римских и греческих классиков фирма Тойбнер, выросшая из типографии, приобретенной ее основателем Бенедиктом Готхелфом Тойбнером в 1811 г. и с 1824 г. соединенной им с издательством. Одно из значительнейших изданий фирмы – это коллективная "Математическая энциклопедия". Издание это осуществлялось десятилетиями начиная с 1894 г.

Заслуги в издании научной литературы принадлежат также немецкому издательству Шпрингер, основанному Юлиусом Шпрингером (1817–1877) в 1842 г. Оно издает книги по медицине, естествознанию и математике, технике. Широким распространением пользуется серия "Основы математических наук в монографиях с особым вниманием к применениям", начало которой в 20-х годах текущего столетия было положено Р.Курантом совместно с В.Блашке, М.Борном и К.Рунге.

Фирма издает также значительное количество (около ста) различных научных периодических изданий: журналов, архивов, реферативных журналов[82]

---

[80] Thornton. Op. cit. S. 231.
[81] Op. cit. S. 231–232.
[82] Об издательских фирмах см.: Kirchner. Op. cit.

* * *

В этом очерке мы смогли лишь весьма бегло и фрагментарно затронуть некоторые вопросы, относящиеся к детству и отрочеству печатной научной книги, к ее выразительным средствам (или, если угодно, к средствам передачи информации), к ее разновидностям или жанрам, издательствам, которые ее выпускали в свет.

Огромный фактический материал, относящийся к этим и другим вопросам истории научной книги, рассеян по многочисленным обзорам, монографиям, журнальным статьям, книжным каталогам или ждет еще своего исследователя на страницах писем, документов и других рукописей, хранящихся в государственных и частных собраниях и архивах. Конечно, имеются и специальные сочинения, выделяющие тот или иной аспект истории научной книги. В виде примера назовем неоднократно использованную нами фундаментальную "Историю научной литературы на новых языках" Л.Ольшки, к сожалению оставшуюся незавершенной, или обзорную работу "Научные книги, библиотеки и собиратели" Дж. Л.Торнтона и Р.И.Д.Талли (Tully), в которой преобладают материалы, относящиеся к английской книге. По истории русской научной книги мы можем назвать очерки Е.С.Лихтенштейна[83].

В целом же проблему создания синтетического труда по истории научной книги еще предстоит решать компетентным исследователям. Возможно, что она окажется под силу только коллективу авторов, включающему в себя и историков науки и историков книги.

ЗАПАДНЫЕ МАТЕМАТИЧЕСКИЕ СЛОВАРИ И СПРАВОЧНИКИ XVII ВЕКА

Понятие математической энциклопедии, или, лучше сказать, математического сочинения энциклопедического

---

[83] См.: 400 лет русского книгопечатания, 1564–1964. М., 1964. Кн. 1. С. 161–177, 257–266, 395–405, 517–521; Кн. 2. С. 107–142. Книга: Исслед. и материалы. 1965. Сб. 10.

характера, весьма широко. Сюда можно отнести и "Начала" Евклида – одно из наиболее замечательных научных произведений всех времен и народов, – и обширную компиляцию XV в. "Сумму арифметики, геометрии, отношений и пропорциональности" Луки Пачоли, и огромный многотомный коллективный труд конца XIX – начала XX в., так и оставшийся незавершенным в первом издании, – немецкую "Энциклопедию математических наук".

Пожалуй, писать историю математических энциклопедий – это в какой-то мере значит писать историю математической науки и ее преподавания с древнейших времен.

Несравненно у́же и проще тема обозрения печатных математических словарей и близких к ним по характеру изданий, хотя и здесь мы встречаемся с трудностями, вызываемыми, например, несоответствиями между заголовками книг и их фактическим содержанием. Мы ограничим эту тему и во времени – XVII в. Это оправдывается, с одной стороны, тем, что XVII в. – век бурного расцвета математики и плодотворнейших применений математических методов в естествознании и технике, и, с другой стороны, тем, что во второй половине этого века печатные математические словари появляются впервые. К сожалению, мы очень мало узнаем о них, обращаясь к руководствам по истории математики, включая наиболее основательные из них – сочинения Монтюкла, Морица Кантора, Пейтена, Вилейтнера, Джино Лориа.

В фундаментальном четырехтомном труде М.Кантора, доведенном до конца XVIII в., математическим словарям XVII в. уделен всего лишь один абзац (Vorlesungen über Geschichte der Mathematik, B. III, S. 270). И это сделано вовсе не потому, что они не представляют интереса, а по той простой причине, что добросовестный автор, привыкший описывать книги de visu, не имел в руках ни одного из этих словарей. Вот почему он ограничивается, в сущности, их перечислением. Он называет при этом три книги:

"Математический, астрономический, геометрический лексикон" на латинском языке монаха-театинца Джеронимо Витали (Vitali, Geronimo) (1624–1698), первое издание 1668 г., Париж, второе – 1690 г.[1], Рим; "Математика, сделанная легкой, или Математический словарь" на английском языке члена Королевской Академии Джозефа Моксона (Moxon, Joseph) (1627–1700), первое издание 1679 г.[2], Лондон, второе – там же – 1692 г., и "Математический словарь" на французском языке французского академика Жака Озанама (Ozanam, Jacques) (1640–1717), 1691 г. [3], – Париж и Амстердам. Весьма немногое добавляется к этим сведениям и в других упомянутых сочинениях по истории математики.

Располагая экземплярами второго издания книги Витали и первого издания книги Озанама, а также ознакомившись (при любезном содействии К.П.Биленькой) с экземплярами первого издания Моксона и первого издания Витали, хранящимися в Государственной библиотеке СССР им. В.И.Ленина, мы собираемся описать их в этом кратком очерке, относящемся больше к истории книги и проблеме типов книги, чем к истории математики.

Отметим, как это делает и М.Кантор, что лишь книги Витали и Моксона являются словарями в обычном смысле слова: в книге Озанама материал расположен не в алфавитном порядке[4]. Это обстоятельство дает нам основание присоединить к обзору этих сочинений еще и краткие сведения об оригинальном двухтомном справочном труде епископа Джованни Карамуеля-и-Лобковича (Giovanni

---

[1] Второе издание у М.Кантора не упомянуто.

[2] У М.Кантора – 1680 г.

[3] У М.Кантора – 1690 г.

[4] Впрочем, в определение понятия словаря (лат. Dictionarius – собрание слов) не обязательно входит именно алфавитный порядок расположения. Напомним, что впервые термин "словарь" (в его латинской форме) был использован около 1225 г. англичанином Джоном Гарландом как название для его сборника латинских слов, где слова располагались не в алфавитном порядке, а группировались по предметам (Encyclopedia Britan-

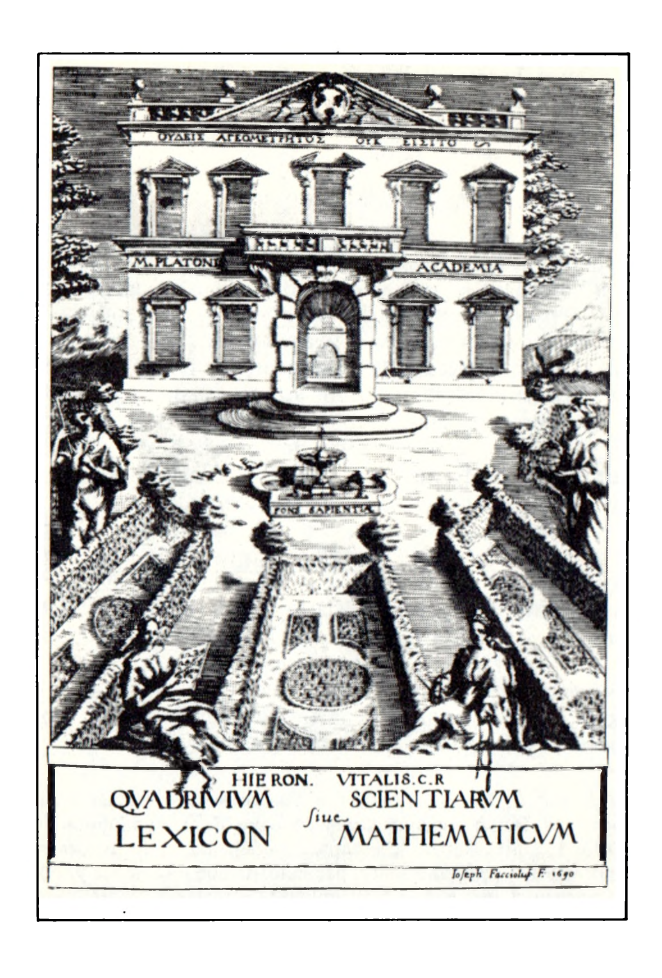
Garamuel y Lobkowitz) (1606–1682) "Двуглавая наука", изданном на латинском языке в 1670 г., – в качестве места печати указана Кампанья (Campaniae).

* * *

В первом (парижском) издании "Математический лексикон" Витали – это книга формата 8°, с двумя титулами – гравированным, с аллегорическими изображениями и надписью в левом нижнем углу: "Hieronymi Vitalis Cler. Regul. Lexicon Mathematicum" и наборным, гласящим: "Lexicon Mathematicum astronomicum geometricum, Hoc est Rerum omnium ad utramque immò & ad omnem ferè Mathesim quomodocumque spectantium, Collectio, et explicatio. Adjecta brevi novorum Theorematum expensione, verbo rumque exoticorum dilucididatione ut non injuriâ. Disciplinarum omnium Mathematicarum summa, & Promptuarium dici possit. Auctore Hieronymo Vitali Capuano Clerico Regulari vulgò Theatino. Parisiis Ex Officina Ludovic. Billaine, in Palatio Regio. MDCLXVIII. Cum Licentiis". ("Лексикон математический, астрономический, геометрический, где собраны и истолкованы все вещи, рассматриваемые как в этих, так и почти во всех науках. Дополненный кратким обсуждением новых теорем и уместными разъяснениями чужеземных рече-

---

nica, Vol. 7, P. 338, 1962). См. также начало статьи Н.Лисовского в Энциклопедическом словаре Брокгауз-Ефрон (Спб., 1900, Т. 30. С. 380): "Словарь... – собрание слов, принадлежащих какому-нибудь языку, расположенное для более удобного пользования им, в том или другом систематическом порядке, чаще всего – в чисто внешнем, алфавитном». Однако имеются и другие определения, настаивающие на алфавитном порядке. Например, в Lexikon des Buchwesens (Kirchner J. Bd. 2, S. 428, 1953): Lexikon... bezeichnet zunächst ein sprahliches, alphabetisch geordnetes Nachschlagewerk, also ein Wörterbuch.

Гравированный титульный лист ко второму изданию "Математического лексикона" Витали

ний. Итог всех математических дисциплин, могущий называться их вместилищем. Автора Джеронимо Витали Капуанца, регулярного клерика, в просторечии театинца. В Париже в издательстве Луи Билэна, в Королевском Дворце, 1668. С дозволениями.)

Далее на 32 страницах идут: посвящение кардиналу Д.Гвидобальдо, предисловие, перечень наиболее значительных вопросов (insigniorum quaestionum), рассматриваемых в книге, – преимущественно астрономического и астрологического содержания, – и список опечаток.

Собственно словарь занимает 538 страниц. Термины расположены по алфавиту. Никаких иллюстраций и чертежей не приводится. Объяснения, как правило, краткие. Вот, например, как разъясняется термин алгебра.

A l g e b r a. Arab. Est certa regula de occulta numerorum parte, tam absolutorum, quam respectivorum cognoscenda; qua de re erudite scripserunt Clavius, et Nicolaus Tartalea, т.е. Алгебра. Араб. Определенные правила для отыскания частей неизвестных чисел как абсолютных, так и относительных; об этом писали ученые Клавий и Николай Тарталья.

В послесловиии (с. 539–540) автор сообщает, между прочим, что в отказе от чертежей не последнюю роль сыграла дороговизна их воспроизведения в печати, и выражает надежду, что они появятся во втором издании.

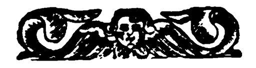
К словарю приложены: «Естественно-теологическое отступление по поводу слова "симпатия"», занимающее 60 страниц, и предметные указатели.

Второе издание книги, вышедшее через 22 года в Риме, еще при жизни автора, является результатом коренной переработки первого. Оно увеличилось в объеме более чем вдвое и несколько изменило свое название. Это книга формата 4° с авантитулом, на котором напечатано: "Lexicon mathematicum", и двумя титульными листами. На гравированном титульном листе изображена условная платоновская академия в виде двухэтажного здания, на фронтоне которого красуется знаменитый запрет: "Не знающий геометрии сюда не входит!"; перед зданием – источник мудрости (fons sapientiae) и четыре аллего-

LEXICON
MATHEMATICVM.
HOC EST
Rerum omnium ad vniuerſam planè Matheſim quoquo modo, directè, vel indirectè ſpectantium,
COLLECTIO, ET EXPLICATIO.

Continens Terminorum, præſertim exoticorum, dilucidationem, Nominis rationem, atque Etymologiam, Principia, Præcepta communia, Axiomata, &c. ac breuem, & exactam Doctrinæ traditionem; adiectis, vbi opus eſt, ſchematibus, ad pleniorem Tyronum intelligentiam.

Vt non immeritò
QVADRIVIVM SCIENTIARVM,
Ac totius MATHESIS PROMPTVARIVM dici poſſit.
AVTHORE
HIERONYMO VITALI
CLERICO REGVLARI.

ROMAE, TYPIS ET IMPENSIS IOSEPHI VANNACCII.
ANNO MDCXC.
SVPERIORVM PERMISSV.

Наборный титульный лист ко второму изданию "Математического лексикона" Витали

рические фигуры, изображающие музыку, арифметику, геометрию и астрономию. Внизу награвировано: "Hieron. Vitalis C.R. Quadrivium Scientiarum sive Lexicon Mathematicum". (Ученый квадривиум, или Математический лексикон.) Далее идет наборный титульный лист: ("Математический Лексикон, то есть собрание и истолкование всех вещей, прямо или косвенно рассматриваемых во всей совокупности знаний. Содержащий разъяснение терминов, в особенности иноязычных, смысл, а также этимологию названий, принципы, общие правила, аксиомы вместе с краткой и точной передачей учения и, вдобавок, являющийся сочинением по своему характеру понятным каждому начинающему. Так что не без основания может называться Научным Квадривиумом, как и Вместилищем всех Наук. Автора Джеронимо Витали, регулярного клерика. Рим, печатью и иждивением Иосифа Ванначи, 1690. С дозволения властей".)

Затем на 32 страницах следует: посвящение Тарентскому архиепископу Ф.Пиньятелло; предисловие, в котором автор, между прочим, говорит, что кроме титула и начальных строк в настоящем сочинении нет ничего общего с первым парижским изданием; указатель мест и слов, рассматриваемых в этом труде (таких набирается 1269); список использованных книг, расположенный по алфавиту собственных имен авторов и включающий имена многих ученых "нового времени" (XVI и XVII вв.) – математиков, астрономов, географов, физиков: Адриана Влака, Бонавентуры Кавальери, Христофора Клавия, Федериго Коммандино, Франциска Виета, Галилео Галилея, Григория С.Винцента, Генри Бригга, Джироламо Кардано, Доменико Кассини, Иоганна Кеплера, Джона Непера, Николая Коперника, Павла Гульдина, Петра Гассенди, Петра Рамуса, Себастьяна Мюнстера, Симона Стевина, Тихо Браге, Виллеброрда Снеллия и др. (всего в списке свыше 700 имен). Далее даются: указатель наиболее интересных вопросов, лишь частично затронутых в книге; список опечаток, искажающих смысл; цензурные разрешения.

Словарь в собственном смысле слова занимает 1070 нумерованных страниц. Содержание не исчерпывается только терминами дисциплин, составляющих классический квадривиум (арифметика, геометрия, астрономия и музыка). Здесь немало статей из механики, оптики, архитектуры, артиллерии, фортификации, географии, навигации, астрологии и магии и др. Например, имеются статьи: Ballista, bombae, captalium duellum, gymnasium, horoscopum, insula, kabala, microscopium, museum, paradisius, pinacoteca, poetica, telescopium, vacuum...

Термины объясняются обстоятельно: в случае необходимости приводятся рисунки и чертежи. Достаточно взять статьи на одну какую-либо букву, чтобы видеть, какое внимание автор уделяет собственно математике. Например, на букву "а" приводятся следующие статьи математического содержания: abacus, abscissa, acidoides, adiameter, algebra, aliquota pars, alterna ratio, analogia, anguli; antecedes, aoristae, apodiais, apotome, applicatio, applicatae, area, argumentum, ascriptae, asymptoti, axiomata.

В словаре имеется статья, посвященная такой "новинке", как неделимые indivisibilia (с. 374—375), с упоминанием трудов Кавальери. Однако отсутствует статья о логарифмах, хотя, как мы уже отмечали, в перечне авторов приведены имена Непера, Бригга и Влака. Совсем не упоминаются такие крупнейшие ученые XVII в., как Декарт, Ферма, Паскаль, Гюйгенс, а также Ньютон и Лейбниц. Понятно, впрочем, почему нет двух последних: ведь цензурное разрешение монашеского ордена, которому принадлежал Витали, на второе издание словаря помечено январем 1685 г., тогда как первое издание ньютоновских Principia вышло из печати в 1687 г., а первая работа Лейбница по математическому анализу была опубликована в журнале «Acta Eruditorum» в мае 1684 г. (знак интеграла впервые появился в печати в статье Лейбница в том же журнале за 1686 г.).

М.Кантор, говоря о первом издании словаря Витали,

характеризует его как преимущественно астрономо-астрологическое сочинение. Не соглашаясь с этим суждением, мы все же должны признать, что автор, несомненно, интересовался астрологией и магией и что этот интерес не угас ко времени второго издания. Так, самой большой по объему статьей словаря является статья о лунном гороскопе, снабженная соответствующими схемами составления гороскопов; учению о Кабале посвящена статья, занимающая около 8 страниц, и т.д.

Если первый по времени появления печатный математический словарь был опубликован в Париже в 1668 г. на латинском языке, то следующий вышел через 11 лет в Лондоне на английском языке. Полный титул этой книжки, формата малого 8°, таков: "Mathematicks made Easie: Or, a Mathematical Dictionary, explaining The Terms of Art, and Difficult Phrases used in Arithmetick, Geometry, Astronomy, Astrology, and other Mathematical Sciences Wherein the true Meaning of the Word is Rendred, the Nature of Things signified Discussed, and (where Need requires) Illustrated with apt Figures and Diagrams. With an APPENDIX, exactly containing the Quantities of all sorts of Weights and Measures. The Caracters and Meaning of the Marks, Symbols, or Abreviations commonly used in Algebra. And sundry other Observables.

By Joseph Moxon, a Member of the Royal Society, and Hydrographer to the King's most Excellent Majesty. London. Printed for Joseph Moxon, at the Sign of Atlas on Ludgate-Hill MDCLXXIX". ("Математика, сделанная легкой, или Математический словарь, истолковывающий научные термины (Terms of Art) и трудные фразы, употребляемые в Арифметике, Геометрии, Астрономии, Астрологии и других математических дисциплинах. В котором приводится истинный смысл слова, исследуется природа вещей, имеющих значение, и, где это необходимо, поясняется подходящими фигурами и диаграммами. С прибавлением, содержащим точные количества всех родов весов и мер, начертание и смысл знаков, символов или сокращений, употребляемых в алгебре, и многое другое, заслужи-

88

RY

RYTHMVS græcè, (vt alibi occaſionaliter dictum eſt) conſonantiam, ordinem, & harmoniam numerorum ſonat: Vnde Scientia, quæ ſpecialiter de numerorum proportione, reſpondentia, paſſionibus, & proprietatibus agit, Arithmetica dicta eſt. Hinc Iſarithmi, Logarithmi, Meſologarithmi &c. pro certis numerorum combinationibus, effluxere. Vide quæ diximus in V. V. *Numerus*, *Algebra*, *Rabdologia*, & alibi paſſim.

SA-

Страница из книги Витали

вающее внимания. Джозефа Моксона, члена Королевского Общества и Гидрографа его Величества Короля. Лондон. Напечатано для Джозефа Моксона под вывеской Атласа в Люджет-Хилле, 1679").

В книжке 12 ненумерованных страниц в начале, 3 листа чертежей (на которых изображены: тригонометрический круг, астрологический квадрат и 4 чертежа, иллюстрирующие геометрические теоремы), 173 нумерованные страницы и, наконец, еще 7 ненумерованных, содержащих каталог книг, атласов, географических карт и математических инструментов, составленных или изготовленных автором – Джозефом Моксоном.

Собственно словарь, где английские термины расположены по алфавиту от A до Z, занимает 165 страниц. Толкуемые термины набраны крупным готическим жирным шрифтом. Толкования краткие (в среднем на маленькой страничке разъясняется 4–6 терминов).

Приведем несколько примеров:

"A L G E B R A, is an Arabick word, and signifies an abstruse sort of Arithmetick, the art of Equation, or a certain Rule for the finding out the Hidden powers of numbers, as well absolute as respective. See the derivation on Dee' s Mathematical Preface to Euclid." „А Л Г Е Б Р А есть арабское слово и обозначает углубленный род Арифметики, учение об Уравнении, или некоторое Правило для нахождения неизвестных степеней чисел как абсолютных, так и относительных. Смотри происхождение (слова.– *А.М.*) в "Математическом предисловии" Ди (John Dee) к Евклиду".)

"A N T I L O G A R I T H M E, The complement of the Logarithme of any Sine, Tangent, or Secant to 90 degrees. ("А н т и л о г а р и ф м – Дополнение логарифма какого-нибудь синуса, тангенса или секанса до 90 градусов".) Заметим, что этот термин имеет теперь совсем иной смысл: антилогарифмом числа называется число, логарифм которого равен данному.

"A S T R O N O M Y (The Law-of the Stars; Gr. From Aster a Star; and Nomos, a Law, or Rule). A Science that teacheth

us the affections and motions of the Planets and Celestial Bodies for any time past, or to come". ("А С Т Р О Н О М И Я (Закон Звезд, греч. от Астер – звезда; и Номос, закон, или правило) – Наука, которая учит нас влияниям и движениям Планет и Небесных тел для какого угодно времени – прошедшего, настоящего или будущего".)

"N U M B E R, Is commonly defined to be, *A collection of Units,* or *Multitude composed of Units;* so that *One* cannot be properly termed *a Number*, but the beginning of Number..." ("ЧИСЛО – обычно определялось как *собрание Единиц* или *Множество, составленное из Единиц;* так что *Единица* не может, собственно говоря, называться *числом,* но началом числа...") Дальше рассуждение, устанавливающее, что "the matter of an Unit is Number" ("природа единицы есть число").

"S U R D (in Latin properly Deaf or unreasonable) where *Euclid* calls figures Incommensurable to the Rational square, *Surds,* and so likewise Lines Incommensurable to (that is having not any common Measure with) the proposed Rational Line, are called *Surds,* or Irrationals, or things Inexplicable". ("С У Р Д (по-латыни, собственно, глухой или неразумный) происходит от *евклидовского* наименования фигур, несоизмеримых с рациональным квадратом, *Глухие*, а также Линии несоизмеримые (т.е. не имеющие никакой общей меры) с заданной рациональной линией, были названы *Глухими,* или Иррациональными, или вещами невыразимыми (things Inexplicable).)

Уже эти примеры достаточно хорошо рисуют книгу Моксона как толковый словарь терминов, относящихся преимущественно к точным наукам. То, что он избрал английский язык и в самом толковании не предполагает знания других языков, например греческого, свидетельствует, что его труд был рассчитан на достаточно широкие круги читателей, не имеющих университетского образования.

В предисловии говорится, что книга предназначена для начинающих изучать математику. Здесь же выясняется,

что автор ознакомился с книгой Витали (речь идет, конечно, о первом ее издании), когда его собственный словарь был уже завершен. Сравнивая, Моксон заключает, что у него больше чисто математических слов, но нет наименований многих звезд, по поводу которых Витали приводит длинные рассуждения. Моксон добавляет, что подобные наименования были собраны также и им прежде, чем он встретил книгу Витали, но, по размышлении, их опустил, не желая увеличивать намеченного объема книги и учитывая, что эти сведения мало полезны англичанам, начинающим изучать математику.

Однако Моксон не ограничивается только математическими и астрономическими терминами. Помимо астрологических (обещанных в заглавии книги) здесь можно найти и такие: MOVEABLES FEASTS (подвижные праздники, примером которых служит Пасха) – одна из самых больших статей, занимающая с. 89–92, ANTIPODES, MAGICK, SYNOPSIS и т.п.

Например, Магия (Magick) характеризуется как "добрая и безвредная наука (a good and innocent Science), обучающая познанию и взаимному применению активных к пассивным, посредством чего совершаются многие превосходные и удивительные дела".

В Приложении (Appendix) содержится занимающий всего 2 страницы (172–173) перечень "знаков или символов, обычно употребляемых ныне некоторыми алгебраическими авторами" ("Algebraical Writers"). Он представляет несомненный интерес потому, что, с одной стороны, большинство этих обозначений сохранилось до нашего времени (частично лишь в английской литературе) и, с другой стороны, потому, что и в пору издания книжки и еще десятилетия после нее во многих работах по алгебре продолжали удерживаться архаические обозначения, так что Моксон действительно сумел произвести тогда выбор, устремленный в будущее.

Вот этот перечень (мы опускаем разъяснения, которые дает Моксон): =, >, <, +, –, x, – (черта дроби, как знак

деления), ∺ (знак непрерывной пропорции), ∷ (знак пропорции), и, кроме того, обозначения, претерпевшие с тех пор изменения: скобки ( ), употребляемые для выделения показателя степени, напр., A – B: (2) означает $(A - B)^2$, или A – B: (3) означает $(A - B)^3$; $\sqrt{:}$ – знак радикала, применяемый в следующем виде: $\sqrt[2]{}$: A – B означает $\sqrt{A - B}$, $\sqrt[3]{}$: A – B означает $\sqrt[3]{A - B}$ и т.д. Автор добавляет, что в случае квадратного корня показатель обычно опускается.

Среди сочинений Моксона, упомянутых в помещенном в конце книги каталоге, мы встречаем и руководство по астрономии, обучающее использованию Коперниковых сфер вместо Птоломеевых для объяснения небесных явлений, и рассуждение, доказывающее возможность путешествий в Японию и Китай через Северный полюс, со ссылкой на опыт московского царя, из которого следует, что за Новой Землей имеется "свободное и открытое море", и перевод книжки датского геометра Георга Мора, посвященной геометрическим построениям с помощью одного раствора циркуля и линейки. Оригинал последнего сочинения, изданный в 1672 г. в Амстердаме, ускользал в течение долгого времени от внимания математиков, и содержание его было значительно позднее открыто другими учеными. По-видимому, историками математики до сих пор не отмечалось, что было также английское издание этой редчайшей книжки, осуществленное Д.Моксоном вскоре после выхода в свет голландского подлинника.

Если к этому добавить перечень изготовленных Моксоном атласов, глобусов, математических и астрономических инструментов, то возникает представление об авторе не только как о неутомимом и проницательном популяризаторе точных знаний, имевшем широкий научный кругозор и дар простого изложения, но и как об искусном мастере разнообразных наглядных пособий.

Для характеристики практических интересов Моксона добавим, что его перу принадлежит обстоятельное сочи-

нение "Mechanick Exercise" (1677 г. и след.), посвященное строительному, столярному, кузнечному делу и т.п., которое специалисты оценивают как лучший отчет о традициях строительного дела в XVII в.[5]

Титульный лист сочинения французского математика Жака Озанама гласит: "Dictionnaire mathématique, où idée général des mathématiques. Dans lequel l'on trouve, outre les Termes de cette science, plusieurs Termes des Arts et des autres sciences; Avec des raisonnemens qui conduisent peu à peu l'esprit à une connoissance universelle des Mathématiques. Par M.Ozanam, Professeur des Mathématiques. A Paris, chez Estienne Michallet, Imprimeur du Roy, rue Saint Jacques, à l'Image saint Paul. MDCXCI. Avec Privilege du Roy". ("Математический словарь, или Общая идея математики. В котором находятся помимо терминов этой науки многие термины техники и других наук; вместе с рассуждениями, которые мало-по-малу приводят разум к общему познанию математики. Г-на Озанама, Профессора математики.

В Париже, у Этьена Мишалле, Королевского типографа, улица Сен-Жак, у изображения святого Павла. 1691. С Королевской привилегией").

Это том in 4°, содержащий 10+672+66 страниц.

Из авторского предисловия к этой книге мы приведем несколько выдержек, раскрывающих значение, которое Озанам придавал подобному изданию, а также мотивы отступления от алфавитного порядка в его словаре.

"Я часто удивлялся, – пишет Озанам, – что в такой блестящий век, как этот, где искусства и науки, кажется, достигли наивысшего совершенства, еще не делалось попыток дать Словарь, который бы точно разъяснял все математические термины, употребление которых стало теперь столь распространенным. Юриспруденция, медицина, философия, теология, история, география, живопись, архитектура, скульптура, фортификация, на-

---

[5] Wolf A. A History of science, technology and philosophy in the 16th and 17th centuries. London, 1935. P. 480.

DICTIONNAIRE
MATHEMATIQUE
OU
IDEE GENERALE
DES
MATHEMATIQUES.

DANS LEQUEL L'ON TROUVE, outre les Termes de cette science, plusieurs Termes des Arts & des autres sciences ; Avec des raisonnemens qui conduisent peu a peu l'esprit a une connoissance universelle des Mathematiques.

Par M. OZANAM, Professeur des Mathematiques.

A PARIS,
Chez ESTIENNE MICHALLET, Imprimeur du Roy
rue Saint Jacques, à l'Image saint Paul.

M. DC. XCI.

AVEC PRIVILEGE DU ROY.

Титульный лист "Математического словаря" Ж.Озанама

вигация, ботаника, садоводство и наиболее распространенные ремесла имеют свои словари. Арифметика, геометрия, астрономия, оптика, механика, музыка и все прочие части математики еще более нуждаются в этом пособии, так как они более трудны и в то же время необходимы многим лицам, которые нередко вынуждены говорить о вещах этого рода с порядочными людьми (avec les honnêtes gens)..."

"После того, что было сказано вообще о важнейших применениях Математического словаря, нужно привести доводы к тому порядку, в котором я его расположил. Я не следую алфавитному порядку, который обычно наблюдается в подобных книгах, где идут только разъяснения и различные употребления слов. Я полагаю, что порядок и метод науке являются более свойственными, потому что тогда каждый термин видят на его месте, с определениями вещей, их применениями и соотношениями, и что эта книга может быть в одно и то же время не только Словарем, но и Началами математики, для тех, кто рад видеть вещи в их источниках..."

"Прежде всего я излагаю простую математику (la Mathématique Simple), т.е. Арифметику и Геометрию, а затем прикладную математику (la Mathématique Mixte), содержащую Космографию, Астрономию, Географию, Теорию планет, Оптику, Механику, Архитектуру гражданскую и военную и Музыку.

Эти части разделяются на другие части: Арифметика – на Арифметику обыкновенную, или практическую, и на Алгебру, Геометрия – на Геометрию умозрительную и на Геометрию практическую; География – на Навигацию и на Географию астрономическую, естественную, гражданскую и историческую; Оптика – на Перспективу, Гномонику, Катоптрику, Диоптрику и Живопись; Механика – на Статику и Гидростатику и т.д.

Я старался не пропустить во всем этом ни одного термина, который нуждается в объяснении, чтобы быть понятным каждому..."

Из предисловия видно, что Озанам не был знаком

со словарями Витали и Моксона ("Я часто удивлялся, что... не делалось попыток дать словарь" и т.д.).

Хотя книга Озанама и не является словарем в привычном смысле слова, все же автор имел основания сохранить за ней наименование словаря (Dictionnaire). Его задача – "точно разъяснить математические термины" (см. выше). Что бы решить эту задачу в рамках принятого им расположения материала, Озанам прежде всего выделяет в тексте объясняемые термины разрядкой или курсивом, далее, для быстроты отыскания строки, содержащей данный термин, выносит на поля каждой страницы номера строк (через каждые десять строк), а в конце книги дает "Алфавитную таблицу терминов, объясненных в этой книге", указывая для каждого термина страницу и строку. Эта таблица на 65 страницах мелкой печати содержит более 7500 терминов, что почти вшестеро превышает число терминов во втором издании словаря Витали, хотя количество печатных знаков в последнем словаре несколько больше, чем в книге Озанама (соответственно около 2,8 миллиона и 2,5 миллиона). Объясняется это обилием вторичных терминов в книге Озанама. Так, например, если считать первичным термин l'Année (год), то в указателе и соответственно в тексте встречаем следующие, относящиеся к нему, вторичные термины: солнечный год, средний солнечный год, истинный солнечный год, гражданский год, политический год, египетский год, високосный год, григорианский год, новый год, римский год, юлианский год, метоновский год, платоновский год, великий год, лунный год, гражданский лунный год, политический лунный год. Все эти термины разъясняются в тексте и выносятся отдельными строками в "Алфавитную таблицу". Заметим, что основные термины (первичные) выделяются в тексте разрядкой, а вторичные – курсивом.

Весь материал книги Озанама разделен на 31 отдел, которые мы называем в порядке их расположения: математика, арифметика, арифметика обычная или практическая, алгебра, геометрия спекулятивная, гео-

метрия практическая, космография, небесная сфера или астрономия, навигация (самый большой по объему отдел книги), география астрономическая, география натуральная, география историческая, теория планет, теория солнца, теория луны, теория трех верхних планет: Сатурна, Юпитера и Марса, теория Венеры, теория Меркурия, гипотеза эллипсов по системе Коперника, оптика, перспектива, гномоника, катоптрика, диоптрика, живопись, механика, статика, гидростатика, архитектура, военная архитектура, или фортификация, музыка. Любопытно отметить, что в книге отсутствует содержание (Table des matiéres). Это, конечно, не случайно. Ведь если речь идет о словаре, то никакого иного содержания, кроме перечня терминов и не нужно.

Среди математических терминов немало архаических, таких, как: "число равно равное" (квадрат), "число равно равное равно" (куб), "число неравное неравно" (целое число, не являющееся квадратом другого целого числа), "число неравно неравное неравно" (Nombre inégalement inégal inégalement) и т.д. Наивна характеристика алгебры, как науки, посредством которой можно решить каждую возможную проблему математики (с. 61).

Содержательным, но чрезмерно широким является определение геометрии:

"Геометрия, рассматриваемая как часть чистой математики, есть наука о величине по отношению к ней самой, не включая (sans y comprendre) никакого смешения предмета или чувственной материи" (с. 93).

Архаична алгебраическая символика: знак равенства изображается так: ∝ , кубический корень: $\sqrt{C}$, например, $\sqrt{C.2 + \sqrt{6}}$ означает $\sqrt[3]{2 + \sqrt{6}}$.

Помимо гравюр на дереве (чертежей в тексте) книга иллюстрирована и гравюрами на меди (на отдельных листах).

В отличие от своих предшественников – Витали и Моксона – Озанам в математической части своего труда не был простым компилятором. Он включил сюда несколько

принадлежащих ему геометрических и арифметических результатов, перечень которых, со ссылкой на соответствующие страницы книги, поместил сразу же после цитированного выше Предисловия, под заглавием: "Table des Lemmes, des Théorémes, et des Problémes, qui ont été mis par occasion dans ce Livre" ("Таблица лемм, теорем и задач, которые попутно вошли в эту книгу".)

Французский историк математики XVIII в. Монтюкла высоко оценивал заслуги Озанама в так называемом диофантовом анализе (решении неопределенных уравнений в целых, или рациональных числах). Во втором (посмертном) издании своей знаменитой "Истории математики" он, одобрительно отзываясь о сочинении Озанама по аналитической геометрии, добавляет, что, занимаясь научными исследованиями, тот заслужил бы "более прочную репутацию, чем своим Курсом, своими Развлечениями и своим Математическим словарем; но ему нужно было жить и для этого трудиться над более элементарными и имеющими более быстрый сбыт сочинениями"[6].

Русский историк математики В.В.Бобынин в энциклопедической заметке[7] отзывается о словаре менее пренебрежительно: "Из сочинений О<занама> после названных выше "Таблиц" сравнительно большей распространенностью пользовались следующие: Dictionnaire mathèmatique ou idée général des mathématiques" (Париж и Амстердам, 1691). Для своего времени отличался значительной полнотой. В нем содержались даже оригинальные решения очень многих трудных задач".

Мы закончим наше краткое описание труда Озанама, отметив некоторые характерные места его книги, не относящиеся к математике. Как и его предшественники, он уделяет внимание астрологам и гороскопам, но просит не смешивать "ни Астрономию с Астрологией, ни

---

[6] Histoire des mathématiques... Par J.F. Montucla, Nouv. éd. Tome second, A Paris. An. VII, P. 168.

[7] Энциклопедический словарь. Спб.: Брокгауз-Ефрон. 1906. Доп. т. 2. С. 323.

астрономов с астрологами", добавляя, что предсказания астрологов церковью критикуются "и всеми мыслящими людьми и с полным основанием отбрасываются" (с. 164–165).

Интересны определения из отдела "Историческая география":

"РЕСПУБЛИКА – это государство или страна, народ которой управляется многими..."

"Когда республика управляется народом... это называется демократией" (с. 371).

"ГОРОД – это скопление многих смежных домов и многих граждан, которые живут по одним и тем же законам".

"ГРАЖДАНЕ – обитатели города, имеющие права буржуазии" (с. 376).

"ДЕРЕВНЯ – это скопление многих частных домов, отделенных один от другого, обитатели которых не имеют прав буржуазии" (с. 377), и т.д.

Мы описали выше издания XVII в., которые историки математики относят к математическим словарям. Как мы уже упоминали – это все, что в качестве "mathematische Wörterbücher" называет М.Кантор, указывая, что "Сочинения Моксона и Озанама известны нам только по описаниям, Витали – даже только по названию"[8].

Это признание свидетельствует о редкости интересующих нас книг не только в наше время, но и в конце XIX в., когда составлялся труд М.Кантора.

Однако для своего времени книги эти не были, конечно, редкими: ведь каждая из них выдержала по два издания. Как отмечалось, Словарь Витали был напечатан в 1668 г. в Париже и в 1690 г. в Риме. Словарь Озанама издан в 1691 г. – в Париже и Амстердаме и Словарь Моксона – в 1679 г. и в 1692 г. в Лондоне.

Самый факт почти одновременного появления подобного рода книг в крупнейших научных и культурных

---

[8] Vorlesunden über Geschichte der Mathematik, Dritter Band, Zweite Auflage. Leipzig: Druck und Verlag von B.G.Teubner. S. 270.

центрах того времени (Париж, Лондон, Рим, Амстердам) и притом не только на академическом (латинском), но и на живых языках – французском и английском, наличие переизданий и сравнительная редкость экземпляров в позднейшее время – все это говорит о том, что в ту пору в передовых странах Западной Европы – Франции, Англии, Италии, Голландии – возникла определенная потребность в такого рода справочниках и что книги эти были ходовыми, рабочими, разбирались по рукам и зачитывались, затрепывались до полного исчезновения.

В истории науки XVII в. отмечен удивительным расцветом математических знаний и расширением применения математических методов к различным областям человеческой деятельности. Увлеченность математикой, вера в могущество ее методов сближают то отдаленное время с сегодняшним днем.

Однако описываемые математические словари не отражают в должной мере самых замечательных достижений математической науки XVII в. Лишь в книге Озанама применяются методы аналитической геометрии Декарта; лишь во втором издании книги Витали сообщается о неделимых Кавальери, ставших ко времени появления книги из печати вчерашним днем науки.

Рожденные в век Галилея, Ферма, Декарта, Паскаля, в канун выхода из печати трудов Ньютона и Лейбница, словари эти причудливо соединяют на своих страницах черты средневековой схоластической эрудиции, когда знать означало часто назвать, определить, комментировать, и науки нового времени, требующей уменья доказывать и применять.

Обширный труд епископа Джованни Карамуеля-и-Лобковича "Двуглавая наука", изданный на латинском языке в 1670 г. в двух больших томах (in 2°), представляет энциклопедию математических знаний, материал которой распределен между 40 отделами. Самый эпитет "Двуглавая" (biceps) раскрывается автором: старая и новая (vetus et nova). В соответствии с этим у фигуры, олицетворяющей точные науки (Mathesis), изображен-

ной на гравированном титуле первого тома, два лица: старика и юноши. Замечательно, что фигура парит на орле, символизирующем умозрение (speculatio), и в правой руке держит подзорную трубу, являющуюся здесь эмблемой применений (praxis). Эти две стороны знания – теория и практика – подчеркнуты и четырьмя фигурами, размещенными по углам: две из них вверху представляют теоретиков-мудрецов, вооруженных научными инструментами, другие две внизу – практиков-инженеров (гражданского и военного) на фоне возводимых дворцов и крепостей.

Перечень всех отделов сочинения вынесен на печатный титул первого тома. Здесь, рядом с названиями общеизвестных научных дисциплин, встречаются причудливые наименования, заимствованные из греческого или латинского языка, смысл которых раскрывается в подробном содержании (Series syntagmatum), занимающем 40 страниц.

Например, histiodromica означает учение о навигации, hypothalatica – учение о подводном плавании, pretica – учение о полете (здесь обсуждается возможность полета человека), nautica aetherea – учение о надвоздушном (Supra aerem)' плавании (начинающееся с обсуждения сущности тяготения и включающее рассмотрение вопросов о возможности моста, ни на что не опирающегося, о кольце Сатурна, о движении звезд в эфире и т.д.), kubeia – учение о шансах на выигрыш в азартных играх (игра в кости), arithmomantica – о предсказании посредством комбинации чисел, diabetes – о циркулях, в особенности, о пропорциональном циркуле и его разнообразных применениях, pedarsia – о поднятии тяжестей и т.п.

Этот огромный труд включает интересные и оригинальные страницы о системах счисления с различными основаниями, о различных применениях комбинаторики к азартным играм, где автор вносит свой вклад в фундамент позднейшей теории вероятностей, множество разнообразных фактов и наблюдений из разных областей знания и вместе с тем немало заблуждений и пря-

Гравированный титульный лист "Двуглавой науки" Дж.Карамуеля

мых нелепостей, обсуждаемых автором с самым серьезным видом.

При распределении материала между двумя томами Карамуель руководствуется следующим принципом. В первом томе сосредоточены отделы, составляющие "древнюю науку, новыми операциями сокращенную и доказательствами разъясненную", а во втором томе – отделы новой науки, "прежними открытиями подкрепленные".

Справочный характер "Двуглавой науки" подчеркивается включением в текст книги 137 математических, астрономических и других таблиц. После авторского посвящения читатель встречает прежде всего перечень этих таблиц с указанием страниц, на которых они находятся. Затем следует детальный предметный указатель – Index Rerum, – занимающий 40 страниц, в два столбца (заметим, что и все сочинение напечатано в два столбца).

В Index Rerum не только включены все основные термины, имена и понятия, о которых идет речь в книге, но и приведены относящиеся к ним вопросы, ответы на которые читатель найдет на соответствующих страницах. Например:

"Алгебра. Какая наука так называется? 117 вопрос. Что сказано об изобретателе? там же. Почему называется Коссикой? и почему Альмукабалой? 118 вопрос. О ее предмете. Говорится ли о фиктивных числах? о гипотетических? И как понимать термины "доарифметический" и "сверхарифметический"? и т.д. и т.п.

Встречаются довольно тонкие вопросы. Например, об угле касания (угол между кривой и касательной). В наше время, в силу определения понятия угла между линиями, здесь нет никакого вопроса: угол этот равен нулю. Но в то время угол касания был предметом специальной дискуссии: его рассматривали как величину, отличную от нуля, но во многих отношениях ведущую себя как нуль (актуально-бесконечно малая величина). Вот почему мы встречаем у Карамуеля следующие вопросы: "Об угле касания. Каков он?

(1) Меньше ли любого острого? 264 вопрос.

(II) Острый угол может уменьшаться до бесконечности; также может и угол касания.

(III) Также может и возрастать до бесконечности.

(IV) Каким же образом его удвоить?" и т.д.

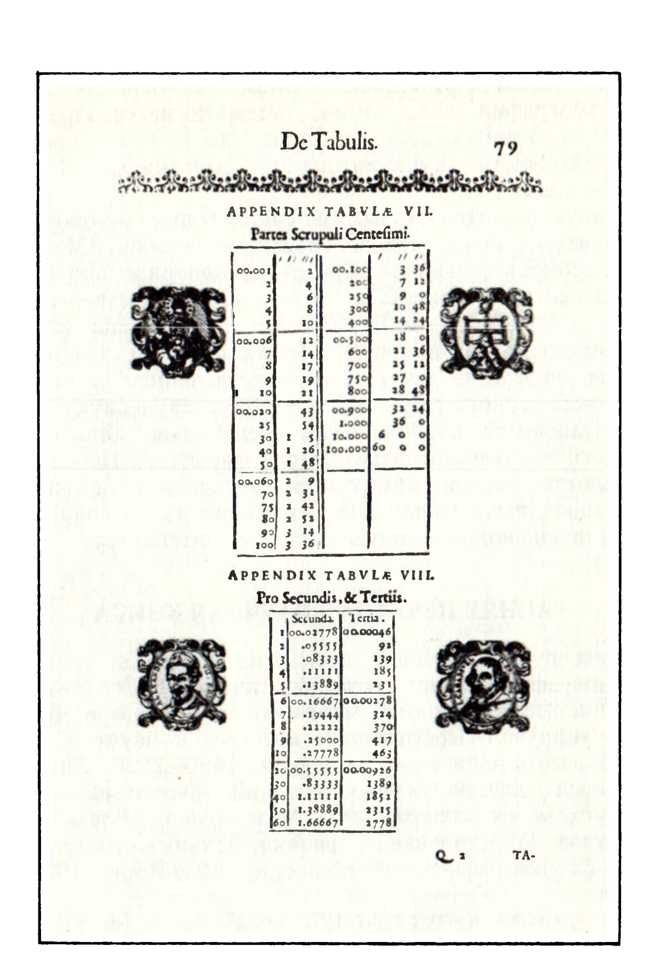
Так как в книгу включается и география, то здесь можно найти строки и об Америке, и о Московитских реках ("Boristhenes, Turuntus, Volga, Tanais, Occa"), и о Новой Земле ("Nova–Zembla") и т.п.

Мы внушили бы, однако, читателю ошибочное представление о труде Карамуеля, если бы не сообщили, что автора занимает также и вопрос о самом первом корабле (ответ: Ноев ковчег), о морских людях, в частности сиренах, и т.п.

Ответы на поставленные вопросы, как научные, так и псевдонаучные (с нашей точки зрения), даваемые в тексте сочинений, нередко многословны и маловразумительны, перегружены учеными ссылками и цитатами, приводимыми по-латыни, гречески, древнееврейски, арабски и т.д., и в этом отношении уступают трудам Озанама и Моксона. Что касается монаха Витали, то он по духу ближе к Карамуелю, чем "светские" авторы Моксон и Озанам.

К сочинению приложены 52 таблицы чертежей, с большим искусством гравированных на меди в Неаполе. В основном тексте книги чертежи отсутствуют. Однако его украшают небольшие гравюрки на дереве, инициалы, изображения символического и религиозного характера, портреты папы Александра VII и самого автора (с. 79), концовки. Следует отметить, что с точки зрения графической появление этих маленьких изображений (мы говорим сейчас не об инициалах и не о концовках) мотивируется желанием типографа заполнить пустые места, образующиеся чаще всего при заверстке таблиц (весьма искусной).

Об эрудиции и работоспособности Карамуеля свидетельствует, в частности, перечень его напечатанных произведений, занимающий 5 страниц (в два столбца). Здесь книги и на испанском и на латинском языках по вопро-

APPENDIX TABVLÆ VII.

Partes Scrupuli Centesimi.

	′	″	‴		′	″	‴
00.001			2	00.100		3	36
2			4	200		7	12
3			6	250		9	0
4			8	300		10	48
5			10	400		14	24
00.006			12	00.500		18	0
7			14	600		21	36
8			17	700		25	12
9			19	750		27	0
10			21	800		28	48
00.020			43	00.900		32	24
25			54	1.000		36	0
30		1	5	10.000	6	0	0
40		1	26	100.000	60	0	0
50		1	48				
00.060		2	9				
70		2	31				
75		2	42				
80		2	52				
90		3	14				
100		3	36				

APPENDIX TABVLÆ VIII.

Pro Secundis, & Tertiis.

	Secunda.	Tertia.
1	00.02778	00.00046
2	.05555	92
3	.08333	139
4	.11111	185
5	.13889	231
6	00.16667	00.00278
7	.19444	324
8	.22222	370
9	.25000	417
10	.27778	463
20	00.55555	00.00926
30	.83333	1389
40	1.11111	1852
50	1.38889	2315
60	1.66667	2778

Страница 79 "Двуглавой науки"

сам геологии, философии, логики, языкознания, истории, географии, астрономии, математики. Разбираемое нами сочинение составляет лишь два первых тома из четырехтомного труда автора под названием "Cursus Mathematicus".

О двух последних томах мы судим только по тому, что сообщается о них в перечне. Третий том посвящен Mathesis Architectonica (главным образом, инженерное искусство, гражданское и военное, а также музыка), четвертый – Mathesis Astronomica in Physicae Tribunali damnata (система мира и другие вопросы). Таким образом становится ясным, почему не все отделы, перечисленные на титульном листе первого тома, вошли в "Двуглавую науку".

Ограничимся сообщенными сведениями. Они носят большей частью предварительный характер. Нам представляется весьма интересным проследить источники описанных выше сочинений и влияние их на современную и позднейшую учебную и научную литературу.

РАННЯЯ ПЕЧАТНАЯ НАУЧНАЯ КНИГА

В моих руках большой, прекрасно изданный труд по библиографии ранних печатных изданий. Его титульный лист по-старинному многословен: "Маргарет Бингхэм Стиллуэлл. Пробуждение интереса к науке в течение первого века книгопечатания, 1450–1550. Аннотированный список первых изданий, рассматриваемых под углом их содержания. Астрономия, математика, медицина, естествознание, физика, техника. Американское библиографическое общество. Нью-Йорк, 1970"[1].

Книга. Исслед. и материалы. 1973. Сб. 27.

[1] Stillwell Margaret Bingham. The awakening interest in science during the first century of printing. 1450–1550. An annotated checklist of first editions, viewed from the angle of their subject content. Astronomy, Mathematics, Medecine, Natural science, Physics, Technology. N.Y. The Bibliographical Society of America. 1970.

Чтобы оценить достоинства и отметить недостатки этого труда, полезно сравнить его с известным каталогом инкунабулов естественно-математического содержания А.Клебса[2]. Каталог Клебса – это перечень названий инкунабулов научного содержания, расположенных в алфавитном порядке их авторов. За названием каждого произведения идет список его переизданий, доводимый до 1 января 1501 г. Книги не разделяются по тематике, и их содержание никак не характеризуется. В наших глазах главное достоинство перечня Клебса – это его полнота, достигаемая автором в возможных пределах. Он отбрасывает сознательно только те книги, самое существование которых не было достоверно доказано – "книги-призраки", а также варианты изданий. В результате у него получилось немногим более 3000 изданий примерно 1000 произведений (точнее, 1060), принадлежащих 650 авторам.

Мисс М.Стиллуэлл – выдающийся библиограф, знаток американских собраний инкунабулов, ее основной труд: "Incunabula in American libraries: a second census of fifteenth-century books owned in the United States, Mexico and Canada" (New York, 1940). Однако в предисловии к настоящей работе она сообщает о своем постоянном интересе к истории науки и о давнем знакомстве с Джорджем Сартоном, автором фундаментального "Введения в историю науки" и Арнольдом Клебсом. "Я познакомилась с д-ром Арнольдом Клебсом, – вспоминает М.Стиллуэлл, – в дни, когда его труд о научных инкунабулах представлял еще массу неосвоенных заметок" (с. IX). Этот интерес объясняет, почему в списке справочной литературы к настоящему каталогу большое место занимают сочинения по истории науки. Мы встречаем здесь имена крупнейших исследователей XX в. в этой области знания: А.Кастильяни, А.Кромби, П.Дюгем, Т.Хисс, О.Нейгебауэр, Е.Норденскьельд, Д.Сартон,

---

[2] Klebs A. Incunabula scientifica et medica: Short title list. Bruges. 1938; перепечатка – Hildesheim, 1963.

Д.Смит, Р.Татон, Л.Торндайк и другие. В соответствии со своим научным фундаментом новый каталог не ограничивается внешним описанием издания и ссылками на библиографические источники (Ref.). Почти каждое описание включает справку (NB), характеризующую содержание книги и дающую также некоторые исторические сведения. За ней следует перечень важнейшей монографической литературы (Mon) о книге и ее авторе. Наконец, указываются существующие факсимиле издания (Fac). Пометка LEK (Later edition known) в конце библиографического описания означает, что книга переиздавалась в течение первого века книгопечатания. Важную особенность настоящего каталога составляет разделение всех описываемых книг на 6 отделов сообразно их тематике. Отделы эти перечислены на титульном листе. Конечно, при этом многие издания смешанного содержания попадают в несколько различных отделов. Тогда соответствующие описания отличаются одно от другого, главным образом заметками о содержании и списками монографической литературы. Так, например, дело обстоит с "Естественной историей" Плиния Старшего (Венеция, 1469), которая описывается в отделах медицины, естествознания, физики и техники, или "Вопросами и изобретениями" Тартальи (Венеция, 1546), отнесенными к отделам математики, физики и техники. В начале каждого отдела помещается краткий обзор его содержания, в котором авторы распределены по важнейшим темам. Так, например, для физики этими темами являются: теплота, магнетизм и электричество, механика, метеорология (и оптика), вакуум и пустота, веса и меры. Всего в 6 отделах описаны 900 произведений. Но в хронологических таблицах помещено их 935. Различие вызвано тем, что в основном тексте иногда под одним и тем же номером говорится о нескольких различных сочинениях. Так обстоит дело с № 376, где приводятся 11 работ Галена, или с № 580, где идет речь о произведениях Аристотеля, и т.п. Если сослаться еще на существование указателей, составляющих вторую часть каталога и содер-

жащих, во-первых, алфавитные списки комментаторов, редакторов (editors), мест издания, типографов и издателей, переводчиков, и, во-вторых, распределение авторов по периодам (а с начала нашей эры – по столетиям) и "Хронологическую таблицу первых изданий" на протяжении первого века книгопечатания, то сразу станет ясным то большое значение, которое Каталог М.Стиллуэлл будет иметь для всех занимающихся не только библиографией и историей книги, но и историей науки средних веков и эпохи Возрождения. Для автора этих строк, относящего себя и к той и к другой категории, труд М.Стиллуэлл особенно интересен и важен еще потому, что он отважно переступает через искусственный барьер, с давних пор устроенный библиографами. "В действительности, – пишет она, – исключая, быть может, воодушевляющую ночь, с которой начался новый год, 1500 год незаметно поглотился 1501 годом" (с. X). Конечно, каждый серьезный труд должен ставить себе определенные границы, и М.Стиллуэлл доводит свой каталог до 1 января 1551 г., даты не менее условной, чем 1 января 1501 г. Но главная цель достигнута, и вместо *первых пятидесяти лет* мы имеем дело в ее книге с *первым веком* печатания научных книг, и в этом огромное достоинство проделанной ею работы. Но здесь же и ахиллесова пята этого большого труда. Ибо осуществление замысла в его полном объеме должно было бы потребовать от автора не одного, а, как это вытекает из приводимых ниже подсчетов, по крайней мере, четырех томов такого же объема, и, наверное, десятикратных затрат времени и труда. Соглашаясь поэтому с автором в том, что полнота могла быть достигнута разве что усилиями "дюжины людей в дюжину лет" (с. XIII), мы сожалеем лишь о том, что в этом труде не сделано попытки охарактеризовать более или менее объективно критерии отбора включенных в него книг. Нет даже хотя бы самых суммарных оценок числа первых изданий за первое столетие книгопечатания. Последний пробел, т.е. отсутствие количественных оценок, мы постара-

емся в посильной для нас степени восполнить в этой статье.

Прежде всего заметим, что М.Стиллуэлл все же говорит о принципах отбора изданий для своего труда, но делает это в столь общей форме, что остается только гадать о том, как она эти принципы могла применять на деле. Вот что она пишет: "Настоящий том Пробуждения интереса к науке, 1450–1550, содержит выборку текстов важных или самих по себе, или в качестве руководств (hand-books), типичных для эпохи". Итак, Каталог представляет выборку, результат селекции. В отношении инкунабулов можно легко составить довольно точное представление о том, сколько первых изданий научных инкунабулов попало в эту выборку и сколько осталось вне ее. В самом деле, пользуясь "Хронологической таблицей первых изданий" (с. 321–379), мы без труда сосчитаем, что среди 935 включенных в нее книг, инкунабулов ровно 500. Но в каталоге Клебса, как мы отмечали выше, значится всего 1060 различных печатных научных произведений, из которых каждое, очевидно, один раз появлялось на свет в качестве первого издания. Отсюда следует, что в выборку М.Стиллуэлл из каждых двух научных инкунабулов в их первых изданиях попал только один. Другой же, как вытекает из ее слов, либо не признан важным сам по себе, либо не был отнесен к числу руководств, типичных для эпохи. Ответственный приговор! Но кто из историков науки, положа руку на сердце, решился бы его вынести в отношении не только одного, но половины всех первых изданий научных книг XV в.?

Обратимся теперь к палеотипам. Здесь мы находимся в несравненно более трудном положении, так как, насколько нам известно, не только не существует кратких списков научных палеотипов, подобных каталогу А.Клебса, но нет и сколько-нибудь надежных и пользующихся признанием оценок их числа. Вот почему мы вынуждены прибегнуть к средствам математики, правда, вполне элементарным. В целях научной строгости мы будем отделять признаваемые большинством библио-

графов факты от наших допущений, носящих более или менее правдоподобный характер. Итак, сначала факты:

Ф–I. Число различных печатных изданий XV в. оценивается примерно в 40 000, XVI в. – 520 000[3].

Ф–II. Число различных изданий научных инкунабулов (в пределах тематики каталогов А.Клебса и М.Стиллуэлл) равно 3000, из них 1000 приходится на первые издания (соответственно по отношению к общему числу инкунабульных изданий: 7,5 и 2,5%).

А теперь – гипотезы:

Г–I. Число различных печатных изданий на протяжении XV в. подчинялось закону показательного роста. Это означает, что приращения количества изданий за небольшие промежутки времени оставались на протяжении века пропорциональными общему количеству изданий в начале каждого промежутка.

Г–II. Доля научных изданий первой половины XVI в. (по отношению к общему числу изданий), так же, как и доля первых изданий среди них, не могла уменьшаться по сравнению со второй половиной XV в., т.е. эта доля либо увеличилась, либо осталась прежней.

Оспаривать можно только эти факты и гипотезы. То, что будет изложено сейчас, будет являться простыми математическими следствиями из перечисленных фактов и допущений.

Следствие I. Обозначим через T число лет, прошедших с 1.1.1501 г. (тогда начальной дате будет соответствовать T=0, а конечной дате – 1.1.1601 г.– T=100). Пусть N_T обозначает число изданий, накопившихся с начала книгопечатания ко времени T. Тогда, согласно Ф–I, N_0=40 000, N_{100}=520 000 + 40 000 = 560 000. Опираясь на Г–I и выполняя несложные вычисления, от которых мы избавляем читателя (они требуют применения таблицы логарифмов), получаем общую формулу (для XVI в.!):

$$N_T = (1{,}0264)^T \cdot 40\,000. \quad (*)$$

---

[3] Сравни статью Books //Encyclopedia Britannica. London. 1962. Vol. 3. P. 875.

Если для примера положить здесь T=100, то нужно будет предварительно вычислить $1{,}0264^{100}$. Выполняя это вычисление, найдем $1{,}0264^{100} = 14$ (приблизительно), откуда $N_{100} = 560\,000$. Заметим, что из нашей формулы (*) следует, что общее число изданий на протяжении XVI в. возрастало каждый год на 2,64%, т.е. округленно на 1/40 часть.

Формула (*) понадобится для того, чтобы оценить общее число изданий палеотипов. Положив в ней T=50, найдем: $N_{50} = (1{,}0264)^{50} \cdot 40\,000 = \sqrt{14} \cdot 40\,000 =$ 149 600, округленно 150 000. Таково приблизительно число всех изданий с начала книгопечатания по 1.1.1551 г. Это число полностью совпадает с одной из оценок, приводимой В.С.Люблинским, к сожалению, без обоснования, или ссылки на источник: "...а названий печатных книг к середине XVI в. было уже необъятное множество (примерно 150 000)"[4]. Вычитая отсюда 40 000 инкунабульных изданий, получаем 110 000 для оценки общего числа палеотипных изданий. Грубо говоря, из принятых фактов и гипотез (Ф–I и Г–I) вытекает как следствие, что *число палеотипных изданий примерно втрое превосходит число инкунабульных изданий.*

А теперь используем Ф–II и Г–II.

Следствие II. Если доля научных изданий (снова в смысле А.Клебса и М.Стиллуэлл) в первой половине XVI в. не должна была снизиться по сравнению со второй половиной XV в., то среди всех палеотипных изданий их должно быть не менее 7,5%, т.е. среди палеотипов не менее 8250 научных изданий. Далее, нет оснований считать, что доля первых изданий среди них ниже, чем в XV в. – доля первых (оригинальных) изданий. Но там, как мы видели, из каждых 3 научных изданий одно было первым. Поэтому число первых изданий научных книг в первой половине XVI в. можно определить, по крайней мере, в 2500–3000, т.е. в среднем по 50–

---

[4] Люблинский В.С. Ранняя книга как ступень в развитии информации // Пятьсот лет после Гутенберга, 1468–1968. М., 1968. С 178.

60 книг в год (на все страны мира). Наши расчеты дают как будто более точное число первых изданий – 2750, но точность эта иллюзорная: ведь наше предположение Г–I содержит, конечно, известную степень произвола.

Вернемся к Каталогу М.Стиллуэлл. Из 935 первых изданий, включенных в ее "Хронологическую таблицу", на инкунабулы приходится, как мы отмечали, 500. Значит, на палеотипы остается всего 435, а это, на основании приведенных выше расчетов, вряд ли составит больше, чем одну шестую всех фактически осуществленных в первой половине XVI в. первых научных изданий. И если в отношении инкунабулов мы могли еще допустить, что составительница браковала одно из каждых двух известных ей первых изданий, то здесь правдоподобнее будет предложить другое: большая часть первых изданий научных палеотипов вовсе не попала в ее поле зрения. Поэтому здесь и нельзя говорить о фактически проведенной селекции книг, "важных самих по себе или в качестве руководств, типичных для эпохи". Констатируя этот факт, мы вовсе не хотим попрекнуть маститого библиографа. Более того, мы допускаем, что никто не смог бы в настоящее время достигнуть лучших результатов. Наша задача состояла лишь в том, чтобы оценить ту работу, которую предстоит сделать продолжателям начатого дела.

Итак, полный Каталог первых печатных изданий научных работ, вышедших в свет за 1450–1550 гг., должен был бы включать, по крайней мере, описания 3500–4000 произведений (1000 инкунабулов и 2500–3000 палеотипов). Это – в общей сложности – потребовало бы четырех томов, таких же, как настоящий.

Конечно, оценка числа пропущенных изданий достигается несравненно более простым путем, чем фактические указания пробелов. Любопытно отметить, однако, что и в библиотеке автора этой статьи, в том количественно весьма скромном отделе, который занимают издания научных книг конца XV – первой половины XVI в. (всего несколько десятков), встречаются издания,

пропущенные в Каталоге. Например: Widmann, Johann. Tractatus de pestilenzia; De fuga pestis, Ex Tuwingen, 1501, 8°, — книга, которую следовало бы поместить в отделе III, рядом с трактатом того же автора (№551), посвященным сифилису; Le Févre d.'Étaples, Jacques, Introductorium astronomicum theorias corporum coelestium duobus libris complectens, Paris, H. Estienne, 1517, 2°; книга эта, конечно, должна была бы занять место в отделе I Каталога; Simplicus Commentarii in quatuor Aristotelis libros de coelo, cum textu ejusdem (gr.). Venetiis in Aedibus Aldi Romani et Andreae Asulani Soceri, 1526, 2°, — эту книгу следует включить также в отдел I и, кроме того, IV и V; Schal Jakob. Astrologiae ad medicinam adplicatio brevis... nunc primum in lucem aediti, Strassbourg, J.Cammerlander, 1537, 4°. Последняя книга содержит также Fasciculus rei medicae того же автора и относится равным образом к отделам I и III Каталога.

Заметим еще, что трудно согласиться с тем, что в Каталог М.Стиллуэлл (в отличие от Каталога А.Клебса) не включены книги по музыке, рассматриваемые в ее теоретическом (математическом и физическом), а также техническом аспектах (музыкальные инструменты). Музыка недаром объединялась на протяжении веков в одну группу научных дисциплин вместе с арифметикой, геометрией и астрономией. В самом деле, со времен пифагорейцев соотношения между размерами музыкальных инструментов и звуками, которые они издают, служили яркой и убедительной областью применения математики.

Каталог М.Стиллуэлл был прорецензирован профессором истории науки и техники Имперского колледжа науки и техники Лондонского университета А.Рупертом Холлом[5]. Рецензент справедливо указал, например, на ошибки в аннотации классического труда Коперника (в ней Копернику приписано одно из позднейших открытий Кеплера) и на опечатку в самом наименовании этого труда. Вероятно, в книге можно встретить и другие

---

[5] The Book Collector. Spring, 1971. P. 113–117.

опечатки. Однако принципиальная часть критики профессора Холла сводится к тому, что нельзя характеризовать пробуждение интереса к науке в рассматриваемую эпоху, ничего не говоря об авторах, труды которых остались в рукописях (в качестве примеров он называет Леонардо да Винчи, Франческо ди Джорджо Мартини, Таккола, Филарета и др. авторов книг по вопросам техники). С той же общей позиции он упрекает составителя Каталога за то, что здесь не учтены философские произведения, оказавшие сильное воздействие на ученых той эпохи (например, философские труды Пико делла Мирандола и Марсилио Фичино). Нам представляется, что эти замечания, в основе своей справедливые, должны быть направлены не против работы М.Стиллуэлл в целом, а, скорее, против первой части заглавия книги: "Пробуждение интереса к науке". Но если речь заходит об этом, то критику можно усугубить. Действительно, мысль о том, что пробуждение интереса к науке в Западной Европе должно быть хронологически отнесено к 1450–1550 гг., вряд ли может быть поддержана при современном состоянии историко-научных знаний. Точнее следовало бы говорить не о пробуждении (оно относится к XII–XIII вв.), а о развитии интереса к науке, стимулированном изобретением и распространением книгопечатания. И если бы книга была непосредственно посвящена решению этой задачи, то тут, конечно, следовало бы учесть пожелания профессора Холла, к которым можно было бы присоединить еще немало других, столь же существенных. Но дело-то в том, что на титуле книги М.Стиллуэлл есть еще вторая часть: "Аннотированный список первых изданий, рассматриваемых под углом их содержания. Астрономия, Математика, Медицина, Естествознание, Физика, Техника". Вот эта вторая часть, которую одну только мы и хотим принимать во внимание в настоящей статье, адекватна содержанию книги и полностью определяет ее роль и значение как весьма полезного, заполняющего пробел в литературе пособия, без которого трудно будет теперь обойтись библиотекарю,

библиографу и историку науки. За этот труд, пока, при всей его неполноте, ничем не заменимый, мы и хотим выразить искреннюю благодарность его автору.

СОСУЩЕСТВОВАНИЕ ПЕЧАТНЫХ И РУКОПИСНЫХ МАТЕРИАЛОВ В ПРОЦЕССЕ РАЗВИТИЯ НАУКИ

1. Расцвет рукописного дела к началу книгопечатания

Оценивая значение книгопечатания для истории науки, Джордж Сартон отметил, что "изобретение книгопечатания реализовало два замечательных усовершенствования: оказало помощь распространению знаний тем, что сделало возможным дешево производить множество книг, и оказало помощь самим ученым тем, что способствовало стандартизации текстов"[1]. Мы выбрали это высказывание знаменитого историка науки потому, что оно является довольно типичным для целого ряда оценок, авторы которых, отдавая должное великому изобретению Гутенберга, фактически зачеркивают роль почти трехвекового периода, предшествовавшего появлению книгопечатного искусства, периода, на протяжении которого производство рукописей значительно продвинулось по пути названных усовершенствований: изготовления множества сравнительно дешевых книг и стандартизации их текстов. Существенно, что на этот "предпечатный" период падает становление и формирование контингентов основных потребителей книги, производителей книжных материалов, наконец, переписчиков книги, которые, многократно расширив географию старинных монастырей, стали группироваться вокруг вновь возникших университетов. Вот список важнейших

Рукописная и печатная книга. М., 1975.

[1] Sarton G. Six wings. Man of science in the Renaissance, Indiana University Press. Bloomington. 1960. P. 117.

из них, распределенных по времени их учреждения. Основаны до XIII в. в городах: Салерно, Пиза, Болонья, Монпелье, Коимбра, Орлеан, Париж; в XIII в.: Неаполь, Сиенна, Флоренция, Ареццо, Падуя, Виченца, Павия, Тулуза, Саламанка, Валенсия, Севилья, Лиссабон, Кембридж, Оксфорд; в XIV в.: Рим, Перуза, Феррара, Гренобль, Авиньон, Лерида, Вальяндолид, Кельн, Гейдельберг, Эрфурт, Прага, Краков, Вена, Будапешт и т.д.[2]

Впрочем, рядом с университетской читающей публикой в городах росли и другие кадры читателей: врачей, юристов, инженеров, художников. Именно они, в массе своей, скоро будут довольствоваться печатной книгой и, в какой-то мере, определять спрос на раннюю печатную книгу. Но и среди них найдется немало людей, найдется немало автодидактов, как Леонардо да Винчи или Никола Тарталья, для которых тематика печатной книги была недостаточной: им приходилось обращаться к старым рукописям.

Что касается производства рукописных книг, то уже с начала XII в. постепенно распространяется, совершенствуется и дешевеет производство бумаги. Некоторые университеты, например Парижский, находят выгодным заводить свои бумажные мельницы. Большие ресурсы бумажного сырья, дешевизна бумаги создают условия для значительного роста числа рукописей и их удешевления. Этому же способствует рациональная организация труда в университетских скрипториях, позволяющая нескольким десяткам переписчиков одновременно работать над одной и той же рукописью. Речь идет о ставшей к настоящему времени достаточно известной системе т.н. pecia (тетрадей), на которые разделялась стандартная, проверенная и утвержденная специальной ученой комиссией рукопись переписываемого труда. Потребитель платил каждый раз по установленной таксе за поль-

---

[2] Мы воспользовались здесь специальной картой, приложенной к Enc. de la Pléiade, Histoire de la science. Sous la direction Mauris Daumas. P. 32–33; далее это издание цит. под именем Daumas.

зование одной тетрадью, переписав которую (сам, или при помощи профессионального писца), он возвращал ее и брал следующую. Очевидно, что такая система служила не только целям ускорения и удешевления переписки и, следовательно, удешевления самой рукописи, но и, в высокой степени, способствовала стандартизации текста, как в отношении его редакции, так и расположения по листам. Конечно, университетские скриптории не были монополистами по переписке рукописей. Помимо монастырских скрипториев существовали еще и частные ателье, специализировавшиеся, например, на изготовлении молитвенников и других рукописей широкого спроса. Что дело в них могло быть поставлено на широкую ногу, об этом свидетельствует пример частного заказа руководителю ателье, относящегося к 1437 г. Заказчик поручает изготовить для него 200 экз. текста семи итальянских псалмов, 200 экз. двустиший Катона во фламандском переводе и 400 маленьких молитвенников. Все это предназначалось, по-видимому, для продажи студентам факультетов свободных искусств[3].

Наконец, отряд переписчиков мог за короткое время составить по заказу целую библиотеку. Так, по поручению Козимо Медичи (1389–1464) итальянский библиофил и книготорговец Веспассиано да Бистиччи (1421–1493) подобрал 45 переписчиков, которые за 22 месяца красиво переписали и богато украсили 200 различных книг по заранее предложенному списку[4]. Собиратели печатных книг, всегда остро ощущавшие свою зависимость от наличия книг на книжном рынке, могли впоследствии не раз вздыхать о возможностях, которые некогда предоставляли хорошо организованные переписчики.

Мы напоминаем обо всех этих известных вещах,

---

[3]См.:Febure L., Martin H.-J. L'apparition du Livre. Paris. 1971. Introduction (Par M. Thomas). P. 35 – 36.

[4]См.: Бурхардт Я. Культура Италии в эпоху Возрождения. Спб., 1905. Т. I. С. 234.

чтобы подчеркнуть, что рукописное воспроизведение книг ко времени появления книгопечатания уже имело серьезные достижения как в изготовлении дешевых книг в большом числе, так и в обеспечении стандартизации их текстов. Поэтому книгопечатанию предстояло не приступать к решению этих важных проблем на пустом месте, но внести свой новый существенный вклад, который не зачеркивал того, что уже было сделано, и не отменял начисто ставшего уже традиционным переписывания.

2. Печатная книга теснит рукописную, но полностью ее не заменяет

Перед книгопечатниками первых десятилетий расстилалась обетованная страна рукописных сокровищ, накопленных преимущественно за последние столетия. Здесь были труды греческих и римских классиков, работы арабских ученых, труды переводческой, комментаторской и самостоятельной творческой деятельности эрудитов и мыслителей средневековья, наконец, новые, только начинающие жить произведения современников. В эту благодатную пору почти полностью отсутствовала расходная статья на оплату авторского гонорара. Можно, однако, сказать с уверенностью, что каждый из печатников в отдельности имел непосредственный доступ лишь к незначительной части всех этих богатств и никто из них не располагал описанием всей их совокупности (вспомним, что "Bibliotheca universalis" К.Геснера, включавшая 15 000 книг и рукописей 3000 различных авторов на латинском, греческом и еврейском языках и, конечно, весьма далекая от полноты, вышла в свет только в 1545 г.). Выбор рукописи для издания зависел во многом от случайности и, при прочих равных условиях, определялся наличием определенного заказа или устойчивого спроса, который далеко не всегда диктовался людьми науки. Впрочем, среди самих издателей XV в. уже были люди с явно выраженной научной направленностью.

Яркий пример этого – Эрхард Ратдольт, издававший на протяжении 20 лет целую библиотеку книг, преимущественно астрономического и математического содержания: "Календарь Региомонтануса" (1476, 1478, 1483, 1485), "Элементы" Евклида (1482), "Сферу" Сакробоско (1482, 1485), "Введение в астрономию" Альхабиция (1482, 1485), "Космографию" Мелы (1482), Альфонсовы "Астрономические таблицы" (1482, 1483), "Четверокнижие" Птолемея (1484), "Арифметику" Пьетро Борго (1484), "Астрономию" Гигина (1485), "О секретах природы" Михаила Скотта (без даты), "Астрономический нектар" (1488, 1495), "Введение в астрономию" (1489) и "О великих соединениях" (1489) Альбумасара, "Арифметику" Боэция (1488), "Астролябию" Иоганна Энгеля (1488)[5]. И все же немало весьма значительных сочинений не находили издателей, оставаясь в рукописи на протяжении многих десятилетий. С большим запозданием печатались труды классиков греческой науки. "Конические сечения" Аполлония вышли из печати в 1537 г. причем в составе одних лишь первых четырех книг, наиболее элементарных. Но как это ни парадоксально звучит, подобное издание древней рукописи было и тогда еще опережающим эпоху. Уже в XVII в. Кеплер задавал риторический вопрос: "Много ли найдется математиков, которые взяли на себя труд полностью прочесть Аполлония?"[6] Впрочем, сам Кеплер, впервые открывший значение конических сечений (эллипсов) в астрономии, не дожил до выхода в свет полного издания сочинений Аполлония. Следующие три книги "Конических сечений" (V, VI и VII дошли до нас только в арабском переводе Сабита ибн Корры; VIII книга вообще не сохранилась) впервые были опубликованы в латинском переводе в 1631 г. Сочинения Архимеда в неполном составе, по

---

[5] Thornton J.L., Tully R.J. Scientific Books. London, 1971. P. 357–358.

[6] Из предисловия к "Новой астрономии"; цит. по: Koyré A. La révolution astronomique. Paris, 1961. P. 166.

старинному латинскому переводу Вильгельма из Мербеке (вторая половина XIII в.), были изданы впервые Н.Тартальей в 1543 г.; в следующем 1544 г. появился и греческий текст вместе с новым латинским переводом Венаториса. Вот почему, например, Леонардо да Винчи, в заметках которого неоднократно упоминается Архимед, мог знакомиться с ним только в рукописи. Но Леонардо не знал греческого и не имел твердых навыков в латыни. Отсюда вопрос, поставленный одним из современных нам историков науки: "Зачем Леонардо стал бы искать научные рукописи Архимеда и как бы он их нашел?"[7] Назовем еще первое латинское издание трудов Диофанта (1575). Издание его произведений на греческом языке осуществил впервые в 1621 г. Баше де Мезириак в Париже. На полях одного из экземпляров последнего издания Пьер Ферма делал свои знаменитые заметки. Именно с этого экземпляра было выполнено тулузское издание Диофанта 1670 г. с воспроизведением заметок Ферма – любопытный продукт взаимодействия книги и рукописи.

Конечно, то обстоятельство, что произведения Архимеда, Аполлония, Диофанта, составляющие, так сказать, высшую математику античной науки (первые подходы к проблемам и методам математического анализа, аналитической геометрии и теории чисел), начали печататься лишь на исходе первого века книгопечатания, отнюдь не случайно. Рукописями этих произведений библиотеки больших монастырей и университетов, отдельные ученые обладали задолго до того. Однако существенную часть расходов по изданию, иногда больше половины, составляла стоимость бумаги[8]. Поэтому, чтобы издатель рискнул предпринять большой и дорогостоящий труд по публикации рукописей, необходимо было рассчитывать на соответствующее количество заинтересованных читателей,

---

[7] Léonardo de Vinci et l'expérience scientifique au XVI siécle. Paris, 1953. P. 23–29.
[8] См.: L.Febure, Martin H.J. Op. cit. S. 170 и след.

хотя бы на 300, если иметь в виду распространенную в то время ограниченность тиража. Но столь обширной группы высоко компетентных ученых (математиков) ни в XV в., ни в начале XVI в. еще не существовало, хотя с годами росло, и притом все быстрее, число людей, способных подняться до понимания предельных достижений науки. Сходные причины действовали и в отношении ряда произведений средневековых авторов, а также произведений современников, причем именно наиболее оригинальных и глубоких трудов. Заимствуя примеры неизданных или изданных лишь частично средневековых трудов, главным образом у Кромби[9], назовем здесь рукописи Н.Орема. "Книгу о небе" (1377), обсуждавшую возможность суточного вращения Земли, "Алгоризм пропорций" (ок. 1350), где, по сути дела, было разработано понятие степени с любым показателем, "О конфигурации качеств" (до 1371), содержащую прообразы идей функциональной зависимости и ее графического изображения, "Письмо о магните" Пьера де Марикура (1269), предшественника Вильяма Гильберта, которого сам Гильберт знал и цитировал, "Книгу абака" Леонарда Пизанского (1202–1228), излагающую с большой полнотой и глубиной арифметику и алгебру линейных и квадратичных уравнений, книгу "О радуге" Дитриха из Фрейберга (ум. в 1292), построившего на экспериментальной основе теорию радуги, и др. Подобную судьбу разделяли и многие рукописи современников книгопечатного искусства. Так, первое в Европе систематическое руководство по тригонометрии Региомонтана вышло из печати в 1537-м – более чем через 60 лет после смерти этого выдающегося ученого, бывшего также и издателем книг и календарей, а "Наука о числах в трех частях" Николая Шюке (1484), представлявшая наиболее оригинальный и содержательный вклад

---

[9] Crombie A.C. Histoire des sciences de Şaint Augustin á Galilée (400–1650). Paris, 1959. P. 312.

европейской науки того времени в арифметику и алгебру, оставалась не напечатанной до 80-х годов прошлого века. Своеобразный пример крупного ученого XVI в., которому явно не везло с печатанием его произведений, представляет Франческо Мауролико (1494—1575), математик, механик, оптик и историк. Его парафразы к Архимеду, хотя и были напечатаны в 1594 г. в Мессине, но тираж погиб при кораблекрушении, и книга была вновь напечатана только в 1681; его перевод Аполлония вышел в свет в 1654 г.; наконец, его оригинальный труд по оптике, в котором он во многом предвосхищает Кеплера, появился только в 1611 г., через 7 лет после публикации труда Кеплера[10]. Не следует, наконец, забывать о том, что раньше, чем великий труд Николая Коперника "О вращении небесных сфер" был напечатан, его содержание в течение длительного времени распространялось в рукописи и что автор только под давлением друзей и учеников согласился на печатание.

Как ни разнохарактерны приведенные факты, все они свидетельствуют о том, что одна только печатная продукция, без учета рукописной, ни в XV в., ни в последующие столетия, не могла отобразить фактического достижения научной мысли ни по содержанию, ни по уровню. При этом выводе мы опирались только на рассмотрение таких трудов, которые их авторы отрывали от себя, предназначив для самостоятельного обращения среди читателей. Вот почему огромная рукописная продукция Леонардо да Винчи, гениальный автор которой предпринимал немало предосторожностей, чтобы ее не могли воспринимать другие, остается здесь вне нашего рассмотрения. Напомним только, что "Трактат о живописи" Леонардо, в основу которого было положено собрание 944 извлечений из его заметок, вышел впервые в свет в Париже в 1654 г., т.е. через два века после рождения Леонардо.

---

[10]См.: Histoire générale des sciences, publiée sous la direction de René Taton. Paris, 1958. T. 2. P. 41.

Неудивительно поэтому, что рукописные части книжных собраний, не только в библиотеках крупнейших монастырей, университетов, но и отдельных ученых, долгое время сохраняли свое значение, несмотря на все успехи книгопечатания. И.О.Флекенштейн в статье "Петр Рамус и базельский гуманизм"[11] указывает, что книжные сокровища Базеля, которыми пользовались знаменитые базельские издатели XVI в. и университетские профессора, хранились преимущественно в старинных монастырях, секуляризованных[12] во второй половине XVI в. Среди них тексты арабских переводов произведений греческих математиков, труды средневековых ученых Орема, Брадвардина, Кампануса, в частности уже упоминавшиеся выше трактат Орема о конфигурации качеств (автор называет еще 3 известных ему экземпляра – рукописи того же сочинения, находящиеся в Национальной библиотеке в Париже и во Флоренции) и "О радуге" Дитриха из Фриберга (называются также экземпляры, хранящиеся в Риме и в Лейпциге).

Замечательное свидетельство о случае перевеса числа рукописей над числом печатных научных книг в научной библиотеке второй половины XVI в. принадлежит английскому математику, алхимику и астрологу Джону Ди (John Dee, 1527–1608): он утверждал, что из 4000 книг его библиотеки на долю печатных произведений приходилось только 1000[13]. К этому нужно добавить, что среди этих рукописей имелись работы средневековых математиков и физиков: Гроссетеста, Роджэра Бэкона, Покхама, Брадвардина, Ричарда Валлингфорда...[14]

Из более поздней поры отметим еще огромную научную библиотеку английского натуралиста и медика Ганса Слоана (1660–1753), насчитывавшую помимо 40–50 ты-

---

[11] La science au seizième siècle. Hermann, 1960. P. 117. et suiv.

[12] Секуляризация – переход церковной собственности к светским властям.

[13] Thornton, Tully. Op. cit. S. 340.

[14] Cromby. Op. cit. S. 313.

сяч печатных томов еще собрание гравюр, рисунков и картин и до 4000 рукописей[15].

3. Алфавит и язык

Среди всех книг, напечатанных до 1500 г., латинские составляли 77% от общего числа. (Здесь и ниже мы черпаем основные фактические данные из уже цитированного сочинения[16].) Печатники быстро освоили латинские шрифты (готический и антикву). Гораздо труднее им давались шрифты других языков, на которых издавна писались научные произведения: греческий, арабский, еврейский. Поэтому на протяжении первых десятилетий книгопечатания переписчики греческих, арабских и еврейских рукописей оставались вне конкуренции. В отношении греческого языка основную трудность для типографов составляли многочисленные надстрочные знаки, выражавшие ударения и придыхания, долготу и краткость. Пока речь шла о цитатах, можно было оставлять пробелы в печатном тексте, вписывая греческие предложения от руки. Потом стали составлять алфавит из латинских букв, которые можно было уподобить соответствующим греческим, и некоторых греческих. Первые книги, целиком напечатанные по-гречески, появляются в середине 70-х годов XV в. в Италии. Лишь со второго десятилетия XVI в. книги греческой печати начинают выходить и в других странах Европы (прежде всего, во Франции и Германии). Однако по своему научному весу и значению, широте и тематике они не могли сравниться с греческими рукописями, во множестве поступившими в Европу после падения Византии (29 мая 1453 г.). Их захватывали с собой греки, переселившиеся в Италию, купцы из иностранцев, справед-

---

[15] Thornton, Tully. Op. cit. S. 345–346.
[16] Febure, Martin. Op. cit. S. 351 и след.

ливо ожидавшие, что за рукописи они получат хорошую цену. По утверждению Н.П.Киселева[17], эти рукописи перекочевали еще в XV в. с Востока на Запад и составляют ныне ядро значительнейших рукописных собраний Европы: в Париже (более 4800), в Ватикане (около 4000), в Венеции (около 1200), во Флоренции (около 1200), в Лондоне (760) и в других местах.

В середине 70-х годов XV в. в Италии и Испании выходят из печати и первые книги на еврейском языке, а во втором десятилетии XVI в. еврейские книги выходят во Франции, Германии, Швейцарии, Чехии и других странах Европы. Первая печатная книга на арабском языке "Vocabulista aravigo en letra castellana" была, как это и выражает заглавие книги, напечатана латинским шрифтом (в 1505 г. в Гренаде). Полностью набранные арабским шрифтом книги выходят в 1512 (Фано) и в 1516 (Генуя). Но и эти книги и следовавшие за ними были посвящены почти до конца XVI в. преимущественно пропаганде и распространению христианской религии среди мусульман и, следовательно, не представляли интереса для тех, кто занимался естествознанием и математикой. Поэтому арабские (как и другие восточные) научные рукописи еще долго не находили себе соперников со стороны печатной книги. Лишь в последние десятилетия XVI в. типография Медичи в Риме издала такие научные труды, как "Канон врачебной науки" Авиценны (1593) и "Элементы" Евклида в переводе Насиреддина Туси (1594). Неудивительно, что просвещенные европейцы не упускали случаев приобретения подобных рукописей в Турции, в городах которой переписчики книги, торговцы и книжные разносчики были весьма многочисленны[18]. Рукописи приобретались по поручению Жан-Огюста де

---

[17] Киселев Н.П. Книги греческой печати в собрании Государственной библиотеки СССР им. В.И.Ленина //Книга: Исслед. и материалы. Сб. 26. С. 126.

[18] Здесь и ниже мы пользуемся книгой А.Х.Рафикова "Очерки истории книгопечатания в Турции" (Л., 1973).

Ту (1553–1617) и Ришелье (1585–1643). При Кольбере (1619–1683) французские послы в Константинополе с помощью ориенталиста Галлана, первого европейского переводчика сказок "Тысячи и одной ночи", и миссионеров-иезуитов вывезли во Францию свыше 2500 арабских рукописей, не считая греческих, армянских, еврейских. От французов не отставали и англичане. Султан Ахмед III (1703–1730), желая воспрепятствовать утечке рукописей в Европу, издал специальный указ, который, впрочем, не достиг цели. С другой стороны, известны лишь немногие случаи, когда научные книги, отпечатанные в Европе на арабском языке, попадали в Турцию. Так, упомянутое выше издание "Начал" (Рим, 1594) было даже снабжено фирманом Мурада III (годы правления 1574–1595), разрешающим продажу книги в Турции. Галлан упоминает, что он видел в книжной лавке в Стамбуле печатное издание Авиценны (очевидно, римское издание 1593), которое оставалось долгое время непроданным, тогда как рукописные экземпляры того же сочинения шли по весьма дорогой цене.

Мы отмечали, что очевидные трудности освоения печати на языках с большими научными традициями способствовали продлению времени активного обращения рукописей на этих языках. Менее значительной и, во всяком случае, не столь очевидной являлась роль, которую брали на себя рукописи, ставившие целью быстрее довести до ученого читателя содержание книги, опубликованной на живом, но незнакомом ему языке. Хорошо известно, что уже в XV в. – и чем дальше, тем больше – начинает складываться научная литература на живых языках – итальянском, французском, немецком и др. – и, сначала медленно, а затем все быстрее, теснить позиции латинского языка как языка международной науки. Значение этого высоко прогрессивного явления достаточно выпукло раскрывается самими авторами книг, желавшими говорить о науке с соотечественниками. Так, Лука Пачоли в посвящении к своей математической энциклопедии

"Совокупность арифметики, геометрии, отношений и пропорциональности", изданной на итальянском языке в 1494 г., пишет, что он "все же решил написать свое сочинение на родном языке, чтобы как образованные, так и необразованные могли получить удовольствие заниматься этим в равной мере".

Другую грань явления раскрывает Декарт в приведенной на стр. 331–332 цитате из предисловия к появившемуся на французском языке первому изданию (1637) его "Рассуждения о методе".

Впрочем, привычка к стандартным оборотам и терминам, выработанным в математических сочинениях на латинском языке, была настолько велика, что Галилей публикует свои "Разговоры и доказательства", как двуязычный труд: диалог развертывается на великолепном живом итальянском языке (набор курсивом), математические формулировки и доказательства – на латинском языке (прямым шрифтом, кроме формулировок теорем, которые набраны курсивом). Подобное же двуязычие столетием позже обнаруживается в переписке Эйлера с Гольдбахом: только здесь с латинским сочетается разговорный немецкий язык[19].

Одним из естественных следствий того, что латинский язык постепенно терял свою монополию в отношении научных произведений, было увеличение числа случаев, когда ученый не мог непосредственно читать научный труд, в котором он был заинтересован, так как он не знал языка, на котором труд был написан. Так, немец Кеплер жаловался на трудности ознакомления с произведениями Галилея, написанными по-итальянски. Впоследствии с аналогичной жалобой выступил и Лейбниц[20]. Чтобы ознакомить своих коллег – членов Парижской академии с крайне заинтересовавшим их трудом Ньютона

---

[19] См.: Correspondence mathématique et physique de quelques célèbres géomètres du XVIII siècle. S. Pétersbourg, 1843. T. I.

[20] Ольшки Л. История научной литературы на новых языках. М.; Л., 1934. Ч. 2. С. 46.

"Оптика", впервые изданном в 1704 г. на английском языке, медик и фармацевт Жеффруа (Étienne-François Geoffroy,1672–1731) выполнил в рукописи сокращенный французский перевод. Чтение, начатое им 7 августа 1706 г., продолжалось с перерывами, пока не было закончено 1 июня 1707 г. Вероятно, автор опубликовал бы свою рукопись, если бы за это время до Франции не дошел латинский перевод Самюэля Кларка (Лондон, 1706), позволивший французским ученым изучать эту работу без дальнейшего посредничества. А сокращенный перевод Жоффруа так и остался в рукописи, выполнив свою роль. Бернар Коэн, передающий все эти подробности, подчеркивает, что французские академики-картезианцы (и следовательно, антиньютоновцы) проявили таким образом к труду Ньютона гораздо большее внимание, чем его сочлены по Лондонскому Королевскому обществу[21].

Если в начале XVIII в. французские ученые еще могли считать приемлемым для себя ознакомление с иноязычным научным трудом посредством специально выполненного для этой цели одним из их коллег перевода, то уже через несколько десятилетий такой образ действий выглядел бы несколько анахронично. Дорту де Мэран (1678–1771), бывший одно время непременным секретарем академии, пишет в 1737 г. своему другу и земляку, провинциальному ученому, хлопочущему об организации академии в их родном городе: "Вы очень хорошо сделали, что выучили английский, принимая во внимание обилие книг на этом языке. Я тоже взял несколько уроков английского языка, но весьма неприятно в преклонном возрасте листать словарь. Тем не менее я могу пользоваться книгами по физике и математике"[22].

---

[21] Koyré A. L' aventure de la science. Paris, 1964. T. I; Cohen I.B. Isaak Newton, Hans Sloane and the académie royale des sciences. P. 61 et suiv.

[22] Рош Д. Ученый и его библиотека в XVIII в. //Век просвещения. Москва; Париж, 1970. С. 134.

В библиотеке Мэрана, физика, математика и астронома, весьма разнообразной по составу, латинские книги, в общем, представляют все еще значительную часть: 38%. Однако из 1300 его латинских книг большинство (около 900) издано в XVI и XVII вв. Среди же книг, изданных в XVIII в., на долю латинских в библиотеке Мэрана приходится всего 22%; остальные почти все французские (только 60 итальянских, около 20 английских и 1 испанская книга). Важно заметить, что среди французских книг немало переводных. По этому поводу автор используемой нами работы Д.Рош справедливо замечает, что "постепенно эпоха переводчиков приходит на смену латинистов, и библиотека Мэрана показывает нам самое начало этого процесса".

4. Малые формы

"Если простят – возрадуюсь, если прогневятся – выдержу: жребий брошен, я пишу мою книгу. Безразлично, будет прочтена она теперь или ее прочтет потомство; она может ждать сто лет своего читателя, ибо господь шесть тысяч лет ждал наблюдателя". Так "наблюдатель" законов космоса Кеплер писал в предисловии к своей "Гармонии мира в пяти книгах"[23]. Такая гордая и независимая позиция была, конечно, отнюдь не типична для ученых того времени. По мере того как число ученых и, выражаясь более точно, число людей, заинтересованных в успехах науки и следящих за развитием ее, возрастало в разных странах и наука все более ощущалась как дело, успех которого определялся усилиями многих людей, все чаще и острее испытывалась потребность быстрее заявлять о самих открытиях, получать отклики на них, давать разъяснения и оспаривать возражения. Для этой цели фундаментальные монографии и трактаты, печатные

---

[23]Цит. по: Koyré A. La révolution astronomique. Paris, 1961. P. 452.

или рукописные, были мало пригодны. Поэтому рядом с ними развивались и выступали разнообразные малые формы текущей научной информации в виде брошюр, листовок, плакатов и афиш. Впрочем, эти малые формы вовсе не были вызваны к жизни именно научными потребностями. "Афиша и печатный плакат, — говорит Анри Мартен в цитированном нами ранее "Появлении книги" являются, как известно, быть может, более ранними, чем печатная книга; среди них многие сообщают сведения, относящиеся к злобе дня..."[24] И далее он напоминает о значительной роли, которую бесчисленные летучие листы (Flugschriften) сыграли во время Реформации.

Непосредственным поводом для того, чтобы пускать в ход всю эту легкую кавалерию под знаменем науки, чаще всего служили научные соревнования и диспуты. Одним из наиболее ранних по времени было знаменитое соревнование в решении кубических уравнений, развертывавшееся в Италии к концу первой половины XVI в. Николай Тарталья — выдающийся математик-самоучка, зарабатывавший на жизнь уроками и консультациями, которые он давал купцам, артиллеристам, архитекторам и инженерам, издал в 1546 г. на свои средства в Венеции своеобразнейшую книгу: "Разные вопросы и изобретения". Книга построена в виде извлечений из дневников и писем, фиксировавших постановки предлагавшихся автору разными лицами вопросов и их решения. В последней части книги он рассказывает о том, как его еще в 1535 г. вызывал на математический турнир некий дель Ферро, предложивший ему 30 задач на кубические уравнения, считавшиеся еще в начале века неразрешимыми, и как Тарталья с большим напряжением сил нашел решение всех задач раньше указанного срока и посрамил противника. Здесь же приводятся письма, в которых Кардано выпрашивал у Тартальи секрет решения и ответные письма Тартальи, который сначала упорствовал,

---

[24] Febure, Martin. Op. cit. S. 404.

а затем сообщил путь решения в виде стихотворения, потребовавшего, однако, дополнительных разъяснений со стороны автора. Условие, поставленное Тартальей и клятвенно подтвержденное Кардано, состояло в том, чтобы Кардано нигде и ничего не печатал об узнанном от Тартальи. Сыр-бор загорелся из-за того, что Кардано нарушил обещание, включив в свое сочинение "Великое искусство, или Об алгебраических правилах"(1545) решение кубического уравнения и найденное к тому времени его учеником Феррари – также решение уравнения четвертой степени. Естественно, что Тарталья в упомянутой выше книге, которая вышла годом позже, горько сетовал на вероломство Кардано, лишившего его права первой публикации (по первой публикации формула решения кубического уравнения и по сей день носит имя Кардано). После этого выступает на сцену Феррари, который на протяжении полутора лет (1547–1548) буквально засыпал Тарталью памфлетами-вызовами ("Cartello"), печатавшимися в Милане брошюрами по 8–12 страниц (одна лишь пятая по счету – достигла 56 страниц). В них – общим числом 6 – Феррари отыскивал ошибки у Тартальи и обвинял его в плагиате, в незнании латыни и греческого, отступлениях от Аристотелевой механики, вызывал на научные состязания. Тарталья печатал свои возражения в Венеции и Брешии, не оставлял без ответа ни один из вызовов, отвергал обвинения, предлагая противнику решить математические задачи из другой области (построения с помощью одного циркуля), настаивая, чтобы Кардано перестал прятаться за своего ученика. Интересно отметить, что эта перестрелка печатными памфлетами (которые, по-видимому, широко распространялись среди ученых) велась в очень быстром темпе. Например, первый вызов печатался в Милане 10/II 1547, а первое возражение – в Венеции уже 19/II 1547; последний вызов в Милане 14/VII 1548, соответствующее возражение – в Брешии 24/VII 1548. Как и всякий злободневный материал, брошюры эти плохо хранились. Когда в 1876 г. в Милане предпринима-

лась перепечатка всех этих брошюр, каждой из них насчитывалось лишь по нескольку экземпляров, уцелевших в немногих библиотеках Италии[25]. Научные соревнования, проводившиеся в Италии XVI в. с большой пышностью, включая такие аксессуары, как герольдов и знамена, позднее происходили и в странах более умеренного климата, где имели значительно более скромный и деловой характер. Непременным условием их была афиша, печатная или рукописная, возвещавшая о проблемах, которые надлежало разрешить, и о соответствующем награждении.

Перед одной из таких афиш на фламандском языке, расклеенной в 1619 г. на улицах Бреды, однажды остановился Декарт. Находившийся рядом голландский ученый Бекман с улыбкой перевел ему на латинский язык условие трудной математической задачи. Он не ожидал, конечно, что на другой же день молодой двадцатитрехлетний француз принесет ему полное решение проблемы. Впоследствии Декарт часто участвовал в научных соревнованиях и конкурсах.

Афиша использовалась и для первого оповещения о сделанном открытии и чтобы вызвать полемику. Блэз Паскаль использует простую афишу, напечатанную в весьма малом числе экземпляров, чтобы опубликовать в начале 1640 г. свои первые результаты по теории конических сечений, навеянные идеями Дезарга. Впрочем, афиша эта не только расклеивалась, но и посылалась; так 18/III 1640 г. Константин Гюйгенс извещал Декарта, что получил экземпляр для него[26]. Сам Дезарг опубликовал изложение важнейших результатов, предваряющих позднейшую проективную геометрию, в 1639 г. в виде тридцатистраничной брошюры тиражом в 50 экз. Единственный дошедший до нас экземпляр ее был обнаружен

[25] См.: I sei cartelli di matematica disfida... di Lodovico Ferrari coi sei controcartelli in risposta di Nicolò Tartalia... Milano, 1876.

[26] L'oeuvre scientifique de Pascal. Paris, 1964. P. 20.

в середине текущего столетия в Париже в Национальной библиотеке. Брошюры и афиши он использовал также для яростной полемики со строителями и архитекторами, работавшими по старинке и осуждавшими его новшества в перспективе, резке камней и гномонике. Так, только за 1642 г. он издает 3 афиши, о которых красноречиво говорят их начальные слова (сами афиши не дошли до нас): "Невероятная ошибка", "Искажения и ложь огромные...", "Возражение против доводов и средств оппозиции", и брошюру «Шесть ошибок на с. 87, 118, 124, 128, 132 и 134 книги, названной „Практическая перспектива..."». Противники отвечают ему тем же оружием. Например, один из них, камнерез по профессии, Кюрабель издает в 1644 г. афишу «Клеветнические измышления, содержащиеся в афише сьера Дезарга, лионезца, озаглавленной „Позор сьера Кюрабеля..."». Любопытно отметить, что большинство этих брошюр и афиш как самого Дезарга, так и его противников не дошли до нас ни в одном экземпляре. Отсюда можно заключить, что человек, доверивший свои мысли единственной рукописи, быть может, имел не меньше шансов передать эти мысли отдаленным потомкам, чем тот, кто облекал их в форму печатных изданий, самый внешний вид которых, независимо от их содержания, казалось, освобождал позднейших владельцев от заботы о сохранности этих маленьких, неряшливо отпечатанных тетрадок.

5. Научная переписка и журналы

"Научное письмо сравнительно поздно стало играть важную роль в научной литературе, и время его процветания простирается от больших дискуссий на рубеже XVI и XVII вв. до основания первых журналов и выхода регулярных академических отчетов", – пишет Л.Ольшки в "Истории научной литературы на новых язы-

ках"[27]. Именно в научной переписке вырабатывалась та сжатая целеустремленная и максимально насыщенная форма изложения, которая на долгое время определила особенности естественнонаучной или физико-математической статьи в научном журнале. И эта форма вряд ли могла почерпнуть что-либо новое и существенное из наследия эпистолярной литературы Возрождения, о которой упоминает Ольшки[28]. Гораздо большее значение для ее становления имела уже рассматриваемая нами выше практика использования для научных сообщений брошюр, и в особенности афиш и плакатов. Необходимость изложить мысли и факты точно, ясно и последовательно на малой площади и в короткий срок (афиши и брошюры печатались типографиями между делом), конечно, способствовала точности и ясности выражений[29].

Значение в развитии и организации научных исследований нового времени такого международного центра научной переписки, каким был М.Мерсенн (1588–1648), совмещавший в своем лице и академию и научный журнал, слишком хорошо известно, чтобы на этом следовало бы здесь останавливаться. Во второй половине XVII в. Генрих Ольденбург (1615(?)–1677) в Англии, Христиан Гюйгенс (1629–1695) во Франции, Эренфрид фон Чирнгауз (1651–1708) в Германии выступают в качестве продолжателей дела Мерсенна в новых условиях, когда уже функционируют научные журналы и академии и когда научная переписка, осуществляемая, как и при Мерсенне, путем изготовления и рассылки значительного числа копий таких писем ученых, которые непосредственно для печати не предназначались, все еще остается важным фактором научного прогресса.

---

[27] Ольшки Л. История научной литературы на новых языках. Т. 2. С. 198.

[28] Там же. С. 199.

[29] Сравните: Дома М. "Очерк истории научной жизни" в указанном выше издании Daumas.

Старейший научный журнал Европы "Газета ученых" ("Journal des Sçavants", первый номер вышел 5/I 1665 г. в Париже) сформирован по подобию газет общего типа, которые появились еще в начале века (с 1605 г.). Газеты эти, уделяя основное внимание событиям придворной жизни, политическим, военным и коммерческим, время от времени сообщали также новости из мира науки и литературы. "Газета ученых", а вслед за ней и другие научные журналы избирают новости науки и литературы своей основной и единственной специальностью. Однако, как мы увидим, они далеко не сразу приобретают тот характер и облик, который большинство математических и естественнонаучных журналов сохраняет в главных чертах последние 100–150 лет. Страницы "Газеты ученых" посвящаются преимущественно аннотациям и рецензиям на вновь выходящие книги. Все они даются анонимно; подразумевается, что их готовит редактор. Недаром в обращениях он называется "автором журнала". Библиографическая направленность первого научного журнала подчеркивается тем, что, например, содержание комплектов за 1669–1671 гг. и 1672–1674 гг. дается в виде "Каталога книг, о которых идет речь в журнале за такие-то годы". О тематике говорит, например, следующий перечень отделов (1672–1674), в последующие годы расширявшийся и уточнявшийся: теология, история, философия (подразумевается натуральная философия, т.е. физика), медицина, математика и астрономия, право, смесь (сюда входит и художественная литература). Начиная с 1675 г. библиографическая работа еще усиливается: в конце каждого года дается систематический указатель всех книг, вышедших из печати и во Франции и за ее пределами, сведения о которых дошли до журнала. Относительно скромное место занимают научные сообщения о проведенных наблюдениях или опытах, новых инструментах и изобретениях, доказанных теоремах. Некоторые из этих сообщений средактированы как письма или извлечения из писем к "автору журнала". Рядом с научными сообщениями попадаются и сооб-

щения о монстрах и чудесах – дань прочной газетной традиции. Все материалы "Газеты ученых" публикуются на французском языке.

"Газета ученых" послужила своего рода эталоном для других научных журналов. С 30 марта 1665 г. – в Лондоне начинают выходить на английском языке "Философские известия" ("Philosophical Transactions") раз в 8 дней и такими же тощими тетрадками формата 4°. Многие материалы из "Философских известий" представляют переводы или переложения французских материалов; воспроизводятся также таблицы и рисунки. Впрочем, вскоре и французский журнал начинает использовать английские материалы. Первым немецким научным журналом является "Медико-физическая любопытная смесь" ("Misalanea curiosa Medico-Physica"), неоднократно менявшая места своего издания (1670 – Лейпциг; 1671 – Иена; 1698 – Нюрнберг...). Этот, издававшийся на латинском языке, журнал, хотя и уступал по научному уровню своим старшим братьям, на первых же порах продемонстрировал свое собственное лицо: он полностью отказался от библиографических материалов, предоставив свои страницы одним только "наблюдениям" ("Observatio") из области медицины и естествознания.

Мы не ставим целью прослеживать здесь раннюю историю научных журналов. Упомянем еще только "Ученые деяния" ("Acta Eruditorum"), издававшиеся с 1682 г. в Лейпциге на латинском языке. По типу "Ученые деяния" близки к "Газете ученых" и, следовательно, к "Философским известиям". Цикл статей Лейбница, Иоганна и Якова Бернулли, печатавшихся с первого же года, определил высокое значение этого журнала в истории науки: именно здесь был последовательно разработан и развит тот алгоритм математического анализа, который обеспечил новому математическому методу повсеместное распространение, силу и гибкость. Отдавая должное первым научным журналам – этим своего рода инкунабулам, мы не можем не видеть их архаи-

ческие черты, которые они, в отличие от книг-инкунабулов, унаследовали не у рукописной, а у печатной традиции, а именно у газет. С этой точки зрения поучительно взять для сравнения издание, в котором уже явно выступают характерные черты научных журналов нового времени. В качестве примера приведем старейший русский научный журнал "Commentarii Academiae scientiarum Imperialis Petropolitanae", Petropoli (начиная с 1728). С самого начала он предстоит перед нами как периодическое издание, специально предназначенное для публикации научных статей, содержащих новые научные результаты вместе с развернутым их обоснованием. Все статьи разделены по классам: математика, физика, история, астрономия. На страницах журнала нет места ни для описаний необыкновенных происшествий, ни для рецензий книг самого разнообразного содержания и характера. Наконец, здесь и речи нет об "авторе журнала": "Commentarii" являются органом Петербургской Академии наук (напомним, что при своем возникновении и на протяжении долгого времени ни "Газета ученых", ни "Философские известия" не являлись официально органами соответствующих академий).

Правда, в одном отношении он представляет шаг назад по пути развития научной литературы: а именно, в отличие от "Газеты ученых" и "Философских известий", статьи печатаются здесь только на латинском языке. Известно, что руководители Академии предприняли попытку выпустить параллельное издание на русском языке. Однако оно не нашло достаточного числа заинтересованных читателей, хотя и было отпечатано всего в 232 экз., и остановилось на первой части.

Что касается традиции научного письма, о которой говорит Л.Ольшки, то она была усвоена далеко не сразу. Понадобились многие десятилетия, прежде чем основная и часто наиболее ценная часть научной переписки, в которой автор вводил своих корреспондентов в самую сущность своих замыслов, высказывал гипотезы, спорил и нападал, стала в возрастающей мере перерабатываться

в статью без определенного адресата и доверяться журналам, постепенно достигавшим необходимой степени зрелости. И все же сборники, содержащие научную переписку ученого, еще долгое время по своему объему, содержанию и научному весу продолжают включать в себя существенную часть его научного наследства, без учета которой одни лишь монографии и статьи, опубликованные в научных журналах, могут дать лишь неполное и не совершенное представление о его реальном месте в истории науки.

Заключение

Мы оставляем в стороне как предмет, требующий особого рассмотрения, обширный разряд рукописей научного содержания, связанный с педагогической деятельностью ученого, например записи курсов университетских лекций. Известно, что во второй половине прошлого века К.Вейерштрасс, которого Ш.Эрмит называл учителем всех современных ему математиков, упорно не давал согласия на публикацию своих весьма оригинальных и хорошо продуманных курсов лекций. Испытывая, таким образом, "принципиальное отвращение к типографской краске"[30], он противился также и литографскому их воспроизведению, разрешая только переписывание от руки. Можно, конечно, согласиться с тем, что столь поздний случай отказа от услуг печати является исключением в истории науки. Но возьмем случаи гораздо более распространенные, когда курсы лекций или научная монография не предназначались автором для печати, но литографировались, гектографировались, стеклографировались — словом, подвергались размножению посредством того или иного множительного аппарата. И, вообще, как быть с определением самого понятия: "Научная рукопись?" Ясно, что не следует настаивать на том,

[30] Выражение Ф.Клейна, см. его "Лекции о развитии математики в XIX в." (М.; Л., 1937. Ч. 1).

что она, рукопись, должна быть непременно написана гусиным или стальным пером, или, допуская скромную модернизацию, "автоматическим" пером или шариковой ручкой. По-видимому, давно уже примирились с тем, что текст, отпечатанный на пишущей машинке, – это тоже рукопись. Еще дальше уводят нас тексты, полученные с помощью разного рода множительных аппаратов, вплоть до ротапринта. Ну, а если, наконец, рукопись отпечатана классическим типографским путем, но снабжена кратким определением: "На правах рукописи"? Вероятно, главное и существенное в современной роли рукописи в науке – не в техническом способе ее овеществления, а в той степени самостоятельности, в которой отказывает ей автор, не считающий возможным поэтому напрочь перерезать материнскую пуповину и пустить свое детище свободно и независимо гулять по свету. Впрочем, ограничимся здесь тем, что отметим важную закономерность. Печатная книга и рукопись в историческом развитии науки сосуществовали не столько соперничая, сколько подкрепляя друг друга и обнаруживая чем ближе к нашему времени, тем явственнее тенденции к схождению (больше со стороны рукописи, чем книги). Симптоматично, что многие научные работники, задыхающиеся под пирамидами монографий и научных статей, начали мечтать о депозитариях, где каждый новый научный труд представлен одним единственным экземпляром (рукопись?), с которого в любой момент, по требованию, могут изготовляться копии в нужном числе с использованием соответствующей, весьма высокой множительной техники.

СЛОВО ОБ АЗБУКЕ

Когда речь заходит о людях Древней Руси, умудренных грамотой, воображение услужливо рисует нам фигуру монаха, истощенного постами и молитвами, склоненного

От азбуки Ивана Федорова до современного букваря. М., 1974.

над раскрытой книгой. Но почему же только монаха? Вспомним удальца и озорника Василия Буслаева, которого "мати родимая" в семилетнем возрасте отдавала

Учити его во грамоте;
А грамота ему в наук пошла;
Присадила его пером писать,
Письмо Василию в наук пошло.

И такое обучение не было чем-то исключительным в Новгороде. Когда тот же Василий захотел подобрать компанию удальцов, верующих, подобно ему, только "во свой червленый вяз", то он разослал по улицам и переулочкам "ярлыки скорописчатые". Грамотные молодые люди прочитывали их и спешили к нему на широкий двор.

Если читатель XIX в., впервые ознакомившийся с этим вариантом былины о Василии Буслаеве по"Древним российским стихотворениям" Кирши Данилова (1-е издание, 1804), мог еще сомневаться в широком распространении грамотности в древнем Новгороде, то в наше время, после открытия многочисленных берестяных грамот, авторы которых вкушали "чтение доброе", подобные сомнения отошли в область минувшего. Среди археологических находок есть и можжевеловые дощечки с изображением алфавита, и учебные тетрадки на бересте мальчика Онфима (XIII в. ?), содержащие не только буквы и подборы слогов, но и начальные фразы религиозных текстов, отрывок из делового документа, записи чисел и т.п. Вот почему нельзя сомневаться о том, что у "московитянина" Ивана Федорова, выпустившего в 1574 г. во Львове первую напечатанную кирилловскими буквами славянскую Азбуку (букварь), были предшественники – авторы и переписчики рукописных азбук. И все же за ним остается честь и слава первопроходца. Ведь первыми произведениями печатного станка на Руси были "Апостол", изданный Иваном Федоровым в 1564 г. в Москве, и несколько дофедоровских московских

изданий (среди них три Евангелия), а это все – торжественные, "святые" книги, предназначенные для церковных надобностей. Здесь же, в Азбуке Ивана Федорова, книгопечатное искусство впервые на территории нашей Родины ставилось на службу детям, ради их научения.

В Азбуке Федорова была воплощена древняя буквослагательная система обучения грамоте, унаследованная от греков и римлян и целиком основанная на заучивании наизусть. Сначала учитель заставлял детей запоминать внешний вид и названия букв, затем складывать из них и также заучивать отдельные слоги по схеме: буки–аз = ба; буки–рцы–аз = бра (аз, буки, рцы – названия букв а, б, р). Затем шло зазубривание грамматических терминов и чтение слов по слогам. Учащийся должен был, называя каждую букву, составлять новый слог и присоединять его к предыдущим слогам, которые держал в памяти: все слово воспроизводилось тогда, когда учащийся присоединял последний слог к ранее составленным. Например, чтение слова "благослови" происходило так: буки-люди-аз- = бла, глаголь–он = го = бла-го, слово-люди-он = сло = бла-го-сло, веди-иже = ви = бла-го-сло-ви.

Только после долгих и отупляющих упражнений, на что уходило иногда год или два, добирался учащийся до связного чтения (и письма). Иван Федоров был передовым человеком своего времени, однако все, что он мог сделать, готовя к печати свои Азбуки, – это последовательно изложить то, что было необходимым для традиционного обучения грамоте.

Но Ивану Федорову принадлежит самый выбор и расположение учебных материалов, в том числе молитв и притч для первого чтения. Он включает в азбуку примеры спряжения глаголов, начинающихся на разные буквы алфавита, и на примере глагола бити (выбор, вероятно, связанный с ролью битья, наказания в обучении) показывает формы страдательного залога. В послесловии он отметил свою роль составителя: "Еже писах вам, не от себе, но от божественных апостол и богоносных

святых отец учения, преподобного отца нашего Иоанна Дамаскина, от грамматики мало нечто ради скорого младенческаго научения".

Византийский проповедник и поэт Иоанн Дамаскин (ок. 675 – до 753 г.) назван здесь как автор грамматического труда, известного русским книжникам в переводе с греческого (скорее всего, с XV в.) под названием "О осми частях слова". Следующий за алфавитом и подбором слогов отдел книги Ивана Федорова так и называется: "А сия азбука от книги осмочастныя, сиречь грамматики".

По сути дела, система обучения грамоте, предлагавшаяся через двести с лишком лет после Ивана Федорова для народных училищ Российской Империи[1], недалеко ушла от федоровского прототипа. И уж, во всяком случае, этому прототипу следовали многие печатные и рукописные азбуки и буквари, созданные в XVII столетии.

Букварь 1574 г. уцелел только в одном, правда, прекрасно сохранившемся экземпляре, находящемся ныне за океаном, в библиотеке Гарвардского университета (США). Попал он туда из парижского собрания С.П.Дягилева, одного из создателей объединения "Мир искусства" и организатора зарубежной труппы "Русский балет", после смерти владельца. В нашей стране до сих пор не обнаружено не только ни одной целой книжки первого печатного славянского букваря, но даже ни одного листочка из него (а всего этих листов 40)[2]. Добавим, что у нас нет также и ни одного экземпляра Азбуки, изданной И.Федоровым четырьмя годами позже (Острог, 1578). В конце этой Азбуки он впервые опубликовал замечательный памятник славянской литературы "Сказание, како состави святый Кирилл философ азбуку по языку

---

[1] См.: Руководство учителям первого и второго класса народных училищ... . Спб., 1783.

[2] В 1974 г. издательство "Просвещение" воспроизвело полный текст "Азбуки" Ивана Федорова (1574 г.).

словенску, и книги преведе от греческих на словеньский язык", созданный в IX в. Черноризцем Храбром. Во всем мире известны пока два экземпляра этой книги: один в ГДР, в библиотеке города Готы, и, по-видимому, еще один (неполный), в Копенгагенской Королевской библиотеке.

"Как же произошло, – может спросить удивленный читатель, – что такие реликвии попали на чужбину?"[3] Что ответить на это?

Задумывались ли вы, читатель, что некоторым книгам написано на роду, сослужив свою службу, погибнуть? Такова судьба старинных печатных календарей, из которых сохранились немногие и то лишь потому, что их чистые листы (а они нередко вплетались туда издателями или владельцами) были использованы для всякого рода памятных записей; такова же судьба азбук и букварей. Эти скромные и обычно дешевые книжки поступали в детские руки и, выполнив свою нелегкую службу, испачканные и исчерканные, выбрасывались как ненужный бумажный хлам. Чтобы букварь "выжил" и сохранился до наших дней, нужны были особые обстоятельства. Именно такие обстоятельства и выпали на долю федоровских букварей. Очень рано (в конце XVI в.) отдельные экземпляры их, минуя детей, попадали к любознательным иностранцам, пожелавшим закрепить или пополнить свое знакомство с русским языком, и были вывезены за границу (букварь 1574 г. – в Италию, буквари 1578 г. – в Германию и Данию), где их тщательно сберегали в течение веков как редкие "восточные" книги.

Из четырех веков существования русских печатных

---

[3] За рубежом хранятся еще, по крайней мере, три славянские печатные (недатированные) азбуки, относимые открывшими их исследователями к XVI в. Экземпляры азбук из библиотек Оксфорда и Кембриджа описаны Симонсом и Барникоттом, фрагмент азбуки из национальной Библиотеки Кирилла и Мефодия в Софии – П.Атаносовым. Все эти азбуки связываются указанными авторами с федоровскими букварями.

учебников первая треть почти исключительно приходится на азбуки и грамматики; это был своего рода букварно-грамматический период в истории нашего учебника. Конечно, буквари и грамматики продолжали обильно издаваться и после, но рядом с ними (с начала XVIII в.) стали выходить учебники по математике, географии, физике, истории и другим учебным предметам. Пожалуй, после федоровских Азбук 1574 и 1578 гг. самой заметной вехой, отмечающей конец букварно-грамматического периода, был иллюстрированный букварь Кариона Истомина, полностью гравированный Леонтием Буниным (1-е издание, Москва, 1694; 2-е издание, там же, 1717 (?)).

Букварь Кариона Истомина освобождается от своего традиционного спутника – набора религиозных текстов. Листы букваря украшены изображениями людей, животных и растений, построек, предметов труда и быта, раскрытой арифметики, "звездозаконника" (точный перевод слова "астроном") со зрительной трубой, "историографа", держащего в руках раскрытую книгу и чернильницу. "Да что видит (учащийся. – *А.М.*), сие и назовет", – разъясняет автор в предисловии свой педагогический прием. Названия изображенных предметов включены в нехитрые вирши, дающие первый материал для чтения. Учебник знакомит учащегося не с одной лишь русской, но и с латинской, греческой и даже польской азбуками. Наконец, предназначался он составителем не только отрокам, но и отроковицам, не только мужам, но и женам, "имущим учитися... писати".

Букварь Истомина предваряет новый период в истории русского печатного учебника, открывающийся Петровскими реформами первой четверти XVIII в.

Любопытно отметить, что в предисловии к рукописному, более пространному тексту букваря, предназначавшемуся для обучения Алексея Петровича (сына Петра I), Карион Истомин высказал мысль, которую не решился воспроизвести в печатном букваре. Он писал, что цель обучения грамоте – "учитися бо читати божест-

венные книги и гражданских обычаев и дел правных, и тыя писати"[4]. Дело в том, что до этой поры букварь рассматривался исключительно как ступенька, средство к познанию "божественных" книг. Так, например, в распространеннейшем Букваре В.Бурцова (1-е издание, Москва, 1634) за предисловием и вводными виршами следовал заголовок: "Начальное учение человеком, хотящим разумети божественного писания". А тут, у Истомина, в один ряд с чтением "божественного писания" ставились и чисто мирские, гражданские цели.

Известно, что печатная продукция Московского государства в XVII в., за единичными исключениями, была посвящена одной лишь религиозной тематике. Поэтому тем грамотеям, которые захотели бы ограничить круг чтения только печатными книгами, просто нечего было читать о "гражданских обычаях", кроме, быть может, "Уложения" царя Алексея Михайловича (Москва, 1649) и переводной книги фон Бальхаузена "Учение и хитрость ратного строя пехотных людей" (Москва, 1647). Однако, как ни затаскано сравнение с айсбергом, 9/10 которого таится под поверхностью океана, мы все же используем его здесь еще раз. Печатную книгу по ее распространению в русском обществе XVII в., а еще в большей мере — по ее содержанию можно уподобить надводной части айсберга.

Рукописная же книга, не контролируемая, но и не преследуемая правительством, способна была удовлетворить самые разнообразные запросы читателей. Здесь были представлены повести и рассказы, басни и сказки, описания путешествий, сочинения по математике, астрономии, естествознанию, медицине, географии, истории, по вопросам сельского хозяйства, ремесел, военного дела, права, философии, языкознания. За азбукой или букварем для овладевших навыками чтения вовсе не обязательно должны были следовать такие освященные

---

[4]Приведено в книге С.Н.Брайловского "Один из пестрых XVII столетия" (Спб., 1902. С. 293).

традицией книги, как "Часослов" (сборник молитв) и "Апостол", но шло множество других (рукописных!) книг, удовлетворявших растущую любознательность читателя того времени, расширявших его кругозор и позволявших заполнять часы досуга. Об этом, в частности, свидетельствуют некоторые рукопиные Азбуки XVII в. Например, в рукописную Азбуку времен царя Михаила Федоровича (1643) включены образцы деловых бумаг, формы частных писем, приведены притчи светского содержания (об Аристотеле, о царе индийском). В другую, более позднюю рукописную Азбуку (1667) в качестве материала для чтения после букваря включена обширная повесть об Александре Македонском. Во второй части той же азбуки содержатся изречения, советы, поговорки, вопросы и ответы, формы деловых бумаг ("память" приставу, челобитная, заемная кабала). Повесть об Александре Македонском в более краткой редакции приводится и в рукописной азбуке 1677 г.

В таком составе эти азбуки примыкали к так называемым азбуковникам – древнейшим русским энциклопедическим рукописным сборникам. Азбуковники первоначально, в XIII–XVI вв., сводились к алфавитному перечню встречающихся в религиозных текстах иноязычных и вообще непонятных слов, вместе с их толкованиями. Позднее (XVII–XVIII вв.) они представляли соединение азбуки (со слогами и прописями) с подбором разнообразных сведений энциклопедического характера, преимущественно по всеобщей и русской истории, а также о животных, растениях, минералах и явлениях природы. Большое распространение азбуковников (известно более 200 рукописей XIII–XVIII вв.) объясняется естественным желанием человека, только что научившегося читать, тут же применить свое умение для приобретения разнообразных интересных и полезных сведений. И он искал их в той же азбуке, которой во многих случаях суждено было оставаться первой и единственной книгой домашней библиотеки.

Неудивительно поэтому, что и в более позднее время,

когда, по свидетельству Н.А.Некрасова, мужику на базаре в качестве духовной пищи предлагались только "Шут Балакирев" и "Милорд глупый", авторы азбук и букварей, предназначенных для просвещения народа, крестьян, в противовес этому старались превращать их, свои скромные книжечки, в своеобразные энциклопедии и в то же время – в литературные антологии, подбирая соответствующие материалы и статьи для первого чтения. Таковы составившие эпоху в истории русского учебника "Родное слово" для детей младшего возраста К.Д.Ушинского (1-е издание, Петербург, 1864) и "Азбука" Л.Н.Толстого (Петербург, 1872). Особое место среди букварей этого времени занимает запрещенный цензурой "Самоучитель для начинающих обучаться грамоте" (Петербург, 1865). Автор его Иван Александрович Худяков (1842–1876) "стремился поставить фольклор на службу революции"[5]. Об этом убедительно свидетельствует подбор пословиц и поговорок, приводимых им в качестве материала для чтения после изучения азбуки: "До бога высоко, до царя далеко"; "Князья в платье, будет платье и на нашей братье"; "Работнику копейка, а подрядчику рубль"; "Терпит брага долго, а через край пойдет, не уймешь" и др. Когда автор был уже в ссылке (где он сошел с ума и умер в больнице), вышло новое издание его самоучителя, но под другим названием – "Жизнь природы и человека. Рассказы для начинающих учиться грамоте". Хотя на титуле было указано, что книга вышла в Петербурге, на самом же деле ее печатали в Женеве для нелегального распространения в России.

Однако революционная направленность азбуки Худякова была редчайшим исключением среди учебников царской России. Даже лучшие из предназначавшихся для народных училищ азбук, следовавших по пути, проложенному Ушинским: "Азбука и уроки чтения" Н.Ф.Бунакова (1871), "Русский букварь для обучения письму

---

[5] См. Азадовский М.К. История русской фольклористики. М., 1963. Т. 2. С. 117 и след.

и чтению русскому и церковно-славянскому" В.П.Вахтерова (1893), – не выходили из круга идей либерального народничества. Впрочем, чисто просветительская деятельность авторов этих прославленных учебников все же сильно не нравилась царскому правительству. Н.Ф.Бунаков после ареста в 1902г. был лишен права заниматься педагогической деятельностью. В.П.Вахтерова арестовали в 1903 г. по обвинению в антиправительственной деятельности в школе и среди рабочих и выслали из Москвы в Новгородскую губернию.

Лишь после Великой Октябрьской социалистической революции на страницах букварей, издававшихся огромными тиражами, смогли по праву занять первое место звонкие и гордые слова: "Мы не рабы! Рабы не мы!"[6]

Советские буквари с первых лет существования ставили благородную задачу воспитания нового человека.

26 декабря 1919 г. В.И.Ленин подписал декрет "О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР". Миллионы рабочих и крестьян сели за буквари. В.И.Ленин, выступая на II Всероссийском съезде политпросветов, говорил: "Задача подъема культуры – одна из самых очередных... Нам нужно громадное повышение культуры. Надо, чтобы человек на деле пользовался уменьем читать и писать, чтобы он имел что читать..."[7]

В представлении современного ребенка букварь неотделим от картинок. Но и сто лет назад буквари, продававшиеся по деревням некрасовским "дядюшкой Яковом", – это также "книжки с картинками, писаны четко". Картинки в учебнике как существенная часть его содержания, обеспечивающая наглядность в обучении, впервые встречаются в "Букваре" Кариона Истомина. Мы не касаемся здесь роскошных рукописей, известных под названием "потешных" книг и предназначенных для царских детей. В этих рукописях иллюст-

---

[6] Элькина Д.Ю. Долой неграмотность: Букварь для взрослых. М., 1924.

[7] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 169, 170.

рации служили, главным образом, для украшения и развлечения.

Систематическое использование иллюстраций в учебных целях законно связывается с именем чешского педагога Яна Амоса Коменского. Его книга "Мир чувственных вещей в картинках" начала с 1658 г. триумфальное шествие по странам Западной Европы. Однако можно привести и более ранние примеры использования картинок для обучения. Мы ограничимся только одним. Французский поэт XVII в. Жан Демаре (1595–1676) еще в 1644 г. получил королевскую привилегию на выпуск серии иллюстрированных книжек, посвященных обучению детей истории, мифологии и географии. Целиком гравированные страницы каждой из них должны были восприниматься юными читателями как игральные карты. На них изображались французские короли, прославленные в истории женщины, "очеловеченные" страны света и государства, в соответствующих костюмах. Каждая "карта" содержала пояснительный текст. "Московии" посвящался, например, туз пик с изображением женщины в условно-славянской одежде, держащей в одной руке щит, а в другой копье. Из подписи можно было узнать, что это "великая империя, граничащая с Ледовитым океаном, под властью великого князя или императора Московии".

Некоторые из иллюстрированных русских азбук прошлого являются настоящими художественными альбомами. Такова, например, иллюстрированная художником В.Тиммом "Великолепная русская азбука. Подарок для добрых детей". Ее страницы украшены декоративными рамками, вмещающими превосходные рисунки, преимущественно на темы русского быта. Но эта азбука стоила дорого, и крестьянские дети могли увидеть ее лишь случайно, в барских покоях. Нужно сказать, что художники нередко пользовались формой азбуки только для того, чтобы объединить и расположить в определенном порядке сюиту своих рисунков. Учебные цели при этом, конечно, забывались. Такова, например,

знаменитая серия патриотических карикатур Теребенева "Подарок детям в память 1812 г." (1814), где эпизоды Отечественной войны сопровождены пояснительными двустишиями, а картинки расположены по алфавиту первых букв этих же стихов. Например, на картинке с буквой Д изображены сильно потрепанные французские солдаты, покидающие Москву. Надпись гласит: "Домой пора! Марш! Марш! Довольно погостили. Без носу, рук и ног в чепцах нас отпустили".

Композиционными возможностями азбуки пользовались и художники А.Бенуа – "Азбука в картинках", Г.Нарбут – "Украинская азбука", в советское время Т.Маврина – "Сказочная азбука".

Азбуки, по которым сегодня учатся наши дети, отражают в себе достижения передовой советской педагогической науки, громадный опыт советских учителей, творческие находки писателей и художников, новую советскую полиграфию. "Букварь" (М.: Просвещение, 1965) составлен Н.Архангельской, Е.Карлсен, А.Кеменевой, С.Худак; консультанты С.Михалков и В.Серов; принимали участие писатели С.Прокофьев, Г.Сапгир. Оформляли "Букварь" замечательные советские художники: А.Каневский, А.Пахомов, А.Пластов, Е.Рачев, Е.Чарушин и др. С целью подготовки детей шестилетнего возраста к школе мастерами-ветеранами букварного дела А.И.Воскресенской, С.П.Редозубовым, А.В.Янковской-Байдиной создана веселая праздничная азбука.

Многие ли из нас сохранили если не самый букварь, по которому выучились читать, то хотя бы воспоминания о нем? Впрочем, мы уже говорили, что из старых букварей выжили лишь отдельные экземпляры и то благодаря исключительным обстоятельствам. Быть может, наше чисто потребительское отношение к этим заслуженнейшим из книг можно в какой-то мере уподобить отношению к воздуху, которым мы дышим, воде, которую пьем, и земле, по которой ходим? Если так, то это заставляет нас еще выше оценить значение букваря и подумать об изменении отношения к нему, подобно тому, как мы

уже начали менять отношение к природным богатствам.

Букварь, по которому сегодня учится ребенок, мог бы стать потом, когда ребенок вырастет и обзаведется семьей, заветной книжкой, семейной реликвией для его детей, внуков и правнуков. Пока же букварь быстро приводится в крайне жалкое состояние и выбрасывается. К счастью, неблагодарность отдельных людей возмещается, хотя бы частично, коллективным разумом, нашим обществом, нашим государством. Поэтому-то крупнейшие библиотеки страны хранят экземпляры старых букварей наравне с другими ценнейшими книгами былых времен, а вся страна в целом ныне отмечает четыреста лет первого печатного букваря как свой большой культурный праздник!

РАЗМЫШЛЕНИЯ О СУДЬБАХ УЧЕБНИКА

1. Из ранней истории учебника

Жанр учебника – это один из древнейших книжных жанров. Среди сохранившихся в виде глиняных дощечек шумерских учебных текстов (а это школьные тетради и стабильные учебники в одно и то же время) иные имеют возраст около 4,5 тысяч лет. К числу замечательных письменных памятников народов СССР относится арифметический задачник вардапета (учителя) Анании Ширакаци (VII в.). Вот, например, одна из его задач: "В Мармете в реке Ерасхе поймали сома; я взвесил его и оказалось, что голова его составляла четвертую часть всего веса и хвост шестую часть, а туловище весило сто сорок литров (здесь литр – римский фунт, около 324 г. – *А.М.*). Итак, узнай, сколько всего литров он весил". Не правда ли, она выглядит совсем молодо

Вступительная статья к книге: Проблемы школьного учебника. М., 1974.

для своего возраста в 13 веков? Латинская грамматика Элия Доната (IV в.) служила учебником до середины XVI в., т.е. также добрых 12 веков. Она удостоилась чести быть одним из самых первых произведений гутенберговского станка (40-е годы XV в.). Но если говорить о долговечной службе учебника, то ничто не сравнится с "Началами" Евклида (ок. 300 г. до н.э.). Еще в конце прошлого века, т.е. через 22 века после написания, английский перевод этой книги (вернее, первых 6 книг "Начал") служил учебником геометрии для английских школьников. С начала книгопечатания до конца XIX в. библиографы насчитывают 2500 изданий "Начал" в разных странах мира!

1974 г. – памятная дата в истории русского печатного учебника. Ровно четыре века назад, в 1574 г., в г. Львове русский первопечатник Иван Федоров выпустил свою Азбуку; в послесловии он характеризует эту книгу как "от грамматики мало, нечто, ради скорого младенческого научения". За ней пошли и другие печатные буквари и грамматики. Из четырех веков существования русских печатных учебников первая треть приходится почти исключительно на учебники этого назначения: своего рода "букварно-грамматическая эра"[1]. Петр I, озабоченный развитием в стране не только традиционного грамматического образования, но и математического и технического, обращает сначала свои взоры на Запад, полагая, что новые учебники для русской школы могут быть созданы вдали от России, в Голландии. Но несмотря на все старания предприимчивого дилетанта Ильи Копиевского, Амстердамские учебники в России не привились – они были слишком бессистемными и поверхностными. Первым учебником нового типа, широко и с толком использующим источники, основательным и доступным, местами занимательным, соединяющим теоретические сведения с практическими применениями, удовлетворяющим научным, педагогическим и вы-

[1] Подробно о таких учебниках рассказано в "Слове об азбуке" на с. 426 – 438 настоящей книги.

соким полиграфическим и эстетическим требованиям, явилась "Арифметика" Леонтия Магницкого, отпечатанная в 1703 г. в Москве. Хотя шрифт ее еще старый – кирилловский, – но цифры уже новые – арабские.

Огромное влияние на развитие просвещения в России оказали учреждения Академии наук (1724), академической гимназии (1727) и Московского университета (1755). Первое место в связи со всей этой деятельностью бесспорно принадлежит М.В.Ломоносову. В "Вольфианской экспериментальной физике" (Спб., 1746) – первом учебнике физики на русском языке – он довольствуется еще скромной ролью переводчика. Однако небольшое предисловие Ломоносова к этой книге – своего рода манифест передовой науки и просвещения в России. Здесь дается не только глубокая оценка достижений мировой науки, начиная с Декарта, который "ученых людей ободрил против Аристотеля, против себя самого и против прочих философов в праве спорить, и тем самым открыл дорогу к вольному философствованию и к вящему наук приращению", не только высказывается убеждение в первостепенном значении экспериментального метода в развитии науки, но и отмечается проделанная самим переводчиком работа по созданию основ русской естественнонаучной терминологии, приисканию "слов для наименования некоторых физических инструментов, действий и натуральных вещей, которые... со временем через употребление знакомее будут", и, наконец, выражается сердечное пожелание, "чтобы по мере обширного сего государства высокие науки в нем распространились, и чтобы в сынах российских к оным охота и ревность равномерно умножалась". Ломоносов создает затем один за другим труды, в которых его глубокие творческие достижения изложены столь ясно, последовательно и доступно, что они, без какой-либо дополнительной переработки, сразу же становятся учебниками. Это – "Краткое руководство к красноречию" (Спб., 1748), представлявшее курс общей теории литературы, положения которого иллюстрировались образцами оригинальной и переводной

поэзии и прозы, и, в особенности, "Российская грамматика" (Спб., 1755) – первая подлинно научная грамматика русского (а не церковно-славянского) языка, ставшая родоначальницей всех последующих грамматик и вместе с тем одним из самых распространенных учебников. Наконец, Ломоносову принадлежит и конспективное пособие по русской истории "Краткий российский летописец с родословием" (Спб., 1760), предварявший, оставшуюся неоконченной за смертью автора, пространную историю российского народа, с особым вниманием к тем древним, темным и трудным ее частям, которые служили почвой для измышлений немецких коллег Ломоносова – Байера и Миллера.

К числу выдающихся учебных руководств, созданных в России в XVIII в. и оказавших глубокое влияние на мировую учебную литературу, относятся учебники современника Ломоносова – Л.Эйлера: "Руководство к арифметике для употребления гимназии при Имп. Академии наук..." (Спб., 1740. Ч. I) и "Универсальная арифметика" (1768–1769. Т. 1–2). Последняя являлась руководством по алгебре, многократно переиздававшимся и переводившимся на другие языки. Отбор, расположение и способ изложения материала в этой книге определили характер курса алгебры более чем на столетие.

Строго говоря, эйлеровские "Письма к немецкой принцессе" ("Письма о разных физических и философических материях, писанные к некоторой немецкой принцессе" (1768–1774. Ч. 1–2)) не являются учебником. Это скорее что-то вроде позднейших гимназий или университетов на дому. Все же мы полагаем, что в истории учебника нельзя пройти мимо этого замечательного произведения, где с поразительным педагогическим мастерством творец науки говорит удивительно просто и интересно, целомудренно избегая внешней занимательности, о самых сложных вопросах современной науки и философии, раскрывая перед читателем научные методы, заставляя размышлять вместе с автором, не требуя ничего брать на веру или стараться запомнить наи-

зусть. Анализ эйлеровского мастерства поучителен и для наших дней, когда, более чем в какое-либо другое время, так важно, чтобы образование двигалось рука об руку с наукой.

Здесь уместно отметить, что учебники, создаваемые творцами науки, почти всегда оказывались нацеленными в будущее. В какой-то мере это применимо и по отношению к более или менее рядовым авторам, когда они волей судеб пишут учебники для такой школы, потребность в которой ощущается передовой мыслью, но которая не имеет еще серьезной основы в действительности. Словом, развитие учебника, относительно подвижного, иногда опережает развитие школы, обладающей несравненно большей инерцией. Разительную иллюстрацию к сказанному представляет деятельность Комиссии об учреждениях народных училищ (1782–1802), протекавшая в весьма сложных исторических условиях. Создание новой системы учебников от букваря до начал высшей математики – дело дотоле невиданное – фактически заняло первое место в работе Комиссии, душой которой являлся последователь Коменского, Янкович де Мириево. За сравнительно короткий срок были написаны вновь или переведены и переработаны применительно к русским условиям того времени и изданы более или менее единообразно, в одном формате (in 8°), не только такие элементарные учебники, как "священная" история, российский букварь, руководство к чистописанию, грамматика, арифметика, но и учебники иностранных языков в двух вариантах: лат., рус., нем.; фр., рус., лат. (переработка знаменитого учебника Коменского "Мир чувственных вещей в картинках"), учебники русской и всеобщей истории, географии России и географии всеобщей, геометрии, математической географии, естественной истории, механики, физики, минералогии, архитектуры, отдельно издана книга для чтения "О должностях человека и гражданина", где дух домостроя причудливо сочетается с веяниями просветительской философии, краткое описание нравов и обычаев

Древнего Рима, перевод сочинения И.Г.Ламберта "О системе мира" и, наконец, "Сокращение высшей математики" П.Гиляровского. Конечно, последнее предназначалось для обучения будущих учителей.

И хотя здесь нет места для подробностей, мы все же приведем только мысль из предисловия к переводному "Краткому руководству к физике" (Спб., 1783), характерную для общего направления ряда учебников Комиссии: "Она (физика. – *А.М.*) освобождает нас от суеверий, заблуждений, страха и ужаса, происходящих от ложного о вещах понятия". Нельзя подходить с современной меркой к работе Комиссии, действовавшей в стране, где подавляющее большинство населения изнывало тогда в рабстве, нищете, невежестве. И все же нельзя не признать, что именно Комиссия об учреждении народных училищ наглядно показала, каких значительных результатов можно добиться, если создавать учебники организованно, в продуманной системе, охватывающей все предметы и на всех ступенях обучения, системе, основанной на определенных педагогических принципах и выдвигаемых перед обучением целях, при условии, что вся работа проводится группой единомышленников, выбирающей авторов как в своей стране, так и за ее пределами, а также включающей переводчиков, редакторов, иллюстраторов, издателей и руководящей всеми ими. Этот опыт далекого прошлого, если как следует в него вдуматься, имеет значение и для будущих судеб учебника.

2. Попытка заглянуть вперед

В течение довольно продолжительного времени советские школьники изучали математику по учебникам Киселева, Рыбкина, Шапошникова и Вальцева, впервые увидевшим свет в конце прошлого столетия. Конечно, за свою долгую жизнь учебники эти не оставались без перемен; в них вносились исправления и изменения, их приспосаб-

ливали к новым программам. И все же дело от этого существенно не менялось: они отражали состояние математического преподавания примерно полувековой давности. Можно утверждать с уверенностью, что эти книги — последние представители того почтенного рода учебников-долгожителей, во главе которого в качестве патриарха стоят "Начала" Евклида. Ныне быстрое развитие науки, техники, культуры, вынуждающее образование поспешать за ними, приводит к сокращению "века" каждого отдельно взятого учебника, какими бы достоинствами он ни обладал. Однако было бы ошибочно представлять себе учебник близкого будущего как своего рода поденку, жизнь которой исчисляется немногими днями! Журнал "Учебно-педагогическая книга", печатавший в первых номерах призывы к созданию журнала-учебника, газеты-учебника, сам оказался поденкой; он прожил только 1,5 года (1931–1932).

На самом деле обеспечение учебно-воспитательной работы учебниками, пособиями и техническими средствами обучения в громадных масштабах Советского Союза предполагает известную устойчивость, стабильность в учебном процессе. Дидактические пособия, требующие немалых затрат, должны быть рассчитаны на определенный срок службы, в течение которого и содержание и методы не должны существенно меняться. Разумная устойчивость необходима и для успешности обучения. Но условие стабильности находится в кажущемся противоречии с условием изменчивости учебного процесса, которое нельзя отбросить, потому что школа не должна отставать от жизни, от требований научно-технического прогресса. Не слышим ли мы часто, даже, быть может, слишком часто, что каждые десять лет (иные говорят даже, что восемь или шесть) объем человеческих знаний удваивается. Как поспеть за этим десятилетней школе? Не должны ли мы подобно некоему древнему философу опустить руки и только шевелить пальцами, выражая этим, что все, мол, течет? Реальный выход из противоречия основан на том неопровержи-

мом факте, что, хотя научные журналы и монографии, если оценивать их объем по числу страниц, действительно, приводят специалистов в некоторых областях знаний, например в химии, к выводам об удвоении знаний за сравнительно короткий срок, все же объем и содержание общеобразовательных знаний, необходимых каждому члену общества, независимо от его специальности, отнюдь не возрастает в такой же прогрессии. Точнее говоря, в содержании общего, нужного для всех образования, так же как и в содержании почти каждого учебного предмета, можно выделить основную, относительно массивную, устойчивую, во всяком случае, весьма медленно меняющуюся часть – назовем ее ядром, и другую, с гораздо меньшей массой и плотностью, размазанную по своего рода оболочке, где и происходят все важнейшие текущие изменения. Из нее, из этой оболочки, недавно поступившие идеи, понятия и факты могут потом приобщиться к ядру, вытеснив из него при этом нечто устаревшее или потерявшее свое значение, или же, сыграв свою эфемерную роль, совсем исчезнуть из оболочки, не задевая ядра. Эта модель структуры учебного предмета может быть детально проиллюстрирована на примерах родного и иностранного языка, математики, физики, химии, истории и других дисциплин, составляющих школьный курс. Если принять эту концепцию, то из нее вытекают важные сведения и для методов и для средств обучения. В самом деле, ядерный материал должен усваиваться прочно и надолго, для него необходима особая система закрепления знаний и умений и соответствующие пособия, рассчитанные на сравнительно долгую службу. Для того же, что относится к оболочке, как правило, требуется лишь достаточное осмысление, ориентировка, общее представление; здесь пособия могут меняться быстрее, чтобы не отстать от научно-технического прогресса.

Что следует из сказанного для учебника ближайшего будущего? Быть может, то, что нужно научиться строить учебник из двух неравных по объему, значению и

техническому выполнению частей: основной, стабильной, призванной служить школе достаточно долго, скажем, 5–10–15 лет, и другой, меньшей, сменной части, листы которой по мере необходимости могут извлекаться из книги и заменяться новыми.

Чем больше мы отдаем себе отчет в той ответственнейшей и сложнейшей роли, которую играет учебник в деле обучения и воспитания молодого поколения, тем яснее становится, что к созданию каждого нового учебника в будущем нужно подходить как к комплексной проблеме. Здесь должны быть обеспечены система и вытекающая из нее глубоко продуманная организация деятельности многих связанных между собой людей и основательный расчет.

Все учебные средства, включая учебник, должны взаимодействовать как части хорошо слаженной машины. Системы учебных средств для каждой отдельной дисциплины должны вписываться в системы многих учебных дисциплин, что требует учета межпредметных связей разного порядка, более близких и более далеких, и, наконец, соблюдения единства содержания и направленности всего среднего образования, обеспечивающего воспитание всесторонне образованного, коммунистически убежденного человека.

Выражаясь образно, каждый учебник входит в своего рода солнечную систему средств обучения, тяготеющую к своему солнцу – языку, литературе, истории, физике, биологии, все эти системы образуют в свою очередь единство высшего порядка, галактику, она же – сложный и все же единый и цельный духовный мир строителя коммунистического общества. Сколько нужно еще трудиться нам, педагогам и ученым всех областей науки, художникам, кинематографистам и фотографам, представителям всех областей учебной техники сегодняшнего дня, чтобы создаваемые нами учебники точно соответствовали всем сложнейшим условиям, которые предъявляет нам требовательный заказчик – советская школа!

Важно добиться настолько продуманной организации этого дела, чтобы способные, знающие и увлеченные люди, привлекаемые к непосредственной работе над учебником, могли определенно рассчитывать на успех. И вот тут мы сталкиваемся еще с одной важной проблемой, которую можно назвать "проблемой Агафьи Тихоновны". Помните "Женитьбу" Гоголя: "Если бы губы Никанора Ивановича приставить к носу Ивана Кузьмича, да взять сколько-нибудь развязности, как у Балтазара Балтазарыча, пожалуй, прибавить к этому еще дородности Ивана Павловича – я бы тогда тотчас же решилась". Здесь Агафья Тихоновна, совсем в науках не искушенная, построила блестящую модель тех ситуаций, которые почти неизменно возникают на конкурсах учебников. Перед умственным взором жюри рисуется почти идеальный образ, образ учебника, но так как губы Никанора Ивановича нельзя приставить к носу Ивана Кузьмича, то и приходится довольствоваться только одним из претендентов, по необходимости мирясь со многими его недостатками. Но, позвольте, а почему же, собственно, нельзя? Почему нельзя в высших интересах школы и государства прежде всего щедро компенсировать отдельных авторов или коллективы авторов, сумевших частично решить проблему создания нового учебника, может быть, наградить их медалями, а затем объединить представителей этих коллективов вместе с их материалами, ставшими уже достоянием государства, в единый отряд конструкторов нового учебника, в котором рядом с ними будут работать, если это нужно, писатели, художники, фотографы, специалисты по техническим средствам обучения, консультанты-гигиенисты, психологи, полиграфисты?

Алексей Иванович Маркушевич
ЖИЗНЬ СРЕДИ КНИГ

Редактор
М.Я.Фильштейн
Художественный редактор
Н.Р.Синева
Технический редактор
В.Л.Юняев
Корректор
Л.В.Петрова
Операторы
Т.А.Баранова
Н.Е.Монахова
Т.Г.Никонович

Сдано в набор 26.10.88. Подписано в печать 22.02.89. Формат 70Х100/32. Бумага офс.№1. Гарнитура Пресс-Роман. Печать офсетная. Усл.печ.л. 18,20. Усл.кр.-отт. 36,73. Уч.-изд.л. 21,39. Тираж 20 000 экз. Изд. № 4745. Заказ № 1700. Цена 1 р. 10 к.

Издательство "Книга"
125047, Москва, ул.Горького, 50.

Набрано на композере издательства "Книга".
Отпечатано в Московской типографии № 4
Союзполиграфпрома при Государственном
комитете СССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли.
129041, Москва, ул. Б.Переяславская, 46.

EXIC

THEMATIC

HOC EST

omnium ad vniuersam plat

quo modo, directè, vel in

spectantium,

ECTIO, ET EXPL

erminorum, præsertim exoticorum

ationem, atque Etymologiam, Pris

ia, Axiomata, &c. ac breuem, c

rina traditionem; adiectis, vbi

schematibus, ad pleniorem Ty

intelligentiam.

ВЕЛИКОЛѢПН

РУССКАЯ АЗБУК

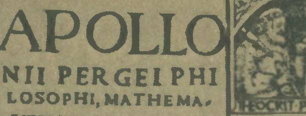
ПОДАРОК

ДЛЯ ДОБРЫХЪ ДѢТЕЙ.

№ 1.

У издателя, Надворного Совѣтника ст. гуро.

С. Петербургъ.

APOLLO

NII PERGEI PHI

LOSOPHI, MATHEMA-

TICIQVE EXCELLENTISSIMI:

Opera, Per Doctissimú Philosophum

Ioannem Baptistam Memum Pa-

tritium Venetum, Mathemati-

charumq; Artium in Vrbe

Veneta Lectorem Publi-

cum, De Græco in La

tinum Traducta.

& Nouiter Im

pressa.

Cum Summi Pontificis Senatusq Veneti Privilegio.

PLVTARCH. LVCANVS.

CICERO QVINTIL.

PLINIVS A. GELLIVS.

GEOMETRIE.

LA GEOMETRIE considerée comme une partie

matique pure, est la science de la Grandeur par to

même, sans y comprendre aucun mélange de suje

re sensible.

La GRANDEUR est une quantité qui a de l'étendue, & do

sont jointes ensemble, & alors on la nomme *Quantité continu*

divise en *Permanente*, & en *Successive*.

La *Quantité continue permanente* est celle dont les parties s

semble par des liens communs, par rapport à l'espace, ou au li

cupe: comme les *Lignes*, les *Plans*, & les *Solides*.

La *Quantité continue successive* est celle dont les parties son

ble par rapport au *tems* dans lequel elles subsistent.

Le TEMS est la durée d'un écoulement continu de plusieurs

la durée d'un mouvement uniforme & sans interruption.

Le MOMENT, selon le commun, est une partie tres-petite d

selon les Mathematiciens, c'est une partie indivisible du te

que le moment est à l'égard du tems, ce que le point Mathe

l'égard de la ligne.

La Geometrie se divise en *Speculative*, & en *Pratique*.

GEOMETRIE SPECULATIVE.

LA *Geometrie Speculative* considere simplement les propriet

tité continue. Elle a ses Elemens, qu'on apelle *Elemens d*

quels sont un amas de plusieurs Propositions Problematiques

riques, tirées les unes des autres, & démontrées par les prem

dont nous avons parlé au commencement de ce Livre. Outre

il y a les Livres de la Sphere & du Cylindre, de la dimensio

de la Quadrature de la Parabole par *Archimede*. Les Coniques

& les Cylindriques de *Serenus*, les Spheriques de *Theodose*

autres, qui se demontrent par les Elemens d'Euclide.

...чии площи-
...стиковъ под-
...он-же ревъ
...йя, звонъ и
...молкаемыи
...надъ Пари-
...била душнои
...нъ дома къ
... черезъ не-
...нулись раз-
...и опйки.
...ена Сергѣ-
... и я, сму-
... Монмарт-
...лись на пло-
...нѣ, глядя на
...щи къ при-

зрачномъ свѣтѣ те...
парѣ.

Подтанцовы...
также фонарики н...
мачевомъ помостѣ...
дыхались высоко ...
головой нитки цвѣт...
огней, в мансардѣ, к...
ии, и каминныя т...
какъ-будто тоже ...
чивались.

Происходило ...
оттого, что Елиза...
Сергѣевна, Максъ ...
возвращаясь съ ...
мартре, заходили в...
барѣ по пути и въ...

...мали себѣ рюмочку виноградной водки съ настойко...
...одины — cassis-aux-marc.

...ета Сергѣевна была одѣта въ мужской

Максъ, одѣтый какъ обыч-
но, велъ за собой велосипедъ.

Я, вѣроятно, былъ таковъ
14-го июля.

Молча и сосредоточенно
глядѣли мы на танцующихъ. Въ
это время изъ за спины толстой
консьержки, сидящей на склад-

...M. PLATONI...

ACADEMIA

QVADRIVIV...

LEXICO...

Six le...

Journal de m...
St. Petersbourg...

En 17...

